

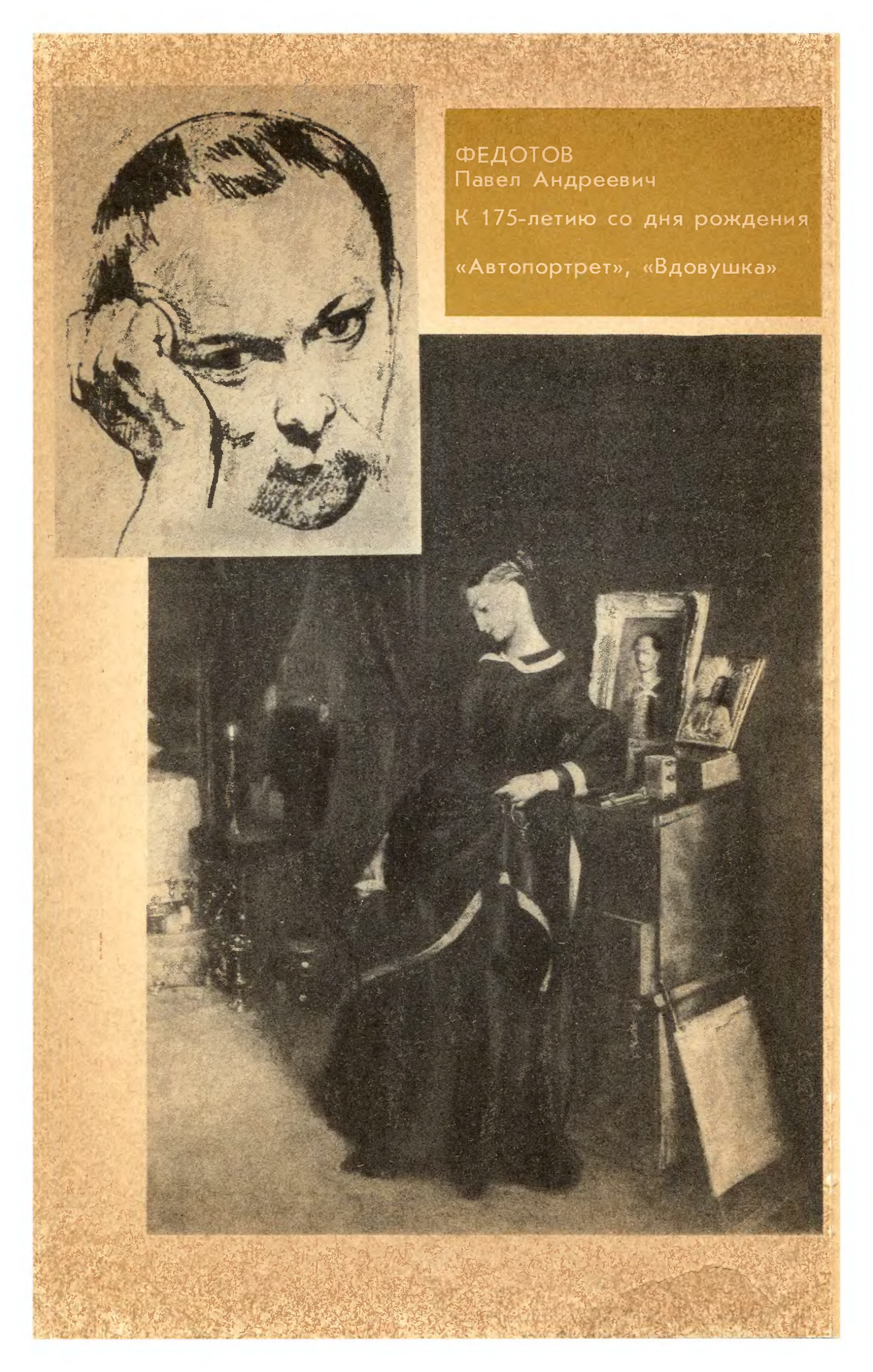
МГ

1990

7

ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ФЕДОТОВ
Павел Андреевич
К 175-летию со дня рождения
«Автопортрет», «Вдовушка»

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МГ 1990 7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Рис. С. Комаровой. Фото Б. Раскина.

«Молодая гвардия», 1990, № 7, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок — 285-88-58, 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

Владимир ЦЫБИН

ЖГУЧЕЕ ВРЕМЯ

БАЛЛАДА СУДЬБЫ

По потемкам прибыл в дрожках
к голытьбе
кто-то дальний в командирском галифе.

Утром рушили в Сосновке Божий храм —
пыль кирпичная бежала по ломам,
били сослепу киркой по образам,
а казалось — по заплаканным глазам.

— Неужели посходили все с ума,
брат Василий, брат Иван и брат Кузьма?

— Что нам церковь? Она застит белый свет.
На коммунию молитесь, бога нет. —
Пыль засохлая клубилась здесь и там,
отрубили языки колоколам.
Краски ворохом на старых кирпичах,
в небо ангелы летели на свечах...
И под карканье распуганных ворон
позолоту с серебром свезли в район.

Мать ушла за сыновей молиться в лес...

...Сына первого достал в степи обрез.
В сельсовете он лежал под кумачом,
мать рыдала над простреленным плечом:
— Вася, где ты? Что наделал? Подымись!.. —
Черный ворон, как душа, поднялся ввысь.

(Слезы спелые — горят свечи белые,
день закрыт, душа горит, душа,
как птица, в небо стремится.
Бел мороз, ледок тонок, у
глаз — мертвая прожелть, сердце
матери — жаворонок, из груди
улететь не может.)

Отвесенились три новые весны.
Мать молила за детей:
— Они больны,
пожалей мою кровинку, мою плоть —
время сделало такими их, Господь.

Увезли Ивана ночью на тот свет —
замахнулся он по пьянке на портрет.
Только знает та безмолвная верста,
где лежит он без нательного креста.

У старухи замерзал под сердцем страх,
как лежала Божья Матерь на снегах,
не обмолвится старуха никому,
как молилась за последнего, Кузьму.

(Бежит, как дитя, реченька, сердце
горит, как свеченька...
На волнах гребешки перелома —
вы, думы, все перемолвлены. И

во все пятилучие рассыпаны
слезы горючие.
Душа-вдовица, и мертвым
не спится...)

Отгрустили три сиротские весны —
возвратился сын в село свое с войны.
Он увидел дом отцовский, как во сне,
где крест-накрест две тесины на окне,
заглянул
в сруб почерневший, дымовой,
где от дыма задохнулся домовой,
и не знал калека — Бог его прости —
умирала мать, чтоб младшего спасти
— Ты возьми меня, Господь, вместо Кузьмы,
ты спаси его от смерти и тюрьмы...

Постоял он возле дома, словно гость:
«Вот и свидеться ни с кем мне не пришлось», —
и ушел он в незнакомые места
от родительского белого креста.

(Кулик на болоте смолк, сыч
не кричит, день туманом намок,
земля болит
Сердце плачет — слезы прячет,
сердце черней угля, в поле колос пуст,
память незрячая. Земля, земля...)

Ни надежды, ни укора, ни вины...
Он прошел
мимо разрушенной стены,
где когда-то мать стояла вся в слезах
и лежала Божья Матерь на снегах.

И туманы — чад забвенья, замели
тень, дрожащую на кончике земли.

КАЗАЧЬЯ БАЛЛАДА

В доме голо, в доме пусто,
брат пришел из дальних мест.
На столе скрипит капуста —
под столом лежит обрез.

— Брат родной, а, брат родной,
что с тобой, что со страной?
— Тебе плуг и борона,
а мне — чужая сторона.

Ксеня смирно мужа гладит.
— Не трави души, жена,
на кой хрен коту оладьи,
двор хозяйский на хрена?

— Я тебе, мой брат, не Каин,
оставайся навсегда.
— Город — камень, город — камень.
Милый мой, айда туда.

— Брат родной, терпеть нет мочи,
время — жгет, спасенья нет.
Увезу я паспорт волчий
под тужуркой на тот свет.

«Была задорная,
была я смелая.
Ах, море Черное,
чего ты — Белое?
А время морное,
а счастье — сорное,
чего ревела я?»

Брат услышал обреченно
дробный цокот во дворе.
Шаг нарочных из района —
семь расстрелов в кобуре.

В коже тяжкой и удобной
мигом втиснулись в косяк.
Тот, что старше,
с женки сдобной
глаз не сводит, как дурак.

— Поспешай. Тебя обязан
отвезти — таков закон.
— Разве судят вторым разом?
— Что ты брешешь языком?

Гость к жене качнулся резво
и зашарил по ногам.
Выстрел грянул из обреза,
трижды выстрелил наган...

Дом горит в огне жестоком,
гарью страшною несет.
В мертвом хуторе по окнам
хлещет смертью пулемет.

Ксеня, где ты, Ксеня, где ты?
Черный ворон над страной.
Думы мертвы, песни спеты,
брат родной, а, брат родной?

Лишь доля смелая
на смерть — согласная.
А море — Белое,
а время — красное.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДА

Пятидесятые года —
урки рвутся в поезда.
Версты падают к ногам:
срок скостили, жми, Жиган!
«Ах, была краля та еще,
ах, с малины провожал,
не надеясь на товарища,
а надеясь на кинжал».
Урка пляшет, паразит —
на сто верст вином разит.
Где буфет на полустанке? —
прет в Москву Караганда,
разнесли буфет по пьянке,
брюки клеш, гуляй, балда!

Пятидесятые года —
зэки лезут в поезда.
Что ж ты плачешь, заключенный?
Ты свободен, без оков...
В фуфайчонке закопченной
на перроне Смеляков,

он стоит худой и хмурый,
и глаза полны тоски.
Проводницы держат, дуры,
над ним красные флажки.
Здесь, в Москве нехлебосольной,
нет ни дома, ни жены,
только воздух свежий, вольный
над вокзалами страны...

Пятидесятые года —
гудит целинная страда,
телик жмет, шумят газеты,
в искушение вводя,
и над всем висят портреты
кукурузного вождя.
Пашут землю вкось и вширь,
сеют хлеб, а всходит пыль...

Пятидесятые года —
прут крестьяне в города.
Гать темна, хлеба не сжаты,
осыпается зерно.
И стоят пустые хаты —
люди в городе давно.
И на много новых лет
песни горестнее нет·
«Картошка цветет
разными цветами,
колхозник идет,
треплет лохмутами».
Чтобы не было беды —
режь коров, руби сады.
Все вчерне, все — в промежутке.
Мужики галдят чуть свет,
на три крепких самокрутки
разобрав вождя портрет

Пятидесятые года —
все на свете ерунда.
На эстраде — сплошь ковбойки
в окруженьи свитеров —
поколенье перестройки
приснопамятных годов.
Вот вбегаю на подмостки
и стою, как на ветру,

влево ль, вправо ль меня сносит,
я и сам не разберу.
Предо мной такие лица,
что вовеки не забыть...
Все исполню, все решится,
будем строить, будем жить.

И не знает поколенье,
во что верует страна,
все вернется к поклоненью,
оборвется, как струна,
завещают вновь шаманы,
править будет инвалид.
Остаются только шрамы,
время — по сердцу летит.
Пятидесятые года —
что мы знать могли тогда?..

СМЕНА ЛИЦ

У человека множество лиц.
Утром одно,
ночью другое,
то лицо — обезьяна, то — лис,
то просто ничье, нагое.
А есть — как осенний лист
в прожилках увядших красок...
У человека множество лиц,
но еще больше
масок.

Горит лицо прокурора
державным огнем.
Раз! — снята маска:
лицо — прожектера,
дурак дураком.
Кипит лихая работа,
вовсю побеждает прогресс:
где были леса — болота,
где было болото — лес.
А этот — друг, не разлить водой.
На выбор
интеллектуальные маски;

блестит улыбка над бородой,
у другой — анютины глазки,
у третьей — лицо толмача
и перетолмачит напропалую
власть рулевую
на никакую.
Раз! — и уже лицо слухача —
служитель казенного духа,
слова и речь, сладко журча,
переливаются из уха в ухо.

Но нет ничего, наверно, страшней,
когда у людей — лицо вещей:
это лицо — пробирка,
а это — из чайного серебра,
а рядом — от бублика дырка.

Идет через двор лицо — домино,
у него три рубля в заначке.
А этот?
Лицо у него давно
его персональной собачки.

Рвется лицо из кителя,
перемазано ложью голимой.
— Меняю лицо гонителя,
хочу быть в маске гонимой.

А этот старик с лицом юнца,
прорабит вовсю, вития.
Нет у него давно лица,
лишь маски, и все витые...

Лица и маски — гнев и страх,
театр —
без конца и края,
как будто они живут в зеркалах
и уходят в них, умирая.

Истерлись анкеты, и гвалт утих,
забыты лживые сказки.
И время державное
с лиц слепых
срывает последние маски.

Москва

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Н. НИКИТИН,
кандидат исторических наук

КАК ВЫНАШИВАЮТСЯ ПЛАНЫ РАСЧЛЕНЕНИЯ СТРАНЫ

Беседа журналиста Н. Аджубея с известным экономистом и радикалом Г. Х. Поповым, опубликованная в журнале «Знамя» *, разумеется, не могла не привлечь внимания. Речь в ней шла не об экономике, как можно было ожидать, а об истории, точнее — «о проблемах исторической памяти и современных национальных отношений».

Г Х. Попов высказал немало интересного по проблемам отечественной истории. Правда, кое-что у меня как историка, честно говоря, не могло не вызвать недоумения. В частности, коснувшись реакции одного новосибирского студента на статью Е. Лосото о «Памяти», заявившего, что он «за русский народ», Г. Х. Попов заметил: «А задумывался ли этот студент, если уж на то пошло, на чьей земле стоит его город? Когда и как в Сибири появились предки этого радетеля русской нации? Думаю, непросто будет студенту, если начать думать». Не имея желания вдаваться в какие-либо дискуссии по поводу «Памяти», я тем не менее не мог остаться

* «Знамя», 1988, № 1 (с. 188—203).

равнодушным к подобному замечанию. Оно меня, признаюсь, весьма озадачило. «Это как «на чьей земле стоит» Новосибирск? — начал думать я. — Разумеется, на русской! На чьей же еще?» Если с этим не все согласны, так давайте «начнем думать» вместе. Хоть это и «непросто». Итак, «чья же земля» Сибирь?

Хорошо известно, что русские встали твердой ногой за Уралом 400 лет тому назад, после похода Ермака. Одни районы Сибири они заселили в конце XVI века, другие — в XVII, третьи — в XVIII веке, а иные и по сей день не только русскими, но и вообще никем не заселены. Жили ли на сибирских землях до прихода русских люди? А как же! Примерно 200—220 тысяч человек. Они были предками современных сибирских народов — хантов, манси, ненцев, татар, эвенков, якутов и других. И конечно же, они прежде всего могут с полным правом заявлять, что Сибирь — это их земля. Ну а русские? Их к исходу XVII века за Уралом было столько же, сколько аборигенов — около 200 тысяч. Что, 300—400 лет проживания на территории Северной Азии не дают им права тоже считать Сибирь своей? Это почему же? Потому, что они оказались на сибирской земле не первыми?

Но подобный довод никак нельзя признать убедительным. Ведь и теперешние сибирские народы в подавляющем своем большинстве не были первыми жителями в районах своего нынешнего обитания. Например, предки ненцев переселялись на север Западной Сибири с Алтае-Саянского нагорья, вытесняя и ассимилируя более древнее население, предки эвенков расселились по всей Восточной Сибири из Забайкалья, ассимилируя и вытесняя древнеюкагирские племена. В свою очередь, эвенков теснили якуты. Они пришли на среднюю Лену в начале второго тысячелетия нашей эры из Прибайкалья и продолжали энергично продвигаться по всем направлениям даже после присоединения территории нынешней Якутии к Русскому государству в 1630-х годах.

Вот что писал о расселении якутов известный наш историк-сибиревед С. В. Бахрушин: «В территорию, занятую эвенками, клином врезались якуты, племя тюркского происхождения, оттесненное, по-видимому, монголами... Миллер записал предание, жившее среди эвенков, об отчаянном, но безуспешном сопротивлении, оказанном ими пришельцам... Продвижение якутов в северном направлении на Яну происходило еще на глазах русских... Процесс вытеснения эвенков еще не был закончен в XVIII в. «Да и ныне еще, — пишет Миллер, великие сражения между ними случаются, когда тунгусы (т. е. эвенки. — **Н. Н.**) при реках Витиме, Патоме, Олекме и в других тамошних местах найдут якутов на зверином промысле...» Выше Олекмы по Лене мы в XVII в. не находим якутов ни на Патоме, куда их не пускали эвенки даже в XVIII и XIX вв., ни на Витиме... В XVII в. их еще не было в Туруханском крае, куда они перебрались позднее. К востоку от Лены якуты в XVI в. достигли верховьев Яны и на верховьях Индигирки боролись с ламутами. В первой половине XVIII в. якуты, кроме Яны, уже сидели по Индигирке, Алазее и Колыме» (Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955, т. III, ч. 2, с. 22).

Так, может быть, и якуты обосновались в своей Якутии на «чужой земле»? По логике Г. Х. Попова, выходит так, хотя, я уверен, сам он никогда этого не скажет, да, наверное, и не подумает. Но почему же тогда русским, живущим в районе Новосибирска, уважаемый экономист предлагает задуматься, «на чьей земле» они

живут? Да очень просто. Потому, видимо, что русские, по его мнению, не являются в Сибири «коренными жителями». Якуты таковыми считаются (и, разумеется, справедливо!), а вот русские — нет. По сей день! Хотя со времени основания ими столицы теперешней Якутии — города Якутска — прошло уже более трех с половиной веков и русские Якутию с тех пор никогда и не покидали, как и другие районы Сибири.

Собственный корреспондент «Известий» Ю. Переплеткин, остановившись на последствиях «безоглядной индустриализации» западносибирской тайги и тундры, пишет: «...Пострадали не только коренные жители, но и русские, татары, украинцы, для которых северная земля стала родной много поколений тому назад» («Известия», 1989, № 237). Вот ведь как. В одной фразе признается и давность поселения в Сибири русских, и вместе с тем отрицается их право считаться ее «коренными жителями». Тогда закономерен вопрос: сколько же лет, веков, поколений надо прожить на данной земле, чтобы «заслужить право» называться ее коренными жителями? Ведь одно дело, когда историки пишут о «коренном» и «некоренном» населении той же Сибири применительно к XVI—XVII векам, и совсем другое, когда речь идет о «нашей современности». Не обидеть бы кого.

Давайте внимательнее посмотрим, что говорит современная наука о времени поселения в теперешних местах своего обитания тех народов, которые принадлежат к числу бесспорно коренных жителей соответствующих областей, районов или «национально-государственных формирований». С якутами мы как будто разобрались. А вот, скажем, башкиры? В только что вышедшей «Истории Урала с древнейших времен до 1861 г.» (М., «Наука», 1989) читаем: «Предки башкир формировались в степях Приаралья и прилегающих районах Средней Азии и затем продвинулись в степи и лесостепь Южного Урала, где ассимилировали небольшие группы аборигенного финно-угорского населения и ираноязычных сармато-алан. В IX—X вв. башкиры расселились по обоим склонам Уральского хребта...» (с. 131). Тысяча лет, стало быть, прошла, и пожалуйста, никаких проблем: башкиры — коренные жители Урала.

А вот сибирским татарам оказалось достаточным и 400—500 лет, чтобы быть причисленными к «коренному населению» своей территории: их предки проникли в лесное и лесостепное Зауралье из южных степей лишь в XIV—XV веках (там же, с. 137). Русские, правда, проникли в то же самое Зауралье в XVI веке. Казалось бы, велика ли разница! Но тем не менее они всё никак не сподобятся называться его коренным населением. Получается, что если твои предки поселились на данной территории 500 лет назад, так ты «коренной житель», а если «всего» 400 — так уж дудки! Как-то несерьезно это. Во всяком случае, неубедительно. А как прикажете тогда определять «статус» тех народов, которые живут в нашей стране «какие-нибудь» 200 лет — евреев, немцев и т. д.? Они что, так и должны оставаться вечными «мигрантами»?

Может быть, сто́ит для начала хотя бы разделять, не смешивать понятия «коренные **жители**» и «коренная **народность**»? Но и тут сложности. Предлагают, например, считать «коренным народом» тот, который «дал свое название соответствующей республике или другому национально-территориальному формированию» («именем которого названа соответствующая республика»). Вроде бы и ло-

гично, да только выходит, что, например, эвенки и юкагиры на территории Якутской АССР тоже, как и русские, не будут «коренным народом», а евреи Еврейской АО «коренным народом» в одном из районов Дальнего Востока будут. Так что, наверное, не сто́ит придавать здесь столь определяющего значения названию, слову. Еще менее определенен, как мы видим, другой критерий, связанный с «давностью проживания» на данной территории. А сколько проблем сразу же появится при определении «коренной национальности» в пограничных районах каждой из наших республик с **издавна** смешанным населением! А какой народ считать коренным, исходя из названия республики, в издревле многоязычном и многоэтничном Дагестане: ведь «дагестанской национальности» нет (как и «среднеазиатской», «кавказской» и т. п.). Подобным вопросам не будет числа.

По мне, так «коренным жителем» является всякий, кто родился и вырос в данном районе, области или республике. Допускаю, что это спорно. Но не считаться коренным жителем там, где твои сородичи жили не одну сотню лет, согласитесь, просто нонсенс.

Так, может быть, вопрос о критериях причисления той или иной нации к «коренному» или «некоренному» населению надо основательно обсудить, прежде чем смело и широко оперировать этими понятиями в прессе, по радио и телевидению? Может быть, на эту тему подискутировать Верховному Совету, если он, конечно, в обозримом будущем разберется с более насущными делами... А пока что, не будучи как следует разработанным, вопрос о «коренных» и «некоренных» народах приобретает во многом неожиданную, но все большую остроту в связи с перестройкой межнациональных отношений.

Об одной из связанных с ним проблем поведала недавно газета «Известия». В статье И. Овчинниковой наконец-то обращено (правда, весьма робко из-за «тонкости материи») внимание на позорную систему льгот, предусмотренных при поступлении в ведущие вузы страны (но только ли в них?) представителям «коренных национальностей» автономных и союзных республик (см.: Льготы или поблажки. Полемические заметки о проблемах внеконкурсного набора в высшие учебные заведения. — «Известия», 1989, № 332). «Система льгот, придуманных когда-то для национальных окраин и, может быть, в ту пору не вовсе бессмысленных, постепенно обернулась своей противоположностью, — пишет И. Овчинникова. — Смотрите, что получается: по числу лиц с высшим образованием на тысячу населения многие республики (закавказские, например) давно обогнали Россию. Но внеконкурсный прием для них существует по-прежнему». Однако самая наибольшая несправедливость в этой области происходит в автономных республиках РСФСР, в частности в Удмуртии, на которую благодаря письму читательницы прежде всего и обратила внимание И. Овчинникова. Там и «у русских ребят брали заявление о приеме, потому что иначе места могли просто пропасть. Но их предупреждали (правда устно, а впредь будут это делать письменно), что поступят они лишь в том случае, если не наберется удмуртов, сдавших на «четыре» и «пять». И это при том, отмечает журналистка, что «**русские испокон веку считаются в Удмуртии коренным населением,** составляют более двух его третей, а главное, **корни у них уходят в глубь веков**» (выделено мной. — **Н. Н.**).

Уж не будем говорить о том, соответствует ли такой порядок

«принципу полного равноправия народов нашей страны», справедливо провозглашенного в наше время в качестве основополагающего. Задумаемся лучше над таким вопросом: содействуют ли укреплению дружбы между народами (задача, сами понимаете, отнюдь не второстепенной важности) укоренившиеся представления о приоритете интересов «коренного» населения перед «некоренным»? А ведь проблема, затронутая в упомянутой статье И. Овчинниковой, как говорится, «лишь цветочки». Вопрос о правах «коренных» и «некоренных» народов грозит особенно остро встать в связи с планируемыми изменениями в нашей федерации.

* * *

Один из предлагаемых путей «перестройки межнациональных отношений» — это повышение статуса автономных республик, их преобразование в союзные. Точка зрения о необходимости такой реформы в последнее время столь энергично отстаивается (в том числе и с самых высоких трибун) представителями ряда автономий, что остается только недоумевать, почему их требования и призывы не получают вразумительного ответа и какой-либо адекватной реакции со стороны наших руководителей соответствующего ранга...

Пожалуй, наиболее последовательно необходимость преобразования своей республики в союзную отстаивал первый секретарь Татарского обкома КПСС Г И. Усманов. Он вообще предложил поставить вопрос о положении автономий в нашей стране на принципиально новую основу, лишенную всяких признаков стабильности, какого-либо постоянства. На Пленуме ЦК КПСС 20 сентября 1989 года Г. И. Усманов высказал «мысль о возможности развития форм национальной государственности и автономии», возникновении новых национально-государственных образований. Ведь нации и национальные отношения развиваются, заметил он, предложив «сформулировать... а впоследствии законодательно закрепить возможность повышения статуса любой автономной единицы, перехода ее по мере политического, социально-экономического, духовного прогресса, роста национального самосознания к более высоким формам национальной государственности» («Известия», 1989, № 265).

Но многие единомышленники Г. И. Усманова высказываются по этому поводу еще более резко и определенно. Речь у них идет уже не о делении форм национальной **государственности** на более и менее «высокие», а о «сортировке» **народов** по единственному признаку — форме объединяющей их государственности. Существование в нашем Союзе автономных округов, автономных областей, автономных и союзных республик они склонны рассматривать (и, соответственно, клеймить) не иначе, как «сталинский принцип деления народов по сортам» и, похоже, не видят иного пути для установления «подлинного равноправия всех народов», кроме предоставления каждому из них возможности создать свою, равную с другими государственность.

Так, по мнению Рафаэля Мустафина (Татария), у нас «создалось искусственное деление на нации «первого сорта», имеющие союзные республики, и нации «второго сорта», имеющие автономные республики». Но он не поддерживает «массовое движение за превращение Татарской автономной республики в союзную республи-

ку», а вообще считает, что такое «деление на сорты и разряды — неправильное». «Я за то, — заявляет Р. Мустафин, — чтобы пересмотреть сам этот статус... за то, чтобы исходить из полного равенства народов нашей страны» («Дружба народов», 1989, № 5, с. 155—156). А из публикации Эдуарда Кондратова в «Известиях» (1989, № 319) со всей определенностью следует: народу, чтобы почувствовать себя «полноценным», необходима «своя государственность». То есть, выходит, что каждый народ в нашей стране, дабы не возникало ни у кого ни малейшего сомнения в его «полноценности», просто обязан добиться собственной государственности на уровне союзной республики, никак не меньше! И этому, похоже, всячески готовы содействовать многие представители нашей передовой, «перестроечной», демократической общественности. Знают ли вот только они, сколько у нас в стране национальностей? Видимо, не очень. Ведь в одной только РСФСР их более 100...

Не могу удержаться и не процитировать письмо Г. Хмуренко из Баку, опубликованное в 37-м номере «Аргументов и фактов» за 1989 год: «Читая материалы по национальному вопросу, недавно познакомился с мнением авторитетного ученого о том, что в проекте следовало бы сказать о возможности уже в настоящее время повысить статус тех или иных автономных республик до союзных республик... И далее — «в обозримой перспективе советская федерация видится мне состоящей не из 15, а, скажем, из 50 и более равноправных союзных республик». А почему бы, скажем, сразу не из 130 республик — по числу языков? Было бы здорово. Во-первых, и 18-миллионный госаппарат не надо бы сокращать, а то, может, даже увеличить. Ведь только одних министров и их заместителей будет больше, чем на мясокомбинате батонов колбасы! Да и Политбюро необходимо будет увеличить до 130, то есть по одному от каждой национальности... В каждой из 130 союзных республик обязательно надо открыть свои университеты, свои академии... А как же! Ведь это справедливо будет. Да и аппетит приходит во время еды, так что еще что-нибудь придумаем!»

...Шутки шутками, но ведь и на полном серьезе подобные концепции преподносятся. В нашей же «перестроечной» прессе. Не знаю, кого конкретно имел в виду в своем письме Г. Хмуренко, но вот народный депутат Г В. Старовойтова в своем выступлении на «конференции демократических движений» в Ленинграде, в частности, сказала: «Необходимо устранение четырехступенчатой иерархической структуры нашего государства. Мы предлагаем оставить единственный тип национально-государственного образования... — союзную республику — независимо от ее территории, независимо от численности ее населения, независимо от наличия внешней границы» («Позиция», 1989, № 3). В своей позиции Г. В. Старовойтова, разумеется, не одинока. Ее, судя по тому же выступлению, кроме академика А. Д. Сахарова, поддерживала историк-этнограф из Ленинграда Н. В. Юхнева. Правда, конкретизируя свои предложения, наши «леворадикалы» в последнее время не очень настаивают на принципе «каждой **национальности** — союзную республику». То ли мрачный юмор Г. Хмуренко в «Аргументах и фактах» подействовал, то ли аналогичные требования (автономии и т. п.) национальных меньшинств в братских союзных республиках (поляков в Литве, гагаузов в Молдавии), не встречаю-

щие, мягко говоря, понимания ни у правительств этих республик, ни, главное, у столь почитаемых нашими «левыми радикалами» неформалов из «народных фронтов», но только теперь они все чаще ограничиваются другими лозунгами, суть которых — «всем национально-территориальным **образованиям** — равный статус». Ну а этих «образований» у нас, понятно, меньше, чем национальностей. Все полегче. Особенно ежели рассматривать не весь Союз, а «лишь» РСФСР. Именно такой путь «к реальному равноправию» предложил, например, Б. Рафиков, секретарь партбюро Союза писателей Башкирии («Известия», 1989, № 248).

Из следующих в том же русле предложений, пожалуй, самый конкретный характер носят содержащиеся в обширной (почти на полосу) статье «Литературной газеты» (2.08.89) под названием «Демократия и границы». Ее автор, Владимир Соколов, назвав свои предложения «фантазиями о государственном устройстве Отечества», тем не менее, похоже, всерьез надеется в случае воплощения в жизнь этих самых «фантазий» погасить «очаги межнациональных пожаров» в нашей стране раз и навсегда. Отвергая в принципе идею «самоопределения вплоть до отделения», В. Соколов вместе с тем предложил разделить нашу страну на 50 отдельных равноправных «республик». Показательно, что, мудро обходя вопрос о теперешних автономиях в Закавказье («не стану и заикаться»), он не проявил ни «осторожности», ни «деликатности» при раскройке России (действительно, чё с ней церемониться, глотала и не такое). И вот среди появившихся на карте РСФСР по плану Соколова «чисто русских» новообразований («Центральная Россия», «Западная Россия» и т. д.) мы видим такие, как слившаяся воедино из трех автономных единиц «Бурятия» (с населением в 1,2 млн. чел.) и «Ненецкая республика» (0,6 млн.), «Республика хантов и манси» (1,1 млн.), «Республика коряков» (0,04 млн.), «Эвенкия» (0,02 млн.), «Карелия», которой автор проекта щедро жалует и Мурманскую область (в итоге получается 1,9 млн. жителей) и т. д. Кончает же свою статью В. Соколов идиллической картинкой из жизни преображенной КПСС, «когда за столом совещания будут сидеть равноправно **первые** секретари Центральных Комитетов Литвы, Дагестана, Чувашии, Украины, России...»

К негативным последствиям такого вот «самоопределения» его сторонники почему-то дружно относят, по сути дела, лишь рост управленческого аппарата. Если бы действительно проблема сводилась к его разбуханию! Да на здоровье, пусть хоть в 200 раз он увеличится, если пойдет это на благо, на укрепление дружбы между народами! Вот только пойдет ли на пользу нашему общему дому предлагаемая В. Соколовым и его единомышленниками «перестройка межнациональных отношений»? Есть все основания сомневаться в этом.

Главную сложность на пути рекомендуемых преобразований, видимо, подспудно почувствовал и сам автор статьи «Демократия и границы», но, почувствовав, тут же решительно и отмел. «А уж то обстоятельство, что в Мордовской АССР живет много русских, а, скажем, в Каракалпакской АССР — узбеков, и вовсе ничего не может значить, — пишет В. Соколов, — потому что ни в России, ни в Узбекистане не живут лишь «коренные» нации. Если в России не обижают узбеков, то и в Мордовии русских не обидят...»

Оригинально разрешена проблема! Хоть в связи с Мордовией не очень-то кстати упомянуты узбеки, зато «гляди-ка, как все просто»! Только ведь в главном-то лукавит Владимир Соколов. Раз он, по его собственным словам, «посидел над справочниками», прежде чем написать свою статью, то уж отлично должен знать, что в той же Мордовии русских не просто «много», а они там являются **наиболее многочисленной группой** населения. Так же, впрочем, как и в Удмуртии, Башкирии, Якутии, Бурятии, Коми АССР — словом, в абсолютном большинстве ныне существующих автономных (национальных) образований РСФСР.

Примечательно, что в созданной воображением («фантазиями») В. Соколова «Республике хантов и манси» народы, «давшие ей название», могут составить лишь 1,5 процента населения; таким же, в принципе, будет положение в поименованных В. Соколовым «республиками» государственных образованиях чукчей, коряков, эвенков, хакасов, ненцев, карелов и др. народов, которые составляют не более 10—20 процентов населения своих автономий. Есть, разумеется, и такие автономии, где доля жителей «коренной национальности» превышает 50 процентов — Чувашия, Дагестан, Чечено-Ингушетия, Тува, Коми-Пермяцкий автономный округ. Но ведь и там русских порядочно — не менее 30—40 процентов.

Это обстоятельство поборники превращения всех национально-территориальных образований в «полноправные республики» почему-то склонны совершенно не учитывать: либо вообще не упоминают о нем, либо объявляют «вовсе ничего не значащим». А ведь в РСФСР именно оно неизбежно станет главным камнем преткновения на пути к столь желанной для кое-кого «государственной самостоятельности». Русских-то во вновь испеченных «республиках» куда прикажете девать? Каков будет **их** статус в ставших вдруг «чужими» «национально-государственных образованиях»? Да, общепризнано вроде, что русский человек по природе своей интернационалист (подозреваю только, исходя, правда, лишь из личных наблюдений, что за этот интернационализм великие наши мыслители и писатели часто принимали безразличие русского человека к «нацвопросу», что, в общем-то, неравнозначно интернационализму). Терпимость русского человека, его уживчивость с другими народами издавна широко известны, но природное миролюбие и снисходительное добродушие в подходе к «нацвопросу» могут доминировать и в русских лишь до поры до времени: систематическое ущемление своих элементарных прав и русские вряд ли будут сносить безропотно и долго. Не для того же, в конце концов, планируется «повысить статус» автономного образования до уровня «суверенной республики», чтобы оставить на прежнем уровне «статус» народа, «давшего название» этой республике. В выступлениях тех, кто ратует за вышеозначенный «суверенитет», уже сейчас вырисовывается довольно четкая программа преобразований, которые неизбежно породят немало острейших проблем в межнациональных отношениях, и прежде всего — в отношении так называемого русскоязычного населения.

Что касается нововведений в области национальной атрибутики — «своих самобытных» флагов, гербов, гимнов, — тут особых проблем не предвидится, равно как и не стоит их ожидать в связи с идеей создания в Татарии, Чувашии, Мордовии и других республиках «своих» академий наук, киностудий и т. п. (см. предложения об этом — «Дружба народов», 1989, № 5, с. 154). А вот

с «государственным языком» будет посложнее. Это ясно видно уже по тем страстям, что кипели и кипят вокруг «языкового вопроса» в ныне существующих союзных республиках, где русские не составляют большинства населения. Что ж тогда ожидать на территории повышающих свой статус до «союзного» уровня автономий РСФСР, особенно с преимущественно русским населением?

Сторонники радикальных перемен в области национально-государственного строительства настроены в «языковом вопросе» весьма решительно, видимо, придавая ему первостепенное значение в грядущих преобразованиях. «Эвенкийский национальный округ, — считает, в частности, Г. В. Старовойтова, — тоже должен стать союзной республикой» (эвенков в нем, напомню, около 3 тыс. — 15% от всего населения. — **Н. Н.**), а «языки тех народов, которые дали название соответствующим союзным республикам, должны получить статус государственных...». Но, может быть, дать и русскому языку такие же права — хотя бы в тех республиках, где русских большинство? Или хотя бы оставить за ним статус **обще**государственного? Нет, Г. В. Старовойтову это не устраивает: «Язык межнационального общения вообще не должен законодательно регламентироваться» («Позиция», 1989, № 3).

Каким же образом собираются вводить во вновь созданных «суверенных республиках» государственные языки? И на этот счет есть очень конкретные предложения. Языку «национальности, давшей название республике», предлагается не просто предоставить «режим наибольшего благоприятствования», а внедрять его жесткими административными мерами. Так, Б. Рафиков (Башкирия) возражает даже против того, чтобы вопрос о государственном языке решался самими республиками: по его мнению, статус государственного язык «коренной национальности» должен получать в **обязательном** порядке («Известия», 1989, № 248). А. Айдак (Чувашия) решительно выступает против того, чтобы жители республик сами решали, на каком языке обучать своих детей: «Добровольность выбора языка обучения родителями есть смерть для национальных языков, а значит — в будущем, — и для национальной государственности, ибо что за государственность без языка данного народа?» А. Айдак полагает, что «все дети, и не только на селе, но и в городе, в Чебоксарах, и не только чувашские дети, но и дети других национальностей, должны учить чувашский язык в обязательном порядке... И это будет и знаком уважения к народу, на территории которого живешь» («Дружба народов», 1989, № 5, с. 166—167). Такая вот нас может ожидать «демократия» при новых «границах» (см. упомянутую статью В. Соколова).

Но и при нынешнем государственно-административном делении в автономиях все чаще появляются «языковые проблемы», красноречиво свидетельствующие о «видах на будущее». Посеянное «радикалами от демократии», похоже, начинает давать всходы (а не за горами, видно, и плоды). Вот, например, о чем сообщила в «Советской России» (11.10.89) читательница А. Хальзова из Уфы: «...Редактор нашей стенной газеты заявляет мне категорично: «Следующий номер газеты выпущу на башкирском языке. Это будет в духе времени». Я спрашиваю ее осторожно, а интересовалась ли она, все ли в нашем коллективе знают башкирский язык, может, надо провести опрос людей, организовать кружок по изучению башкирского языка, а уж потом постепенно перехо-

дить к выпуску газеты на башкирском языке или на двух языках... Увы, редактор стенгазеты стояла на своем: «А какое мне дело, что кто-то не знает нашего языка? Живут здесь — значит, знать обязаны!»

И это — в Башкирии, вошедшей в состав Русского государства еще в середине XVI века! В Башкирии, где, как пишет Б. Рафиков, «проживает около 80 национальностей» («Известия», 1969, № 248) и где, добавлю, народ, «давший название республике», едва составляет четверть ее населения, где башкирам по численности не уступают татары, а самой многочисленной «этнической группой» являются русские! Что же тогда ожидать в тех республиках, где языковая ситуация попроще!

Не могу не высказаться по обострившейся в нашей стране «языковой проблеме» в целом. Слишком уж часто, назойливо и громко с телеэкрана, по радио, в печати русскоязычное население союзных и автономных республик призывается: «Изучайте язык народа, давшего название республике! Этим вы не только обогатите себя, но и докажете свое уважение данному народу» (а «не уча», стало быть, демонстрируете неуважение). Насколько мне, однако, известно, там, где «коренная национальность» составляет абсолютное большинство населения, подобные призывы не нужны, там ее язык худо ли бедно, но учат почти все и знают почти все, хотя бы на самом элементарном, «бытовом» уровне. И не из-за каких-то «высоких материй», а по мотивам сугубо практическим. «Хоть знать будешь, как тебя обругали в очереди», — объяснила мне одна из русскоязычных жительниц Молдавии свое внимание и интерес к языку «коренной национальности». Ну а там, где население в большинстве своем русскоязычное (как, например, в Тирасполе или Нарве, в Крыму или в Донбассе), дела обстоят посложнее...

Вот как излагает позицию бастовавших в августе 1989 года тираспольских рабочих корреспондент «Известий» Эдуард Кондратов: «Они убеждены, что в Тирасполе, где стопроцентное русскоязычие, нет какой-либо жизненной базы для массового освоения молдавского языка, а тем более — для перевода на него технической документации. Высказаны были опасения, что оценка работника в зависимости от знания или незнания им молдавского языка приведет к дискриминации русскоязычного населения... Они считают, что выбор языка общения должен стать прерогативой местных Советов, опирающихся на мнение населения» («Известия», 1989, № 237).

В овладении языком «народа, давшего название республике», главное препятствие для русскоязычного ее населения, конечно же, не нехватка соответствующих преподавателей и учебников, а по большей части то, что называется «отсутствием среды общения» на соответствующем языке, достаточной для прочного его усвоения. На эту проблему уже считает нужным обратить внимание и центральная наша пресса (см.: Ботян М., Заровский В. Анатомия «автономии». — «Комсомольская правда», 25.11.89), но должной оценки ситуация с русскоязычными районами национально-государственных образований в печати еще не получила.

Чтобы прочувствовать проблему с национальными языками там, никуда, собственно, и ехать не надо. Для «моделирования» этой ситуации достаточно и московского материала. В столице нашей

проживает, например, немало татар (свыше 130 тыс.). Ну-тко, уважаемые «русскоязычные» москвичи, чтобы доказать свое уважение к братскому народу, начните-ка для интереса изучать татарский язык... Даже если вам еще не за 40 и не за 50, даже если вы еще полны сил и здоровья, даже если вас готовы обеспечить учебниками и учителями — уверен, что даже в этом случае лишь единицы из вас возьмутся за изучение. Дел у современного горожанина и без того невпроворот... Мне, впрочем, тут же возразят, что татары в Москве не имеют статуса коренной национальности, а вот в Казани... Что ж, от чего, как говорится, ушли, к тому и пришли. Представления о различных правах «коренных» и «некоренных» народов — вот первооснова предлагаемых нашими радикалами национально-территориальных преобразований.

Однако на территории РСФСР в случае реализации вышеизложенных планов главную проблему, полагаю, создаст не столько «языковой», сколько «кадровый» вопрос. Он не нов для нашей федерации, дает о себе знать и сейчас, но можно себе представить, как обострится в «суверенных республиках», созданных на базе тех автономий, где русские составляют большинство населения! До «раздела» России дело еще не дошло, а уже некоторые народные депутаты требуют, чтобы в Совете национальностей РСФСР были не просто представлены те или иные автономные образования, а именно лица «коренных национальностей». То есть, если называть вещи своими именами, требуют **преимуществ** для народа, «давшего название» соответствующему национально-государственному образованию при выборах в высшие органы государственной власти. С органами местного самоуправления не проще. Ведь и сейчас, по рассказам, в иных городах иных автономных республик представителя «коренной национальности» легче встретить в госучреждении, чем на улице. Это действует принцип: в «национальном» районе и руководящие кадры должны быть «национальными» — независимо от этнического состава местного населения. И тут возникают большие проблемы. С одной стороны, квалифицированных «национальных кадров» на все руководящие посты нередко просто не хватает, и на них «вынуждены» назначать русских. Но, с другой стороны, такое положение часто рассматривается в автономиях как ненормальное.

Вот что об этом сообщает работник ЦК КПСС Лев Шишов: «Особенно задевает самолюбие народа, если по той или иной причине у него создается впечатление, что в кадровых вопросах ущемляют его права, особенно там, где нет своих первых руководителей» («Дружба народов», 1989, № 5, с. 179). А наглядный пример тому на страницах того же журнала подает Алексей Ермолаев (Удмуртия). Он сокрушается, «что и нынче лишь один из секретарей Удмуртского обкома — удмурт... что среди секретарей столичного горкома удмуртов нет... что если и выдвигаются руководители из удмуртов, то главным образом бессловесные... что министр народного образования, хотя по анкете она и удмуртка, родные слова произносит с трудом, а министр культуры и вовсе не владеет удмуртским... что из пяти вузов республики ни один не возглавляется удмуртом», и поддерживает требование «о выдвижении удмуртских кадров на руководящие должности». А далее говорится, что удмуртов в Удмуртии «лишь 30 процентов населения...» (там же, с. 160).

Что уж тут ожидать в будущем, после произведенного в соот-

етствии с «фантазиями» Владимира Соколова и его единомышленников национально-государственного переустройства! Действительно, разве не смешно будет, если в грядущей «Республике хантов и манси» с ее 1,5 процентами лиц «коренной национальности», в «Ненецкой республике» или в «суверенной Карелии», где «коренные национальности» представлены 10—11 процентами жителей, управленческий аппарат будет состоять в основном из русских? Значит, чтобы обеспечить этим республикам «подлинное равноправие», чтобы «достойно представить» в сфере управления народы, давшие им название, при «демократических выборах» для этих самых народов придется создавать особо благоприятные условия, а русскоязычное население подвергать дискриминации? И это — «справедливое решение национального вопроса»? «Пути к реальному равноправию»?! Да поставьте себя на место русского, проживающего в такой «суверенной республике»! Как вы ему объясните его ущемленное положение? Чем оправдаете? Неужто тем, что он живет на «чужой земле»? Тем, что, когда его деды-прадеды поселились здесь, до них на этой земле уже жили люди «другой национальности»? Что это ее (национальности) «этническая территория»?

* * *

Не только у «радикалов от демократии», но и у некоторых ответственных работников партаппарата в последнее время обнаруживается весьма своеобразное понимание равноправия и социальной справедливости. Так, первый секретарь Ямало-Ненецкого окружкома партии В. Первушин, защищая интересы малочисленных народностей Севера, недавно заявил: «У нас, например, только пять процентов коренного населения. Так что остальные 95 и диктуют ненцам, хантам, манси, селькупам и другим, как жить на этой земле» («Советская Россия», 11.10.89). Что ж, ситуация достаточно типичная для многих районов Российской Федерации, подвергшихся интенсивному промышленному освоению и попавших фактически во владение ведомств. Согласен, диктат вообще штука плохая, и уж в межнациональных-то отношениях он совершенно неприемлем. Но разве лучше, когда 5 процентов населения диктуют свои условия остальным 95? И разве взаимоотношения со всемогущими ведомствами порождают проблемы у одних лишь малочисленных народов Севера?

Как сообщило Всесоюзное радио 25 ноября 1989 года, на обсуждение съезда этих народов вынесено постановление, гарантирующее «коренному населению» автономных округов право распоряжаться своей землей, в том числе решать, предоставлять ее ведомствам или нет, определять условия предоставления. Прекрасно! Давно пора! Ну а как будет обстоять дело с «коренными жителями» не автономий, а, скажем, Владимирской, Воронежской, Курской, Новгородской или Псковской областей? Их собираются наделять такими же правами? Похоже, нет. Но почему, собственно? Разве русским ведомственный диктат создал мало проблем? С той же экологией, например?

Будем все же надеяться, что новый Закон о земле, полновластие Советов на местах, четкое разграничение жизненно важных для коренного населения угодий от зон промышленного освоения и правильная экологическая политика смогут разрешить противоре-

чия между различными этнохозяйственными структурами в любом регионе и без возведения «народа, давшего название...» в ранг привилегированного сословия, а его «этнической территории — в ранг «суверенной республики». Слишком уж с большими «издержками» сопряжена такая «перестройка межнациональных отношений»...

«Найдем ли мы в мире хотя бы одно государство с такой шумной какофонией отделенческих мотивов?» — горестно вопрошают М. Ботян и В. Заровский в «Комсомольской правде» (25.11.89). Но мы, похоже, вообще задались целью без конца удивлять мир. Если в других государствах существует проблема «национальных меньшинств», общественность беспокоится, чтобы не ущемлялись и их интересы, то мы, по-видимому, скоро станем единственной в мире страной, где, кроме этой проблемы, в ряде регионов остро встанет вопрос о защите прав **«национального большинства».**

Выше уже шла речь о том, что нынешнее государственно-административное устройство СССР многие склонны рассматривать как «деление наций на сорта» — на «полноценные» (имеющие свою государственность на уровне союзной республики) и «неполноценные». Правомерность подобной трактовки все же весьма, мягко говоря, проблематична. А вот с оценкой деления жителей национально-государственных формирований на «коренное» и «некоренное» население нет особой проблематичности: тут все гораздо очевиднее. **Такой подход к «национальной проблеме» как раз и предполагает деление народов на два (по меньшей мере) «сорта», а не тот или иной статус «государственности».** И, что интересно, особого возмущения «общественности» по этому поводу как-то не замечается. Хотя трезвые голоса, разумеется, раздаются, в том числе и в слывущих самыми передовыми и перестроечными изданиях.

Вот один из этих голосов, запечатленный на страницах «Литературной газеты» (25.10.89). Заведующий кафедрой Дагестанского пединститута К. Зачесов, возражая Александру Иванову, опубликовавшему ранее свою статью в той же «Литературной газете», пишет: «А. Иванов... приходит к убеждению, что народ, являющийся коренным в определенной республике, «вправе рассчитывать на приоритет перед остальными, волею обстоятельств поселившимися здесь...». Вот так, ни больше и ни меньше: речь идет о приоритете одних наций перед другими». «Начнем с того, — возражает далее А. Иванову автор, — что у нас... 15 союзных республик и свыше 100 самых разных наций, народностей и этнических групп. Многие из них никогда не имели и сейчас не имеют ни своей государственности (даже на уровне автономии), ни своей письменности. Получается, что все они и на всей территории страны должны быть лишены «приоритета». Другими словами — дискриминированы по национальному признаку. Логика — вещь жестокая... Неужели А. Иванов и вправду не знает, что законодательное признание приоритета одной нации над другой на любой территории есть питательная почва и основа... обыкновенного расизма?»

Но как же мало представлено подобных мнений нашими средствами массовой информации, особенно радио и ТВ! По программе «Время», например, скорее можно ознакомиться с мнением народного депутата, призывающего «пойти на уступки» и смириться с «некоторым ущемлением прав русскоязычного населения» (нор-

мализуется, дескать, экономическое положение в стране — и постепенно все утрясется, пока потерпите), чем получить вразумительный ответ на все чаще звучащие вопросы «русскоязычного большинства» российских автономий: «Почему нам готовят участь людей второго сорта?» На местах же ответ бывает прост, и общий смысл его: «Да все потому же — вы здесь не коренные! Приперлись, понимаешь, на нашу землю каких-то 300 (200, 100) лет назад, а теперь еще права качают!»

Да неужели кто-то всерьез полагает, что в наше время «иноязычное» население союзных или автономных республик будет мириться с «второсортностью» своего положения? Особенно имея районы компактного проживания и тем более — составляя половину или большинство населения данной республики? Вряд ли. Недавние события в ряде союзных республик показали со всей определенностью неприятие народами представлений о «приоритете» над собой какой-либо национальности. Широкую огласку, например, получили протесты русскоязычного населения Молдавии против ущемления его прав. В связи с ними С. Гамова в одном из репортажей сообщала: «Тираспольчан поддерживают жители Рыбницы... В городе и районе основное население — украинцы. Столетиями живут они здесь и считают себя коренным населением. Основное их требование то же, что и в Тирасполе, — права у всех проживающих в республике людей должны быть равными» («Известия», 1989, № 249). Надо ли доказывать, какую все это создает напряженность в межнациональных отношениях, как лихорадит страну?

Предлагая читателям «Литературной газеты» свои «фантазии о государственном устройстве Отечества», предусматривающие преобразование «этой громады» в федерацию как минимум 50 «суверенных республик», Владимир Соколов руководствовался побуждением предотвратить возникновение «очагов межнациональных пожаров», ибо, по его мнению, нынешние «структуры государственной власти» и нынешнее государственно-административное деление СССР очень скоро могут стать «источником крупных противоречий и даже конфликтов». Но ведь сама жизнь, бурные и горькие события последнего времени недвусмысленно показывают, что при попытках реализации проекта В. Соколова «очаги межнациональных пожаров» и «конфликты на национальной почве» многократно умножатся. В Грузии, например, одни лишь разговоры о «повышении статуса» ее автономных образований привели к чудовищным эксцессам, к кровопролитию и резкому **обострению** межнациональных отношений. Прав, тысячу раз прав Юрий Калещук, заявив участникам совещания по проблемам автономий в журнале «Дружба народов» следующее:

«Если вам станет от этого легче, можете считать меня мракобесом, но выдвинутую здесь идею превращения автономных республик и областей в союзные республики я воспринимаю с содроганием. Предполагается, что такой административный ход поможет вывести из тупиков межнациональные отношения. Прошлогодние события в Прибалтике, правда, показали, что статус союзной республики ни от вопросов, ни от тупиков не избавляет». И далее: «Я не верю в то, что мы сумеем сохранить достоинство... каждого человека, если отношение к людям будет определяться национальностью, происхождением, сроками проживания на определенной территории и их числом. Раз хотя бы один человек — в Литве или Азербайджане, Абхазии или Татарии, Москве или

Термезе — почувствует себя... чужим только из-за несовпадения этнических признаков, нам придется признать, что мы впали в дикость...» («Дружба народов», 1989, № 5, с. 167—168).

Встревожен растущей политической нестабильностью, ростом межнациональной напряженности, опасностью «растерять то ценное, что накоплено годами совместного проживания разных этнических групп», С. Хетагуров, Председатель Совета Министров Северо-Осетинской АССР: «Сегодня много говорят о национальном самосознании, развитии родного языка и культуры. В каких только краях не витают разного рода призывы к национальному возрождению... Но это настолько очевидная истина, что ее практически никто не оспаривает. Что же тогда тревожит? А то, чтобы законное право всех на полное равенство не «перебродило» бы, как в некоторых республиках, в приоритетное право жителей коренной национальности. Лозунги о признании того или иного языка государственным становятся в руках скрытых и явных националистов орудием дискриминации... Красноречие на площадях почти немедленно оборачивается бытовым шовинизмом: на предприятиях, в школах, в больницах межнациональные отношения становятся все более натянутыми...» С. Хетагуров обратил внимание и на то, как «в наши дни в ряде регионов страны поборники расовой теории «чистоты нации» с неприкрытой шовинистической злобой разжигают антирусские настроения... Свободное проживание «инородцев» любой национальности, то, что надо считать достижением в деле сближения народов многонациональной страны, расценивается ими как посягательство на «землю предков», «притеснение коренных жителей» («Советская Россия», 11.10.89).

Это все в основном к вопросу о «коренных» и «некоренных» национальностях. А разве не будет постоянным источником нестабильности в стране «законодательно закрепленная возможность» развивать формы национальной государственности, повышать «по мере политического, социально-экономического, духовного прогресса» статус «любой автономной единицы», за что столь энергично ратует первый секретарь Татарского обкома КПСС Г. И. Усманов? Да и кто же, простите, будет вкладывать средства в развитие «автономных единиц», если они в перспективе вполне могут превратиться в «суверенные союзные республики» с «правом на самоопределение вплоть до...»? Или как, например, удастся привлечь на работу в эти автономии специалистов дефицитных там профессий (тех же врачей), если в один прекрасный момент (в том числе и на старости лет, когда жизнь с нуля не начнешь) они могут проснуться на территории «другого государства»? Да и нетрудно догадаться, как воспримет нынешнее «иноязычное население» той же, например, Татарии (где, кстати, татары составляют отнюдь не подавляющее большинство, а лишь около половины населения) подобные перспективы...

Знаю, что аналогичная ситуация с соотношением «коренного» и «некоренного» населения сложилась в ряде союзных республик, и она не мешает им быть союзными, несмотря на стоящие перед ними «нацпроблемы» и все межнациональные коллизии. Но там как раз тот случай, о котором говорят, что «закон не должен иметь обратной силы». Зачем же нам самим создавать себе новые проблемы, преобразуя автономные республики в союзные? Мало, что ли, кому-то сейчас этих самых проблем? Конечно, нужно рас-

ширять права автономных образований (равно как и всех других административных единиц), но станет ли наша жизнь легче и радостнее без стабильности их статуса? Без твердой уверенности, что ни завтра, ни через 10, ни через 50 лет ни ты, ни твои дети и внуки не окажутся, не сходя, как говорится, с места, на положении «мигранта»? Да и неужели сама политическая стабильность, столь необходимая для перестройки, в наши дни уже не представляет самостоятельной ценности? А может быть, эту самостоятельную ценность кто-то усматривает как раз в нестабильности политической обстановки в нашей стране? Вакханалия межнациональных распрей при своевременном и умелом подогреве национальных страстей может длиться бесконечно долго. Даже дольше, чем в конечном итоге нужно самим инициаторам нестабильности...

Весьма неприглядной в этой связи представляется позиция определенной части нашей «радикально-демократической» интеллигенции. Неужели, провозглашая с трибуны Съезда народных депутатов «право любого (!) народа на самоопределение вплоть до отделения», представители межрегиональной депутатской группы не понимают абсолютную невозможность полной реализации этого права? Неужели наши «радикал-демократы» не видят и абсолютную нереальность надежд на превращение каждой «автономной единицы» в «суверенную союзную республику»? Неужели, прежде чем широко обнародовать свои планы изменения национально-государственного устройства СССР, они не ознакомились с общедоступными статистическими данными о численности «коренного» и «некоренного» населения хотя бы в каждой из автономий РСФСР? Да ведь некоторые из таких «радикалов» являются специалистами по этнографии и должны все это знать «по долгу службы»! А может быть, всё-то они прекрасно знают и понимают, да только спешат воспользоваться возможностью нажить себе «политический капитал», ищут дешевой популярности и поддержки у автономий и так называемых малых народов (у русских-то до духовного возрождения пока далеко!), стремятся к широкой известности у «мировой демократической общественности», слабо осведомленной о национально-демографической ситуации в наших автономиях? Иначе зачем же предлагать вниманию всей страны и всего мира в столь непростой, напряженной обстановке явно нереальные, в принципе невыполнимые планы национально-государственного переустройства, нагнетать страсти вокруг заведомо неразрешимых национальных проблем? Зачем, например, народному депутату с высоким научным титулом подкидывать «малочисленным народам Севера» аналогии с Кувейтом и прочими Арабскими эмиратами, купающимися в роскоши благодаря обладанию уникальными природными богатствами! Разве высокое общественное положение проводящего такие сравнения не обязывает хотя бы поинтересоваться, правомерны ли они с исторической точки зрения, сопоставима ли этническая структура наших северных районов (где большинство уже не одно столетие составляют русские) и нефтеобильных «эмиратов», не имеет ли по всем нравственным и юридическим нормам русскоязычное население Севера такие же права на тамошние природные богатства? Вот уж действительно, «вопросы, вопросы, вопросы...».

И как-то совсем уж некрасиво получается, когда тот, кто громче всех «выражает беспокойство» по поводу растущей опасности «великодержавного шовинизма» и «русского национализма»,

больше всех делает для их пробуждения и роста. Ведь ясно же, что как ответная реакция на предлагаемые радикалами демагогические проекты переустройства РСФСР последует неизбежный всплеск националистических настроений, и не только среди русскоязычного населения... Так «смоделируйте» же, уважаемые радикалы, «развитие ситуации» в стране с учетом вышеизложенного и подумайте, стóит ли раскачивать наш и без того не в меру раскачавшийся корабль!

* *

Впрочем, к чему призывы? Некоторые радикалы берутся за раскачку нашего государственного корабля столь основательно, что не остается никакого сомнения относительно их подлинных намерений. А другие, похоже, искренне считая себя поборниками «полного равноправия народов», вместе с тем открыто заявляют, что всем будет лучше, если русские кое-где и кое в чем поставят себя по отношению к другим народам в «несколько ущемленное» положение. Что ж, такие подходы к решению у нас «нацпроблемы» отнюдь не новы, и их сторонники с удовольствием ссылаются на высокие авторитеты. Как не вспомнить о принципах национальной политики, закладываемых руководством нашей страны в 20-х годах в расчете на «окончательное решение национального вопроса»! Эти принципы вспоминаются (не всегда, правда, к месту) многими, в том числе и народным депутатом СССР Роем Медведевым, оглашавшим их как-то, помахивая с высокой трибуны томом Полного собрания сочинений В. И. Ленина. К ним обращается на страницах «Известий» (1989, № 292) и академик Юрас Пожела, усматривающий неравенство народов СССР как раз... в равенстве. Ю. Пожела, в частности, подчеркивает, что Ленин «предупреждал: у каждого нерусского народа в генах живет предубеждение против России, долгие столетия компрометировавшей себя угнетением национальных меньшинств. Он учил нас, что истинный интернационализм со стороны великой нации должен строиться не по принципу формального равенства. В жизни при таком формальном равенстве фактически складывается неравенство, и необходимо обращением с меньшими нациями и народами идти на меры, возмещающие исторические обиды...».

Не сказано вот только, до каких пор, как долго (вечно?) надо России «возмещать» ценой своего фактического неравенства эти самые «обиды» и что конкретно следует под ними понимать. Не выясним мы этого, и обратившись непосредственно к первоисточникам. Даже тем, где установка на неравноправие русских в строящейся федерации обозначена особенно четко. Вот, например, как высказывался по этому вопросу «любимец партии» и ее «крупнейший теоретик» Н. И. Бухарин: «...Мы в качестве бывшей великодержавной нации должны... поставить себя в неравное положение в смысле еще бóльших уступок национальным течениям. Только при такой политике... когда мы себя искусственно поставим в положение более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций».

Впрочем, «покупать» подобной «ценой» себе «доверие» русским предлагается в последнее время уже со ссылками не на «отцов-основателей», а на «передовой зарубежный опыт». Так, доктор

исторических наук, главный научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, почетный член Американской академии истории и наук, иностранный член Британской академии И. Дьяконов предлагает «для решения национальных проблем» в нашей стране прибегнуть к американскому опыту. Оказывается, в США был недавно введен закон, обязывающий при приеме на «всякое государственное и финансируемое государством учреждение или предприятие» в случае «совершенно одинаковых данных» претендентов отдавать предпочтение «национальным меньшинствам перед основным населением» («Дружба народов», 1989, № 10, с. 231—232).

Что ж, впечатляет. Только опять же остается неясность: как у нас при заимствовании этого опыта быть с **русскоязычным** населением в тех, например, союзных и автономных республиках, где его меньшинство? Будут ли там ему предоставлять указанные преимущества как «нацменьшинству»? Или тут-то как раз и вспомнят опять «ленинскую концепцию» об ущемлении прав «бывшей великодержавной нации»?

Но как бы то ни было, я все-таки предложил бы не торопиться с заимствованиями по части зарубежного опыта, не проанализировав поосновательнее опыт собственный. Ведь, во-первых, описанные И. Дьяконовым принципы кадровой политики в отношении «нацменьшинств» для нас не так-то уж новы, хоть есть, конечно, и отличия от Америки: стремясь к «коренизации» кадров у нас, например, отдавали предпочтение «нацменьшинствам» и при далеко не всегда «одинаковых данных» с представителями «основного населения», и не только при поступлении в госучреждения, но и при приеме на учебу в вузы (см. выше), и в такой, скажем, сфере, как издательское дело. (Расул Гамзатов не так давно возмущался: «В столице издают серую книгу, написанную дагестанцем, только потому, что он дагестанец». — «Известия», 1988, № 89.) А во-вторых, давайте сначала посмотрим, каких результатов мы достигли, сознательно ущемляя в нашей федерации права и интересы «бывшей великодержавной нации». Уж в чем-чем, а в этом-то ущемлении мы за семь десятилетий Советской власти преуспели!

Вот как характеризует положение «русских» областей в нашем Союзе Диас Валеев: «Когда мы говорим об уровнях, надо отметить, что у нас в стране существует культ 14 республик. Не 15, а именно 14 союзных республик. Одной из дискриминируемых нашей бюрократической системой наций является русская нация. Самой дискриминируемой из республик является Российская Федерация. Я здесь сравнивал положение Татарии с Эстонией или Киргизией. Но сравните положение соседней с Татарией Ульяновской области с той же Эстонией. В Эстонии миллион человек, в Ульяновской области 1 млн. 300 тысяч. А что имеют эти 1 млн. 300 тыс. человек, проживающие там? Один театр, две газеты, собственного издательства нет... Ульяновцы не имеют даже того, что имеем мы, казанцы... И такое же положение у туляков, калужан, ярославцев, рязанцев и т. д. Все эти и другие области Российской Федерации, где сосредоточена основная масса русского народа, находятся на самой низкой ступени социального существования...» («Дружба народов», 1989, № 11, с. 182).

Может быть, униженное положение России укрепило в нашей стране дружбу народов? «Купили» ли себе русские «доверие прежде угнетенных наций» своим ущербным среди них положе-

нием? Впрок ли пошли жертвы России на алтарь нашего общего Отечества? Оценены ли хотя бы они по достоинству? Не похоже. Как заметил доктор экономических наук В. Федоров, сейчас «в запале забывают даже очевидное: подтягивание к общему уровню национальных окраин шло за счет и в ущерб развитию исконно русских областей» («Комсомольская правда», 24.11.89). Да что там «забывают»! Начисто отрицают вопреки бесспорным доводам и фактам. В союзных республиках многие убеждены, что именно они Россию «кормят». И ничего тут не докажешь, какую «цифирь» ни приводи: очень уж соблазнительно и удобно винить во всех неурядицах и бедах кого-то другого, а не себя. Весьма откровенно эти настроения выразил эстонский народный депутат Т. Маде: «У русских появилась плохая привычка жить за счет соседей...» (см.: «Советская Россия», 5.08.89).

А каковы результаты «бронирования» в вузах мест для представителей «коренных» (т. е. «нерусских») национальностей? Это ведь тоже, видимо, одна из форм «покупки доверия»? Самый очевидный итог этой многолетней (и по сей день процветающей) практики — то, что по количеству лиц с высшим образованием на тысячу населения русские теперь занимают одно из последних мест в Союзе. И это, как замечает доктор философских наук Ю. И. Римаренко, «дает пищу для различных трактовок проблемы, в том числе и извращенных, националистических» (Римаренко Ю. И. По следам «снежного человека»: О причинах национализма в СССР. М., 1989, с. 45). Намекают, проще говоря, иные представители «всесоюзной общественности», а то и без всяких экивоков заявляют (сам слышал!), что русские-де тупы и от природы «к наукам не способны». Вот уж действительно: если народ не уважает себя сам, другие его тем более уважать не будут...

А на пользу ли, по большому счету, пошла политика «коренизации кадров» самим «коренным народам»? Корреспондент «Известий» Альберт Плутник «совсем недавно в одной из наших республик столкнулся с таким фактом: пациенты отказывались лечиться у врачей коренной национальности. Убедились по опыту, что квалификация у них ниже...» («Известия», 1989, № 35). Тревожный симптом... Но неожиданный ли? Вот высказанное на «круглом столе» в феврале 1989 года мнение специалиста по национальным проблемам, члена-корреспондента Академии наук СССР, главного редактора журнала «Советская этнография» К. В. Чистова: «Два слова о национальной интеллигенции. Конечно, ее надо было растить. Но путем ли снижения требований к ней, как это делалось? Путем ли выдвижения каждый раз термина «коренизация»? Термин этот, по-моему, был очень вредным, потому что сама принадлежность к коренной нации уже давала какие-то преимущества, а оценка человека по его принадлежности к какой-то нации — это и есть национализм» («Вопросы истории», 1989, № 5, с. 16). Озабочены сложившейся практикой формирования «нацкадров» и сами представители «национальной интеллигенции». Представитель Бурятии, кандидат исторических наук К. Б. Митупов отмечает: «...Сложившийся стереотип подготовки национальной интеллигенции стал играть негативную роль, ибо позволял на протяжении длительного времени «эксплуатировать» идею подготовки слабых национальных кадров, что привело к дискредитации самой политики формирования национальной интеллигенции и к снижению ее статуса» («Вопросы истории», 1989, № 6, с. 144).

Еще один аспект той же проблемы. Семьдесят лет нам без устали и не без успеха внушали, что главная опасность для дружбы народов — это великорусский шовинизм (а к националистическим настроениям среди «малочисленных народов» некоторые до сих пор предлагают относиться снисходительно). И что же? Укрепил такой «избирательный» подход к национализму дружбу народов? Разве проявления **русского** национализма послужили толчком к резкому обострению межнациональных отношений в нашей стране? Разве не с Сумгаита и Ферганы начались у нас кровавые распри между народами? По-моему, жизнь достаточно ясно показала, что **любой** национализм отвратителен и неприемлем. Уж национализм-то, может быть, все же не будем «делить по сортам», по «степеням опасности», памятуя о том хотя бы, что раз всякое действие рождает противодействие, то и все разновидности национализма в конце концов лишь подпитывают друг друга?

Сегодняшняя реальность, та самая практика, которая, как известно, критерий истины, прямо на глазах вносит серьезнейшие коррективы в умозрительные, чисто теоретические построения отцов-основателей нашего государства, в том числе и по «нацвопросу». На это в «эпоху гласности» не могла не обратить внимания и пресса, причем, как говорится, самых различных «направлений и жанров».

«Литературная газета» (8.11.89) под броским заголовком «Устарел ли марксизм?» опубликовала диалог между академиком Г. Смирновым и научным обозревателем газеты О. Морозом. Привлекают внимание следующие слова О. Мороза: «Неоправданным, по-моему, оказалось представление о первостепенной роли классового сознания по сравнению с другими его видами, например национальным... Обнаружилось: отечество — величайшая ценность для большинства людей, будь то рабочий, крестьянин или интеллигент. Могущественнее оказалось сознание национальное. Между тем на предпосылке о его слабости и незначительности, первоважнейшем значении классовых интересов воздвигалась вся национальная политика. Щедрые плоды этих взглядов мы нынче пожинаем...»

Характерен и комментарий Г. Смирнова к высказыванию В. И. Ленина о том, что «пролетариат... поддерживает всё, помогающее стиранию национальных различий... ведущее к слиянию наций...». По мнению Г Смирнова, «в том, что у Ленина можно встретить такие слова, ничего удивительного нет. То было время грандиозных мечтаний, и могло в голову и такое прийти».

А вот как объясняет «господствовавшие в те годы представления» А. И. Вольский, бывший председатель Комитета особого управления Нагорным Карабахом: считалось, «что в социалистическом государстве национальный вопрос как таковой быстро отпадает за счет полного слияния наций на классовой основе. Нельзя не вспомнить и романтические представления отцов-основателей нашего государства о том, что в самое короткое время произойдет мировая революция, повсюду победит пролетариат и границы исчезнут сами по себе» («Известия», 1989, № 342).

Еще более определенна по этому вопросу позиция В. И. Белова, известного нашего писателя и народного депутата (от КПСС), открыто заявившего на первой сессии Верховного Совета СССР: «История показала со всей наглядностью, что люди не хотят быть людьми вообще. Они хотят быть эстонцами, грузинами, армянами,

казахами, немцами, французами. Так не пора ли решительно и смело признать ошибочность идеологической установки марксизма по поводу слияния и исчезновения наций?» («Наш современник», 1989, № 10, с. 4).

Итак, меняется мир, меняются и наши представления о нем, в том числе представления о путях его переустройства в целом и о путях решения национальных проблем в частности. Но, конечно, не всегда и не у всех. У журналистки Е. Лосото, например, они, несмотря ни на что, выглядят незыблемыми; она, похоже, и по сей день стоит в «нацвопросе» на «марксистско-ленинской платформе» 70-летней давности и, в частности, непоколебимо убеждена в том, что «патриотизм сознательного пролетариата», «советский патриотизм» должен зиждиться на ленинском определении «социализм как отечество» (см.: «Комсомольская правда», 22.05.87). Где, стало быть, в мире социализм, там для нас и отечество — хошь в Китае, хошь на Кубе, хошь в солнечной Молдавии...

Так стóит ли абсолютизировать и тем более реанимировать не выдержавшие испытания временем, во многом наивные и умозрительные построения отцов-основателей нашего государства? Может быть, вначале все же разобраться, чем определялись в **той** конкретно-исторической обстановке именно **те**, а не иные решения? Раз в 20-е годы считалось, что нация — категория буржуазного общества, что с построением социализма она отомрет и всем нам «без Россий, без Латвий жить единым человечьим общежитьем» (подробнее см.: К у ч у к о в М. М. Нельзя игнорировать субъективный фактор в теории и практике межнациональных отношений. — «Вопросы истории», 1989, № 6, с. 141), то, может быть, все же допустим, что далеко не все из заложенного в 20-е годы в основу нашего национально-государственного устройства следует сохранять в незыблемости? Не следует ли нам наряду с мечтами о мировой революции и возможности успешного функционирования «бестоварной экономики» отказаться и от некоторых представлений из сферы нашей национальной политики? И не только от полностью скомпрометировавшей себя практики ущемления прав «бывшей великодержавной нации», от принципа «неравноправие ради равноправия», но и от ряда основополагающих принципов нашей федерации?

* * *

Диас Валеев замечает: «...Процесс единения мы видим и в мире, и в Европе. Но этого процесса интеграции мы сейчас не видим в нашей стране: наоборот, здесь идет странный процесс дезинтеграции. Короче говоря, общее движение направлено в одну сторону, а местное, локальное — в противоположную. Это свидетельство какой-то болезненности, ненормальности. Мы в результате оказываемся и в этих вопросах не в авангарде мирового движения, а в арьергарде» («Дружба народов», 1989, № 11, с. 181).

Совершенно справедливое замечание. После него остается только разобраться, почему «в этих вопросах» мы оказались «в арьергарде». Не потому ли, в частности, что за редкими исключениями в мире нет аналогов нашему национально-административному

устройству? При всей своей демократичности «передовые» и «цивилизованные» страны Запада, даже будучи многонациональными, не спешат последовать в «решении национального вопроса» нашему примеру и, скажем, разделить свои государства не только на «суверенные» и «равноправные», но и на автономные республики... А вот Югославия здесь в значительной мере за нами последовала и имеет сейчас в межнациональных отношениях много сходных с нашими проблем. Разве можно их сравнить с таковыми же в Канаде при всех ее сложностях с Квебеком или в США?

Впрочем, судя по выступлениям на II Съезде народных депутатов СССР, для некоторых решительных сторонников самоопределения советских народов (например, для представительницы Молдавии, выступавшей 12 декабря 1989 г.) идеалом являются уже не Америка и Канада с их «неограниченными свободами», а ЕЭС. Вот бы, дескать, и Советскому Союзу, разделившись на множество равноправных государств, оставить в основном лишь функции общего рынка... Что ж, для кого-то, конечно, заманчиво. Особенно если оторваться от «грешной земли» и забыть об исторических реальностях. Только давайте сначала прикинем: сколько, например, проживает англичан во Франции, Германии, Испании или Италии и сколько русских живет сейчас в наших союзных и автономных республиках? Сколько вообще у нас в Союзе народа проживает за пределами своих «этнических территорий»? Если не ошибаюсь, что-то около 60 миллионов? Одних русских за пределами РСФСР свыше 20 миллионов, а вот мордва вообще на $^2/_3$ расселена вне «своей» республики. Есть, значит, все-таки кой-какая разница в «национальном вопросе» в СССР и в «свободных Европах»... И потом: разве все **народы**, населяющие западноевропейские страны, имеют свою «отдельную государственность»? Я что-то не слышал, чтобы, например, шотландцам, валлийцам, бретонцам, баскам, каталонцам спешили предоставить возможность создать самостоятельные «полноправные» государства и тем самым «укрепляли дружбу» между европейскими народами или чтобы отказ от такого «самоопределения» рассматривался на официальном уровне как проявление «колониальной политики» на Европейском континенте...

И еще раз о Европе. Есть в ее центре маленький (около 100 тыс.) славянский народ — лужичане (лужицкие сербы); проживает он сейчас в ГДР, на территории, много веков назад завоеванной «германскими феодалами». После второй мировой войны был поставлен вопрос о «самоопределении» и этого народа, предлагалось в том числе если и не дать ему самостоятельное государство, то хотя бы присоединить к братской Чехословакии. Но отказались от этого намерения. По той простой причине, что на «этнической территории» лужичан уже не одно столетие проживало неизмеримо большее количество немцев. И несомненно законное право лужицких сербов на самоопределение свелось к полной свободе их национального (культурного, языкового и т. п.) развития в пределах послевоенной Германии. И никто вроде бы не осуждает сейчас этот акт, не рассматривает его как проявление вопиющей несправедливости, «имперского» или «колониального» мышления. Так почему же у нас иные «поборники прав человека» усиленно готовят в ряде районов Союза как раз противоположные по смыслу пути решения «национального вопроса», провозглашая, в частности, «право **каждого народа** на самоопре-

деление вплоть до отделения»? Да еще оперируют при этом понятиями «европейского мышления»!

Ну а что мы имеем на сегодняшний день с теми же нашими автономиями? Да то, что и должны были иметь по логике вещей рано или поздно: почти повсеместное стремление к «повышению статуса» своей автономии, к превращению ее в итоге в «суверенную равноправную республику», чтобы заявить тем самым о «давшем ей название» народе как «полноценной нации»... И как следствие всего этого почти повсеместный рост откровенно сепаратистских настроений. Даешь самоопределение вплоть до...! А иначе что это за равноправие, что за свобода!

Не где-нибудь, а в просвещенных и цивилизованных «Европах» имеет хождение поговорка, согласно которой бесспорное право каждого свободно размахивать кулаками ограничено... носом ближайшего к нему человека. И, видимо, как раз этот принцип и помешал в центре Европы после второй мировой войны полностью осуществить «право на самоопределение» лужицким сербам, что не мешает им тем не менее сохранять себя как этнос среди многократно превосходящего «иноязычного населения».

Немало критических замечаний раздавалось в последнее время в адрес наших «флагманов перестройки» — Прибалтийских республик. Одно из самых деликатных высказал журналист-известинец Павел Гутионов: «...Если уж ты поддерживаешь право на автономию крымских татар или гагаузов в Молдавии — за тысячу километров от своего дома, то стоит, наверное, проявить последовательность и на своей территории — не так ли? Но, похоже, так далеко (или, скорее, близко) кое у кого принципиальность не простирается...» («Известия», 1989, № 260). Дело в том, что прибалтийские «флагманы», энергично ратуя за суверенитет, не очень-то торопятся признать «право наций на самоопределение» на территории **собственных** республик. Заявили вот компактно проживающие в Литве поляки о намерении образовать в составе Литовской ССР «польскую административную автономную национальную область», и в ответ последовало: «Литва неделима!» («Известия», 1989, № 257, 260).

Для многих, как ни странно, это оказалось полной неожиданностью. Другие восприняли это как типичное проявление национализма. А может быть, здесь все же проявление не столько национализма, сколько дальновидности? Как бы ни относиться к выявившимся в Прибалтике взглядам на «самоопределение» с точки зрения этики, в рациональности им отказать нельзя. У рассудительных прибалтов есть основания полагать, что стоит в той же Литве создать какую-нибудь автономию, как начнется необратимый процесс роста национальных притязаний по схеме: сегодня АО, завтра АССР, а послезавтра — требование суверенитета «вплоть до...». Такое развитие событий, конечно, вовсе не обязательно, но, согласитесь, более чем вероятно по нашим неспокойным временам, тем более что лишь «своя государственность» не менее чем союзного уровня все чаще рассматривается в качестве неоспоримого признака «полноценности» своего народа.

В последнее время в печати часто высказывалось мнение не просто о несовершенстве нашего национально-государственного устройства, а о его принципиальной порочности, полной несостоятельности. Вот как, например, отзывается о нем представитель общества «Мемориал» Яков Этингер: «...Структура, которая суще-

ствует уже почти 70 лет, стала анахронизмом и пришла ныне в явное противоречие с объективными процессами роста национального самосознания народов... Нужно прямо сказать, что если нынешнее национально-государственное устройство страны не будет изменено, причем изменено в ближайшее время, то мы столкнемся с еще более опасными национальными конфликтами. Полумеры здесь заранее обречены на провал» («Дружба народов», 1989, № 12, с. 213).

Пусть так. Но где же выход из этого жестокого тупика? Его Я. Этингер видит все в том же: «Не должно быть такого положения, когда один народ имеет статус союзной республики, а другой автономной республики...» Хорошо, отвлечемся от национального состава автономий, от доли в них «коренного» и «некоренного» населения и допустим, что все наши автономные образования получают статус союзных республик. Разве мы получим в итоге долгожданную стабильность? Ведь в одной лишь РСФСР автономных образований три десятка, а «народов» — более сотни. Стало быть, и при однородности национального состава автономий повышение их статуса до уровня «суверенной республики» по логике самих сторонников такого решения «нацвопроса» было бы лишь полумерой, дало бы лишь временное ослабление его остроты...

Правительственные планы по части обновления нашей федерации, что и говорить, гораздо реалистичнее. Видимо, с учетом тех тяжелых последствий, которые уже повлекли за собой попытки изменить статус или границы наших автономных образований, предусматривается внешние формы национально-государственных структур оставить прежними, а вот внутреннее содержание федерации обновить кардинально, и в частности значительно расширить права всех автономий. Лично мне подобные реформы представляются разумными, устроят ли вот только они сами автономии? Боюсь, что нет. Слишком широко и энергично распространяются сейчас взгляды на нынешнее наше национально-государственное устройство как на «деление народов по сортам», загоняя межнациональные отношения в стране действительно в тупик.

А может быть, выход из него лучше поискать совсем в другом направлении? В **отказе** от жесткой привязки национального к административно-территориальным структурам? Вот ведь в Америке штаты построены не по национальному признаку, и ничего, живут люди...

С такими идеями в последнее время тоже можно столкнуться на страницах нашей печати. Так, Марк Захаров поделился недавно такими соображениями. Есть на Аляске русское старообрядческое село. И его жители свободно развивают свою самобытную культуру, не требуя никаких автономий. Почему же у нас чуть не каждый народ стремится отгородиться от других административными границами? Член Совета по межнациональным отношениям при журнале «Дружба народов» Гасан Гусейнов является, пожалуй, одним из наиболее последовательных противников принципа «огосударствления этноса» и предлагает «на всей территории страны исключить этнический момент из государственного обихода», одновременно признав многонациональный характер всех союзных республик. «К чему стремится каждый этнос? — спрашивает Г. Гусейнов. — К тому, чтобы занять более высокую ранговую ступень в системе, где национальное неразрывно связано с госу-

дарственным. В существующей у нас этногосударственной системе такое стремление понятно: хоть на пятачке, хоть на лоскутке земли ощутить себя большинством». «Меньшинство, ощутившее себя большинством в своем национальном государстве, подчиняется действию тех же самых иррациональных сил, от гнета которых оно хочет освободиться, — замечает Гусейнов. — Вот почему так опасны в многонациональном государстве идеи наращивания национальной государственности» («Дружба народов», 1989, № 12, с. 219—223).

Близкие взгляды по тому же вопросу изложил в бюллетене «Век XX и мир» (1989, № 3) преподаватель из Магнитогорска Б. Шапталов: «...Уже сейчас от некоторых республик остаются только «вывески». Например, в Башкирской АССР башкиры составляют только 25 процентов населения, удмуртов в Удмуртской АССР — 32 процента, якутов в Якутской АССР — 37 процентов, карелов в Карельской АССР — 11 процентов и т. д. С одной стороны, это остро ставит вопрос о правах некоренной, а вернее, «нереспубликанской» национальности, ибо большинство таких людей укоренилось на второй родине. А с другой, уменьшение удельного веса коренной национальности происходит и за счет миграции за пределы своей республики. И в тех местностях, где они компактно осели, встает проблема реализации их права на автономию в развитии культуры, языка, представительства в местных органах власти. Реализация этих прав (например, татар в Башкирии тоже 25%) связана не с административными границами и существованием национального аппарата власти, а с культурным и социальным творчеством данного народа. Евреи и цыгане живут не в границах автономно-административных образований, что не мешает им сохранять свое национальное лицо. В то же время есть этнические группы, имеющие государственную автономию, но практически культурно ассимилировавшиеся (карелы)». Б. Шапталов приходит к заключению, что «дробление страны на мононациональные небольшие административные единицы не способствовало на деле ни интернационализации, ни развитию местных культур... Право нации на самоопределение у нас стало трактоваться исключительно как право каждой народности на создание своей отдельной административной единицы. На деле, думается, право это заключается не в создании своей национальной бюрократии, но в свободе культурного и общественного творчества. А свободу творить свою культуру каждый народ, каждое сообщество должны иметь возможность в любой точке СССР».

Не могу сказать, что я во всем согласен с Г. Гусейновым и Б. Шапталовым, но рационального в их подходе к решению «национального вопроса» вижу гораздо больше, чем в концепции наших радикал-демократов из межрегиональной депутатской группы. По крайней мере в том, что касается проблем Российской Федерации. Действительно, поскольку различие «статусов» образующих ее национально-территориальных формирований благодаря усилиям «прорабов перестройки» воспринимается как все более оскорбительное для народов, «давших название» соответствующим автономиям, а обеспечить каждый из более чем 100 населяющих РСФСР народов суверенной и равноправной республикой нет никакой возможности, то не является ли лучшим выходом из создавшегося положения официальное упразднение на территории России всяческих автономий? Все тогда сразу и станут по

своему «государственному статусу» равны, все будут «одного сорта». А свободно развивать свою национальную культуру, как убедительно показали те же вышеупомянутые авторы, с успехом можно и без автономий...

* * *

Переходя к собственным конкретным предложениям по реформе нашего национально-государственного устройства, сразу же оговорюсь, что они касаются лишь РСФСР. Упаси меня бог затрагивать другие союзные республики, особенно Закавказские (тут я солидарен с В. Соколовым), и «вмешиваться в их внутренние дела»! Родная же Россия, надеюсь, воспримет и мои «фантазии» достаточно снисходительно и терпеливо. Тем более что ничего **принципиально** нового в них не содержится.

Я целиком разделяю призыв народного депутата СССР от Бурятии Ардана Ангархаева, согласно которому «независимо от численности народы должны иметь совершенно одинаковые политические и экономические права. Малочисленный народ не должен, как прежде, иметь двойное-тройное подчинение сверху, а как равный с равными должен входить в наш Единый Дворец...» («Литературная Россия», 5.01.90). Но, позволительно спросить, разве самый реальный путь к этому «Дворцу» (или, как еще теперь говорят, «Храму») в нагораживании в пределах нынешней РСФСР множества (в идеале — по числу народов) «равноправных суверенных республик»? А может быть, более надежный и простой путь к подлинному равноправию как раз в другом — в полном **упразднении**, вернее, в кардинальной перестройке ныне существующей системы национально-государственного устройства и в создании в РСФСР такого административного деления, при котором абсолютно все народы, получив реальные гарантии свободного этнического и культурного развития, будут и в административно-территориальном отношении поставлены в абсолютно **равные** условия, без деления на «коренные» и «некоренные», на жителей автономий и «просто областей»?

Означает ли это, что мне не по душе любые национально-территориальные образования? Отнюдь. Пусть в России будет множество автономий, но не официально провозглашенных и как-то специфически оформленных, сразу же ставящих на какой-то территории один этнос в привилегированное положение — **над** проживающими там же и часто не уступающими по численности представителями других этносов. Пусть это будет автономия не официальная, а **реальная:** не злоупотребляющая особой «государственной атрибутикой», но на деле обеспечивающая национальности, составляющей большинство населения в данном районе, области или крае, условия для свободного развития своей культуры, реально защищающая ее интересы, в том числе и право на землю своих предков, если на нее посягают какие-либо ведомства... И пусть «коренные» российские области ничем не отличаются в этом отношении от автономных республик и областей нынешней административно-территориальной системы.

Это не призыв к понижению статуса автономных образований РСФСР до уровня «обычных» краев или областей, а призыв к тому, чтобы сначала поднять статус «российских» областей (их права, финансирование и т. п.) до уровня сегодняшних автономных

республик, а в дальнейшем еще и расширить самостоятельность и тех, и других.

Условия для подобных преобразований сейчас складываются самые что ни на есть подходящие: в стране на повестке дня региональный хозрасчет, то есть принципы самоуправления и самофинансирования отдельных регионов. Как писали в связи с проблемами автономии М. Ботян и В. Заровский, «любой район, независимо от его национального состава, должен стать экономически независимым и самоуправляемым» («Комсомольская правда», 25.11.89). Ну а если он будет в основном однороден по своему «национальному составу», населен преимущественно представителями какой-то одной национальности, то что мешает ему стать для них пусть официально и не провозглашенной, но автономией? И пусть жители таких самофинансируемых «национальных» районов, областей или краев (о названии можно подумать) сами определяют численность своего управленческого аппарата — быть местным органам власти под стать парламентам и министерствам суверенных республик или остаться на уровне исполкомов Советов. Пусть сами жители решают там вопросы об учреждении своих местных театров, киностудий, издательств, об открытии «национальных» детсадов и школ. Пусть, наконец, сами жители решают демократическим путем вопросы о статусе тех или иных языков в пределах всего «своего» края или лишь «своего» района. Захотят, например, они развивать индустрию туризма, то, уверен, вывески и объявления на улицах там будут на всех возможных языках народов не только СССР, но и всего мира, а захотят жить в изоляции (тоже их право!), то пусть себе на здоровье «не понимают» и русского языка — расплачиваться за неизбежную отсталость в результате такого образа жизни придется им же, их детям и внукам...

Такая самостоятельность, разумеется, не должна отменять общероссийского законодательства; оно, в частности, прежде всего должно будет посредством самых жестких мер гарантировать всем гражданам РСФСР защиту от каких бы то ни было форм национальной дискриминации, решительно пресекать любые проявления национальной вражды.

Сразу же возникает вопрос: каким принципом — национальным или сугубо территориальным — надо руководствоваться, реформируя таким образом наше государственно-административное устройство? Накопленный к настоящему времени опыт, по-моему, ясно показывает, что приоритет следует отдавать соображениям экономического порядка, то есть сохранению в целостности экономических регионов. Но кое-где, конечно, сложившееся административное деление лучше изменить, стремясь к тому, чтобы по мере возможности отдельные народы не были так разделены по разным областям, как это, например, случилось с вепсами, район расселения которых, по выражению писателя А. Петухова, оказался «расчленен на семь кусков» («Комсомольская правда», 9.12.89).

Реальная автономия по месту компактного проживания, а не по официальному статусу, несомненно, даст по сравнению с теперешним положением большие преимущества именно малочисленным народам и тем, которые в последнее время стали утрачивать свою самобытность. Ну, например: почему, скажите на милость, карелы, проживающие на территории Калининской области, должны иметь

меньше прав, меньше возможностей для развития национальной культуры, чем их сородичи в Карельской АССР? Предлагаемый вариант государственно-административного устройства уравнивает их в правах не только с русскими «тверяками», но и с карелами, живущими в «своей» автономной республике. И сама собой отпадет тогда проблема, суть которой сформулировал на организованном журналом «Дружба народов» совещании Алексей Ермолаев. «По моим понятиям, — сказал он, — как раз для этого и создавались автономии, чтобы побольше внимания обращать на данной территории именно на ту нацию, именем которой названа республика. Невозможно же удмуртскую культуру развивать на Дальнем Востоке» («Дружба народов», 1989, № 5, с. 160—161).

Это почему же «невозможно», особенно если они там поселились где-нибудь компактно? Но даже если и нет такой компактности, разве в правовом государстве, которое мы создаем, могут допускаться помехи развитию национальной культуры? Целиком присоединяюсь в этом вопросе к главному редактору журнала «Советская этнография» К. В. Чистову, заметившему, что «каждая этническая группа, и территориально компактная в республике, и дисперсно-расселенная в каком-нибудь большом городе, имеет право на удовлетворение своих культурных и национальных потребностей и осуществление своих прав» («Вопросы истории», 1989, № 5, с. 16). Не могу в этой связи не привести слов и главного редактора журнала «Вопросы истории» А. А. Искендерова: «Мы часто пугаемся термина «культурно-национальная автономия», поскольку его в свое время объявляли ревизионистским и противоречащим принципу самоопределения наций. Но, может быть, наступила пора пересмотреть некоторые устаревшие оценки, связанные с культурно-национальной автономией, и по-новому взглянуть на эту проблему, выявить то позитивное, что заложено в этой концепции, в частности в плане обеспечения прав и интересов национальных меньшинств?» (там же, с. 6).

Я далек от мысли, что подобный подход решает все накопившиеся в РСФСР «нацпроблемы». Конечно же, не все. Но, полагаю, он обеспечит более совершенные, чем были до сих пор, пути к их решению. Очень остро, например, в последнее время ставится вопрос о массовых переселениях из одной республики в другую, да и внутрирегиональные перемещения порой порождают немало проблем. «Механический рост населения для любой республики чреват различными осложнениями в экономике, социальной сфере, межнациональных отношениях», — совершенно справедливо заметил при обсуждении национального вопроса в журнале «Вопросы истории» декан истфака Кабардино-Балкарского университета Х. Т. Медалиев (1989, № 6, с. 146). Известно, как болезненно реагируют на присутствие «мигрантов» на своей «этнической территории» представители наших Прибалтийских республик, сколь неоднозначной является реакция российской общественности на переселение в наши центральные области жителей Средней Азии, в том числе турок-месхетинцев. И высказывавшиеся в этой связи опасения понятны. Учитывая проявившуюся в последние годы напряженность межнациональных отношений, крайне нежелательно изменение демографической ситуации в большинстве регионов страны, и особенно — резкие изменения их национального состава. Массовые переселения людей из одной этнической среды в другую сейчас чреваты возникновением в нашей стране

новых очагов напряженности, и переселения эти в ближайшее время лучше не производить или хотя бы не поощрять. А в дальнейшем жизнь все расставит на свои места, и последнее слово в этом вопросе будет за жителями самих самофинансируемых и самоуправляемых регионов: захотят они принять переселенцев — хорошо, а нет — что ж, их право...

Диас Валеев, как уже говорилось, обратил внимание на ущемленное положение российских областей по сравнению не только с союзными, но и автономными республиками и столь же справедливо отметил, что в РСФСР вообще «народы поставлены в совершенно неодинаковое положение». По его мнению, «это, конечно же, чревато межнациональными конфликтами. Конституционные несообразности мины, которые были заложены еще в 20-х годах в основание нашего государства... Сейчас они начали взрываться. Где выход? Наверное, наше государство надо сделать Союзом равноправных народов, необходимо уравнять народы в правах» («Дружба народов», 1989, № 11, с. 181—182).

Готов согласиться с Д. Валеевым. Целиком и полностью. Но лишь до тех пор, пока речь не идет о способах «уравнивания». У Валеева это — все то же предложение уравнять в правах «автономные, союзные и тому подобные образования». Нереально это. И не только потому, что у нас более ста народов: слишком перемешаны они в ходе своей многовековой, архисложной и архитрудной истории, чтобы каждому дать «персональную этническую квартиру». Не сселять же в самом деле всех на первоначальные, «коренные» места обитания! А потому пусть РСФСР действительно станет союзом равноправных народов. **Народов**, а не республик. А республика в нынешних российских пределах пусть все же у нас останется одна. Российская Советская Федеративная Социалистическая.

●

Игорь ЖЕГЛОВ

Мы люди,
Нас легко утешить
Напоминаньем больших зол..!
В. Федоров

ЭПИГРАФЫ ГРЯДУЩЕГО

СОН

— Я ведь слышу-ту силушку в собе великую...
Исцеление Ильи Муромца

А сон был так тонок,
Как детские веки...
Он спал,
Совершенством космической воли
Укрыв свою душу навеки.

Он спал
На воздушной подушке дыханья
Пяти океанов
И судеб несметных...
И вроде не сон был —
А самопознанье...

Склонялись созвездий
Колючие ветви
Над ним
И роняли неоновый голос
Усталых комет,
Приносивших виденья,
Где шел он, в крови утопая по пояс,
Где солнце течет в расцветающий лотос,
Где пишет луна посвящения повесть,
Но свято всенощное бденье.
Менялись обложки прошедших столетий,
Кричали в огне ясноглазые дети,
И старцы вершили горючую память,
И не было сил всепрощение славить...
Он спит
Но ему остаются мгновенья.
О, время!
Плати за свое нетерпенье!..

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

И дождик, и холод, и мгла
Над холодной пустыней воды...

И. А. Бунин

Сезон дождей.
Похожи небеса
На старые усталые глаза,
Скрывающие правду о себе.
Земля побед!
Доколь твоя слеза
По лику путеводной чистоты
Медлительно стекать не прекратит
На белый свет,
Где множатся лишь влажные кресты
И матовый довлеющий гранит

Сезон дождей.
Кричу, но крика нет,
Стою, храня непроступивший след,
В размытый тракт все глубже ухожу...
Земля побед!
Любовью стала боль,
Одной неутоленною судьбой
На сотни лет...

И я свечу держу,
Держу свечу
Иной огонь я видеть не хочу!

БЕЗМОЛВНЫЙ КРИК

...Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени.

Апокалипсис

На распятье парящей птицы
Уместилось больное небо,
А под небом
Надрывным криком
Льется платина стылых нив,
У деревьев сухие лица —
Так незрячие просят хлеба,
Подаваясь всем телом дико
К нам,
За все нас уже простив...

...Вздрогнет тело воды осенней,
Осененное долгой птицей...
Но охота должна продлиться
Под пьянящий грехом азарт
Кроме завтрашнего спасенья,
Может все еще повториться:
На распятье парящей птицы
Небо падает
Вам
В глаза...

ПРАВДА

...Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.
А. А. Блок

...И не поймут ее левиты,
И не узнают мудрецы...
А. Н. Майков

...И лоджии белыми ртами
Хватали закат,
И гортани окон засыпали.
Им снилась, быть может,
Легенда об Адонираме,
А может быть, правда,
Но это — едва ли...

Я шел по безликому городу,
Болью сзывающий вече,
И ночь ненасытным вороном
Клевала упругий вечер,
И тени кроили заново
Незримую карту прошлого,
И желто-густое зарево
Луной было наземь брошено.

Во чреве пустынной улицы
Какое-то действо спешное
Творили ветра нездешние,
И слышалось, как волнуются,
Как дышат они прерывисто,
Дрожа известны́ми листьями,
Стуча рекламною вывеской:
Сальною, маслянистою.
Довольно!
Вот, право, хваткое
Видение,
В память вросшее...
Что мучить себя догадками,
Дурными ли, хорошими...
Заутрени чистый праздник
Убавил во мне печали...
Вокруг говорилась правда,
Но вся ли она —
Едва ли...

МОЛЧАНИЕ

...Поймет ли он, чем ты живешь?

Ф. Тютчев. «Silentium»

Молчали б мы,
Когда б нам не был дан
Историей
Царь грозный Иоанн.
Молчали б мы,
Когда б не прорубил
Царь Петр окно
Меж дедовых могил.
Молчали б мы,
Когда бы над страной
Трехглаво не завис
Тридцать седьмой...
Исправлен строй,
Затем поправлен гимн...
Молчали б мы,
Однако ж вот —
Молчим!

СУДЬБА

Much of the soul they talk but all awry

Milton *

Вслепую
Робкая душа
Идет по лезвию ножа,
Доверясь торжеству мечты
(Что благодетельно восходит)
И дикой,
Волевой природе
Своей извечной красоты.

Вслепую...
До прозренья — боль

* Они толкуют много о душе, но все превратно. — Мильтон.

Кровавых разочарований,
Горят блистательные грани
Души,
Отвергнувшей любовь.

...Святая сила слепоты —
Обман достойный недостойных.
И окрик Чацкого:
— Довольно!
И просьба Пушкина.
— Воды...

ВОПРОС

Все отнял у меня казнящий бог...
Ф. Тютчев

Уйти, не обернувшись, я не мог,
Смешной Орфей, —
Душа к земле прижалась.
«Все отнял у меня казнящий бог»,
Да только
Казнь его не состоялась.

Я радуюсь
Звезде моих потерь,
Холодным гневом
Память не нарушу,
И если голос
Обнажает душу,
Зачем ему слова
«Товарищ, в е р ь!»?..

ГОРОД

Жду ль чего, жалею ли о ком...
М. Лермонтов

Вот опять
Ты спасся куполами,
Поминальным мрамором объят...

То летают звезды над орлами,
То орлы
Над звездами парят

Вот опять
В заученных страницах
Праздника великого труда
Гордо бьются
Сброшенные птицы,
И с звездою говорит
Звезда...

НОЧЬ

Сменялись,
Гибли поколенья
За это все, что ты застал...

В. Федоров

Лишь ночь вокруг,
Лишь только я и ты,
И грустные полотна Зодиака
В озерах поднебесной пустоты.
Ворвется в полночь
Хруст костей на пашне...

Болезненный и горький
День вчерашний
Безумной флейтой тонет в небесах:
Безвременье на временных часах.

Долой сомненья!
В сонмище страстей
То истинно,
Что в третьем поколенье
Кого-нибудь
Поставит на колени
Пред святостью расстрелянной мечты.

Лишь ночь вокруг
Лишь только я и ты...
Цветут в огне
Бумажные цветы.

ОЖИДАНИЕ

Ну что ж, как-нибудь до весны...
И. А. Бунин

Сойдет на вербы женственные снег,
Иных снегов не будет в позднем марте...
Душа еще не травлена в азарте,
И жив глубокой верой человек.
Так некогда
От боли и нужды,
Анестезией заменив сердечность,
Живем мы
Послесловием беды...
И через душу протекает
Вечность.

Земляк и младший товарищ А. С. Серафимовича, близкий друг и идейный побратим знаменитого командарма Ф. К. Миронова, оказавшийся с ними по разные стороны баррикад в годы революции и гражданской войны, Федор Дмитриевич Крюков родился в 1870 году в станице Глазуновской близ Усть-Медведицкой (ныне г. Серафимович Волгоградской области) в семье станичного атамана. Окончил с серебряной медалью Усть-Медведицкую гимназию и Петербургский историко-филологический институт по разряду истории и географии, в течение пятнадцати лет служил преподавателем сначала в Орловской гимназии, затем в Нижегородском реальном училище. В марте 1906 года, будучи избранным депутатом Первой Государственной думы от казачьей курии Области войска Донского, вышел в отставку и к учительской деятельности не возвращался. В знак протеста против роспуска Думы первого созыва подписал в отеле «Брестоль» (Финляндия) так называемое Выборское воззвание к народу, за что подвергся трехмесячному тюремному заключению и десятилетнему запрету на проживание в Донской области.

С 1909 года — пайщик товарищества по изданию журнала «Русское богатство», с 1912-го — штатный сотрудник редакции, соредактор В. Г. Короленко по отделу беллетристики.

В 1917 году, с истечением срока запрета на проживание на Дону, возвратился в родную Глазуновскую, примкнув к белоказачьему движению: был секретарем Большого войскового круга — высшего органа власти войска Донского, редактором официоза белого казачества газеты «Донские ведомости», составителем трехтомного «Свода законов Всевеликого войска Донского». В начале 1920 года, отступая в составе белой армии, Ф. Крюков умер от обострившегося возвратного тифа в станице Новокорсунской, на Кубани.

За четверть века плодотворной работы в литературе, пришедшейся целиком на дореволюционную пору (1892—1917 гг.), Ф. Крюков опубликовал в столичных и провинциальных газетах и журналах около двухсот пятидесяти повестей, рассказов, очерков, корреспонденций, статей, рецензий и заметок; при жизни писателя вышли две книги его прозы — «Казацкие мотивы» (Спб., 1907) и «Рассказы» (М., 1914).

Художественное дарование Ф. Крюкова высоко ценил В. Г. Короленко: «Крюков... первый дал нам настоящий колорит Дона»; М. Горький призывал молодых литераторов учиться у Ф. Крюкова «писать правду» и «не льстить мужику»; А. С. Серафимович завидовал умению Ф. Крюкова воссоздавать жизненные явления таким образом, что все описанное им «трепещет», как «живое, как выдернутая из воды рыба, трепещет красками, звуками, движением, и все это настоящее... И если бы эту Вашу способность... углубить, уширить, Вы бы огромный писатель были».

Большинство произведений Ф. Крюкова посвящено истории, быту. общинным и сословным институтам, обычаям, нравам и характерам донского казачества; немало рассказов и очерков создано им и на материале общероссийском (неказачьем). Талант

Ф. Крюкова, питаемый глубокой любовью прозаика к родному Дону, отличался цепкой наблюдательностью, скрупулезной дотошностью в передаче бытовых подробностей и мелочей жизни, живым воспроизведением характеров «зипунного рыцарства», почти научной добросовестностью в систематизации и изложении жизненных наблюдений и впечатлений. Тяготевший к письму с натуры и избегавший вымысла и игры воображения, Ф. Крюков создал, если иметь в виду совокупность его произведений, нечто вроде стенографической хроники современной ему казачьей действительности на протяжении первых пятнадцати-семнадцати лет текущего века, хроники, имеющей для нас ценность первоисточника и подлинного свидетельского документа.

Ни разу не издававшемуся в советское время, Ф. Крюкову тем не менее странно повезло — имя этого художника приобрело несколько скандальную и едва ли не мировую посмертную известность. С выходом первых книг «Тихого Дона», удививших читающий мир гениальной молодостью их создателя, поползли слухи о погибшем «белоказачьем офицере», рукописями которого якобы и воспользовался М. Шолохов в работе над знаменитым романом. Со временем слухи превратились в изданные в Париже и Кембридже книги некоего литературоведа Д. (его работу предваряет предисловие А. Солженицына) и Р. Медведева. В зарубежном литературоведении завязалась многолетняя полемика вокруг авторства «Тихого Дона», отголоски которой с большим опозданием докатились наконец-то, в эпоху гласности, и до нашей страны и, как и следовало ожидать, приняли характер экстатической сенсационности.

«Московский комсомолец», другие издания, наше телевидение поспешили оповестить многомиллионного читателя, зрителя и слушателя о том, что «Тихий Дон» написал не М. Шолохов, а Ф. Крюков, умолчав при этом о глубоких исследованиях профессора Принстонского университета (США) Германа Ермолаева, а также группы скандинавских филологов (Х. Гьетсо, С. Густавсон, Б. Бекман, С. Гил), подвергнувших произведения Ф. Крюкова и М. Шолохова текстологическому и лингвистическому сравнительному анализу с помощью компьютерной техники, программы для которой много лет разрабатывались факультетами гуманитарных проблем Стокгольмского и Упсальского университетов и Норвежским советом по естественным и гуманитарным наукам. Выводы объективного «компьютерного ума» не подтвердили концепции литературоведа Д. и Р. Медведева, опиравшихся в своих соображениях по преимуществу на слухи, домыслы, непроверенные факты и гипотетические предположения и догадки.

Сложилась парадоксальная, нелепая и оскорбительная для нашего читателя, соотечественника М. Шолохова и Ф. Крюкова, ситуация — имя Крюкова выродилось в абстракцию и некий непостижимый для поклонников Шолохова разоблачительный символ: время от времени, еще с конца 20-х годов, оно гипнотически внушается шепотом, а теперь и громогласно массовому читателю, а вот что за ним стоит — известно лишь небольшому кругу специалистов. Создается впечатление (иначе этого феномена не объяснить), что «специалисты» не заинтересованы в обнародовании литературного наследия Ф. Крюкова, боясь за научную репутацию собственных сочинений.

Издать сегодня Крюкова — значит лишить «специалистов» питательной почвы для спекуляций вокруг имени этого действительно замечательного, но «второстепенного», не «эпохального» художника (обстоятельство, отмеченное сразу же по смерти писателя в 1920 году А. Горнфельдом и В. Боцяновским), впервые в литературе XX века сказавшего реалистическое и честное слово о жизни современного ему донского казачества эпохи первой русской революции, империалистической войны и февраля 1917 года.

Не имевший широкого и прочного успеха у общероссийского читателя — факт, признаваемый даже А. Солженицыным, страстным поклонником крюковского дарования, Ф. Крюков тем не менее оказал сильное влияние на идущих ему вослед писателей-дончаков: Романа Кумова, Сергея Арефина, Ивана Сазонова, Павла Казмичева (Борецкого), Вениамина Дубовского (В. Попова) и других. Мало кому ныне известные, а то и вовсе неизвестные донские писатели, оказавшиеся впоследствии за рубежом (как, например Петр Крюков, сын Ф. Крюкова, — поэт, прозаик и публицист) и много печатавшиеся в эмигрантских казачьих изданиях, не создали, однако, ничего значительного или равного по таланту своему учителю. Донская традиция в литературе, едва намеченная Ф. Крюковым, истощалась и вырождалась в сочинениях его последователей, приобретая качества безжизненности, вторичности, декларативности и замкнутого на самом себе некоего казачьего национализма.

Требовалось мощное духовное усилие, дабы преодолеть инерцию сложившегося стиля и наработанного взгляда на Дон и казачество. И оно, это мощное духовное усилие, было явлено в гении Шолохова, сумевшего в отличие от своих предшественников не дать увлечь себя написанием бесчисленных, пусть и мастерских, очерков исторически быстроменяющегося казачьего бытового уклада и выйти на новое качество — к эпической картине, вобравшей в себя всю Россию на трагическом переломе ее судьбы; оторваться от изображения верно подмеченных в действительности, но случайных характеров и создать общечеловеческие типы непреходящего мирового значения.

Предлагаемый вниманию читателей рассказ «Без огня» был опубликован в двенадцатом номере журнала «Русское богатство» за 1912 год и привлек внимание В. И. Ленина, сославшегося на него в статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» (т. 22, с. 363—369). Написанный в смутное время меж двух революций, рассказ доносит до нас общественную атмосферу почти восьмидесятилетней давности, исполненную смятения человеческих умов и душ, обусловленную подспудным брожением жизни. Самое время дня, воспроизведенное художником в произведении с его нестерпимой духотой и несносным пеклом, обессиливающим все живое и чреватым грозовым исходом, — будто концентрирует в себе предчувствие А. Блока: «Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть, более страшной».

Федор КРЮКОВ

Рис. В. Иванова

БЕЗ ОГНЯ

Рассказ

Пароход идет час и другой, а все еще виден город, живописно-беспорядочный и пестрый, со старинными башнями и заводскими трубами, с церквами и мечетями, все еще чувствуется причудливая смесь его азиатской старины и гигантских сооружений современной техники, обомшелого кирпича и трамваев, босяцкой нищеты, нелепой миллионной роскоши, мрачных заводских корпусов и мягкой красоты заволжских далей...

Вот он закутался синей дымкой дали и стал похож на этикетку, оттиснутую мутной краской на серебристой лазури горизонта. А какие-то юные экскурсанты в фуражках с зелеными околышами все еще шумно снуют по балкону с своими фотографическими аппаратами, и не остывает пестрое, шумное, праздничное оживление, которое

неизменно приливает на пароход на каждой большой пристани вместе с новыми торопливыми впечатлениями и новыми лицами.

Внизу, на корме, выступили какие-то певцы...

Ты не езди, милый, к Яру...

Голоса хриплые, с трещинами, жалкие, скорбные. Тщетно стараются они изобразить лихой разгул и удаль — одна горечь тяжелого похмелья выразительно звучит в их песне. И припухшие лица артистов — их четверо — того кирпично-малинового цвета с глянцем, который так свойствен запойным людям, с тоской и унынием смотрят перед собой остеклевшим, неподвижным взглядом.

Но их слушают. Вверху, на балконе, стоит толпа сытая, чистая, холеная, нарядная, обрызганная духами, улыбающаяся небрежно и снисходительно. Внизу сгрудилась толпа серая, тощая, бесшапая и лапотная или вовсе босоногая, обожженная солнцем и ветром. По открытым ртам, по восхищенным глазам, ушедшим в морщинки, по застывшим позам видно, что вся она охвачена трепетным вниманием, радостно изумлена и словно преображена волшебным дуновением искусства...

Физиономии-то, физиономии!.. — говорит возле меня молодой господин в панаме и темно-коричневой паре.

Ардатовский землевладелец Иван Парменыч, с которым я вчера познакомился, толстяк в немецком картузе, громко пыхтя и с усилием выталкивая из себя слова, говорит:

— Да... вот этот... кумачная рубаха-то... картуз набекрень... видать, выпить не любит...

— Не любит! Так у него тоска и написана на лице...

— И вот тому... в венгерке-то... тоже в темном углу не попадайся!..

Кончили певцы. Красная рубаха сдергивает картуз с головы и, галантно изогнув корпус, смотрит вверх, на балкон, где стоят нарядные, небрежно любопытствующие люди, — оставляя без внимания тощую и смирную, тесно сгрудившуюся толпу около себя.

Летят вниз медяки — сперва дружно, потом с паузами. Обрываются. А картуз все еще реет в воздухе, ждет.

— Подкидывайте, господа, не стесняйтесь! — хриплым голосом говорит уныло-серьезный человек в красной ру-

бахе: — В своем кармане не стесняйтесь! Хоша и не спешите... по очереди!..

Кто-то кинул еще две медные монетки. И снова пауза, долгая, безнадежная. Красная рубаха горько вздыхает, перекладывая медяки из картуза в карман, и говорит с усмешкой невеселого торжества:

— Ну вот... денежки были ваши, а теперь наши... До свидания, господа! Дай Бог вам здоровья, а нам не хворать!.. Адью!

Уходят артисты. Тает толпа, растекается по балкону. Шуршат шаги, лениво пересыпается говор, звенит смех. Звонким плеском взмывает резво-веселый визг детей. Нарядные, как куколки, девочки с голыми коленками мчатся вперегонку по палубе, натыкаясь на лакеев с посудой, на Ивана Парменыча, на витрину с книгами, которую бойкий торговец поместил как раз на повороте в корме. И частый стук детских ножек долго стоит в зыбком шорохе мерных шагов...

— Поддержите коммерцию, господа... Виды Волги... — предлагает торговец, молодой парень с смышлеными серыми глазами.

Я выбираю несколько карточек. Останавливается и господин в панаме.

— Что у вас есть хорошенького из книг? — спрашивает он.

— Пожалуйте-с! — бойким тоном говорит книготорговец: — Вот, ежели веселого чтения, то — «Белый салон» веселый еженедельник... «Первая вспышка» — занятная тоже вещь...

— Нет, вы мне что-нибудь такое... чтобы не то что прочел и бросил, а этакое... стоющее...

— Ежели посурьезней, то вот... «Пол и характер»... Много берут...

Господин в панаме внимательно осматривает внушительных размеров книгу в странной обложке, переворачивает несколько листов, прочитывая по строке, смотрит на корешок, на число страниц. Лицо у него смуглое, с жидкими усами, сухое, слегка скуластое, красивое. Небольшие черные глаза, деловитые и строгие, как будто хотят сказать: «Нас не проведешь!» И книгу осматривает он с тем пристальным вниманием и подробностями, с какими привык осматривать лошадь, — я уже знаю, что он торгует скотом.

— Сколько же вам за нее?

— А там цена есть, — чрезвычайно любезным тоном отвечает торговец: — На корешке-с... Два с полтиной... Десять процентов уступки сделаю — два с четвертаком...
— А полтинничек если?
— Что вы! За такую-то книгу!..
— Ну, сколько же окончательно?
— Ну извольте — два рубля!
— Два не дам.
— Сколько же дадите? Хотя мы и крестьяне-рабочие, но нашему брату тоже ведь пить-есть надо...
— Я сам не из графов, не думайте, — спокойно говорит господин в панаме, — тоже крестьянин, занимаюсь скотом. И читать-то стал вот... не очень давно... Желание-то есть, даже большая охота к чтению, а что читать, и сам не знаешь... А все-таки без чтения теперь уж не могу... Все-таки, окончательная цена?..

Они торгуются долго и упорно, несколько раз расходятся, потом снова сходятся. Наконец решают вопрос на рубле десяти копейках. Крестьянин в панаме и высоких воротничках, видимо, знает цену копейке, и даже пристрастие к книге не может побороть в нем этой трезвой мужицкой черты.

Жарко. Если солнце захватит колени или руки, зной впивается в тело, охватывает его непобедимой ленью, истомой, дремотой. Тяжелеют веки, глаза слипаются... И, словно во сне, идут навстречу пароходы с баржами и пароходы без барж, блестящие, чистые, сверкающие зеркальными стеклами и новой краской. От барж, грузных, икряных, лениво вздыхающих боками, пахнет смолой и рогожами. Лениво плещут их выцветшие флаги. Стройные мачты взмывают в голубое знойное небо и рисуют на нем тонкое, четкое кружево из своих канатов и веревок. На палубах пароходов цветная, пестрая, издали всегда нарядная толпа, к которой невольно тянешься сердцем: кажется, что там должно быть какое-то особое, милое довольство, веселье, беззаботность, что приветливо машут оттуда люди ласковые, юные, красивые, интересные... зовут к себе, ждут...

И бегут мимо зеленые, красно-глинистые берега великой русской реки, уютные, веселые в знойном блеске летнего дня. Кривыми ленточками всползают хлеба на холмы, серебристая зыбь бежит по ржи переливчатыми пятнами, зеленые тени плывут по яровому. Маленькие ветряные мельницы смешно растопырили крылья... Все

мягко, излучисто, расплывчато и кротко, как милая славянская душа...

Иван Парменыч, кряхтя и громко дыша, наливает пиво в стаканы. С ним за столиком сидит молодой человек в панаме, держа на коленях книгу «Пол и характер».

— Я ведь и сам из мужиков, — неторопливо и грузно говорит Иван Парменыч. — Однако вот, слава тебе Господи, выбился наверх и детей всех по ученой части пустил. Богу душу отдавал, а детям сердце — всех до дела довел...

— Очень похвально, — говорит его собеседник чуть-чуть насмешливо.

— Пожалуйте!..

Иван Парменыч, раскрывая пухлую ладонь, указывает на налитые стаканы.

— Нет, не могу. Я бутылку выпил.

— Ну... по одной?..

— Нет, ей-богу, не могу

— Ну... сколько угодно...

— Выпил уже... Нет... благодарю...

Иван Парменыч тяжело встает со стула, приподымает картуз и обращается ко мне — я сижу с газетой на соседнем диванчике:

— А вам не будет угодно?

— Благодарю вас, Иван Парменыч, пива я не пью.

— Не уважаете?

— Нет.

— Ну, разделить время с нами... за разговорцем?..

— Это с удовольствием.

Я знакомлюсь с молодым человеком в панаме — фамилии его, впрочем, не расслышал. Спрашиваю, как ему нравится приобретенная им книга «Пол и характер». Он смотрит на нее несколько кислым взглядом и с неохотой говорит:

Теперь на заглавиях буквы какие пошли: загнет с вывертом... в магометанском вкусе...

И, помолчав, прибавил:

— В этой книге, так думаю, несколько разных смыслов... Но я пока лишь шесть страниц осилил... Вот с ними, — он наклонил голову в сторону Ивана Парменыча, — заговорили о текущем моменте, и, значит, чтение пришлось прекратить...

Иван Парменыч поддакнул и грузно вздохнул.

— Да, наша жизнь только до одной смерти, — пояснил он. — У меня сосед был по имению — купец Крутилов... Наживал-наживал — убили!.. Говорил я ему: будет, Василий Степанович, ты уж в еврея обратился — все деньги да деньги. «Хочу, — говорит, — жар-птицу за хвост поймать»... Ан вон и поймал: родной сын застрелил...

Иван Парменыч громко дышит и круглыми черными выпученными глазами смотрит на голубой затон, над которым в узком ущелье, среди красных яров, прилепилось сельцо с белой церковкой, с игрушечными домиками в зелени, такое ласковое, кроткой дремотой обвеянное...

— А как вы о текущем моменте мыслите, Иван Парменыч?

Он лениво поворачивает ко мне голову и смотрит на меня с некоторым недоумением.

— Да я нынче еще не читал газетку... — нерешительно отвечает он.

— Нет, без газетки... вообще...

— А, вообще... Меня, вообще, политика не интересует... Все: Столыпин-Столыпин, Коковцев-Коковцев... А шут с ними! Столыпин был хрен хорош, Коковцев — тоже не сахар... Хорошо бы, ежели бы мягкосердечного человека назначили. Каждый бы относился к своим обязанностям... а тем более к мелкому люду, чтобы лучше было...

Мне показалось, что молодой человек в панаме иронически усмехнулся. И, может быть, именно поэтому Иван Парменыч повернул голову в его сторону и убеждающим голосом прибавил:

— Да ей-богу!.. Я держусь прямолинейной точки...

Громко поскребывая каблучками расшитых туфелек, подходят и на минутку задерживаются около нас две барышни — одна черная, длинная, неуклюжая, с великолепной косой, другая — тоненькая, хрупкая блондинка. Они едут с нами второй день и немножко знакомы.

— Ужасная скука! — говорит высокая брюнетка, морща свой длинный угреватый нос.

— Далеко ли изволите, барышни? — приподымая картуз, галантно спрашивает Иван Парменыч.

— Мы катались... До Нижнего и обратно... — отвечает блондинка, с кокетливой, томной грустью склоняя завитую головку набок. — Страшная скука!.. Сговариваемся о самоубийстве...

— Я не согласен, что вы хотите самоубиваться! — ве-

село возражает Иван Парменыч, подбираясь и молодея от близости барышень. — Как это можно! Вид какой!.. Воздух какой!..

Иван Парменыч пухлыми ладонями сделал широкий жест.

— Вон селение... вон хлебушко растет... деревья всякие... и фруктовые, и всякие... агромаднейшие деревья!.. А вы, например, скучаете...

— Что же делать... — смеются барышни. — Мужчины все — как разваренные раки... Вот один интересный мужчина, — понижая голос, говорит блондинка, когда мимо нас проходит молодой священник, — да и тот в епитрахили... а все-таки мы с ним познакомимся!..

И, поскребывая каблучками туфель, они устремляются вперед, вслед за интересным иереем, смеясь и подталкивая друг дружку. Батюшка одиноко ходил по балкону, высокий, степенный и очень серьезный, что немножко и не шло к его молодому лицу с квадратной бородкой и живыми черными глазами. Подрясник из чесучи ловко охватывал его стройную фигуру, и невольно приходило в голову, почему на нем подрясник, а не военный китель. И держался он как-то особенно молодцевато, прямо, поглаживая усы и выпячивая грудь, на которой около правого плеча висел маленький серебряный крестик — кандидатский.

Мы некоторое время безмолвствуем, забыв вопрос о текущем моменте, следим глазами за чайками, провожающими наш пароход, — на зыбком зеркале реки колышутся их легкие тени. С форсистым фырканьем проходит мимо буксир. Белое золото солнечных лучей сверкает в его стеклах.

— «Крестьянин-собственник», — читает вслух Иван Парменыч и тяжело отдувается.

— Все это очень печально, — строгим тоном говорит наш собеседник в панаме. — Собственник, а вся жизнь его наполнена одним прискорбием и печалью...

Иван Парменыч стал возражать, и мы все трое вовлеклись в спор о деревне. Иван Парменыч не был сторонником ни общины, ни отрубов, он просто жаловался на мужика: трудно жить с ним нынче.

— Вы говорите: рабская жизнь, дисциплинарная, — возражал он крестьянину в панаме. — Но против этого я вам расскажу следующий верный факт... В прошлом году в августе месяце у меня сожгли тысячи на две хлеба...

И кто сжег? Не думайте, чтобы мужики настоящие — я с ними в добром согласии живу, и даже в *пятом* году меня никто не тронул... А сжег, изволите ли видеть, мальчишка... годов этак десяти... пастушонок... Вы говорите: дисциплинарная жизнь... Пастушонок этот самый забрался ко мне на Ильин день в сад и сливы оборвал. Ну, сторож захватил его и хворостиной высек. И высек-то не очень, чтобы... обыкновенное дело... «Ну, — говорит, — помни!» Это мальчишка-то!.. сторожу-то... Ну мало ли... охота была помнить!.. Только 9-го августа, еще засветло, только солнце село, — смотрим: дым на гумне... Извольте радоваться... поджог!.. Две скирды так и слизало, как будто их и не было... Стали думать, гадать: кто поджег? Мужики — ничего, заливать помогали, старались... Рабочие — тоже ничего, трезвый народ... «На кого имеете подозрение?» — урядник спрашивает. «Ни на кого не имею». Вот тут сторож-то и расскажи про Ефремку, про пастушка-то этого: уж не он ли, мол? Разыскали Ефремку, стали спрашивать: ты, мол? Сперва уперся, а потом урядник-то его, верно, щелкнул раз-другой, — сознался: «я» — говорит... Вот она — дисциплинарная-то жизнь!

Иван Парменыч снял картуз и клетчатым платком отер коротко остриженную голову.

— Вот что вы тут будете делать? — тяжело пыхтя, простонал он. — Был суд... 5-го декабря... На суде и запираться не стал. «Поджег я», — говорит. Ну, что с ним? Отдать матери на поруки. «Ты смотри, мол, за ним, наблюдай!» — «А что я с ним поделаю? Мужики-то и то с ним кричат: у всей деревни окна повыбил». Оттрепать — подожгет или со скотиной чего наработает... Убить — кому под ответ попасть охота?.. Вот и растет такой сорванец... Да и не один, а их десятки в каждой деревне-то, в дисциплинарной-то в вашей...

— Но почему это, Иван Парменыч? Как вы это объясняете? — спрашиваю я.

— Воля...

— Это старо! возражает собеседник в панаме. — Темнота, гниение жизни — вот... Необходимо влить хоть каплю силы сознания — оздоровеет жизнь трудящихся...

— Это — не в ту оперу, — машет рукой Иван Парменыч. — Десятилетний мальчишка какую в него вольешь каплю? А в том главная причина, что Бога совсем истребили, то есть религию. Деревня теперь уж ни в чох, ни в мох, ни в птичий грай не верует. Я опять про этого

пастушка — мать его мне сама рассказывала... Едут они с суда, а он в вагоне вздумал песни играть, сидит — потапакывает... Мать ему: «Что ты! Завтра праздник какой — Микола, а ты — песни!..» У них это за большой грех считалось под праздник! «Чай, с радости-то и под праздник можно»... Вот видите!..

Собеседник наш в панаме посмотрел на меня и рассмеялся. Рассмеялись и мы с Иваном Парменычем. Молодой иерей остановился неподалеку, постоял спиной к нам, глядя на берег, по гребню которого игрушечная темная лошадка шагом тащила игрушечную телегу; в телеге, спустив ноги, сидел мужик, а рядом сзади, у колеса, шла баба... Поглядел батюшка и сел рядом со мной на диван.

— Через то, собственно, это и озорство пошло, — шумно отдуваясь и держась за живот руками, сказал Иван Парменыч, — что веру окончательно забыли, в церкву — никак... И тут никакая строгость теперь не поправит дела. Никто ничему не верует окончательно!..

— А вы сами-то веруете? — спросил, улыбаясь, крестьянин в панаме.

Иван Парменыч поскреб свою подстриженную бороду, черную с серебряными нитями, и коротко, сконфуженно рассмеялся.

— Веровать-то хоть верую, но, по правде сказать, за суетой тоже некогда о Боге подумать... Но, понятное дело, верую...

— Во что?

— Да в Бога-то...

— В какого?

— Как в какого? — Иван Парменыч своими круглыми, выпученными глазами с изумлением поглядел на придирчивого собеседника. — Во единого Бога Отца, творца неба и земли... в трех лицах... в Троицу единосущную и нераздельную...

Он оглянулся в мою сторону. Священник, сидевший рядом со мной, одобрительно качнул головой. Но собеседник наш в панаме не хотел уняться.

— Ну а в жизни-то как отражается это ваше вероучение? — стукнув пальцами по книге, спросил он. — В поступках-то ваших?

Иван Парменыч посмотрел на белые гребни, разбегавшиеся от парохода, и словно бы прислушался к их ропщущему шелесту.

— То-то, что вот некогда, — сказал он виноватым то-

ном. — Суета сует... Смолоду и вовсе — был коммерсант и женолюбец... Как говорится, на двенадцать баб кашу варил и всем угодил...

Он смущенно поскреб бороду и смолк. Священник, сидевший рядом со мной, наклонился вперед, упираясь локтями в колени, и мягко, несмело заговорил:

— Очень интересный вопрос, господа... Среди светских людей редко приходится слышать...

— Мы, собственно, насчет деревни, батюшка, — как бы извиняясь, сказал Иван Парменыч.

— И насчет деревни интересно. Я ваше мнение слышал и всецело к нему присоединяюсь... А вот их, — священник поклонился в сторону нашего собеседника в панаме, — мне любопытно бы насчет веры послушать...

— Что именно? — сухо спросил крестьянин в панаме.

Ну, например, вы лично — верующий или нет?

Наш молодой собеседник не сразу ответил. Он кинул на иерея быстрый, проверяющий взгляд и тотчас же опустил глаза, задумался на одно мгновение.

— Не знаю, видите ли, — сказал он серьезно и искренне. — Был верующим в обычном смысле, но сейчас чувствую, что там, где была вера, — пустое место... То есть не то что пустое, поправился он, вера есть, но какая — и сам еще не разберу... Во всяком случае, не ваша... то есть не церковная.

Иван Парменыч сожалительно крякнул и налил пива.

— Какая же именно ваша вера? — спросил священник и тотчас же тоном извинения прибавил: — Вы не обидьтесь на мою назойливость, я ведь интересуюсь вообще... И позвольте, господа, познакомиться: Михаил Кратиров...

Мы назвали себя. Тут только я расслышал фамилию нашего собеседника в панаме: Мещеряков.

— По-моему, — медленно и вдумчиво отвечал он на вопрос о вере, охватывая сцепленными пальцами левое колено и глядя на широкую полосу золотой зыби, в которой дрожало солнце, — принцип религиозного учения есть жизнь человеческая на земле... ровная и свободная во всем и всем... как в теле, так и в душе, высшим классам и низшим, мужчинам и женщинам...

— Это что-то социалистическое, — огорченным тоном заметил священник, перебирая пальцами свою бороду.

Что такое — социалистическое? — горячо возразил Мещеряков. Какая там еще фраза — социализм? Я понимаю в цельном... по-человечески!..

Это было не вполне понятно, но, когда он обеими руками постукал себя в грудь, показалось убедительно. Успокаиваясь, он прибавил:

— Все это из евангельского религиозного учения... Только название изобретено последним словом науки.

— Ну, евангиль-то мы читали, — ласково подмигивая, возразил благодушный Иван Парменыч. — Там про это нет...

— Я тоже — извините — сомневаюсь, чтобы вы это непосредственно из евангелия почерпнули, — мягко сказал священник: — Но евангелию это не противоречит...

— Пусть не прямо из евангелия! — воскликнул Мещеряков. — Хотя евангелие я читал все-таки... Пусть я взял из книг. Но не все ли это равно? Какие книги!.. Через них я и подошел к Библии... Что новая книга, то новая мысль... Новые мысли дали знание и совершенно расширили основы моей веры... Старая моя вера растаяла, яко воск от лица огня... И думаю, что она была искусственным зданием... не более...

— Так, так... — глядя в пол, с снисходительной улыбкой говорил священник, и Иван Парменыч, кажется, уже чувствовал некоторое смущение от этих коротеньких, но знаменательных словечек, звучавших тоном уверенного превосходства. Он скреб бороду, беспокойно гладил свой голый затылок и, встречаясь со мной глазами, с приятельской усмешкой подмигивал в сторону Мещерякова.

Я ждал, что сейчас закипит спор о вере. Но о. Михаил оглянулся по балкону вправо и влево и встал.

— Любопытно было бы, господа, и еще поговорить, — сказал он, — но сейчас должен уйти...

Он опять оглянулся и прибавил:

— Контроль идет, а у меня видите ли билет четвертого класса... Хотя агент по знакомству и разрешил ехать во втором — лишь каюты, мол, определенной не будет, — однако перед контролем все как-то неловко... При моем сане изволь объясняться... Посторонние люди тут... стеснительно... Сойду лучше вниз пока... Надеюсь, мы еще поговорим.

Он приподнял свою шляпу из черной соломки и пошел от нас своей степенной, неторопливой, чисто иерейской походкой.

Иван Парменыч окончательно налился пивом, извинился и ушел спать в каюту. Мещеряков присоединился к

нашим знакомым скучающим барышням. В разговоре с ними он был, кажется, еще более витиеват и серьезен до суровости, — один раз, по крайней мере, когда они проходили мимо меня, донесся до меня отрывок его поучающей речи:

Нет той порядочной женщины, которая бы не желала иметь детей... Это человеческая инициатива и интерес жизни...

При этом он пальцем твердо стукал в книгу «Пол и характер», с которой так и не расставался все время.

Снова появился на балконе и о. Михаил Кратиров. Он степенным шагом обошел кругом раза два, потом сел на скамейку рядом со мной и спросил:

— А этот молодой человек в панаме — ваш знакомый — он из каких будет?

Крестьянин. Торгует скотом.

— Вот как! о. Михаил поднял брови и задумался. — Крестьянин?.. А модные воротнички... панама... книжные слова...

Усмехнулся и побарабанил пальцем по скамье. Вблизи он был менее эффектен, чем на расстоянии. Лицо у него было широкое, с плебейской грязновато-смуглой кожей, с расплывчатым носом и резко очерченными скулами. Но приятное, простое, без елейности и сугубого благочестия.

— А мыслишка в нем работает, — сказал о. Михаил после долгой паузы. — Конечно, верхов нахватался, но все-таки думал — это похвально. Равнодушие хуже. А у нас теперь кругом полнейшее равнодушие к вере... нигилизм... И в народе. Не говорю уж об интеллигенции, сплошь атеистической...

Я попробовал возразить ссылкой на богоискателей и неохристиан. О. Михаил махнул рукой.

Не искания, а блуждания... Блуждания и ложь, притворство. Ничего жизнеспособного. Много ли их, этих ваших неохристиан? — сказал он грубоватым, почти враждебным тоном.

— Право, не знаю.

— Вы сами-то... вот вы — интеллигент... вы к какому толку принадлежите? богоискатель? боготворец? богоборец? или как?..

Он кидал свои вопросы несколько резко, торопливо, отрывисто, глядя на меня строгим, допрашивающим взгля-

дом, и я даже испугался: уж не готовится ли он обличать в моем лице весь интеллигентский атеизм?.. А было жарко. Непобедимая лень сковывала не только тело, но и мысли, и ни малой охоты не было вступать в спор — да еще с иереем — по вопросам верования.

— Извините, батюшка... на все ваши вопросы отвечу, может быть, легкомысленно: не знаю...

— Нет, это лукаво — извините меня, — а не легкомысленно...

— Ей-богу, не лукавлю. Какая у меня вера, по чистой совести — не знаю. Бог ли создал человека или человек Бога — не знаю... И, к стыду моему, даже равнодушен к этому вопросу...

— Но как же жить без веры? — воскликнул он с сожалением.

— Вероятно, в нечто верую, раз живу...

— Гм...

В его усмешке прозвучала нескрываемая ирония.

— А вон того мужичка в панаме... в высоких воротничках... его вера как вам нравится?

— Я не очень понял. Но думаю, что для меня она более приемлема, чем церковная: блага живых для меня паче благ умерших...

— Так, так...

Мой собеседник вздохнул. Мне стало казаться, что мои ответы огорчили его. Хотелось переменить разговор, но я не мог найти подходящей темы. И мы молча сидели и смотрели на Волгу, уходящую в голубую даль позади нас, сверкающую стальным отливом, чуть шевелившуюся ленивыми длинными валами, которые подымал пароход, — далеко позади они докатывались до берега, и было видно, как белой гривкой взмывали они и разбивались по белому песку. Качался опрокинутый в воде серо-зеленый берег с жемчужным песком и белой колокольней, дробилось небо с круглыми облачками, кланялись пестро раскрашенные баканы... И зной висел над рекой и берегом, дремотная тишина и лень...

— Для меня, видите ли, эти вопросы о вере, — заговорил снова о. Михаил медленно и раздумчиво, примирительным, дружественным тоном. — То есть об упадке ее и о возможном поднятии — очень не безразличны... Я вот только что с академической скамьи. Сейчас назначен настоятелем собора в Я... Вот еду. Еду и думаю: что же я буду там делать? Помимо, конечно, обычных обя-

занностей?.. Ведь — город, культура... В лучшем случае — найду десятка два внешне богомольных людей, и из них, наверное, более половины прохвостов, лицемеров, фарисеев... тупых, жестоких, нечестных людей... Остальные прихожане — равнодушные или отрицатели... К горькому нашему сожалению, из них-то, из отрицателей, чаще всего и бывают в личной жизни как раз настоящие христиане... беззлобные, честные, самоотверженные люди... Как мне воссоединить их с церковью? возможно ли?..

Он глядел на меня робко ожидающим взглядом, и в этом взгляде чувствовалась молодая, подкупающая искренность. А я глядел на него с некоторым удивлением — были неожиданны для меня эти вопросы, и никогда не приходилось слышать их из ерейских уст — и был в большом затруднении, что ответить на них, чтобы не огорчить собеседника.

— Не знаю, о. Михаил, возможно ли...

— Ну, вы по себе как чувствуете: возможно или нет? Конечно, в главном, в сути самой: возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы?..

— Вот в единомыслии-то и сомневаюсь. Представим себе, что вы по вопросу, например, о смертной казни возымели бы единомыслие с нами, отрицателями, — ведь вас извергли бы из лона церкви?.. Да и по менее острым вопросам — вот если бы вы явно вознегодовали на роль церкви в нынешней политике — где бы очутились? А молчать — значит мириться с беспримерным падением...

Он отклонился на спинку скамьи, помолчал и сказал:

— Признаться, я до политики не охотник... А что касается роли — я согласен: нехорошо... Но падения тут нет — лежа в прахе, некуда падать... Что тут нового? что тут нынешнего? — резко поворачиваясь ко мне, воскликнул он. — Всегда это раболепство и трусость — всегда это было!.. Но в том разница, что никогда не было такого ужасающе спокойного, молчаливого отпадения от церкви, как ныне... Точно дух жизни совершенно угас в церкви. Повторяю: не одна интеллигенция ушла — народ ушел... надо в этом сознаться, — я ведь был сельским священником два года...

Он встал, сделал несколько коротких взволнованных шагов и опять вернулся на скамью.

— А что касается позорной служительной роли духов-

ных пастырей, то когда же ее не было? Не говорю о тунеядстве среди нашей ужасающей нищеты народной... Трусость и раболепство и всяческое потворство сильным — это уходит, как говорится, в даль веков... Вы возьмите элементарный учебник истории... Ну, хоть с Ивана Грозного или с его родителя Василия III. Потребовалось Василию упрятать законнейшую супругу свою Соломонию в монастырь и сочетаться браком с другой — архипастыри с готовностью все устроили... А кто благословлял многочисленные браки Грозного царя? Собор церкви российской, православной... Теперь вот о патриаршестве все толкуют. Думают что-то поднять, возвеличить. Загляните в историю. Первый патриарх российской церкви так позорно и низко вел себя, что москвичи — благочестивые москвичи! — били его в Успенском соборе, таскали по полу, бесчестили у лобного места... И кто? благочестивые московские люди!.. да еще в те времена, когда о нигилистах ни слуху ни духу не было...

В смысле низкопоклонства перед властью, отсутствия мужества наша церковь явила все, что можно явить, — как в древнейшие времена, так и ныне. О каком-то оберпрокуроре — не помню — писали, что он «сонмом архиерейским, как эскадроном на ученье, командовал»... Если и были случаи, что возвышали отдельные лица голос на защиту правды или на обличение, то ведь это такие одинокие голоса, что и упоминать-то о них неловко... И всех-то их сама же церковь предавала и осуждала... И рабство защищала библейскими текстами — о митрополите Филарете вы же знаете... Ну, о смертной казни я уж не говорю... А заведомая ложь о японских миллионах... Даже такой человек святой жизни, как о. Иоанн Кронштадтский, — и тот не устоял против этого греха... А что касается любви, внимания к малым сим, труждающимся и обремененным, то вот пример: во время войны поднялись голоса о том, чтобы монастыри с своими капиталами пришли на помощь раненым и страждущим... так вот, тогдашний ученый архимандрит Троицкой лавры, нынешний вологодский епископ Никон как ведь убедительно доказал, что монастыри не обязаны это делать!..

Он рубнул ладонью по колену и рассмеялся.

— Нет, как хотите, а уронить себя ниже невозможно!.. Ну допустим, будут еще более яркие примеры забвения совести... Но они уже не сделают больше, чем сделано, — падать ниже некуда... И все-таки церковь еще цер-

ковь!.. — убеждающим, почти умоляющим голосом воскликнул он. — Единое, что может приютить мятущийся дух, соединить и примирить всех... уврачевать язвы... Как ни засидели ее ремесленники церковного цеха, а в ней одной — святое зерно, и дух жизни, дух единой истины в ней не угаснет!.. Я это на улицах и площадях буду кричать!..

Он от волнения опять встал с места и глядел на меня боевым, вызывающим взглядом. Я не утерпел, возразил:

— А все-таки народ-то — сами говорите — уходит от церкви...

— Да, народ уходит... — с глухой грустью согласился он. — Время такое... кружение, сдвиги... Чего и не ждешь, не гадаешь, ан глядь — вот оно... есть!.. Я вот, например, не политик. Темперамент у меня, по совести сказать, совсем не боевой, мирный, больше склонен к мечтательности. И семинаристом я больше в сторону пения и музыки отвлекался. На этой именно почве и теперешнюю жену свою зазнал: она — дочь соборного регента, очень музыкальна. В годы нашей студенческой нужды это нам пригодилось: она была тапершей в кинематографе... Что поделаешь... попадья — и играла по вечерам в кинематографе... Ну, это к слову. А вот: не политик я, а выходило все как-то так, что политика то в ту сторону шибнет, то в другую... Значит, время... Между прочим, если бы не политика, я, может быть, и в академии бы не побывал... Давайте пройдемся немножко?

Мы встали и пошли по балкону.

— Священствовал я всего два года, — заложив руку за спину, говорил о. Михаил. — А года как раз такие: война, революция, от политики уж некуда деться... Раз пожар занялся, как же не будешь думать о пожаре? А тут весь воздух, можно сказать, горел... обида и боль, — сами знаете... Смотрели сперва на город, на горе стоящий, мы в церквах перстом указывали: вот, мол, где ваше упование... А там оказалось на поверку — ничтожество и гниль... один шкурный интерес и ни капли мужества или величия души... Тут-то вот даже наш брат, по своему сану и положению призванный быть подпорой устоев, зашатался... забыл страх, начало всякой премудрости... Не я один — даже ветхие деньми иереи возглаголили тоном бунтарским... А мужички — народ серый — слушают да на ус мотают... Ну, манифест этот как раз

тут... Так я ему, признаться, обрадовался, так ухватился за него: слава тебе, Господи! — думаю: наконец-то заря занялась, день идет... И начал я этот самый манифест разжевывать в церкви мужичкам, таких подпустил, знаете, мыслей крамольных, что — сказать без преувеличения — стены этой старенькой церковки никогда раньше не слыхали и впредь не услышат ничего подобного!.. Упивался я тогда не только собственным красноречием, но и мечтами и надеждами: вот, мол, когда единым сердцем и единомыслием заживем и все язвы уврачуем!..

Однако скоро пришлось остыть. Подошла, как известно, новая полоса. повернули назад, стали добираться и до нашего брата, в числе прочих... Признаться, к тому времени и мои восторги поувяли. Деревня как-то вдруг — мне кажется, в каких-нибудь три-четыре месяца — не то чтобы преобразилась, а вошло в нее, действительно, нечто новое... вот как иногда, бывало, входит новая песня — солдат или какой-нибудь разбитной парень принесет из города, и все переймут, и станет она до тошноты, до неотвязности модной... Вот и тут. Я-то ждал прозрения, тесного союза, любви, трезвости, здравого сознания, пробуждения энергии... Прозрение-то как будто и явилось, но вместо единения и союза — злоба и междоусобие... И первее всего деревня толкнула именно меня и — порядочно... Кажись, я весь, душой и сердцем, был за нее... эти самые свободы объяснял и все прочее... И как слушали!.. Я-то думал, что уж шире того, что я открывал, и открыть нельзя, ан нет... проникли в деревню и другие речи... И новые-то разъяснители заварили кашку много погуще: насчет земельки, равнения и господ. Конечно, мужички поняли и усвоили это моментально!.. И первым долгом пришли ко мне и объявили, что за ругу будут платить мне не двести, а сто. А у нас условие было сделано при моем поступлении такое: я ругу собирать не буду — тяжелая така это штука! — а приход в возмещение платит мне двести рублей. Приход у меня был, как бы сказать, средний. Ну, рублей семьсот-восемьсот вместе с этими двумя сотнями доставалось мне. Не Бог весть сколько, но жить можно было. Детей нам Бог не дал и сейчас нет. Обходились... даже немножко совестно было среди деревенской-то нужды и каторжной работы — какая моя работа? Службы редкие, по праздникам, учительство малое и безответственное. И за это — семьсот, цифра изрядная... И вот, значит, приходят мужики и объ-

являют: сто, мол, рублей довольно с тебя... ты, мол, служитель алтаря, бессребреником должен быть...

О. Михаил тихо усмехнулся. Задумался немножко — видно, вспоминая что-то. Шагов с десяток мы прошли молча, нога в ногу.

— Конечно, обидно... — продолжал он. — И сто рублей для меня — деньги. Были у нас с попадьей планы прикопить немножко да поехать поучиться. Детей не было, приспособить себя к чему-нибудь интересному, содержательному — не к чему. Вот и мечтали: поедем, мол, оба учиться, я — в университет, она — на курсы. А тут вот, так сказать, сюрприз... Но не в деньгах, конечно, дело — амбиция задета... Я же за них столько распинался, сердцем болел, разъяснял и — вот... изволь радоваться: вместо благодарности... А ведь мы все работники за плату, нам за заботу плати благодарностью, похвалой, преданностью... слабость человеческая!.. «Мы, — говорят, — на тебя сердцов не имеем, а только вот, мол, будет с тебя сотни»...

Он опять тихо и благодушно рассмеялся — видно, воспоминания эти утеряли уже для него свою горечь.

— Расстались мы все-таки по-хорошему, даже трогательно. Сотню рублей так и не отдали они мне, но проводили со слезами: жили мы все-таки неплохо... Однако особенно-то огорчил меня не этот факт — насчет сотни рублей, а совокупность всего, что так скоропалительно составило новый облик деревни. Уж как со всех сторон старались открыть ей глаза, освободить ее от пелены, темень эту ее осветить!.. И если правду говорить — успели... Слепой человек увидел-таки чуточку света, и с этого момента он уже не слепой... хотя и не прозрел. Но с этим полупрозрением ему пришло познание лишь самое горестное и злоба самая душная... И иной раз, может быть, вздохнет он о темном неведении своем... Такая злоба выросла в деревне, такая злоба, что, кажется, теперь весь воздух насыщен ею... Нож, дубина, красный петух... Очевидность бессилия, жгучие, неотмщенные обиды... междоусобная брань, ненависть без разбора, зависть ко всему более благополучному, уютному, имущему... И прежде, конечно, зависть жила, и злоба, и скорбь, и грех смрадный, но верили люди в волю Божию и тщету мирских благ, верили и находили силу терпеть в уповании на загробную награду. Нынче этой веры уж нет. Нынче там вера такая: мы — поработители, они — порабощенные...

Из всех толкований о свободе на деревенской почве выросли плевелы и дурман. Свобода — это значит: я должен стать из батрака хозяином, а ты займи мое место батрака... У тебя есть, у меня нет, — так пусть у меня будет, а у тебя не будет, отдай-ка мне это, именно *мне!*.. Не кому другому, а *мне!* Делиться я не намерен...

— Вы очень уж сгущаете тени, — заметил я о. Михаилу.

— Нет! — твердо, убежденно сказал он. — Когда наступит время мужику распорядиться и если мы доживем до этого, вы увидите, с какой стороны он себя покажет... Неожиданностей в нем — бездна... Одно хулиганство деревенское какие перспективы открывает... Слыхали вон, купец-то толстый говорил?

— Как же...

— Вот то-то!

— Но... дикость и раньше была...

— Была дикость и раньше, это так... Но дикость, так сказать, в пределах неизбежности, объяснимая. Без этого не обойтись. Но не было дикости ради дикости, озорства — как это по-ученому? — квалифицированного, кажется... так себе, за здорово живешь... Ну, пили. Пили нелепо, безвкусно и жалко. Без всякой радости и веселья пили. Проигрывались в орла, в карты. Обкрадывали друг друга, самих себя обкрадывали. Сворачивали скулы друг другу... сквернословили... все было. Выступал я на борьбу с этим злом, произносил проповеди в церкви, громил орлянку и карты, и похабные частушки, и сквернословие, и пьянство, и поножовщину. Старики, старушки, слушая меня, плакали, головами качали, а молодежь в это время толчется где-нибудь в ограде, с девками заигрывает... Пришлось бросить: руки опускаются... Отчаялся. Жизнь, видно, сильнее слов...

Может быть, и во мне не было огня достаточного, уменья... Но я отчаялся. Попробовал еще в одном пункте: обратил внимание на детвору Детей я люблю. В этой разнокалиберной мелкоте с ясными глазенками, пестрой, заплатанной и оборванной, было и есть все мое упование, вся моя надежда на родину... Стал наставлять. Детская душа — чистый воск, лепи что хочешь. И я лепил... Девочки особенно были дороги мне — будущие крестьянские матери, — какие это чуткие, чудесные сердца! Начнешь рассказывать им о страданиях Христа или житие какое-нибудь — слушают, слова не проронят и... пла-

чут... Чувствуешь, как сотрясаются их детские сердечки, пронзаются жалостью и состраданием... Тут-то вот, бывало, и отдохнешь душой... Сердце порадуется, сердце поскорбит... А скорбит потому, что в школе они одно слышат, а на улице, дома — другое, и жизнь сильнее самых лучших школьных слов... Детская душа отпечатывает в себе все — четко и прочно, восприимчива ко всему. Был какой-нибудь Ванюха Клюев в школе славным, смышленым учеником. Вышел из школы — смотришь: через месяц уже с папироской... А там и до водочки недалеко...

О. Михаил грустно покачал головой и задумался.

— Чем же вы объясняете усиление деревенского хулиганства? — спросил я.

— Вот... новыми словами, новыми понятиями... Полупрозрением-то этим самым и отчаянием...

— А раньше — какая была причина?..

— Раньше? — о. Михаил остановился и поглядел на меня неподвижным, соображающим взглядом. — Раньше — другое дело... Было, конечно, озорство, непочтение, но не так оно резало сердце... А теперь — помилуйте! Усвоились если не новые понятия, то новые слова... великолепные слова, благородные, возвышенные... А сквернословие осталось старое, даже пуще. Дикость — старая. Обрезать у коровы уши, остричь хвост у лошади по самую репицу — только из-за того, что хозяин ее не поставил угощенья ребятам, — раз плюнуть, как говорится. Забраться в сад или на пчельник и за здорово живешь раскидать, раззорить ульи, обломать яблони, подергать малину это сделайте ваше одолжение! А там ищи виноватого... Да и напал если на след — не распространяйся, а то подожгут... И вот при новых-то словах о свободах, о равенстве это и пронзает сердце, в отчаяние повергает... В табельный день на молебствии — ни души... Девки за какую-нибудь ленту или даже за пряник отдаются не только молодому парню, а любому проходимцу, хоть бы явно гнилому... А поножовщина? И прежде редкий праздник без драки обходился, теперь же как где ярмарка, два-три трупа непременно считай! А вот теперь этот новый закон о земле — брат на брата восстал, сын на отца, сосед на соседа!.. Злоба и смута пошла такая, что задохнется в ней деревня, непременно задохнется!..

К концу второго года своего служения в селе я окончательно и бесповоротно убедился, что все мои разглаголь-

ствования, все призывы к церкви, к христианской жизни, к союзу, к самоуважению ближнего — все это пустой звук, кимвал брящающий... Надо бежать — думаю. Тут как раз и обстоятельства подоспели такие, что одно оставалось — бежать: всплыли эти самые мои объяснения свобод... Хоть в глазах мужичков я был уже и мало популярен, слишком умерен, но люди, преданные порядку, считали меня именно агитатором. И, когда подошел удобный момент, они и принялись за меня. Был один там у нас человек почтенный, ходатай по делам, из волостных писарей. Благочестивый такой мужичок, уже не молодой. Бывало, уж не пройдет мимо без того, чтоб под благословение не подойти... Голос тонкий такой, ласковый, смиренный, речь рассудительная. А уж такая язва оказался, такая язва... И как будто ничего я ему не сделал плохого, относился, как и ко всем прихожанам, благожелательно. Бывал он у меня не раз, не раз чай пил, газетки брал, беседовал, рассуждал вполне здраво — не глупый человек. И вообще самое это движение ущерба ему лично никакого не причинило. А вот возненавидел он меня за что-то, начал пакостить. А может, и без ненависти? Так себе, из любви к искусству?..

О. Михаил вопросительно смотрел на меня.

— Есть ведь это в природе человека — зуд к пакостничеству, даже совершенно бескорыстному. Этак исподтишка укусить, столкнуть в яму, в воду единственно потому, что ловко и безнаказанно можно это сделать, и отчего бы не поглядеть, как будет барахтаться в испуге или извиваться от боли человек, испытать минутную злую радость... Вот этот-то почтенный господин и донес о моих разъяснениях манифеста. Ну, конечно, сейчас дознание, жандармский офицер приезжал. И несдобровать бы мне, но спасло лишь невежество доносителя и его союзников — человека четыре их оказалось: не сумели они указать, как именно говорил я о свободах. А мужички-прихожане — спасибо им уперлись: «ничего, мол, нам вредного не говорил, а вот, дескать, не пейте водки, дурными словами не бранитесь, вот и все»... Ну и жандарм-то попался не из очень усердствующих. Однако я-то праздновал труса — время такое... Не чаял выбраться. Да и после, в академии, года два ждал, как бы не всплыло насчет моих разглагольствований: а ну-ка, мол, докопаются, узнают?.. Книжки все, газетки тогда же сжег. Ну и совсем потерял веру в мужичка... даже в человека Досто-

евского все вспоминал: отвлеченно, мол, еще можно любить ближнего, даже иногда издали, но вблизи почти никогда...

Мы остановились и смотрели на пробегающий мимо берег, крутой, размытый, красно-глинистый, прорезанный ложбинками с мелколесьем. На самом гребне, над кручей, сидели в ряд и рассеянными точками маленькие человеческие фигурки и долго провожали наш пароход глазами. Ребятки или взрослые — не разобрать издали. Махали платочками, картузами, и этот ласковый привет от скуки — звал к миру и единению, к забвению обиды и горечи... Тоненькие березки с зелеными косичками всползали наверх. Из-за гребня выглядывала зеленая крыша церковки, сверкала белостенная дачка с узорчатыми башенками и кружевными беседками. А дальше волнилась яркая зелень, карабкающаяся вверх, перепрыгивающая через коричневые плешины берега.

— Вот оно, что такое политика! — с усмешкой качнул головой о. Михаил. — Не еж, а колется... И тем не менее, — помолчав, прибавил он, — никуда от нее не уйдешь... Как угар в мужицкой курной хате: тем и спасаются от него, что на пол ничком ложатся... Но ничком-то лечь при моем сане не так-то уж просто: пастырь душ христианских, позиция общественная, обязывающая... Да и вообще человек животное общественное, а не какой-нибудь рак-отшельник... Значит...

Он покорно развел руками и сделал приглашающий жест.

— Вот сейчас еду, например... Епархия все еще не умиротворенная после прежнего архиерея. Новый — наш бывший ректор — выметает старых фаворитов, позвал вот нас троих, меня и еще двух товарищей... Роли мы сами распределили — меня в соборные протоиереи: «у тебя, — говорят, — внешность представительная»... И не поехал бы, ибо и тут политика — правда, епархиальная, а все-таки политика... Но как хлебнул уже нужды, а тут жена грудью слаба, доктора непременно в теплый климат советуют — принял предложение... Вот еду. А на душе нехорошо. Соборный настоятель там — старый протоиерей. Уж Бог знает, каких он там взглядов, а говорят — старик почтенный и сторонников там у него много... И вот я — человек всем безвестный, молодой, ничем никому неведомый, являюсь вдруг и должен этого почтенного протоиерея, что называется, спихнуть... Тяжело

это... А нужда... Нужда, проклятая нужда!.. Ничего не поделаешь: назвался груздем, полезай в кузов...

Прошли мимо барышни в сопровождении Мещерякова. Поравнявшись с нами, они переглянулись и весело фыркнули. Блондинка успела бросить мне вполголоса, умоляюще:

— По-зна-комь-те!..

А Мещеряков суровым тоном говорил, глядя вниз, в пол:

— Я тягощусь своим делом, считаю его, по своему пониманию, не только что не полезным для принципов человечества, но вредным...

О. Михаил проводил глазами и сказал с лукавой миной:

— Мужчина-то слишком серьезен для девиц...

— Да, кажется... А кстати: они очень хотели бы с вами познакомиться.

Он благодушно рассмеялся.

— Я-то что для них? Из риторики разве что-нибудь?.. Ну что ж... если уж такие серьезные особы, то... я светского общества не избегаю... Отнюдь нет!..

К вечеру подошли к большому городу. Он показался еще издали, на высокой горе, с своими тонкими, стройными, сквозящими на лиловом предзакатном небе колокольнями, мягко закругленными уступами зелени и заводскими трубами.

По расписанию стоянка недолгая, но простояли больше двух часов — грузили мешки с мукой. Село солнце. Долго горела сизо-багровая заря. Неровный месяц поднялся в побелевшем небе — бледное золото его на серой синеве зыби задрожало маленькими резвыми червонцами. Вспыхнули электрические огни на берегу, вдали, в ресторане, и слабым, неровным звенящим плеском донеслась оттуда музыка, чуть слышная и, может быть, потому такая прекрасная в многоголосом говоре, который кружился на берегу, поднимался, толокся и падал, как шумный гребень волны.

Пришел с булкой под мышкой и с пакетом земляники о. Михаил.

— Вот... закупил на берегу... провожал барышень...

— Как они вам понравились?

— Легки... Стал спрашивать, возникают ли у них когда трудные вопросы души или трудные моменты в жиз-

ни сердца, — смеются... говорят: «Мы в клубе самоубийц состоим... в случае чего — морфию, и готово!..» А сами глазки строят... Ну, Бог с ними... Подальше от них — спокойнее дело... Как музыка чудесно звучит, слышите?..

— Да...

Чуть слышный плеск колыхался у берега, тихо гудели котлы парохода, тихо вечер догорал, и редкими вздохами долетала далекая, мягкая музыка. О. Михаил долго прислушивался к этим звукам, продолжая держать под мышкой булку, а в руках пакет с земляникой.

— Люблю я музыку — грешный человек... — сказал он, как бы сознавая какую-то за собой вину. — Всегда она шевелит во мне какие-то воспоминания... И содержания-то иной раз в них нет, а вся душа полна... А то мечтать тоже хорошо под нее — куда-куда не занесешься!

Он положил на столик булку и пакет и, мечтательным взглядом глядя вдоль по реке, где дрожали огоньки на мачтах барок, на плотах и на берегу, продолжал немножко грустным голосом:

— В академии у нас сухо было по части искусства... Да и вообще нечего вспомнить... Дебри догматики, апологетики, гомилетики, патристики — Толстой правильно осмеял это. Нечего вспомнить... А если что вспоминается, то это все сплошь удручительное...

Он помолчал.

— Я жил на частной квартире, не в общежитии, но все-таки возможность присмотреться к товарищам-студентам была. И меня это очень интересовало, потому что как я еще не утратил веры в возможность очищения церкви от мусора и нечистот, то мне хотелось знать, видеть, кто будет работать на этой почве... Нас, священников, в академии немного было, да и не очень как-то нас жаловали, сторонились. Ну, было три монаха. Остальные — светская молодежь. Так вот все мы, так или иначе, готовились в будущие деятели церкви. Ну, монахи... у этих уж определенная карьера... Из них один был аскет, человек железной воли, поборовший и дух, и плоть... фанатик... Не знаю, верующий ли он, но администратор будет жестокий, у него ни к себе, ни к людям снисходительности не будет... Остальные двое так себе, средние люди, серые... Не очень воздержные в смысле угождения плоти, но добродушные. Один из вдовцов-священников... Веселый малый, богатырского сложения, любитель коньяку и хорошего пения. Архиерей выйдет из него добро-

душный. Выпьет, бывало, иной раз, начнет такие анекдоты рассказывать — в лоск положит всех. А потом загрустит. «Все бы, — говорит, — хорошо, все есть — и пища, и питие, и деньги... Одно плохо: не все функции работают...» Словом, малый славный! Из светских студентов чуть не большинство — атеисты...

О. Михаил повторил это горячо и горестно.

— И все мы, вероятно, с большим повреждением веры, скептики. Но там — форменный атеизм, я не преувеличиваю!

Он потер лоб ладонью, задумался. Пароход стал отходить, глухо забарабанил, запыхтел. Отодвинулась соседняя черная барка, на борту которой неподвижно чернели безмолвные фигуры. Огонек цигарки, как открывшийся на одно мгновение красный глазок, осветил вдруг тоненькую, озябшую фигурку босой девочки с поджатыми руками. Поклонились тихие огоньки на мачтах, дрогнули электрические фонари далекого ресторана и спрятались. Показалась из-за горы медно-красная заря. Сильней запахло влагой, свежестью, откуда-то донесся крик коростеля...

— Я понимаю атеизм философский! — говорил о. Михаил, когда пароход уже несся полным ходом, шумный, радостно возбужденный, горящий веселыми огнями. — В нем есть усиленная работа мысли, искание истины и смысла жизни, муки сердца, великая скорбь, борьба между разумом и тем особым постижением, которое лишь верою дается, и в конце концов искание Бога в них, в таких отрицателях, никогда не угасает, ибо сердцу да и уму, воспитавшемуся на метафизическом мышлении, трудно мириться с отрицанием высшего начала. В философском атеизме нет простого равнодушия и, все конечно, нет и цинизма. В этом роде было у нас несколько атеистов — твердых и последовательных. Были и революционного образа мыслей студенты-социалисты. Держались они все в стороне от нас, но уже по тому, что они читали, о чем при случае заводили разговор, как относились к некоторым явлениям академической жизни, чувствовалось, что они за люди. Народ серьезный... Но большинство было — лукавая, равнодушная середина. И в этом большинстве было такое равнодушие к вере, что оно ужаснее всяких атеизмов...

И были еще нарочитые циники... Как-то это так случается с нашим братом «кутейником», что выберется он

из бурсы на свободу, от бурсацкой капусты к ситному хлебу, и начнет ловить, хватать жизнь. Хватает по-бурсацки жадно, грубо... Деньги-то малые, а аппетит большой... Ну, самое простое лишь допустимо: водка, публичный дом... И вот они отдаются этому и телом, и душой... И, когда вернутся, бывало, из такого злачного места, норовят поймать монаха или нашего брата иерея и начнут расписывать в самых голых тонах этакую оргию какую-нибудь... И тут же о религии, о Боге... Ах, какие они вещи говорят!.. Слепые князья нашей церкви обвиняют Толстого: он, дескать, потряс учение Христовой церкви... И нашему брату, по обязанности, надо говорить, обличать толстовство, опровергать, затоплять обилием словес слово сильное и выстраданное... Но вот этого ниспровержения всякой веры, которое таится в недрах самой нашей передовой духовной, ученой среды, они не хотят знать... А ведь в их среде столько таких!.. И на смену им скорее всего придут эти вот, не верующие ни в чох, ни в мох, ни в птичий грай... Потому что они все-таки и дельцы, практики, и связи родственные имеют, да и гибкие люди, дипломаты... И не без дарований даже...

О. Михаил вдруг круто остановился и спросил:

— Вам не кажется странным, что я об этом рассказываю, именно я, человек — так сказать — духовного цеха?

Я ответил, что слушаю его с живейшим интересом.

— Собираюсь на улицах и площадях кричать! — с резким жестом воскликнул он. — Надо! Необходимо!.. Вы возьмите то во внимание: недели не пройдет, чтобы в газетах не всплыло что-нибудь беспримерно скандальное... То митрофорного протоиерея уличают в обольщении гимназисток, то об архимандрите напишут, который проводит время с птичками певчими в каком-нибудь «Вулкане», то уголовный отчет об о. инспекторе епархиального училища, обольстившем подростка при помощи пары апельсинов и бутылки фруктового кваса... Да что же это такое? Гной, мерзость, которую без промедления и пощады надо на свет, на обнажение!.. Больше потерять, чем потеряла, церковь от этого не может... А приобрести, очистившись с Божьей помощью, приобретет — я в это глубоко верую!..

Он пристальным, горящим взором смотрел мне в глаза, как будто хотел видеть, разделяю ли я его уверенность или сомневаюсь.

— А если сейчас и отходят от церкви массы — это страшно, конечно, но не безнадежно, — прибавил он

успокоительным тоном, больше для себя, чем для меня. — Через отрицание подойдут потом к Богу ближе... Я не отчаиваюсь... Наш народ такой: даже на краю отчаяния и озлобления не разберет по бревнышку своих убогих храмов... И свечечки, и дым кадильный, и косые лучи заходящего солнца, и запашок меду в канунницах — все это будет долго еще иметь путь к его сердцу... Да и душа народная не чужда все-таки прекрасного восприятия, а что может быть выше слова Божия?..

Он остановился, потому что совсем возле раздался знакомый, кряхтящий голос Ивана Парменыча.

— Будь бы они по четыре купили, это — вопрос... Они бы нажили... Я торговал и по вашему делу, и индюшками... Это-то я уж хорошо знаю...

Они поравнялись с нами — Мещеряков и Иван Парменыч. Иван Парменыч обрадованным голосом воскликнул:

— Вот они где!.. А я вас глядел, глядел, где, мол, они?.. Чайку... не угодно ли?.. закусить... у меня балычок есть, икорка...

Мы поблагодарили. Я предполагал отказаться, но о. Михаил подумал и сказал:

— Что же, мы с удовольствием... мы придем... у меня вот и ягодка есть...

— Ну пожалуйте! за счастье сочту... в столовую... — сказал благодушный Иван Парменыч.

И когда они отошли, о. Михаил, возвращаясь к прерванным мыслям, заговорил снова:

— Да... так-то вот... Вера-то у меня есть, не отчаиваюсь... Одно: огня мало... огня нет!.. Нет горения в делателях, да и делателей скудно... Иной раз вот в мыслях-то куда унесешься! Лежишь этак в сумерках на койке и мечтаешь, а где-нибудь неподалеку вечерний звон церковный, грустный такой, сиротливый, аж сердце защемит... Бедная церквочка, как ты оскудела!.. Плачет сердце, изнывает в гневе бессильном... Вот то-то бы сделать и то-то... Не без смысла бы жизнь прожить, не дать совести мохом обрасти... родине послужить бы, убогонькой нашей... Мечтаешь-мечтаешь... И пока на койке лежишь — горизонт большой, не оглянешь! Героизма сколько, самоотвержения... сила, уверенность!.. А встал, встряхнулся глянет в глаза действительность, суровая, трезвая, черствая... Нужда эта... особенно последний год: еле-еле дотянули... Жена грудью слаба, покашливает. Доктора говорят: непременно в теплый климат!

А это для нашего брата-студента звучит лишь насмешкой... И вот дождался: не угодно ли в соборные протоиереи? Что ж, еду вот...

Он вздохнул и помолчал.

— Не знаю, как и что будет... Волнуюсь ожиданием и любопытством вместе... Все думаю: а может, и в самом деле озарит Господь зажечь глаголом сердца людей?.. В мечтах-то все это представляется так ясно... возможно. Но, может быть, и войду во вкус протоиерейского бытия... пойду тропой проторенной...

Он засмеялся и, вставая, прибавил шутливо:

— С благочестивыми купцами компанию буду водить... ренту буду приобретать и купоны стричь... Ну, я на минутку отлучусь, я — сейчас...

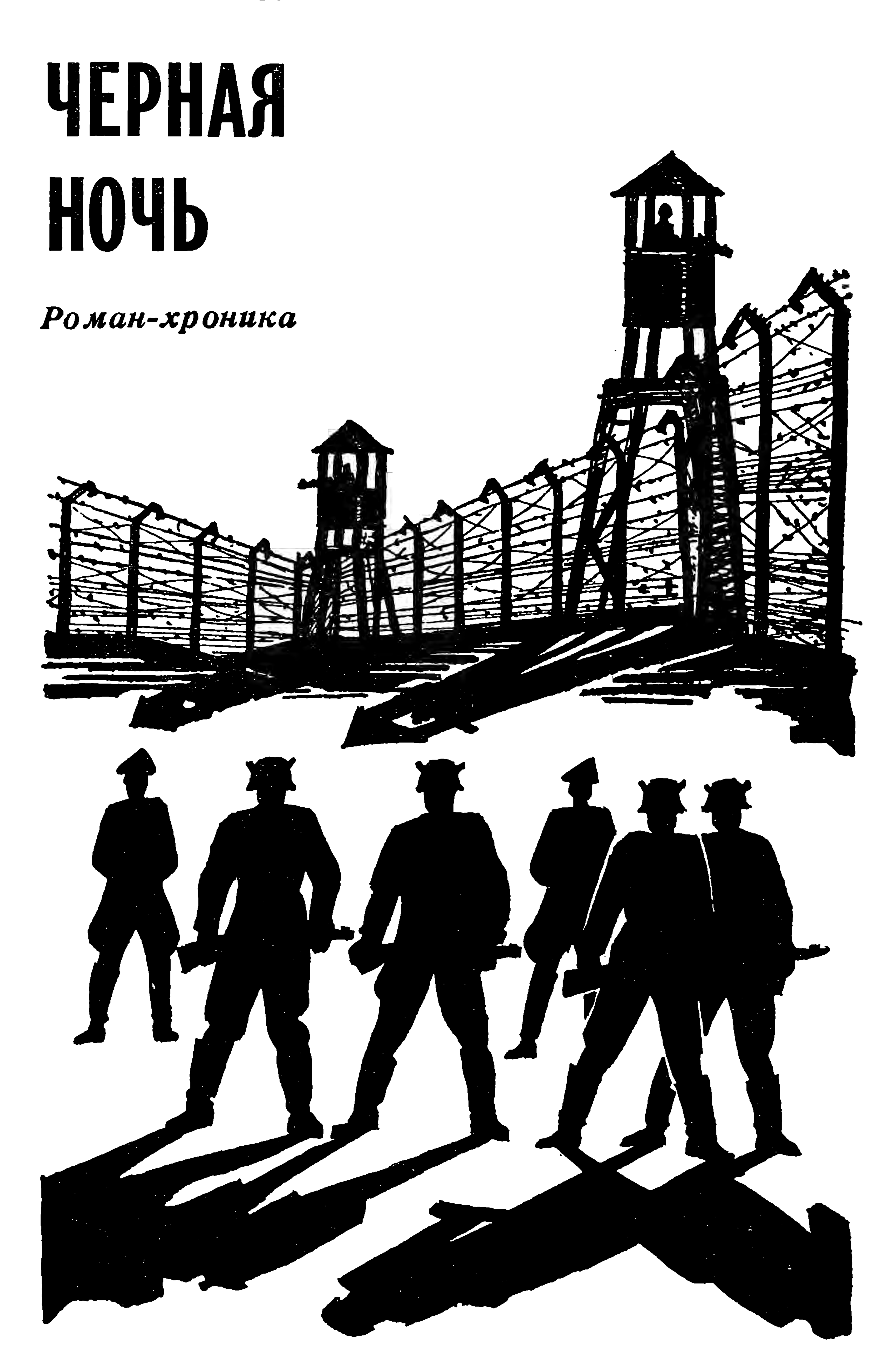
Он ушел, я остался один. Пароход шумел глухим шумом, неугомонно барабанил. В серебристом тумане лунного света вода сливалась с песками, и река была — как море, широкая, безбрежная, величественная, полная вечной тайны. В широком шелесте ее, в ровном колыхании ее близких и далеких звуков порой дрожал мягкий и грустный гудок далекого парохода, порой как будто музыка звучала, чуть слышная, прекрасная, зовущая, порой долгий чей-то вздох проносился и гас в бурливом кипении и шуме...

Вступительное слово и публикация
Владимира ВАСИЛЬЕВА

Николай ВИРТА

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Роман-хроника

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Прокурор. Следовательно, подсудимый Кайндл, когда вас назначили комендантом лагеря, там уже существовала разработанная техника уничтожения?

Кайндл. Так точно! Кроме кабинета врача, из которого расстреливали заключенных, было еще одно место для казни — подвижная механизированная виселица, позволявшая казнить трех-четырех заключенных одновременно.

Прокурор. Вы как-нибудь усовершенствовали технику уничтожения?

Кайндл. В середине мая 1943 года были введены газовые камеры в качестве средства массового уничтожения.

Прокурор. Кто отвечал за проведение казней?

Кайндл. Комендант лагеря.

Прокурор. Сколько заключенных было уничтожено в Заксенхаузене за два года и восемь месяцев?

Кайндл. Я несу ответственность за уничтожение сорока двух тысяч человек.

Прокурор. А сколько умерло от голода?

Кайндл. По моим подсчетам, восемь тысяч.

Прокурор. Подсудимый, получали ли вы приказ взорвать лагерь для того, чтобы ликвидировать следы совершенных злодеяний?

Кайндл. Так точно! 1 февраля 1945 года у меня был разговор с начальником гестапо Мюллером. Он приказал уничтожить лагерь, истребить всех газом... До конца марта удалось уничтожить примерно пять тысяч человек.

Прокурор. Сколько заключенных оставалось еще в лагере?

Кайндл. От сорока до пятидесяти тысяч. Я получил приказ погрузить их на баржи и, отправив через систему каналов в Северное море, утопить их. Но... Красная Армия двигалась слишком быстро.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Мы уже описывали Мюнхен — гнездо монархистов, штаб-квартиру нацизма и политическую родину Гитлера.

Теперь мысленно пройдемся по Берлину той эпохи.

Окончание первой книги. Начало см. в № 6 «МГ».

Здесь, на Вильгельмштрассе, в старом доме архитектора Шинкеля располагалась частная квартира Гитлера, где он бывал, приезжая из Мюнхена. Этот дом с кинозалом, огромной столовой, гостиной и личным кабинетом фюрера, охранялся отрядом СС. Официальной резиденцией партии нацистов служили обширные апартаменты в гостинице «Кайзергоф». С 1939 года, когда Шпеер отстроил новую Императорскую канцелярию, Гитлер жил и работал там.

Прямо напротив в большом здании размещалось министерство народного просвещения и пропаганды. Министр, доктор Йозеф Геббельс, вот-вот появится в нашем повествовании, дабы пополнить своей особой верхушку гитлеровского руководства. С некоторыми из них мы уже познакомились: это Рем, Штрайхер, Фрик, Шпеер, Лей, Гиммлер и Геринг. Их ведомства впоследствии разместились невдалеке от Имперской канцелярии.

2

Главное действующее лицо этой хроники мы покинули в Ландсберге. В тюрьме, где он делил компанию с Гессом, своим адъютантом — горчайшим пьяницей Шаубом и другими главарями путча, Гитлер провел более года.

И не по своей вине — могли бы выпустить и пораньше, но...

Старому вояке Людендорфу не терпелось ввязаться в драку. Провалился один путч — почему бы не затеять другой?

При обывательской почтительности к любому мундиру Людендорф в те смутные времена мог бы, казалось, подчинить себе эбертов, каров и гитлеров. Людендорф действительно был крупным военным специалистом. Но в политике ему трагически не везло. Что бы ни затевал — все неизменно проваливалось. Не оттого только, что генерал якшался с кем попало, но и потому, что — так о Людендорфе высказался Гитлер — был он «дерьмовым политиком».

Теперь, когда фюрер сидел в тюрьме, он решил сам сделать то, чего не добился в союзе с «безответственным политическим проходимцем».

С его легкой руки было объявлено о создании новой «национал-социалистической партии свободы». Ее опорой стала военная организация «Фронтбанн».

— Почему бы не объединить штурмовые отряды «Фронтбанн»? — протянул Людендорф руку Рему, продолжавшему формировать и обучать новые штурмовые отряды.

Рем согласился, очевидно, полагая, что сумеет вновь созданную организацию вырвать из-под начала Людендорфа и привести к

присяге Гитлеру. Написали устав, где особо отметили, что новое нацистское войско принесет присягу Людендорфу.

Еще не обсохли чернила, как Рем, примчавшись к Гитлеру, поделился с ним своей идеей. Фюрер пришел в бешенство: да он скорее повесится, чем отдаст штурмовые отряды в руки бездарного политикана!

Рем ушел ни с чем. Но... пришла беда, открывай ворота. Баварское правительство, узнав, кому должны принести присягу нацистские объединенные отряды, решило, что и здесь не обошлось без Гитлера, и добавило путчистам еще по нескольку месяцев.

Попало и Рему. Его уволили из рейхсвера. Лишившись жалованья, Рем покатился на дно.

— Мои пути, — сказал он как-то, приводили меня порой в такие ситуации, от которых порядочный мещанин должен был бы содрогнуться, залившись краской стыда... Но я из другой породы.

Это было сказано, когда Рема провалили на выборах в рейхстаг и Гитлер перестал ему доверять.

Но Гитлер стремился делать *свою* политику в штурмовых отрядах. Рем же позиций своих не сдавал и после очередной склоки с фюрером демонстративно отказался от командования штурмовиками.

Отставка Рема была принята с обескуражившей его поспешностью. Рем написал покаянное письмо — оно вернулось нераспечатанным. «Фелькишер беобахтер» напечатала официальное сообщение об «уходе Рема из партии»...

Ушел в безвестность Рем. В Италии жил бежавший туда после путча Геринг. Ополчился против Гитлера Грегор Штрассер. Людендорф на дух не выносил вождя нацистов. Глава баварского правительства, которому Гитлер, едва выйдя на волю, нанес визит, чтобы, покаявшись, выклянчить должность, выставил его за дверь.

Гитлер искал хоть какую-нибудь службу... Ему отказывали. «Майн кампф» залеживалась на прилавках с первых дней после выхода в свет.

Гитлер обрюзг в тюрьме. Расслабленной походкой бродил он по улицам Мюнхена, останавливаясь у витрин книжных магазинов, с грустью взирал на свою книгу, валявшуюся среди прочего хлама...

Неудачливый автор плелся в пивную и часами просиживал за кружкой пива. Дома он читал или просто сидел у окна.

Сохранилась фотография тех дней. Гитлер в национальном баварском костюме сидит за столом. Вокруг — немногие прияте-

ли, еще верящие в него. Вся компания угрюмо позирует фотографу.

И вдруг в одночасье все переменилось!

Процесс над зачинщиками путча, громовые речи Гитлера в Народной судейской палате, где он пространно излагал свою программу, заинтересовали могущественных королей индустрии.

Фюрера посетили высокопоставленные гости: владелец сталелитейного концерна Фриц Тиссен и Мину — главный директор предприятий Сименса. После задушевной беседы Тиссен выложил Гитлеру сто тысяч валютных марок. Кое-что подбросил и Мину. Вскоре фюрера навестил Питиш из «ИГ Фарбениндустри» — и тоже раскошелился. Генри I Форд перевел Гитлеру десять тысяч долларов.

Партийная касса в руках фюрера, а деньги делают чудеса: туго набитый мешок снова вознес Гитлера на верхушку руководства, и он дал бой Людендорфу и его партии. Было это в феврале 1925 года. Огромная толпа пришла в пивную «Бюргербройкеллер» послушать Гитлера. Он ни словом не обмолвился о Людендорфе, но все понимали, кого фюрер имел в виду, яростно нападая на тех, кто, помешавшись на честолюбии, вносит хаос в национальное движение, кто не понимает, что в борьбе против врагов нации необходимо сплотиться только вокруг национал-социалистической партии.

— Я не нуждаюсь в вашей благосклонности, — обращался он к толпе. — Вы будете судить о моих словах через год, но до тех пор остается уговор: я руковожу движением и никто не ставит мне условий. В нашей борьбе есть только две возможности: либо враг пройдет по нашим трупам, либо его трупы растопчем мы. Тысячи трупов падут к нашим ногам!

Так, Гитлер снова встал во главе партии. Но один управлять ею он, разумеется, не мог. Нужны были кадры. И, как он сам сказал еще в двадцать третьем году, «не миллионы равнодушных, а сотни тысяч бойцов, идущих напролом». Вот по этому принципу Гитлер и подбирал вождей рангом пониже.

Смена идей и правительств зависит от множества обстоятельств.

Международный капитал восстанавливал разрушенную Германию. Дядя Сэм добился рассрочки репарационных платежей и дал немецким промышленникам заем — двести миллионов долларов.

Золотой заокеанский поток залечивал оставленные войной раны. Монополисты производства угля, стали, чугуна, химической индустрии объединялись в тресты и картели. Запахло военными поставками.

Компартия резко выступала против американского проекта вос-

становления Германии, названного «планом Дауэса» — по имени его автора — против контроля международных монополистов над народным хозяйством Германии. Нацисты, демагогически распинаясь, будто правительство продало страну иностранному капиталу, всякий раз голосовали против предложений компартии.

Новая волна антикоммунизма захлестнула Германию. В течение года суды вынесли немецким коммунистам шесть тысяч обвинительных приговоров. Тысячи пролетариев были брошены в тюрьмы общим сроком на семь тысяч лет.

То была лишь первая из попыток расчистить путь нацизму. Апофеозом ее стали выборы президента вместо умершего Эберта.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Рейхсвер и промышленники сделали ставку на человека, имя которого значилось среди списка восьмисот военных преступников — фельдмаршала Гинденбурга.

Кандидатом в президенты от нацистов был выдвинут Людендорф: Гитлер простил ему вероломство. Партия была призвана голосовать за генерал-квартирмейстера. Расчет несложный: водворись генерал в президентский дворец — быть фюреру на коне, не обойдут же его при дележе министерских портфелей! Увы, на выборах Людендорф скандально провалился.

И Гитлер вновь отступил в тень: хватало и работы в партии, буквально раздираемой противоречиями. Фюрер распускал одну непокорную фракцию за другой.

Везде шатания и разброд. Даже в Баварии дела — хуже некуда. Грызня и склоки в Тюрингии, Саксонии...

Погромщик Штрайхер, это «пугало Нюрнберга», ревниво оберегал призрачную власть в местной партийной организации от посягательств центра. В семи партийных организациях Северной Германии хозяйничал Штрассер — тоже не позволял фюреру вмешиваться в его дела.

Словом, повсюду Гитлер становился лишней фигурой. А лишних в политике принято убирать.

Штрассера поддерживал им же подобранный в глухой провинции Йозеф Геббельс. Учился он в разных университетах, но больше занимался «литературой». Роман «Михаэль» был сочинен им еще в юные годы. О чем думал, мечтал главный герой?

«Интеллект опасен для формирования характера. Не для того

мы живем, чтобы набивать голову знаниями. Воспитание удальцов — вот задача».

Или:

«Война ужасна? Пустые слова. Пытаться упразднить ее — все равно, что посягать на деторождение. Война — простейшая форма утверждения жизни. Ценить можно лишь то, что завоевываешь. Я вижу дымящиеся развалины домов и деревень в свете вечерней зари. Я вижу угасающие взгляды и слышу мучительные стенания умирающих. Руки мои черны от порохового дыма, одежда красна от крови. Я слышу команду. Меня охватывает бешеная ярость. Я чую кровь...»

И еще:

«Россия — угроза для нас. Ее необходимо устранить. Да, мы скрестим клинки, немцы и русские, германцы и славяне. Вот мой враг, его зовут Иваном. Наконец-то попался мне, дьявол! Он ловок, как кошка, но я сильнее его, и вот, схватив его за глотку, валю на землю. Он хрипит, и глаза наливаются кровью. Околевай! И я наступаю ему на череп...»

Цепляясь за крепкого Штрассера, Геббельс тем временем искал фигуру покрупнее.

2

В Бамберге Гитлер созвал конференцию нацистской партии. Геббельс вовремя узнал о решении фюрера покончить наконец с бунтовщиками и претендентами на его кресло.

Германия готовилась к референдуму. Немцы встали перед выбором: возвращать или нет земли и имущество низложенным курфюрстам, герцогам и семье Вильгельма второго? Экс-кайзер владел почти сотней тысяч гектаров земли! Сидевшие в то время в правительстве социал-демократы подписали договор с Гогенцоллернами: им передавались угодья и замки, оцененные в миллиард золотых марок.

Компартия внесла в рейхстаг проект закона о конфискации княжеского имущества и передаче его народу. Четырнадцать с половиной миллионов пошли за коммунистами. Четырнадцать с половиной миллионов ответили:

— Ни пфеннига коронованным бездельникам!

Вот на чем сломал шею Грегор Штрассер: все его семь окружных организаций призывали членов партии голосовать против компенсаций. Стало быть, рассуждал Гитлер, Штрассер — заодно с коммунистами?

— Мы не собираемся отдавать государям то, что им не принадлежит, но и не станем покушаться на их собственность. И уж

если идти на экспроприацию, то пусть она для начала коснется биржевиков и евреев, — так сказал Гитлер.

Конференция в Бамберге постановила: «Члены национал-социалистической партии должны воздержаться от участия в референдуме, устроенном евреями».

Кто голосовал на Бамбергской конференции против Штрассера в ту решительную для него минуту? Геббельс.

3

Услуга Геббельса не прошла незамеченной. Гитлер назначил его руководителем берлинской организации. Там, где началась блистательная карьера доктора Геббельса, найдет он и свой конец: «Русский Иван» наступит на череп, вмещавший так много ненависти и злобы.

Но пока... Пока Геббельс полон решимости покончить с главным врагом:

— Когда хулиганствующая демократия красной и розовой масти опять заговорит в рейхстаге о пресловутой свободе, равенстве и братстве, несколько сокрушительных зуботычин быстро выбьют из нее эту дурь.

В ту пору недруги много писали и говорили о Геббельсе. Кое-кто намекал, будто он вовсе не чистокровный ариец...

Проводились и исторические параллели. Хромоногий Талейран, например, отличался отвратительным характером. «Он умел раздувать дело, ослеплять, распускать на весь мир ложные сенсации, без зазрения совести использовать преданность друзей, чтобы присвоить себе чужие заслуги. К тому же он был искушен в благородных искусствах клеветы и интриг. Одного за другим он предал императора Наполеона и короля Людовика...» Написано это одним из друзей Штрассера, убийцей Эрихом Кохом, хорошо знавшим и Геббельса.

Кох писал о Талейране, но кого имел в виду?

Геббельс не удосужился ему ответить. Но ненависть к Коху, а особенно к Штрассеру, никогда его не покинет. Штрассер лягнул его, Геббельс Штрассера убьет.

Чтобы положить конец раздорам, Гитлер решился на отчаянный шаг. В мае 1926 года на генеральном собрании всех членов партии в Мюнхене он выступил с изложением организационных принципов НСДАП. Еще раз подтверждалась незыблемость его диктаторских полномочий.

Гитлер, и только он, имел право назначать руководителей местных организаций, исключать из партии, ему подчинялись штур-

мовые отряды и СС. Но как ни тужился фюрер, созванный месяц спустя им Веймарский съезд свою задачу не выполнил.

Лишь одно из предложений Гитлера было принято съездом единогласно: нацисты приступили к созданию своей молодежной организации — гитлерюгенд.

Да, не из лучших выдался тот год для фюрера. В НСДАП числилось от силы семнадцать-восемнадцать тысяч, а в кассе — вновь хоть шаром покати. Еще недавно щедрые кредиторы теперь выжидали: а на того ли сделана ставка? И надо отдать должное Гитлеру: он с редкостной целеустремленностью продолжал бороться, разъезжал по городам, выступая повсюду с речами, приводил в покорность бунтующих, изгонял из партии «смутьянов», выдвигая новых вожаков...

Все это стоит денег.

Где их еще раздобыть? Съезд создал «имперское общество добровольных вкладчиков». Здесь мы впервые встречаем имя Кирдорфа, крупнейшего рурского богача... Пока он в тени, и подачки его в «имперское общество» не слишком щедры: на то есть свои причины.

Нацистский мундир в те годы — кругом в заплатках: нюрнбергский съезд, парадные шествия, церемонии, громовые речи Гитлера, неистовая пропаганда Геббельса... едва слышным эхом отозвались в стране. На майских выборах в 1928 году нацисты едва-едва собрали восемьсот тысяч голосов, что обернулось потерей шести депутатских мест в рейхстаге и прусском ландтаге.

Казалось, партия окончательно уже выдохлась.

И кто знает, что стряслось бы с фюрером да и вообще с нацизмом, если бы над Германией, как, впрочем, и над капиталистическим миром, не разразился ураган кризиса.

Казалось, ничто не предвещало грозы. Промышленность набирала темпы. «ИГ Фарбениндустри» обеспечивала страну и экспортировала несметное количество синтетического горючего, тканей, красителей, взрывчатых и ядовитых веществ. Сельское хозяйство насыщало германские рынки.

Первые признаки тревоги появились еще в 1928 году, когда монополии, искусственно занижая цены на сельскохозяйственные продукты, «заморозив» цены на промышленные товары, накинули петлю на шею крестьянина. Двадцать тысяч крестьянских дворов разорились. Люди бросились в города, умножая и без того грандиозную армию безработных и нищих: кризис, ударивший по сельскому хозяйству, не пощадил промышленность, транспорт и торговлю.

Производство стали упало до уровня конца прошлого века. Общее состояние промышленности грозило катастрофой. Сократил-

ся объем внешней торговли. Государственный дефицит составлял два миллиарда марок, а долг государства иностранным банкам — двадцать семь миллиардов. Крах крупнейших банков разорял мелких вкладчиков. Больше трех миллионов безработных — таков горестный итог 1930 года. Потом два года спустя их было уже пять с половиной миллионов, а к началу 1933 года — около девяти!

Кризис сметал с лица земли фирмы, тресты, банки, заводы, забастовки прокатывались грозной волной по всей Германии. Громом разнеслись слова Тельмана:

— Мы должны со всей ясностью сказать, что являемся той партией, которая способна осуществить национальное освобождение народа без завоевательных войн, без угнетения других народов.

Без завоевательных войн? Стало быть, распрощаться с мечтой о жирном пироге? Без угнетения других народов? А колонии, на которые так жадно посматривали эти господа?

Заглушить голос компартии, задушить ее! Куда смотрит правительство?

«Наши партии, их вожди в рейхстаге и их представители в правительстве потеряли чувство ответственности перед государством и народом. Все идет к тому, что эту систему должен сменить новый порядок», — писали газеты крупных промышленников.

А народ потянулся к компартии.

Вот тогда-то и вспомнили о Гитлере и НСДАП. Стало известно, например, что в армии у нацистов — довольно сильная группа сторонников, конспирировавшихся в «Организации 2». Возглавляли ее командующий восточнопрусским военным округом Бломберг и начальник его штаба Рейхенау. Разговоры в этой организации начинались и кончались одним: «Реванш!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Муссолини своим примером подстегивал Гитлера к решительным действиям. Молодой вождь итальянских фашистов открыто вещал просвещенному миру:

— В этом году итальянская армия будет насчитывать четыре миллиона солдат. Гул моторов нашей авиации заглушит всякий ропот на полуострове, а крылья ее закроют небо Италии...

И это — в то время, когда в Женеве пережевывались бесконечные разговоры о разоружении.

— Чем мы хуже Италии? — спрашивали Лигу Наций немецкие реваншисты. — Реабилитация Германии перед всем миром — свершившийся факт. К тому же доказано, что именно союзники несут ответственность за войну. Германия снова требует возвращения ей колоний. И поскольку ваш устав предусматривает разоружение стран-победительниц, Германия вновь вооружится, если не перестанут бряцать оружием другие...

2

А что же делал в те времена Гитлер?

Успехи сменялись провалами, доводившими его до истерик. Вдруг возмутились штурмовики: партийные «бонзы» живут припеваючи, а они должны подставлять свои головы при каждой схватке с коммунистами! В какой-то уличной драке убили молодого, подающего надежды бандита-штурмовика Хорста Весселя. Убийство его приписали, разумеется, коммунистам.

Бандит стал героем нации, песня о нем — партийным гимном.

Недовольные еще и тем, что ни один из их вожаков не попал в рейхстаг, штурмовики взбунтовались, отказавшись подчиняться партийному руководству.

Из Мюнхена примчался Гитлер, мотался из одной казармы в другую. Штурмовики мрачно слушали фюрера. Что слова? Хватит задаром бить коммунистов! Гони деньги!

Обложив членов партии чрезвычайным сбором, вдвое увеличили партийный взнос. Гитлер лично перетряхнул кассы местных организаций, кое-что изъял из них... Получив отступного, штурмовики поутихли. Но фюрер накрепко запомнил тот бунт.

3

Давняя встреча в Эссене с хозяевами рурских предприятий не прошла бесследно. Охваченные страхом перед могучим ростом влияния компартии, там искали новых встреч с Гитлером. Переговоры были поручены Кирдорфу.

Этот крупный фабрикант искренне симпатизировал лидеру НСДАП и поэтому в беседе с ним был прост и откровенен.

— Отцы промышленности понимают политику несколько однобоко. Просветите их. И знайте, от вашего личного успеха зависит успех партии, ибо большие деньги могут дать только они.

В своем кругу Кирдорф не скупился на похвалы нацистам: вот кто разгромит компартию и спасет мир от беснующейся черни! Это та самая иерихонская труба, которая возвестит о новом по-

рядке на тысячу лет. Зовите Адольфа Гитлера, господа, не ошибетесь!

Гитлер постарался: брошюра была написана умелой рукой. Прочитав ее, пушечный король Крупп фон Болен пожелал увидеть фюрера.

И вот в Эссен приехал скромный, подтянутый, облаченный в отличный костюм молодой человек. В собственном автомобиле. Кстати, своя машина была теперь не только у фюрера, но и у берлинского гаулейтера Геббельса...

Крупп, впервые видавший фюрера, вел с ним непринужденный разговор. У Круппа спортивная внешность, седеющая голова, властное лицо, резко очерчен выступающий вперед лоб, нос прямой, плотно сжатые губы, глаза холодны. Он знал себе цену, этот фабрикант оружия, связанный с многочисленными фирмами Европы и Америки.

Гитлер исподтишка изучал хозяина дома, тот — гостя. Каждый из них примеривался к другому.

Крупп думал: «Стоит ли вкладывать капитал в вождя нацистов?»

Фюрер размышлял: «Интересно, сколько он может дать?»

Принесли кофе. Отлично! Господин Крупп должен знать, что фюрер наци пьет только кофе или чай. Изредка — слабенькое пиво. Крепких спиртных напитков не потребляет. Вегетарианец. Во-первых, это полезно для здоровья. Во-вторых, оригинально.

Крупп внимал Гитлеру и покачивал головой. Что ж, каждый живет как хочет. Для вождя подобная скромность в быту — украшение. И пример другим.

— Да, да, все это очень занятно, — сказал Крупп и добавил, что вскоре он устроит фюреру встречу с деловыми людьми Германии, а там... — Там увидим, что можно сделать...

Еще никогда зал Индустриального института в Дюссельдорфе не видел столь блестящего общества.

Хранители невидимой, но всепроникающей и абсолютной власти съехались в Дюссельдорф послушать фюрера и окончательно решить: ставить на него или искать другого — покрепче. Немедленно отдать власть Гитлеру или все-таки подождать. Многие из них через считанные годы были объявлены военными преступниками.

Двери наглухо закрыты: то, что говорил им тогда Гитлер, не должно было стать достоянием других.

— Широкая рабочая масса не желает ничего, кроме хлеба и зрелищ. Ей недоступны идеалы, и мы никогда не сможем рассчитывать на то, чтобы привлечь на свою сторону рабочих. Мы желаем нового отбора, господа. Отбор этот не будет исходить из ка-

кой-то морали сострадания. Мы уясним себе, кто имеет право на господство. И сохраним и обеспечим это господство, невзирая ни на что.

Гром аплодисментов.

— Ну а как же с вашими социалистическими пунктами программы? — обратился к фюреру кто-то из господ.

Гитлер усмехнулся.

— Однажды Штрассер спросил меня: если бы вы завтра получили власть в Германии, как бы вы поступили послезавтра, например, с акционерным обществом Круппа? На это я ответил и вам скажу, господа: разве я похож на безумца, разоряющего хозяйство? Государство будет вмешиваться только в тех случаях, когда предприниматели действуют не в интересах нации... Слово «социализм» само по себе неудачное. Во всяком случае, оно не означает, что данные предприятия должны быть национализированы. Позвольте мне процитировать и моего друга, геноссе Геринга. Он сказал одному предпринимателю: «Не вводите себя в заблуждение текстом наших плакатов. Цель оправдывает средства. Какая партия не заманивает своих выборщиков?..»

Поверьте, господа, национал-социализм не ограничится одной Германией, он увековечит по меньшей мере на тысячу лет господство высшей расы над всем миром!

Символ нашей нации — железный бронированный кулак. Главной продукцией германской индустрии должен быть тот же кулак. Где наш враг? На Востоке. На кого мы обрушим железный кулак? На коммунистов здесь, в Германии, и на большевиков в России. Что дает нам право на господство? Война. Что такое война? Война — это я, господа! Только усилия личностей имеют значение. Повторяю: масса слепа и глупа. Господа, это чудо нашего времени, что вы нашли меня среди многих миллионов, а то, что я нашел вас, — это счастье Германии.

Аудитория не на шутку заволновалась. Отовсюду посыпались вопросы:

— Хотите ли вы введения всеобщей воинской повинности и будете ли этого добиваться?

— Да.

— Согласны ли с тем, что Германии пора вооружаться, чтобы решить мировые и внутренние противоречия войной?

— Я уже сказал: да.

— Партия наци действительно способна установить в стране надлежащий порядок?

— Да.

— Какими силами располагает фюрер?

— Мы проводим четкую грань между членами партии и ее

приверженцами. Приверженцы — это весь германский народ. Членов партии — шестьсот-восемьсот тысяч. Только эти последние — пригодный для нас материал. Все остальные — попутчики, которые идут за нами, когда мы выступаем сомкнутыми колоннами. Впредь мы отказываемся от путчей. То была детская болезнь движения. Отныне наш путь к власти — легальный.

Господа до боли отхлопали ладони. Этот Гитлер понимает, что к чему! При нем можно будет развернуться! Им уже мерещились пушки, самолеты, танки... И никакой конкуренции. Разве не Гитлер сказал, что право вооружить Германию принадлежит исключительно отечественной индустрии?

Всеобщее оживление и радость в сердцах! Как кто-то заметил, сердце капиталиста карман, а карман — его сердце. Нет, Адольф Гитлер достоин того, чтобы набить его карманы купюрами.

Встал Кирдорф.

— Итак, кто хочет видеть фюрера во главе германской нации?

4

Голосовали чековые книжки. Представители горной промышленности предъявили чек в миллион марок. Голосовали чеки Круппа, «ИГ Фарбениндустри», «Коммерцбанка», Флика, Маннесмана, банка Фишера, союза рурских предпринимателей «Норд-Вест», концерна Сименса, правления АЭГ.

Владельцы шахт обязались с каждой проданной тонны угля пять пфеннигов отчислять партии наци.

Это шесть миллионов марок в год!

Триста тысяч марок — таков вступительный взнос Фрица Тиссена, владельца сталелитейного концерна в Мюльхейме.

У фюрера имелось много советников. Но среди них были, естественно, главные: к ним относился и Фриц Тиссен.

Прошло немного времени, и «Фелькишер беобахтер» сообщила, что Кирдорф избран почетным председателем партии наци.

В битву за фюрера включился президент рейхсбанка Шахт.

Ему предстояла поездка в Америку. Ехал туда Шахт не только по служебным делам, но и в надежде добыть для нужд НСДАП еще десяток-другой миллионов. И он не поленился выступить на сорока собраниях «лучших людей США»... Шахт утверждал, что единственная реальная сила в Германии нацисты, и есть единственный человек, способный не только предотвратить революцию в рейхе, но и покончить с большевиками.

Осторожные и расчетливые дельцы послали в Германию банкира Уорбурга: так ли уж все, как рассказывает Шахт? Гитлер

принял посланца американских капиталистов в своей частной резиденции в Берлине.

Презирая всякую вежливость, Уорбург в упор разглядывал фюрера. Его отъевшаяся скуластая физиономия не слишком понравилась американцу. Усы торчком — тоже. Подбородок сильный, это хорошо. Пронзительный взгляд темно-коричневых глаз. Плечистый, осанистый. Голос глуховат, но хорошо поставлен...

«Этот подойдет», — заключил про себя Уорбург.

Когда фюрер изложил банкиру план «легального» захвата власти и дальнейшие перспективы, в частности, насчет войны с Советами, Уорбургу все стало ясно.

— Голова у этого парня варит достаточно здраво, — сказал он, вернувшись в Нью-Йорк.

Собравшиеся послушать его предприниматели оценили эту фразу в несколько миллионов.

— Теперь хватит болтать, — напутствовал Гитлера Шахт. Пора действовать!

Постепенно расчищая дорогу Гитлеру, капитал сбросил социал-демократическое правительство Мюллера. К власти поставили вождя партии католического центра Брюннинга.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Щедро смазанная нацистская машина взяла разбег.

Бешеный размах, грандиозные приготовления, перестройка партии снизу доверху. Назначены областные фюреры (гаулейтеры), окружные (крейслейтеры) и так — до самых низов, до самых мелких поселков и деревень.

Опять выплыл на поверхность владелец кружевной фабрики, кредитор Гитлера в двадцатых годах, организатор первых нацистских ячеек в Саксонии. Фюрер не забыл о нем. Мартин Мучман был назначен гаулейтером Саксонии, одной из ключевых земель Германии.

Фюрер повел «партийную обработку» в каждом квартале, доме: там раскинулась широкая сеть ячеек под разными названиями, зато с одинаковым содержанием.

— Больше гибкости, больше гибкости! — неизменно требовал Гитлер.

Теперь партия стала широко разветвленной организацией. Каждый день пять-десять митингов и собраний. В течение одного только года нацисты организовали двадцать тысяч выступлений своих вожаков в городе и деревне. Загремели трубы иерихон-

ские, призывая молодежь и взрослых в штурмовые отряды и в отряды СС. Снова понадобился Рем.

Скатившись в глубины мюнхенского дна, распутничая, Рем здорово к тому времени одичал. Боливийское правительство искало инструкторов для армии. Кто-то порекомендовал Рема. Инструктор так инструктор, черт побери! А там, глядишь, командующий армией! Укрепиться, сколотить хунту, свергнуть правительство и самому стать правителем Боливии — это ли не перспектива!

И вдруг — телеграмма: «Немедленно возвращайся». Рем, сев на первый же пароход, уже вскоре ступил на германскую землю. Здесь его ждало назначение — нет, не командиром штурмовиков — прошлых грехов Рема фюрер не забыл, — начальником их штаба. Он трудился не покладая рук, и за год число штурмовиков выросло вдесятеро. Двести тысяч — это уже армия...

Вернулся из-за границы неунывающий Геринг — почуял, что в Германии запахло доброй наживой. Гитлер и словом не обмолвился о его дезертирстве: солидный куш, положенный им в сейф нацистов, согрел встречу «на высшем уровне».

Геринг быстро освоился в кресле депутата рейхстага от нацистов, он принят в салонах знати.

А связи Геринга с высшим светом, куда фюрера еще не пускали, очень нужны партии!

2

Собрав старую гвардию, Гитлер пустил в ход все двигатели нацистской пропаганды. Союзы безработной молодежи, учителей, юристов, женщин, студенчества, гитлерюгенд огласили Германию воплями предвыборной агитации; канцлер Брюннинг, чтобы упрочить свое положение, объявил новые выборы в рейхстаг.

Была пущена в ход тонкая обработка мозгов на биржах труда, в общежитиях, на квартирах безработных, куда не ленились ходить агитаторы фюрера...

Нацисты подыскивали людям работу, открывали бесплатные общественные столовые.

Те, кто получал плошку капустного супа, знать не знали, что ее оплатили господа из Дюссельдорфа — Крупп, Маннесман, Флик... Несчастным, изголодавшимся, изверившимся людям невдомек, что Гитлер считает их «слепой и глупой толпой, нуждающейся в хлебе и зрелищах».

Теперь НСДАП понадобились не только голоса горожан, мелких собственников и ремесленников. Она устремила свои взоры на деревню.

Гитлер, хотя и происходил из коренных австрийских крестьян, чуждался этого класса, не понимал его, с брезгливостью относился к «серой» массе, боясь, что партия, пойди она в деревню, растворится в ней. Он отказывался понимать Штрассера, когда тот твердил о возможности восстания немецких бауэров, ничего не получивших от республики, задавленных долгами, разоряющихся и бегущих в города.

На нацистском небосклоне появилась новая звезда. Вальтер Дарре, будущий «крестьянский вождь» в иерархии НСДАП, только что окончил сельскохозяйственный институт, вступил в партию Гитлера и сразу занял в ней руководящее положение. Он знал крестьянскую жизнь и разбирался в сельской экономике. Став советником Гитлера, разработал своего рода аграрную программу нацистов, заодно пояснив фюреру: «Дело не только в том, что крестьянство кормит народ, а в том, что сельское население унаследовало от предков крепость и здоровье, что оно — вечный источник юности народа и оплот нашей *военной* силы».

Дарре пошел дальше; он утверждал, что *крепкое* крестьянство, живущее на своей земле, «есть подлинное народное дворянство», и не принимать это в расчет — непростительная ошибка. Напротив, необходимо возвеличить крестьянина, защитить его собственность, поддержать высокие цены на его продукты, объявить, что крепкое крестьянство является «дворянством крови и земли»!

3

То, что происходило за закрытыми дверями Индустриального клуба, стало известно много позже, когда миллионы немцев уже были вовлечены в грандиозную, пагубную ловушку. А пока что обыватель читал на первой странице геббельсовского «Ангриффа» лозунг: «За угнетенных! Против эксплуататоров!»; обыватель видел книги, выпускаемые нацистским издательством с эмблемой, изображающей молот, серп и меч. И надпись: «Работа, мужество, хлеб!» В «Фелькишер беобахтер» что ни статья, то пламенный призыв сокрушить монополии, плутократов, евреев и коммунизм, медоточивые басни о рае, которому тотчас быть на немецкой земле, стоит лишь партии фюрера прийти к власти. Итак, голосуйте за НСДАП! За вашего Гитлера, за ваше личное благосостояние, за работу для всех, за то, чтобы стать фатерланду могучим, за отмену версальских удавок, за жизненное пространство на Востоке, которое вы, пролетарии, перековав орала на мечи, завоюете в недалеком будущем!

Однако пролетарии в те времена не шли восторженными толпами в партию фюрера: они помнили кровавые расправы штурмовиков с теми, кто голосовал за коммунистов, кто не хотел диктатуры воинствующего нацизма. Да, трудновато доводилось нацистским агитаторам на заводах и в шахтах Рура. Волей-неволей пришлось взяться за деревню. Дарре разработал стройную систему обработки крестьянских мозгов. Деревня станет неисчерпаемым резервуаром партии, если взяться за нее всерьез.

И вот стены домов и ферм, амбары, скотные дворы запестрели нацистскими плакатами. «Вас предавали все партии; все, кроме партии фюрера!», «За счастливую, богатую деревню!», «За жирную пищу на каждом столе!» Мекленбургский, восточнопрусский, померанский бауэр поддержал нацистов. Батраки, которым нацисты обещали поддержку, отдали свои голоса фюреру. За него встали разоренные крестьяне: фюрер обещал им миллионные кредиты.

Необозрима армия избирателей! Крестьяне, мелкие буржуа, торговцы, чиновничья рать, люмпен-пролетарии, черносотенное студенчество — вот те миллионы, которые отдадут свои голоса национал-социалистической партии, вот по чьим спинам взберется фюрер на верхушку власти!

Гитлер торжествовал: осенние выборы 1930 года принесли ему оглушительную победу. В ходе выборов он мечтал получить хотя бы полсотни мест в рейхстаге. И получил сто семь!

«Сарай для болтовни», как в своих речах вожди нацизма называли рейхстаг, отныне стал их цитаделью. Теперь Гитлер всерьез заговорил о приходе партии к власти. А почему бы нет? Ему обеспечена помощь финансовых воротил и промышленников. Он, бывший ефрейтор, держится накоротке с генералами рейхсвера. Гитлер уже не заискивает перед ними, а поучает и даже стращает: «Речь идет о том, кто победит в конечном счете, марксизм или мы. Если победят левые, то вы, господа генералы, можете в лучшем случае стать полицейскими вахмистрами». Генералы помалкивали, но Гитлер знал: со временем заговорят, черт побери!

В рейхстаге сто семь крикливых и скандальных демагогов прочно сидят на депутатских местах и улюлюкают коммунистам, поднимающимся на трибуну. В партии триста тысяч человек, слепо верящих в божественное предназначение фюрера. «Там, где вождь — Гитлер, каждый может занять место в рядах его партии», — заявил весной 1930 года сын кайзера, кронпринц Август-Вильгельм Прусский, надевший коричневую рубашку штурмовика. Его отец, Вильгельм, узнав, что сынок был избит полицией за участие в скандальной свалке с коммунистами, порадовал прин-

ца телеграммой: «Ты должен гордиться тем, что стал одним из мучеников этого великого движения...»

Глядя на принца, многие высокопоставленные аристократические дома открыли свои двери перед Гитлером. Он и его окружение стали вхожи в правительственные сферы, обедают и ужинают в интимной обстановке. Нет, они еще не делят власть с рейхсканцлером, но «мои штурмовики готовы в любой момент, господин канцлер, подавить левых и левую чернь...».

Опьяненные победой партии, штурмовики разносят в щепки еврейские лавчонки и устраивают погромы.

Это не понравилось правительству, пришлось не по душе западной «демократии». И фюреру подобные скандалы ни к чему. Пока — ни к чему...

Лагери определились: с одной стороны — коммунистическая партия, поддерживаемая сознательной частью пролетариата, с другой — нацисты, вовлекающие в свои сети кого попало из того «ублюдочного» класса, который, как писал Гюго, состоит из людей невежественных, но преуспевающих, и из людей образованных, но опустившихся...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Кончалось президентство Гинденбурга. Глава правительства Брюннинг уговаривал Гитлера согласиться на автоматическое продление президентских полномочий фельдмаршала и тем самым «избавить германский народ в это тревожное время от избирательной борьбы».

В чем дело? Почему — тревожные времена?

К тем годам Версальский договор превратился в клочок бумаги.

Германия восстановила военно-морской флот. Англия и Франция согласились увеличить рейхсвер до двухсот тысяч человек. С берегов Рейна французы ушли. Репарации Германия уже не платила. И требовала вернуть ей Саар, пересмотреть проблему Польского коридора, а взамен заключить на десять лет с Францией пакт о ненападении, чтобы развязать руки на Востоке.

— Соглашение с Францией имеет смысл только в том случае, если она будет прикрывать наш тыл в борьбе за увеличение жизненного пространства нашего народа в Европе, — сказал Гитлер.

Европа велика. Она кончается на Урале. К этим пространствам тянулись немецкие милитаристы и капитал. Но компартия не

щадя сил разоблачала реваншизм и рупор реваншистов — партию национал-социалистов.

Гитлера успокаивало то, что коммунистам так и не удалось построить всенародную плотину против нацизма. И все-таки он и его покровители побаивались: а вдруг? Кризис еще давал знать о себе.

«Имперский союз промышленников», «Центральное объединение немецких банков», «Имперский союз землевладельцев», «Имперский союз оптовой и заморской торговли» — письменно потребовали у правительства немедленно «найти путь к устранению грозной опасности, нависшей над материальными, духовными и культурными ценностями нации». Брюннингу пригрозили: «Мы отказываемся защищать ваше правительство и господствующую ныне систему».

Угроза подействовала. Вот тогда-то Брюннинг и попросил Гитлера приехать к нему.

Попросил...

И, как уже сказано, предложил помочь правительству продлить полномочия президента-фельдмаршала.

— Все будет тихо, — уговаривал канцлер упорно отмалчивающегося фюрера. Мы изменим конституцию, вы проголосуете за поправку к ней, и старик посидит еще какое-то время в своем кресле. А потом... Потом одному господу известно, кому оно достанется. Во всяком случае, я не стану на вашем пути.

Сказано достаточно ясно, но, черт побери, сколько можно ждать? И потом, разве можно верить этим господам?

Хорошо. Я согласен, если вы, господин Брюннинг, немедленно уступите мне канцлерство. Вам все равно скоро придется уйти. Вами недовольны. Вы слишком, извините, мягкотелы к левому сброду.

Фюрер переборщил: Брюннинг даже торговаться не стал... Но в назревавшую склоку вмешался Оскар Гинденбург.

Бывает, отцы портят своими советами сыновей. Случается и наоборот — сыновья ставят отцов в глупейшее положение. Полковник Оскар Гинденбург любил отца, но поклонялся фюреру. И отправился уговаривать его назначить Гитлера канцлером. Вмешался Брюннинг, заявив, что фюрер не согласен на автоматическое продление президентства фельдмаршала.

Старик зашелся от злости.

— Ах, так? Рано быть этому ефрейтору канцлером! — И объявил, что выставляет свою кандидатуру на второй срок.

В отместку нацистское руководство объявило Гитлера своим кандидатом в президенты. И тут вдруг вспомнили: да ведь он австрийский подданный! В срочном порядке национал-социали-

стическое правительство Брауншвейга назначило Гитлера советником брауншвейгского посольства в Берлине.

Так фюрер стал... немцем.

2

Чтобы воспрепятствовать переизбранию Гинденбурга и перекрыть путь в президентское кресло Гитлеру, компартия предложила социал-демократическому руководству: мы снимем своего кандидата и поддержим вашего.

Социал-демократическая верхушка не только отказалась поддержать кандидатуру Тельмана, но и сняла своего кандидата, заявив, что из всех зол Гинденбург — наименьшее.

Компартия шла на выборы президента с лозунгом: «Кто голосует за Гитлера, тот голосует за войну!..»

Ни золотой поток, позволивший нацистам развернуться, ни перемена подданства не помогли Гитлеру. Гинденбург получил девятнадцать миллионов голосов, Гитлер — тринадцать. Пять миллионов человек голосовали за Тельмана. Их-то и недосчитался фюрер. Эти пять миллионов отбили атаку нацистов, почти на два года задержав их приход к власти.

3

Брюнинг уходил. Понимая, что Гитлер сыграл в этом деле не последнюю роль, канцлер напоследок подложил фюреру свинью.

Социал-демократы, сидевшие в гессенском правительстве, по совету Брюннинга заинтересовались регулярными сборищами штурмовиков в именье Боксгейм. Полиция провела обыск, и в ее руки попали скандальные документы.

Речь в них шла о заговоре штурмовиков, который должен был привести к власти не Гитлера, а главарей штурмовых отрядов.

Нашли программу заговорщиков. Пункты и подпункты. За нарушение пункта первого — расстрел, второго виселица, третьего — четвертование, четвертого — каторга, пятого — пожизненная одиночка... И дальше в той же манере.

У Гитлера поинтересовались:

— Что это значит?

Он лишь пожал плечами:

— Руководству партии об этом ничего не известно.

Его спросили, нет ли таких же документов в других организациях нацистов.

Он невозмутимо ответил, что не роется в письменных столах товарищей по партии.

— А зачем во время выборов президента вы собрали штурмовиков в берлинские казармы?

— Мы ждали коммунистического восстания.

— Известно ли вам, что в планах начальников штурмовых отрядов найдены пароли?

— Какие именно?

— Например, что это значит: «Бабушка умерла»?

— У меня бабушки нет.

— Это был сигнал для выступления штурмовиков?

— Дуракам закон не писан.

— Кого вы имеете в виду?

— Решайте сами.

Однако правительство сочло, что законы для всех одинаковы и частное лицо не имеет права содержать в государстве свои личные вооруженные силы.

Брюннинг немедленно запретил деятельность штурмовиков и СС, но в запальчивости забыл о его опекунах. А те, оставшись без войска их марионетки, пожаловались президенту на самоуправство Брюннинга. Гинденбург, которому уже давно нашептывали, что рейхсканцлер строит козни против него, вызвал зарвавшегося интригана.

— У вас в кабинете министров носятся с большевистскими планами, господин канцлер. Вы мешаете национальному движению.

Брюннинг отвечал, старик не слушал. Или не слышал: он был туговат на ухо. Все это продолжалось минут пятнадцать.

Наконец фельдмаршал поднялся с кресла, опершись на палку.

— Вам бы лучше отказаться от канцлерства и заняться иностранными делами.

— Извините, господин президент, я дорожу добрым именем и честью. — Поклонившись, канцлер направился к двери.

— Эй, подите сюда! — окликнул его президент... — Так, значит, завтра вы передадите ваше кресло господину Папену.

Брюннинг тихо закрыл дверь. Старик вздохнул. Боже, как они надоели ему! Грызутся словно собаки, конца этому не видно.

Шаркающей походкой фельдмаршал подошел к окну. Березы зеленели в саду дворца. «Доживу ли я до осени, когда умирающая природа позолотит их листья?» И он снова вздохнул.

Как только Компартия Германии вышла на политическую арену, не было месяца, недели, дня, наконец, чтобы она не предлагала социал-демократам сотрудничество в сопротивлении нацизму.

Еще в двадцать девятом году съезд коммунистов предупреждал народ Германии о наступлении фашистов. То, что при выборах в рейхстаг они получили в восемь раз больше голосов, чем три

года назад, вселяло тревогу. Но стратегия единого антифашистского движения, стратегия народной революции встречалась в штыки не только правыми социал-демократами.

Центральному комитету и его руководителю Тельману приходилось бороться не только с нацистами, но и с правыми и левыми настроениями в самой компартии, с левым и правым сектантством.

Слишком догматичными были установки, идущие по линии всего коммунистического движения, когда даже левые социал-демократы клеймились врагами революции, когда не разгром нацистов, а низвержение социал-демократии считалось задачей номер один.

Были и другие сложности внутрипартийного порядка: в те времена каждый десятый коммунист не имел работы. На всех заводах Германии у компартии было всего две тысячи ячеек, а так называемых домовых — около шести тысяч!

И все же в Брауншвейге коммунисты и социал-демократы, объединив усилия, провалили кандидатуру нациста. Там бургомистром был избран социал-демократ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Наконец-то германское правительство возглавила личность с яркой биографией: Папен не чета скучным и серым марионеткам вроде Мюллера, Брюннинга и прочим, быстро сменявшим друг друга канцлерам.

Накануне первой мировой войны Папен служил военным атташе в Вашингтоне и был известен среди приятелей как «красавчик Франци». Был он весел, остроумен и откровенен. Со злой издевкой высмеивая «туполобую» немецкую политику, позволял еретические высказывания в адрес кайзера. Ему платили откровенностью. Часто бывая на приемах и светских раутах, собирал недурную разведывательную информацию. Военной форме всегда предпочитал фрак. Все знали, как он богат.

У Папена в те годы завелся прекрасный помощник — морской офицер Вильгельм Канарис.

Оба они занимались отнюдь не только своими прямыми обязанностями, проявив недюжинную хватку предпринимателей: купленная ими в Нью-Йорке фирма «Г. Амсик и К°» процветала. И кому могло прийти в голову, что под вывеской фирмы скрывается конспиративная квартира диверсантов, готовых послужить военному атташе кайзера!

Обширная агентура Папена состояла из ирландских террористов и уголовных преступников. Разумеется, подпольная сеть не задаром работала на фатерланд. Папен не скупился на оплату шпионов-профессионалов и крупно одаривал людей, не подозревающих, какие услуги они оказывали «милому Франци», выбалтывая оборонные и экономические секреты Соединенных Штатов.

Уже много лет спустя выяснилось, что на агентуру Папен истратил по меньшей мере сорок миллионов долларов. Они окупились!

Папен вполне легально узнавал то, что стараются разнюхать военные атташе всех посольств мира. И одновременно устраивал своих агентов на фабрики, заводы (преимущественно военные), в доки. Его шпионов обнаруживали на фермах, на трансатлантических пароходных линиях... И даже в правительстве!

Просто диву даешься, с какой легкостью люди попадали в сети Папена и как доверчива была к нему вашингтонская публика даже тогда, когда Германия начала первую мировую войну. Поразительно и то, что подрывную деятельность Папена разоблачили уже после того, как он успел крепко насолить «этим идиотам янки» так он сам именовал своих бесчисленных американских друзей и всех американцев вообще.

Взрывались заводы — виновников не находили. Пятьдесят военных и пассажирских судов пошли ко дну вместе с тысячами людей: агенты Папена подкладывали в трюмы зажигательные бомбы. Они же травили скот, поджигали склады продовольствия, предназначенного для воюющих западных стран. Из-за непредсказуемых аварий надолго приостановилась работа на сорока важнейших военных объектах, были сожжены десятки товарных станций. По самым скромным подсчетам, эта деятельность Папена обошлась Америке в полтораста миллионов долларов.

Послу Германии в Соединенных Штатах Папен изложил проект немецкого военного десанта в Канаду, где армия кайзера могла бы рассчитывать на густую сеть выпестованной им местной «пятой колонны». Когда американская полиция добралась наконец до него и он был выслан из США, кайзер лично удостоил благодарностью своего любимца.

После мировой войны Францхен жил тихо: как-никак, еще не были забыты его преступные дела. Он женится на богатой даме и становится довольно заметным промышленником. Его предприятия в Руре процветают, Папен — ловкач во всех областях. Постепенно, путями темными и извилистыми, он подбирается к правительственным верхам. Ему покровительствует глава рейхсвера генерал Шлейхер. Впрочем, «милый Франци» был нужен Шлейхеру тоже для работы не слишком чистой: генерал затеял

очередную интригу против партии центра, надеясь при помощи Папена внести в ее ряды смуту.

Как бы там ни было, Францхен очутился в Женеве. Он давно мечтал отличиться на политическом поприще. В любой роли. В любой должности. Лишь бы снова выплыть на поверхность...

Его преступления как бы забыли; с ним почтительно раскланиваются, его мнение почитается эталоном.

В кулуарах Лиги Наций о нем говорили, как о восходящей звезде.

Папен оправдал свое назначение. От имени правительства он объявил, что Германия не желает присутствовать на заседаниях по разоружению и начинает строить тяжелые крейсеры.

Вот его-то, шпиона и диверсанта, Гинденбург и назначил канцлером после ухода Брюнинга.

2

С чего же начал «милый Францн»? В первые же дни канцлерства он запретил «Роте фане» и другие коммунистические газеты, ввел смертную казнь за «государственную измену», снизил заработную плату, лишил пособия почти всех безработных, а те, кто его еще получал, не могли, конечно, прожить на жалкие пятнадцать марок в месяц.

И отменил приказ Брюнинга о запрещении штурмовиков и СС.

Только этого Гитлер и ждал! Он понимал, что агитацией и пропагандой возьмешь не много, а штурмовики дубинками и пулеметами решат любую проблему. Он доказывал своим нетерпеливым друзьям, что поддержка правительства Папена — тактическое благоразумие.

— Мы подобны троянскому коню и одним копытом уже в кресле власти.

Правительство Пруссии возглавляли социал-демократы. В те времена в рейхстаге и ландтагах их представляли четыреста депутатов.

Две с половиной тысячи бургомистров и городских советников, почти четыре тысячи членов окружных и провинциальных выборных органов, тридцать тысяч социал-демократов в местных органах государственного управления, свыше пятидесяти тысяч в партийном аппарате, десятки тысяч в профсоюзных организациях.

Добавим к тому стотысячную прусскую полицию, находившуюся в руках социал-демократов, их военизированную организацию; вот какой силой располагали руководители социал-демократов только в Пруссии! Они — во главе правительства. Кто владе-

ет Пруссией, владеет Германией — это понимали все. Получив в прусском ландтаге треть депутатских мест, гитлеровцы не смогли образовать нацистского правительства. Социал-демократы как ни в чем не бывало продолжали управлять этой огромной землей. У правых давно уж руки чесались расправиться с этим «гнездом марксистов». Но как это сделать?

Гинденбург направил Папена в Пруссию — имперским комиссаром, приказав ликвидировать социал-демократическое правительство.

Очевидец этой истории рассказывает:

«Когда прусскому министру внутренних дел социал-демократу Зеверингу приказали сдать дела, тот отказался, повторив, что подчинится лишь насилию.

— Какая форма насилия вас устроит? — любезно осведомился Брахт, заместитель имперского комиссара.

— Пусть с наступлением темноты два полицейских офицера выведут меня из министерства, — ответил Зеверинг, который незадолго до того сказал имперскому министру внутренних дел: «Назначайте в Пруссию чрезвычайного комиссара. Не теряйте времени! Чего вы ждете?»

Вечером в кабинет Зеверинга явились новый прусский полицей-президент и новый начальник полиции (оба назначенные Папеном), взяли его под руки и вытолкали из кабинета.

Социал-демократы подали на Папена жалобу в Верховный суд. Она лежала там до тех пор, пока Гитлер не разогнал самую партию...

3

Под давлением Гитлера, пообещавшего Папену свою поддержку, тот объявил новые выборы в рейхстаг.

Наступили жаркие дни! Жаркие не только потому, что особенно знойным был июль 1932 года: буржуазные партии сцепились не на шутку.

Советники Гитлера разработали «хозяйственную программу», обещая молодежи трудовую повинность и работу пятистам тысячам безработных, крестьянам — повысить доходы на два миллиарда марок, горожанам четыреста тысяч новых квартир в год.

«Мы дадим работу еще одному миллиону человек!», «Каждому в руки — лопату!» — кричали плакаты наци.

Хозяйственную программу напечатали в шестистах тысячах экземпляров! Господа из Дюссельдорфа снова развязали кошельки.

Штурмовики вышли на улицу — завоевывать ее для Гитлера. Выступая 15 июля во Дворце спорта, Геринг обещал «Ночь длинных ножей». Доктор Фрик в те же дни сказал, что с тысячами марксистов «произойдут неприятности».

В Берлине снова запахло путчем! Папен предупредил Гитлера: рейхсвер будет стрелять.

Штурмовики, побуянив, ушли в казармы. И не потому, что побоялись угрозы. Им крепко досталось от коммунистов, особенно в Вуппертале и в рабочих гамбургских кварталах, куда нацисты вломились с явно провокационной целью — вызвать восстание.

Двести тридцать мандатов получили нацисты. Геринг был избран председателем рейхстага. Теперь Гитлер мог бы властвовать там... Если бы правые партии поддержали его. Но те не хотели уступать фюреру, а он — им.

4

Первое заседание нового рейхстага открыла старейший депутат, коммунистка, семидесятишестилетняя Клара Цеткин:

— Сейчас самое главное — создать единый фронт всех трудящихся, чтобы отбросить фашизм и тем самым сохранить силу и мощь своих организаций. И собственную жизнь. Перед этой целью должны отступить сковывающие и разъединяющие нас политические, профсоюзные и религиозные соображения. Я открываю рейхстаг по обязанности старейшего его депутата. Я надеюсь дожить еще до того радостного дня, когда открою первый съезд Советской Германии!

Восемьдесят девять коммунистических депутатов устроили Кларе Цеткин овацию. На следующий день газеты опубликовали призыв к народу объединиться.

Гитлера вызвали к президенту. Он ехал из Мюнхена в Берлин, полный уверенности, что уж теперь-то ему предложат пост канцлера: в рейхстаге — 230 нацистов. И тем более звонким был щелчок по носу, отпущенный ему фельдмаршалом. Гинденбург рассуждал по-армейски: нацистское движение — это хорошо. Но почему, собственно, во главе его встал какой-то там австрияк-ефрейтор? Правда, за ним — сила. Может быть, предложить ему какое-нибудь министерство?

Папен, зная, как настроен фельдмаршал, с высоты канцлерского кресла поучал Гитлера:

— Видите ли, он не слишком расположен к вам. Мне, пожалуй, удастся уговорить нашего упрямого старца дать вам пост вице-канцлера. Может быть, с какой-нибудь добавкой.

И тут фюрер разразился речью гневной и истерической. Его

взбесило само это — «вице-канцлер». Он не какой-нибудь проходимец, чтобы рысью бежать за министерским портфелем! И фюрер пригрозил варфоломеевской ночью...

Папен снисходительно улыбался. Его холодные глаза прощупывали плечистого человека, разъяренного, пышущего злостью.

Когда фюрер немного остыл, Папен посоветовал ему идти к президенту: там решится все.

Фельдмаршал не любил новшеств. Раз и навсегда он отрепетировал спектакль назначений и увольнений. Но если Брюннинга просто выставил за дверь, то Гитлеру перед этим еще и прочел нотацию.

Нет, он не может себе позволить передать всю власть нацистам. Он слышал что-то насчет варфоломеевской ночи... Так вот, пусть всем будет известно — ему не по нраву излишне прямолинейные действия. Нужно проявлять больше рыцарских чувств к своим идейным противникам.

Папен, к примеру, отлично расправляется с красными. Он и останется канцлером.

Пятясь, Гитлер шел к двери, отвешивая поклоны. Рем помог фюреру сесть в автомобиль.

В ноябре Папен распустил рейхстаг, на который не мог уже опираться, и назначил «чрезвычайные выборы». Они дали коммунистам шесть миллионов голосов и ровно сто мандатов, социал-демократам — семь миллионов голосов, нацисты потеряли два миллиона избирателей.

Сохранилась фотография тех дней. В центре — Гитлер. Он в кожаном пальто, воротник поднят. У него вид боксера, которому только что расквасили нос. Побитыми выглядят Рем и Геринг...

5

Перед нами — дневник Геббельса той поры.

«1932 год.

7.XI. Среди избирателей разброд и шатания.

10.XI. Настроение уверенности в победе уступило место явной депрессии. В партии склоки и разногласия.

21.XI. Склоки и ссоры.

8.XII. Тяжелая депрессия. У всех подавленное настроение. Мы удручены опасностью развала партии.

9.XII. Адольф Гитлер сказал, что положение партии убийственно и у него единственный выход: покончить с собой».

Вернее всего, это было сказано для красного словца, но уж если Гитлер заговорил о самоубийстве, стало быть, дела действительно плохи. Каждый день приносил дурные вести. После обще-

германского поражения нацисты провалились на выборах в Тюрингии.

Штурмовики шли на прямую измену: Гитлеру донесли, что некоторые начальники штурмовых отрядов продают другим партиям тайны нацистского руководства, приказы, не подлежащие опубликованию, в том числе знаменитое «Потемповское послание» фюрера.

В верхнесилезской деревне Потемпа штурмовики убили рабочего Пьетжуха. Суд приговорил убийц к смертной казни. Гитлер послал осужденным телеграмму:

«Мои товарищи! Перед лицом этого невероятного кровавого приговора я чувствую себя связанным с вами безоговорочной верностью. С этого часа ваша свобода становится для нас вопросом нашей чести. Борьба против правительства Папена — наш долг. Каждый из вас, в ком еще живо чувство борьбы за честь и свободу народа, поймет, почему я отказался вступить в это правительство. Неужели кто-нибудь мог рассчитывать, что я прикрою своим именем пораженное слепотой, провоцирующее народ своим поведением правительство? Опираясь на национальное восстание, мы справимся с этой системой и сумеем устранить марксизм, несмотря на все попытки его спасения...»

Этот документ доставил фюреру много неприятностей, а продан он был по дешевке изголодавшимися штурмовиками.

Пятьсот тысяч одетых в коричневую униформу людей, привыкших к драке, свалкам, мечтали об одном: вот придет Гитлер к власти, и мы заживем! Но она ускользала из рук фюрера, словно налим из рыбацких рук.

Над неудачником потешались в дипломатических кругах. Ему прочили верную гибель и бесславный конец партии.

И лишь немногие понимали, что происходит: Гитлер никак не может переступить незримую черту, пролегшую между ним и властью; капиталисты выжидают, неспешно прощупывая пути, по которым было бы легче привести нацистов к государственному рулю. Папена, не оправдавшего доверия рурских и других магнатов, сменил министр рейхсвера Курт Шлейхер, любимец Гинденбурга и его доверенное лицо.

Гинденбург назначил его канцлером, полагая, что генерал сумеет утихомирить классовые страсти, которыми так богат был 1932 год...

6

Шлейхер отмежевался от реакционера Папена, обвинив его в скоропалительных и необдуманных действиях: ведь он чуть не довел дело до гражданской войны! Шлейхер заигрывал с соци-

ал-демократами, объясняя это тем, что они в своей военной программе отказались от идеи классовой борьбы и признали, хоть и в завуалированном виде, необходимость сотрудничества с государством и рейхсвером.

Ну а как же быть с Гитлером и его партией? И здесь Шлейхер показал себя двурушником. Он обещал поддержку фюреру и в то же время уговаривал Грегора Штрассера устроить бунт в национал-социалистической партии, расколоть ее, обескровить, чтобы, раз навсегда отделавшись от фюрера, получить портфель вице-канцлера.

Штрассер объявил себя сторонником законности и противником авантюр. Он предлагал проекты, доводившие фюрера до исступления. Например, заявил, что среди социал-демократов имеются достойные лица, готовые принять участие в творческой работе нацистской партии, и отталкивать их — преступно, а политика фюрера ведет страну к хаосу, насилию, к превращению Германии в груду развалин...

Шлейхер просчитался, Штрассеру не удалось расколоть партию — за ее спиной стояли могущественные силы.

И Штрассер вынужден был отступить. Начальник центрального политического департамента Рудольф Гесс немедленно получил титул заместителя фюрера по делам партии.

Теперь, когда вокруг него сплотились только сторонники игры напропалую, он поставил целью немедленно свалить Шлейхера, но тот быстро разобрался, откуда ветер дует: газеты Рура часто пишут, что у «правительства нет лица». Ему доносят о разговорах в Берлине: «А есть ли у нас вообще правительство?»

Шлейхер зол на Гитлера. Но пройдут считанные месяцы, и он будет клясться, что только тем и занимался, что расчищал дорогу нацистам к власти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Начало января 1933 года. Загородный дом банкира Шредера, президента промышленной и торговой палаты Кельна, члена наблюдательного совета двадцати пяти акционерных обществ.

Немцы только что отпраздновали Новый год. Тяжелым был для народа год ушедший. Трудный и сложный... Выборы за выборами, а просвета не видно. Безработица, нужда и голод, стачки, забастовки, не хватает продовольствия, угля, дома едва отапливаются...

А во дворце Шредера тепло и уютно. В его кабинете — Гитлер. А вот его провожатых оставили дожидаться в прихожей. Эти двое — Рудольф Гесс, летчик первой мировой, мюнхенский путчист, и упитанный, отъевшийся господин в пенсне, с чернявыми усиками, в черном мундире и черепом с костями на рукаве. Трудно узнать в нем подслеповатого учителя, охранявшего в туманное ноябрьское утро штаб баварского рейхсвера, занятого Ремом в дни путча. Это Генрих Гиммлер — глава СС и будущий шеф всей германской полиции.

Именно он, Гиммлер, вместе с Гейдрихом предложил Гитлеру создать особую партийную службу безопасности, СД.

Задуманная осведомительным органом фюрера, СД вскоре возвысилась не только над государственным аппаратом, но и над самой партией, присвоив право заводить дело на любого правительственного деятеля или функционера нацистской партии. СД ненавидели и боялись. Имени ее руководителя — Гейдриха — кроме фюрера и особо приближенных, никто не знал. Разумеется, доносы и следственные дознания по делам провинившихся — лишь побочное занятие СД. Ее главный враг — Компартия Германии.

2

Тошнотворная услужливость — вот что привлекало к Гиммлеру симпатии фюрера. К тому же Генрих — превосходный рассказчик, у него неистощимый запас смешных историй и анекдотов.

Он педант. Малейшее пятнышко на мундире могло вывести его из себя. Рабочий день начинал с того, что с глубокомысленным видом переставлял чернильницу и раскладывал на столе бумаги: не дай бог, чтобы они лежали не как им положено! Подчиненные трепетали, если на документах, подаваемых Гиммлеру, оказывалась ничтожная клякса; ярости шефа боялись до обморока.

Друг Гиммлера — Гейдрих, создавший обыкновенному садисту славу «железного человека». Власть Гиммлера бесконтрольна: фюрер полностью доверил ему аппарат подавления и преследования инакомыслящих. Но за пределами строго очерченной границы Гиммлер — ничто. Гитлер не терпит, если даже самый доверенный человек вторгается в его прерогативы.

Окончив войну в чине лейтенанта, Ганс Раттенхубер вместе с Гиммлером учился в секретной офицерской школе, созданной вопреки Версальскому договору. Затем Раттенхубер устроился в мюнхенское отделение Немецкого банка. Однако перо и счеты не увлекли лейтенанта, и он подался на службу в мюнхенскую поли-

цию, где и отличился при подавлении Баварской (советской) республики.

Весной 1933 года о расторопном и верном нацисте вспомнил Гиммлер. Раттенхубер стал его адъютантом. В те времена Гитлер большей частью жил либо в Мюнхене, либо в Нюрнберге. Гиммлер приказал Раттенхуберу выделить полицейский отряд для охраны фюрера во время его поездок по Баварии...

...Гитлер заверил Шредера, что коммунисты, социал-демократы и, конечно, евреи будут удалены с руководящих постов. Он обещал довести численность рейхсвера до трехсот тысяч человек, ликвидировать безработицу, послав десятки тысяч людей на строительство стратегических дорог, развивать авиационную и автомобильную промышленность. И, наконец, покончить с кабалой Версаля.

Выслушав Гитлера, Шредер подвел итог:

— Фюрер, канцлерство вам обеспечено.

Они расстались, договорившись свернуть шею Шлейхеру в самое ближайшее время.

Грейдеру был передан список нового правительства «национальной концентрации».

Скрепя сердце подписался фюрер под документом, где «милый Франци» стоял вторым после него. Гитлеру была абсолютно понятна роль Папена: наблюдать за новоиспеченным канцлером, поучать его и при случае одергивать. Вице-канцлер, чего никогда не было, стал непременным участником всех аудиенций.

Более того, старик президент отказался назначить министром иностранных дел человека, предложенного фюрером, предпочтя на этот пост испытанного дипломата фон Нейрата. Гитлер добился портфеля министра внутренних дел для доктора Фрика, того самого, кого он назначил на ту же должность в достопамятные дни «пивного» путча. Герингу досталось кресло министра внутренних дел Пруссии. Все остальные важнейшие министерства поделили между собой приверженцы Папена и Гугенберга. Геббельс и Рем остались ни с чем.

4

А Гинденбург все колебался. Накануне того трагического для Германии дня, когда Гитлер стал рейхсканцлером, фельдмаршал получил телеграмму:

«Я торжественно заявляю вам, что человек, которого вы намереваетесь назначить рейхсканцлером, столкнет наш рейх в про-

пасть и принесет нации несказанные бедствия. Люди будут проклинать вас и в могиле. Людендорф».

Человек, которому Гинденбург слепо верил, хотя и порицал за политические махинации. Фельдмаршал понимал, что Людендорф своим предупреждением сводит старые счеты с фюрером нацистов. Но эти зловещие слова о проклятиях... Старик не знал, что делать, с кем посоветоваться.

Гитлера выручил Оскар Гинденбург. Этот, как тогда острили, «не предусмотренный конституцией сын» сообщил отцу, что промышленники отказали в доверии Шлейхеру. Он заигрывает с социал-демократами, собирается заселить мужиками пустующие поместья восточногерманских юнкеров... Более того, подстрекаемые Шлейхером генералы, боясь, что штурмовики могут захватить рейхсвер, решили арестовать фюрера, Папена и, поставив президента перед свершившимся фактом, сохранить Шлейхеру канцлерство. А если старый господин упрется — арестовать и его.

Фельдмаршал возмутился.

У дома Либкнехта коммунисты дали бой нацистам, заставив тех очистить центр города. В ответ — грандиозные факельные шествия нацистов. Вой, несущийся со страниц правых газет, словесная пальба по Шлейхеру.

5

В предпоследний январский день 1933 года Берлин напоминал океан в часы могучего шторма. Через Браденбургские ворота с севера и юга, с запада и востока шли колонны за колонной — штурмовики, отряды СС.

Грохотали барабаны и пели фанфары. Тысячи знамен, конные, пешие, полиция, зеваки... Багровое пламя факелов.

У одного из окон третьего этажа президентского дворца стоял Гинденбург. Он слышал тысячеголосое «Хайль Гитлер», истошные вопли, вырывавшиеся из сотен тысяч глоток:

«Гитлера — канцлером! Гитлера — канцлером!»

Старик сдался. Фюрера и Папена вызвали к нему.

— Господин Гитлер, я не мог дать поручение сформировать правительство вам, партийному вождю. Теперь, когда вы представляете весь национальный фронт, назначаю вас канцлером рейха.

Одному из тех, кто сопровождал его к фельдмаршалу Гинденбургу, Гитлер сказал:

— Я благодарю судьбу за то, что она не уготовила мне благословения, посылаемого государством, и не опустила мне на глаза завесу, называемую научным образованием. Мне удалось избе-

жать многих наивных заблуждений. Теперь я пожинаю плоды достигнутого. Провидение предопределило, что я буду величайшим освободителем человечества. Я освобождаю людей от сдерживающего начала ума, который владел ими, от грязных и разлагающих унижений, которые личность претерпевает от химеры, носящей название совесть и мораль... Догма о страданиях за ближнего и смерть от руки божественного спасителя уступает воле нового лидера, который освободит массы от гнетущей тяжести свободы.

6

На следующий же день после прихода к власти Гитлер получил от Канариса поздравительную телеграмму из Свинемюнде.

Адмирал — а Канарис уже им стал под покровительством Папена — всегда держал сторону сильного. Ни Брюннинг, ни Папен не казались ему фигурами, с которыми следовало бы связать свое будущее. Издали, из Свинемюнде, где он командовал базой подводных лодок, Канарис пристально следил за удачами и провалами Гитлера, отмечая каждый этаж на его пути к власти.

Усидит ли фюрер на строптивом коне? Гитлер не только усидел — прочно уселся в правительственном седле. Тогда-то Канарис и напомнил о себе через вице-канцлера Папена.

Памятуя заслуги своего помощника в подрывной антиамериканской деятельности, Папен подыскивал ему место.

Вскоре вакансия подвернулась. Военный министр генерал Бломберг уволил начальника разведки и контрразведки. Адмирал Редер, к которому Папен обратился с просьбой устроить Канарису подходящую должность, рекомендовал его Бломбергу. Тот, помявшись, — он упирал на «непрозрачность» характера Канариса, — все же согласился.

Фюрер подписал приказ о назначении Канариса главой абвера и даже выразил неудовольствие:

— Почему адмирала так долго держали в тени? Ведь он не раз публично заявлял о своих антибольшевистских настроениях!

Канарис переселился в Берлин... Этот коренастый, румяный, седоволосый человек, затерявшийся в кипении политических страстей, стал шефом тридцатитысячной армии шпионов, провокаторов и диверсантов.

Как-то незаметно он явился в дом № 74/76 по улице Тирпицуфер, где размещалась военная разведка, принял дела, с удовлетворением отметив, что новый рейхсканцлер не скаредничает, щедро субсидируя его новое учреждение; неторопливо познакомился с главными сотрудниками, привлек новых, в том числе ге-

нерала Остера. Все это делалось обстоятельно, с оглядкой, под стать характеру адмирала.

Вежливость, выдержанность великосветского человека резко отличали Канариса от «мясника» Гейдриха, безудержного антисемита Штрайхера, льстивого Гиммлера, алчного Геринга, болтуна Геббельса, флегматика Кейтеля...

Его не часто видели на приемах и торжествах, зато он был вхож к Гитлеру в любой час дня и ночи. Фюрер не позволял своим помощникам делать многословные доклады. Доклады Канариса не отнимали у рейхсканцлера и десяти минут. Все ясно, лаконично и точно.

7

Итак, свершилось!

Через десять лет после того, как Гитлер объявил себя «имперским диктатором», он стал рейхсканцлером. Обыватель уверен, что отныне Гитлер — полновластный распорядитель судеб фатерланда и наведет наконец «порядок». Обыватель не знает, что фюрер сейчас в плену мрачных раздумий. «Национальная конфронтация» висит на его шее тяжким грузом. Путается под ногами Папен. Львиную долю добычи урвал Гугенберг. С чем остался фюрер? На кого ему опереться, чтобы разделаться со «всем этим сбродом»? Он советуется с министром обороны Бломбергом и его подчиненным, полковником Рейхенау: этот солдафон не скрывает своих симпатий к нацистам.

Рейхсвер поддержит фюрера, когда наконец он решит избавиться от нянек из лагеря Папена и Гугенберга.

1 февраля 1933 года командующие военными округами получили от начальника управления сухопутных войск рейхсвера генерала пехоты Хаммерштейна приглашение на Бендлерштрассе, где помещалось управление. Многих озадачила фраза Хаммерштейна: «Будет канцлер». С какой стати?

В силу установившейся традиции рейхсканцлеры не имели к армии никакого отношения. По конституции верховным главнокомандующим рейхсвера был президент республики. Лишь он ведал назначением и увольнением командного состава. Рейхсвер выступал последним оплотом президентской власти.

Утром 3 февраля 1933 года на квартире Хаммерштейна, в том же здании, где помещалось возглавляемое им управление, собрались высшие командные чины рейхсвера.

Гитлер явился в черном костюме. Хаммерштейн познакомил канцлера со своей супругой — единственной здесь женщиной.

За завтраком высокий гость вел себя как-то скованно. Сам Хам-

мерштейн не отличался разговорчивостью, его супруга тщетно пыталась вовлечь рейхсканцлера в разговор. Гитлер, любивший говорить сам и не слушать других, понимал, что здесь его разглагольствования будут не совсем уместны. Он отмалчивался.

Завтрак окончился, единственная дама удалилась, и наконец Хаммерштейн объявил, что господин рейхсканцлер настоятельно просил его познакомить с генералами.

Привычный к церемониям на огромных сборищах, где он умел овладевать вниманием аудитории, фюрер оказался в невыгодном положении. Слушателей было немного, и держались они нелюбезно, особняком, как бы давая этим понять, кто здесь хозяин. Вяло, без присущего ему подъема, говорил он о немецком народе, его исторических традициях, о необходимом как воздух жизненном пространстве... Генералы уже едва подавляли зевки... Это встряхнуло Гитлера, он вдруг воспламенился:

— Господа генералы, если бы не позор Версаля, на котором вот уже пятнадцать лет кряду государства-победители наживают политический капитал, разве сегодня я стоял здесь, перед вами?

Господа переглянулись. Дальше пошло лучше.

— Рейхсвер прямой наследник славной немецкой армии времен мировой войны. Я никогда не соглашусь, чтобы кто-то посягал на его привилегии, как это случилось в Италии!

Генералы притихли: вот те слова, которые всем пришлись по сердцу. Они знали о притязаниях командования штурмовых отрядов подчинить себе рейхсвер.

Чувствуя, что настроение меняется в его пользу, Гитлер ободрился. Голос его, обычно глуховатый, загремел. Он обещал генералам истребление пацифизма в любой его форме, разгром коммунистического движения в Германии и за ее пределами. Долг его партии воспитать в народе волю к борьбе за жизненное пространство. НСДАП употребит все средства для пропаганды необходимости войны, целью которой должно стать завоевание всего мира. Он сам, лично введет жесткие наказания за неподчинение национал-социалистическому руководству и его мерам по созданию грандиозной военной мощи Германии. Демократия не что иное, как политическая пошлость. Она будет лишь помехой огромным планам, которые он, фюрер, уже разработал. Это беспощадное подавление всякой оппозиции, смертная казнь за измену национальному делу, неустанная борьба против Версальского договора и требование равноправия в вооружении.

Однако одними речами, — заявил фюрер, — мы этого не добьемся. Бронированный кулак нации — армия. Вот козырь, который мы должны выложить в Женеве. Стало быть, первооче-

редная задача — создание вермахта, могучего средства внешнеполитической борьбы и в деле упрочения власти национал-социалистической партии в Германии. Ставя на повестку дня всеобщую воинскую повинность, национал-социалистическая авторитарная власть возьмет на себя заботу о надлежащем воспитании молодежи.

В общем, генералы остались довольны: армия снова выходила на арену борьбы за величие Германии, за германизацию Востока.

Когда Гитлер ушел, начался сдержанный обмен мнениями.

Кто-то заметил:

— В конечном счете, он хочет военными акциями разрешить социальные проблемы, чего не сумели сделать его предшественники. Брюннинг? Кто знал его? Кто доверял ему? А Гитлер завоевал доверие трети народа. Какими способами, это другой вопрос.

— Ну, мы приняли его вполне достойно, — заявил Хаммерштейн.

— Да ведь не мы нуждаемся в нем, а он в нас, — вставил кто-то под общий смех. — Пока он должен делить власть с националистами, Гитлер — всего лишь уполномоченный Гинденбурга, не больше.

— Мы правильно поступили, встретив его не как вождя, уже увенчанного победами. До этого еще далеко, — заметил генерал Клейст, командовавший тогда восьмым военным округом со штабом в Бреслау.

— Господа, — завершил дискуссию Хаммерштейн. — Что до меня, я готов служить ему, если все, что он говорил об армии и своих целях, не пропагандистская уловка, а настоящее, живое дело.

Все согласились. В конечном счете Гитлер вслух высказал затаенные мысли генералитета рейхсвера.

Не знаем мы, о чем размышлял Гитлер, покинув Хаммерштейна. Надо думать, он был очень зол на начальника управления сухопутных сил рейхсвера за то, что тот разрешил своим генералам и офицерам разглядывать его, словно музейный экспонат, тем самым целый час продержав на раскаленной сковороде. Вскоре Хаммерштейн был вынужден оставить свой пост. Начальником управления сухопутных войск стал монархист, генерал Вернер фон Фрич, возлюбивший Гитлера за то, что тот «выиграл битву против рабочего класса и евреев».

Чувства, которые фюрер питал к Хаммерштейну, никоим образом не распространялись на тех, кто слушал его на Бендлерштрассе. Фюрер потирал руки: генералов он купил. Заручиться бы

теперь солидной поддержкой в других, не менее могущественных сферах...

Через семнадцать дней Геринг пригласил к себе домой Круппа, владевшего тогда громадным объединением военных концернов, директора стального треста Феглера, Винтерфельдта (электроконцерн «Сименс»), директора рейхсбанка Яльмара Шахта и еще двадцать магнатов. Генералам и маршалам экономики Гитлер слово в слово повторил свою речь перед генералитетом.

Он выиграл и здесь. Промышленники поручили Шахту положить в кассу нацистов три миллиона марок. А через несколько дней Крупп порадовал Гитлера письмом. Рассыпаясь в комплиментах вождю нацистов, между прочим, писал: «Поворот в политических событиях вполне соответствует моим планам и стремлениям моих директоров».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Вот хроника тех дней.

1 февраля 1933 года. Через четыре дня после того, как Гитлер уселся в канцлерское кресло, стало известно о роспуске рейхстага и новых выборах. Чем была вызвана такая спешка? Состав рейхстага, каким он был до захвата нацистами власти, не устраивал Гитлера. Из пятисот восьмидесяти мест двести двадцать одно принадлежало коммунистам и социал-демократам, сто шестьдесят семь — другим партиям и только сто девяносто шесть — гитлеровцам. Даже блок с партией центра не давал фюреру подавляющего большинства. А оно было позарез необходимо, чтобы укоренить в стране диктатуру нацизма и его покровителей. Гитлер спешил.

Десять миллионов, могущих пойти за коммунистами!

Разгром и подавление рабочего класса и компартии — вот ближайшая цель насилия и разбоя.

2 февраля. Министр внутренних дел Пруссии Геринг запретил коммунистические демонстрации, собрания и газеты.

3 февраля. Геринг, а следом за ним Геббельс публично обвинили компартию в том, что она якобы «распространяет страшные, повальные эпидемии, грозящие гибелью нации».

4 февраля. Геринг предложил запретить компартию. Гитлер, памятуя о словах Бломберга, одернул Геринга: он боялся всеобщей забастовки. В тот же день президент подписал декрет, разрешивший Гитлеру запрещать по своему усмотрению любые собрания, митинги и закрывать газеты.

«Надо думать не о том, чтобы запретить компартию, — поддер-

жал фюрера имперский министр внутренних дел Фрик, — но уничтожить ее».

7 февраля. В пригороде Берлина собрался пленум ЦК компартии. Коммунисты предвидели, что им придется перейти на нелегальное положение, хотя и не думали, что это произойдет при таких трагических обстоятельствах и так скоро. К тому же у них не было никакого опыта борьбы в подполье.

9 февраля. Коммунистические газеты сообщили: пленум ЦК предостерегает народ от иллюзии, распространяемой вожаками социал-демократии, будто Гитлер со временем сам сойдет с политической арены. Свержение нацистской диктатуры объявлено главнейшей целью, и оно может осуществиться не обязательно в форме социалистической революции. Демократическая антифашистская общенациональная революция с участием всех, кому дороги свобода и права человека, основа новой стратегии не только Сопротивления, но и наступательных действий компартии и объединившихся с нею сил. Эта новая стратегия оставляла не у дел правых социал-демократов.

16 февраля. В ответ на решение пленума нацисты разгромили дом Карла Либкнехта — резиденцию ЦК компартии. Вопли нацистских газет о найденных в неких «катакомбах» дома складах оружия и документов, подтверждавших подготовку коммунистами «кровавого революционного восстания», хотя и разнеслись по всей стране, но сенсация скоро оскандалилась: документы о «кровавом восстании» газеты так и не опубликовали по той простой причине, что их... не было, да и не могло быть.

18 февраля. Коммунисты заявили, что на предстоящих местных выборах они будут «защищать каждую пядь еще существующих демократических прав». Вильгельм Пик вновь обратился к социал-демократам с призывом объединить силы, публично предупредив их, что нацисты готовят чудовищную провокацию против коммунистов и социал-демократов. Несколькими днями позже ставшая уже нелегальной «Роте фане» писала: «Нацисты боятся компартии — грозного и неустрашимого их врага. Господа из правящей клики объявили своей целью искоренение марксизма. Но тогда им придется уничтожить весь рабочий класс... Бисмарк и Вильгельм, Носке и Капп, Сект, Брюннинг и Звереинг тоже пытались уничтожить марксизм, но это им не удалось. И нынешние правители сломают на этом зубы...»

2

Вызов коммунистов взбесил Гитлера и его клику.

Выступая на нацистском собрании в Дрездене, гаулейтер Саксонии Мартин Мучман заявил:

— Без варфоломеевской ночи нам не обойтись. Национал-социалисты будут действовать, отбросив всякую сентиментальность.

Роль Екатерины Медичи взял на себя Геббельс — он придумал операцию с поджогом рейхстага; Геринг ее осуществил.

План был прост и точно рассчитан на психологию обывателя, еще тешившего себя верой в непоколебимость Веймарской конституции и рейхстага, где собирались «его представители».

Сжигая рейхстаг, нацисты заодно решили в его пепле похоронить то, что еще хотя бы и на словах, но оставалось от Веймарской конституции: демократию. Теперь они решили, опираясь на «всенародный гнев», окончательно развязать себе руки.

— Это перст божий! — узнав, что горит рейхстаг, сказал Гитлер фон Папену. — Теперь никто не помешает нам уничтожить коммунистов.

«Мы их прикончим радикальнейшим способом!» — тут же поддакнула «Фолькишер беобахтер».

Накаливая обстановку в стране, нацисты шаг за шагом шли к провокации.

По доносу кельнера из ресторана на Потсдамерплатце арестовали Димитрова, задержали еще двух болгарских коммунистов — Попова и Танева.

Придравшись к тому, что Димитров, руководивший тогда Западноевропейским бюро Коминтерна, в середине февраля виделся с Тельманом, полиция предъявила Димитрову обвинение в том, что он был главным организатором поджога рейхстага по договоренности с Тельманом, во-первых, и по указанию Коминтерна, во-вторых.

Так состряпали «международный заговор коммунистов».

3

«Этот поджог является неслыханным актом террора со стороны большевиков в Германии. Среди сотен центнеров преступной литературы, которую полиция во время обыска нашла в доме Карла Либкнехта, нашлись специальные руководства по осуществлению коммунистического террора по большевистскому образцу. Пожар рейхстага должен был послужить сигналом к кровавому восстанию и гражданской войне!..» — громогласно объявила нацистская печать.

Обывателя не смутила нелепость, заключенная в фразе о «коммунистическом терроре по большевистскому образцу».

Важно другое: чернь в ярости, народ напуган.

Но и это не все... Гитлер на скорую руку состряпал, а Гинденбург подписал два декрета: «В защиту народа и государства» и «Против измены германскому народу». Эти документы в прах развеяли последние остатки конституции Веймарской республики, посулив казни и каторгу германскому народу за малейшее сопротивление нацистам.

— Моим идеалом, — сказал Геринг в своей речи во Франкфурте-на-Майне, — является отнюдь не мифическая справедливость, а уничтожение и искоренение инакомыслия. Кулак, который я опускаю на затылок преступников, — это воплощение живительных сил народа.

Его угрозы фюрер посчитал не слишком убедительными. Готова новая инструкция:

— Полицейским чиновникам, которые при исполнении своих обязанностей пустят в ход оружие, я окажу покровительство, независимо от последствий. Напротив, всякий, кто проявит ложное мягкосердечие, будет наказан по службе.

Вслед за поджогом рейхстага началась вакханалия арестов. Им подверглись восемнадцать тысяч коммунистов.

Пошли в дело дубинки штурмовиков и полицейских. За принадлежность к социал-демократам — тридцать ударов, сорок — каждому арестованному коммунисту; функционеров забивали насмерть.

За два дня до выборов предатель выдал Тельмана, жившего на нелегальной квартире.

Загнав главного врага — компартию — в подполье, Гитлер, все еще не надеясь на счастливый исход выборов, немедленно увеличил пособие для безработных. Так, держа в одной руке кнут, в другой — подобие пряника, Гитлер шел к выборам, назначенным на пятое марта. И все-таки двадцать два миллиона человек проголосовали против нацистов.

Компартия, объявленная вне закона, получила около пяти миллионов голосов.

Вот когда декреты изобретательного фюрера сыграли свою зловещую роль... Правительство объявило недействительными мандаты коммунистов и разогнало социал-демократическую партию, голосовавшую против предоставления чрезвычайных полномочий Гитлеру.

Набрав, таким образом, большинство в рейхстаге, нацисты вышвырнули из правительства министров некогда могучей партии центра, подчинили себе силы рейхсвера, послали своих комиссаров в Тюрингию, Саксонию и другие земли.

4

Захватив прессу, радио, кино, деньги партий и профсоюзов, нацисты занялись решением экономических проблем.

Фрица Тиссена Гитлер назначил государственным комиссаром Рейнской области и Вестфалии, хозяйственным «вождем» огромного индустриального района. Некоторое время спустя создали «Клан золотых мешков» — Генеральный совет немецкого хозяйства. Во главе его стал Крупп, его замещали Тиссен и Сименс; так во власть этих людей была отдана экономика Германии.

Нацистская партия и ее хозяева позаботились о наведении «порядка» на заводах. «Трудовой фронт», отныне единственный представитель «интересов трудящихся» — им руководил Роберт Лей, — объявил о «трудовом мире», заключенном между рабочими и предпринимателями, что, разумеется, было соответственно оценено капиталистами: теперь они могли делать с рабочими и их зарплатой все что угодно. Сразу же был введен десятичасовой рабочий день. Лей, обращаясь к промышленникам, сказал:

— Теперь вы полные хозяева в своем доме.

Нацисты объявили крестьянство «имперским продовольственным сословием», установив, что крестьянские дворы будут впредь наследственными, неделимыми и переходящими от отца к старшему сыну.

А как быть с безработицей? Очень просто: нацисты не забыли свой лозунг: «Каждому в руки лопату!» И вот тысячи девушек и юношей проходят парадом перед Гитлером в Нюрнберге на первом съезде наци после захвата ими государственной власти. Мы видели этот фильм.

Фюрер стоит на трибуне; выбрасывает в партийном приветствии руку, салютуя лопатам. Лопаты, лопаты, лопаты... Тысячи лопат! Десятки тысяч лопат!

— Я из Тюрингии! Я из Саксонии! Я из Померании! Я из Мюнхена! — раздаются голоса участников грандиозного спектакля.

— Мы отдаем тебе наши руки, фюрер!

— Мы отдаем тебе наши сердца, фюрер!

— Мы отдаем тебе наши жизни, фюрер! — громовым эхом разносится по окрестностям Нюрнберга, по всей стране.

Но вот праздник закончился. Погасли тысячи факелов. Завтра — лагеря, военное обучение, постройка стратегических дорог, сеть которых протянется на запад, юг, север... И на восток, конечно, куда через несколько лет все эти миллионы молодых ринутся, но уже не с лопатами, а с винтовками наперевес. Они пойдут на убой ради «золотых мешков».

В дни грандиозных манифестаций и лицезрения фюрера сыновья рабочих, разорившихся торговцев, мелких предпринимателей и крестьян были так далеки от мысли, что, может быть, этими же лопатами, но только другие, будут рыть для них могилы — на юге, севере, западе и на Востоке.

Бесконтрольная власть, почти сплошь нацистское чиновничество, закон о единственной в стране легальной партии, конечно, национал-социалистической, еще один закон, утверждавший лишь за нацистами право быть членами рейхстага...

Прежде всего, обзавелись в других странах своей «пятой колонной». По подсчетам историков, за границей у Гитлера было около трех тысяч платных агентов и более двадцати тысяч, работавших «по идейным убеждениям». Двести пятьдесят миллионов марок в год стоила рейху его заграничная шпионская сеть. Не брезговали шпионажем и подрывной работой и дипломаты «третьей империи».

Сам Гитлер преподал им науку шантажа и провокаций:

— Я организую свою собственную дипломатическую службу. Обойдется это недешево, зато какой выигрыш во времени! Я отредактировал вопросник в отношении интересующих меня лиц и поручил составить картотеку на влиятельных лиц во всех странах... Кто берет взятки? Можно ли его купить каким-либо другим способом? Тщеславен ли? Обладает ли эротическими наклонностями? А может, скрывает какие-либо факты из своего прошлого? Поддается ли шантажу?.. Ну и так далее. Вот как надо делать истинную политику, привлекать людей на свою сторону, заставлять их работать на себя, обеспечивая свое влияние в каждой стране...

5

В 1933 году новое восходящее светило украсило нацистское созвездие: Иоахим Риббентроп, торговец шампанским, нацист, связанный с торгово-промышленными кругами не только в Германии, но и во многих странах Европы. Его друзья: граф Полиньяк — владелец знаменитой французской фирмы шампанских вин «Поммери», сэр Александр Уокер — глава не менее известной британской фирмы, производящей виски «Джонни Уокер».

Магнаты знакомили Риббентропа с выдающимися политическими деятелями. Не со всеми, конечно, а лишь с теми, кто восхищался Гитлером и пророчил ему всемирную славу новоявленного мессии и освободителя человечества от «ужасов марксизма».

Фюрер быстро заметил Риббентропа и на первых порах ввел

его в штаб нацистской партии — советником по иностранным делам при Гессе. Специально под его кресло создали «бюро Риббентропа».

Пройдет какое-то время, и Гитлер назовет его «вторым Бисмарком». А еще через несколько лет — «скотиной и бездарностью».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Однажды в кабинет генерала Клейста в штабе восьмого военного округа вошел Хейнс — группенфюрер СС и начальник силезских штурмовиков, молодой человек высокого роста с жесткими чертами лица.

— Господин генерал, — выпалил он, — отныне я занимаю ваше место командующего воинскими частями, расквартированными в Силезии!

Клейст рассмеялся: уж больно походил Хейнс на надутого индюка.

— А где приказ министра рейхсвера о передаче вам командования? Где мандат, подписанный фюрером? Нет его? Не смею вас задерживать. — Клейст откланялся, давая понять Хейнсу, что он может немедленно убираться вон.

Для Клейста не были новостью слова Хейнса. Штурмовики, их начальник Рем давно уже считали себя обманутыми и обойденными. Генералитет знал, что Гитлер, в случае прихода нацистов к власти, обещал Рему должность министра рейхсвера и генеральские погоны, а командирам штурмовых отрядов — генеральские чины и назначения командующими военными округами. Штурмовики, как говорил тогда Гитлер, должны стать косяком новой армии, а рейхсвер попросту растворится в ней. И в это, конечно, нетрудно было поверить, вовсе не потому, что штурмовики так уж доверялись словам фюрера.

В рейхсвере числилось сто тысяч человек, и в это-то его слабое место бил Рем, которого никто не ограничивал в числе штурмовых отрядов. Молодые немцы шли под его знамена по разным причинам — иные по идейным соображениям, большинство же, намытарившись в поисках работы, устроительстве собственного очага, рвались мстить за все свои неудачи. Кому? Рем умел вполне доходчиво им объяснить. Не говоря уж о фюрере.

Собрав трехмиллионную армию погромщиков, их «командир» — Рем так и остался капитаном — чувствовал себя истинным хо-

зяином положения. Неискушенный политик, он не понимал, как это опасно — чувствовать, а не быть им...

А между тем, истинный хозяин рейхстага давно уже начал ощущать смутное беспокойство — штурмовики, исправно исполнявшие роль дубинки в руках НСДАП, легко могли выйти из повиновения. Рейхсвер — другое дело, там к дисциплине привыкли... Хотя кое-кто из командиров и снабжал Рема из-под полы оружием.

Итак, надо было исполнить обещание — и подрезать крылышки штурмовикам. Чужими руками, разумеется.

Министром рейхсвера был назначен Бломберг, и это вполне устроило генералитет. Но назначил-то его не рейхсканцлер, а сам Гинденбург! Гитлер, конечно, сопротивлялся как мог...

Президент по-своему оценил этот ход: генеральские погоны легли на плечи Герингу и многим другим из числа высокопоставленных наци. Рем как был капитаном, так им и остался...

И тогда он решил пугнуть самого президента, все еще продолжая искренне верить, что он — виновник несостоявшейся карьеры.

Колонны его грузовиков запылили по дорогам Германии. Города устроили Рему грандиозные встречи. Все наперебой стремились угодить ему, да и как было обойти вниманием армию головорезов? Кто поручится за то, что завтра старик Гинденбург не отдаст свой пост фюреру, а в канцлерское кресло не сядет Рем? А может, он и Гитлера обойдет на кривой — вон Хейнс, к примеру, командует в Силезии двумя сотнями тысяч штурмовиков, а у Клейста там всего два неполных полка пехотинцев...

2

Заступив на должность начальника управления сухопутных войск, Фрич попытался было сблизиться с Ремом, обещая ему своих инструкторов для обучения штурмовиков военному делу. Правда, после этого командиры Рема получат звания офицеров резерва, но в случае войны они вполне могут послужить рейхсверу...

Рем вскипел, пригрозив разогнать ведомство Фрича. Узнав и об этом конфликте, Гитлер предпочел не вмешиваться: его и манила, и одновременно пугала возможность испытать в настоящем деле и тех, и других. Зрела, грозя выбиться из-под контроля, ситуация настоящей гражданской войны.

Обозленный притязаниями Рема, рейхсвер впрямую поставил дилемму: или дисциплинированная, преданная фюреру армия, или полчища сброда, послушного лишь своему главарю.

Командующих крупными армейскими соединениями собрали на Тирпиц-уфер, в зале военного министерства. Были приглашены и вожаки штурмовых отрядов; правда, лишь Рем удостоился личного приглашения фюрера.

Гитлер закатил долгую речь о высшем предназначении германской нации, и, привычно обкатав на своей воинственной аудитории камни, брошенные в адрес «мирового еврейства» и тлетворного Запада, вдруг резко оборвал выступление тремя фразами, ради которых, собственно, и был устроен весь этот спектакль:

— Рейхсвер, и только он является оруженосцем Германии. Лишь ему я доверяю защиту священных границ... Куда бы они ни простерлись. Военные действия не за горами, и национал-социалисты вручают ему судьбы мира!

Покидая министерство, Рем обронил одному из своих приближенных:

— То, что тут нес этот ефрейтор, — забудь. Мы будем продолжать *свое* дело.

3

Разумеется, Гитлеру донесли. Не секретом для него были и настроения штурмовиков: «Главари партии воркуют с плутократами, путаясь и с генералами рейхсвера...»

У фюрера были личные счеты к Рему, когда-то нанявшего его по дешевке платным агентом. Но дело даже не в этом — на первый план выходили проблемы, которые надо было как-то решать.

В стране — шесть миллионов безработных, а это материал горючий, не все ведь идут в штурмовые отряды. Нарастает новая волна рабочих волнений, и компартия продолжает борьбу...

А тут еще государственный долг достиг астрономической цифры: почти три миллиарда марок! Пришлось пойти на меры далеко не популярные: взвинтить цены на продукты первой необходимости. А впереди — борьба за президентство... Гинденбургу скоро уходить со сцены. За кем пойдут генералы рейхсвера?

4

4 июня 1934 года Гитлер посоветовал Рему отпустить штурмовиков на каникулы. Пусть отдохнут и наберутся сил.

Рем согласился. Может быть, он и сам подумывал о «второй волне революции», но выжидал удобного часа?..

5

29 июня Гитлер был в Эссене на свадьбе гаулейтера Тербовена. Ночевал он у Круппа.

Крупп принял фюрера холодно.

— Будет когда-нибудь положен предел этим волнениям? Неужели мы для того поддерживали вас, чтобы коричневая чернь угрожала основе основ государства?

Утром, раскаленный нагоняем, Гитлер вылетел в Мюнхен. Началась подготовка к расправе со штурмовиками.

Рем ничего не подозревал. Совсем недавно он получил от Гитлера письмо: «Хочу искренне поблагодарить тебя, дорогой Эрнст, за незабываемые услуги, которые ты оказал национал-социалистическому движению и германскому народу, и заверить в том, что я благодарен судьбе, которая дала мне таких соратников и друзей, как ты».

Утром 30 июня Гитлер, стоя на балконе Коричневого дома, принимал парад эсэсовцев. Потом прошел в зал приемов, где его ждали Геббельс, Гесс и начальники отрядов СС. Накануне Рем сказал им, что совсем не против того, чтобы распустить на месяц штурмовые отряды. Ему так осточертели их вопли! Эти ненасытные скоты поговаривают о второй революции...

— Взбесились! Мне стоило немалых трудов успокоить слишком горячие головы в Потсдаме. Наобещал им всякого... Проклятая чернь! Ни мне, ни фюреру от нее нет покоя! Того и гляди, опять взбунтуются.

Начальники отрядов поддакивали. Действительно, житья нет от очумевших штурмовиков. Вопят черт знает о чем!.. А нас же и обвиняют в заговоре и государственной измене.

Утром шум в передней заставил Рема вскочить. За дверью — громкие крики. Выстрелы. Дверь затрещала. Рем кинулся к постели: под подушкой всегда лежал пистолет. Дверь раскрылась.

— Ни с места! — Пистолеты пяти людей в черных мундирах СС грозно замаячили перед Ремом.

Всякое видел на своем веку разгульный капитан, но такое!..

— В чем дело? — гаркнул он.

— Одеваться! Приказ фюрера.

— Так я и поверю вам, скоты, — презрительно заметил Рем.

— Может, хочешь, чтобы мы отправили тебя на тот свет прямо здесь?

«Приказ фюрера?.. Почему? За что?» Мысли бежали вразброд. Рем судорожно стал одеваться. Носки не налезали, он ругался вполголоса, проклиная вчерашнюю пьянку. Черт с ними, пусть ведут куда хотят. Он оправдается. Какой он изменник? Ведь толь-

ко на днях он договорился с Гитлером отпустить штурмовиков в отпуск...

— Живей! — заорал старший.

Остальные, пока Рем одевался, перевернули вверх дном содержимое платяного шкафа, рылись в чемоданах. Рем слышал, как возятся в его кабинете. Кто-то выстукивал стены и потолок...

6

Хлопотливо иметь дело с человеческим грузом. С этим — еще и опасно. Кто знает, может, его уже хватились и попытаются отбить...

Прокравшись окраинами Мюнхена, приземистый лимузин землистого окраса, облегченно фыркнув, вырулил к воротам тюрьмы Штадельхейм. В считанные минуты Рем оказался в одиночке. Весь день потом он буйствовал, требуя встречи с фюрером.

В это самое время, в Коричневом доме, Гитлер «проводил рабочее совещание» с Геббельсом и Гессом. Говоря проще, уточнялся список подлежащих уничтожению. Потом все трое в сопровождении усиленного отряда СС отправились в Бад-Висзее. Там, в гостинице «Гензельбауэр», отсыпались после очередной попойки у Рема начальники штурмовых отрядов. Многие — прямо в вестибюле. Мятые, мутные с похмелья, они все же успели приготовиться к достойной встрече фюрера — эсэсовские сапоги и приклады быстро привели в чувство. Геббельс, не упускавший случая сострить, шепнул на ухо Гессу:

— Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя...

Насупившись, Гесс глядел взъерошенным филином из-под взлохмаченных веток бровей. Этой ночью он с неотвратимой ясностью понял, что фюрер вышел из-под контроля НСДАП. Он, Рудольф, «наци номер два», узнал об этой операции, когда все уже было предрешено! А кто был в курсе предстоящей «Ночи длинных ножей»? Гиммлер, чтоб основательней подготовиться к операции. Кто еще, кто? Геббельс... Ну конечно же, ведь этот хромой дьявол должен обзавестись компрометирующими материалами на каждого из обреченных. А где партийная этика? Скоты, и словом не удосужились обмолвиться! Выходит, и эта парочка туда же... НСДАП становится всего лишь приложением к политике фюрера!

Вот они — стоят, сгрудившись... А ведь он, Рудольф, всех их знает в лицо, многих — по именам. Гитлер всегда был для них мессией, пришедшим спасти Германию. И они резали коммунистов, вышвырнули из рейхстага все это отребье от демократии. Они разогнали, выжгли, упрятали в концлагеря носителей вре-

доносной еврейской «культуры», которой так кичится прогнивший Запад... Да мало ли еще числится за ними дел, кирпичиками легших в основание громады единоличной власти НСДАП! А теперь и их предстоит уничтожить. Но даже не это самое страшное! Политические последствия «Ночи длинных ножей» непредсказуемы, и фюрер не мог не знать этого. Ведь там, где «гастролировали» штурмовики, забастовками и не пахло, что и обеспечило поддержку массы предпринимателей, пусть и не таких крупных, зато... Не мог же Адольф вызвать их на совет! Тогда — кого? Разумеется, не Гиммлера и не хромого Йозефа: те просто исполняют приказ. Нет, не с кем ему было советоваться, кроме как с партийным руководством... А почему, собственно, советоваться? Могли и приказать — кто-нибудь из тех, кому он, фюрер наци, вытянувшись, по-ефрейторски рапортует о ближайших планах государственного масштаба... И если это так, уже никогда не исполнится его, Гесса, затаенная мечта утопить в куче дерьма тот чванливый мешок с золотом, что заставил однажды его, на пару с Гиммлером, покорно дожидаться в коридоре, пока Адольф, счастливый оказанной милостью, не изложит ему программу нацистов... А ведь это так, и, значит, фюрер сам под «колпаком»... Власть, реальная власть осталась у них... Командиров штурмовых отрядов, посчитав поштучно, отвезли в Мюнхен и там расстреляли.

Рему передали приказ фюрера покончить с собой, вручив для этого ему пистолет. Утром к нему в камеру зашел эсэсовец князь Липпе. Рем спал. Двумя выстрелами из пистолета Липпе прикончил того, кому фюрер был слишком многим обязан.

Гитлер и Геббельс вылетели в Берлин, где операцией руководили Геринг и Гиммлер.

7

В столице тем временем летели головы и покруче... Незаметно, неслышно исчез Шлейхер — позже выяснилось, что его застрелили «по ошибке», роковым образом с кем-то перепутав. В своей квартире был найден мертвым бунтарь и оппозиционер Грегор Штрассер. Бывший начальник баварской полиции Зейссер «покончил с собой»... Без церемоний расстреляли штурмовиков Эрнста и Хейнса, участвовавших в поджоге рейхстага. Та же судьба постигла фон Кара.

Без малого полторы тысячи уничтоженных, изувеченных и накрепко запертых в концлагеря — вот он, итог «Ночи длинных ножей».

Лишь три дня спустя Гитлер выступил по радио:

— Негодяй Рем организовал злодейский заговор с целью уничтожения партийного руководства. Вечером 1 июля отряды штурмовиков должны были захватить Берлин. Бунтовщиков постигло справедливое возмездие!

Геббельсовская пропаганда не пожалела страниц и микрофонов, расписывая низменные страсти Рема и его подручных. Грязные твари и умерли тварями, успев, правда, покаяться в своих преступных замыслах против вождя и государства.

В тот же день Гитлер получил телеграмму от президента Гинденбурга с выражением «глубокой благодарности и искренней признательности за поведение 30 июня...».

Монополисты тоже внесли свою лепту в прославление героических действий Гитлера:

«Промышленные круги, исходя из своих особых задач, приветствовали захват власти национал-социалистами в первую очередь по той причине, что спокойствие и порядок необходимы, как хлеб, для их созидательной деятельности... Промышленность впервые после долгого времени почувствовала твердую почву под ногами. Все это вновь было бы поставлено под вопрос, если бы, вместо прежних партий, новые честолюбивые группы и клики получили бы возможность развязать борьбу за власть. Наша экономика избавлена от этой опасности благодаря быстрому вмешательству властей».

Окончание на стр. 161

На барке «Седов» поднимают паруса.

Фото С. ГРИГОРЬЕВА

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

СУЩНОСТЬ И ПРИНЦИПЫ

Полемические заметки с XXI съезда ВЛКСМ

Ругать комсомол все равно что грабить нищего, который позволяет себе платить 3,5 тысячи рублей за одну минуту работы, «оккупировав» гостиницу «Россия» и ее роскошный концертный зал. Однако нищета бывает и духовной, и идейной. В этом смысле XXI съезд ВЛКСМ стал закономерным итогом всей деятельности организации, некогда начинавшейся собраниями люмпен-пролетариев, а ныне обросшей особняками, «Волгами», многомиллионными основными фондами и целым сонмом дочерних предприятий.

Парадокс XXI съезда ВЛКСМ заключается в том, что организация, гордо именующая себя «коммунистической», собственным примером доказала неприменимость к ней основного постулата марксистского учения: «бытие определяет сознание». Ибо «бытие» достигло высшей отметки — «совбур» (нэповская терминология: «советский буржуй»), а «сознание» словно окаменело. Более того, произошла подмена ценностей, и лучшее, чем сегодня может похвастаться комсомол, это давно угасшими вспышками энтузиазма 20—30-х годов, «целинизацией» и, наконец, «яростными стройотрядами 70-х».

Один из раздосадованных делегатов съезда произнес: «Наш съезд исторический. Он не войдет в историю, он скорее заимствован из нее, перенесен из прошлого в наши дни...»

Но не следует считать, что в Центральном концертном зале «Россия» десять дней экспонировался музей восковых фигур. Это атрибуты XVIII, XIX веков, а уровень и содержание дискуссий, степень их действенности, смысл принятых решений скорее напоминают о римских форумах эпохи падения античности: крушение формы, пережившей Идею.

* *

Первый день, утро. Основным вопросом был процедурный. По моим подсчетам, именно выяснение того, как и в каком порядке надо голосовать, заняло около 40 процентов рабочего времени. Первый день был почти полностью посвящен приятной и освежающей разминке — повестке дня. К обеду стало ясно, что в ЦК существует мощный и пока не растерявшийся аппарат, во главе с В. Мироненко. Аппарату надо засчитать «в плюсы» удивительно жаркую дискуссию

по абсолютно бесперспективному вопросу: какую часть (одну десятую или одну шестую) собравшихся следует считать наделенной правом на особое мнение.

Идеологическая основа деятельности бывшего ЦК была обрисована в информации В. Мироненко ярчайшими красками. Я без труда уяснил, что «гуманный социализм» вовсе не изобретение «эпохи нового мышления», как нам, бывало, доказывали. Его принципы сформулировал «не понимавший диалектики» Бухарин для сталинской конституции. Помните? В 1936 году советскому гражданину гарантировалась свобода слова, печати, собраний, уличных шествий и демонстраций, совести... Ну и всемерное развитие личности, разумеется. Прозвучала на съезде и самооценка: «ЦК разбюрокрачивал союз, инициировал решения правительства, позволившие развернуться...», да вдобавок «ему досталась «неблагодарная работа».

Да и на самом съезде аппарат продемонстрировал выполнение неблагодарной работы, то отпуская, то натягивая вожжи, то сталкивая, то миря, то заваливая делегатов грудами неотличимых формулировок и поправок, то настаивая на «единственно возможной».

Впрочем, не один только аппарат старался «дергать за ниточки», но и межрегиональная «Сургутская альтернатива». Оценка со стороны, прозвучавшая в пресс-центре: «Это не альтернативный комсомол, а альтернативный аппарат, но жадный до власти, молодой и голодный, а потому злой». Так вот, и свою толику неблагодарной работы «сургутский аппарат» провел с блеском, то отпуская, то натягивая вожжи, то сталкивая, то миря, то...

Отдельные моменты съезда трудно вспоминать без улыбки. Особенно верно это по отношению к выступлениям представителей первичек, порой пробивавшихся на трибуну.

Вот школьница срывающимся голосом требует добиваться всеобщего равного избирательного права с 16 лет. «Это задача комсомола!» А вот учитель литературы из Бреста размахивает руками, упражняется в пантомиме и цитирует всю школьную программу требуя не менять название Союза молодежи и ни-в-коем-случае! — не отказываться ни от «ленинского», ни от «коммунистического».

Потом делегаты долго обсуждали, кому из записавшихся давать слово, а кому — не давать, но все-таки пришли к выводу, что список записавшихся для выступлений не главное. Надо-де «предоставить слово всем союзным республикам» и кое-кому еще. В это «кое-кому» с легкостью попал представитель доморощенного попс-музицирования А. Разин, которого вывел на трибуну поклонник «Ласкового мая» секретарь ЦК тов. Никитин.

Прения развивались очень спокойно (бурными были только процедурные дискуссии) вплоть до вечера пятницы, 13 апреля. Группа представителей Москвы, Волгограда, Украины, Куйбышева и Вологды (вдохновитель — А. Киселев) решила «разобраться» с КПСС, резко осудив «правоконсерваторов» и поддержав «Демплатформу».

Мотивировка вынесения этого вопроса на рассмотрение съезда представляет собой образец «альтернативной мысли». «Поступают сообщения о рассмотрении персональных дел молодых коммунистов — сторонников «Демократической платформы» в КПСС. Голосуй за немедленное рассмотрение данной резолюции на съезде?» Куда поступают? Кем рассматриваются? Кто — хотя бы один — «был рассмотрен»? Но прошло ведь!

В проекте резолюции съезда «альтернативники» любезно поделились с «Демплатформой» тактическим опытом, известным еще со

времен формирования «Сургута»; не спешите с организационным оформлением своей фракции, подождите до съезда! Заодно разгорячившаяся молодежь выболтала другой фракционный секрет. КПСС может потерять свой статус правящей партии и большинство в Советах, поскольку из нее выйдут представители «платформы»... Как это обнадеживает, как ласкает слух любого «демократа»: «КПСС может потерять...» Заодно это еще и тактический рецепт, и прямое вмешательство в дела КПСС, которая именно для того, чтобы иметь возможность хоть как-то функционировать, занимается наведением порядка и дисциплины в собственных рядах.

Порядок работы съезда нарушился. 14 апреля в зал вошли пятеро членов Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. И. Т Фролов заметил в тексте киселевской резолюции, уже одобренной съездом, грубейшую фальсификацию цитаты из письма ЦК КПСС.

Затем на трибуне появился А. Бек и предложил вывести из зала членов Политбюро. Можно понять смелость бывшего младшего научного сотрудника, которого во «Взгляде» прочил на пост «первого» член Президентского совета академик Ю. Осипьян. У кого голова не пойдет кругом от такой перспективы... Но предложение демократа не прошло.

Съезд расслабился, но ровно на секунду, ибо делегаты попали в жесточайший цейтнот. За два дня предстояло принять десятка два резолюций, Декларацию, Программные цели и Устав ВЛКСМ, выбрать новый ЦК и Первого. Не знаю, тонкая ли это задумка или стечение обстоятельств, но спешка была выгодна всем реально действовавшим силам. Перестали приниматься поправки, вовсю развернулся президиум: «Есть предложение принять! надо согласиться! говорите по существу! я не могу дать вам слова!» и т. п. Из того же арсенала и «обращение 62-х» делегатов от Литвы, Армении, Закарпатья и Чечено-Ингушетии: собрать второй тур съезда, на нем внести изменения в Программу и Устав на основании «мнения народа». Так и подмывало спросить: неужели предвыборная борьба лишила этих 62-х возможности посоветоваться с избирателями?

Съезд так и не принял конкретной политической программы (ну что это за конкретная программа: «создание условий», «содействие переходу», «отказ от догматических представлений», «защита и выражение интересов», «предлагать свои варианты решения проблем» и т. п.). Зато с большой заботой были детализированы «необходимые для молодежи» льготы в экономике, которые якобы защитят экономические интересы молодых людей (не дельцов ли комсомольских эротических видеосалонов?). Возникло ощущение, что ВЛКСМ стремятся превратить в союз молодых предпринимателей с лозунгом «обогащайтесь!». Но при чем здесь «ленинский» и «коммунистический»?

...Съезд, как ни странно, завершился довольно тихо: выборами, голосованием и поздравлением В. Зюкина.

* * *

«Комсомольская правда» лихо поделила всех делегатов на три группы. На самом деле на съезде было всего две заслуживающих внимания позиции. Все зависело от ответа на вопрос, который поставил перед делегатами первый секретарь ЛКСМ Молдавии: «Какой путь нам избрать: эволюционный или революционный?» Вопрос

этот показался делегатам ключевым. И все десять дней, по сути, были посвящены борьбе медленно решавшего большинства, которое стояло на эволюционных позициях, и торопливо пропихивавших свои поправки «оппозиционеров», яростно тянувших комсомол в русло социал-демократии.

На самом деле водораздела «эволюция-революция» просто нет. Он не может восприниматься всерьез, покуда комсомол эта монопольная организация молодежи руководствуется принципом политической вторичности, стремится исполнять, а не созидать. Велика ли разница что исполнять: волю ли компартии или планы разномастных демократов? Принципы ли «гуманного социализма» или «гуманного капитализма» считать основой, коль скоро речь идет о тех принципах, которые, по сути, совпадают, замыкаясь на неких общечеловеческих ценностях, на деле являющихся тривиальными естественными правами, известными еще со времен греков и римлян?

Существует ли выход, возможен ли второй путь, кроме замыкания вечной спирали «социализм-капитализм»? Возможны ли иные ценности, кроме тех, что именуются «общечеловеческими», и возможно ли иное политическое устройство, не основанное на товароцентризме и техноцентризме?

Выход есть. Его я возьмусь обозначить одним словом «община». Комсомол должен отказаться от принципа политической вторичности. Создание новых политических и общественных структур должно стать его основной задачей и методом работы. Комсомольские структуры власти должны взять на себя роль контролирующую и отгораживающую, а также роль гарантов молодежных общин, построенных согласно той или иной идее. «Оболочкой» является аппарат комсомола, ограждающий общину от насилия со стороны общества (государства) и государство от распространения идей данной общины, если они в силу традиции или сиюминутного политического устройства считаются вредными или неприемлемыми для широкого распространения.

Объясню на примерах. Мы привыкли, что в годы застоя, да и в эпоху перестройки государство периодически проводит экономические эксперименты. К сожалению, в политической сфере консерватизм значительно сильнее всяких стремлений поэкспериментировать. Это вполне естественно: всякая власть боится, что где-то в недрах ее самой вызреет власть более совершенная. Правда, сегодня вся страна оказалась ареной политического эксперимента (опять-таки под крики «иного не дано!»), но каждому из нас ясно, что последствия его могут быть непредсказуемыми, ведь ни на одной из моделей он никогда отработан не был.

Так вот, комсомолу а вернее, молодежи, как наиболее свободной и пластичной части общества, и следовало бы ответить на вопрос: над кем следует экспериментировать над всей страной или над ее частью: над принужденными людьми, лишенными выбора, или над добровольцами.

Реальность сегодня такова, что ни молодежь, ни общество в целом не могут отказаться от эксперимента, грозящего угрохать всех нас и направляемого теми, кому это выгодно. Но комсомол мог бы если бы набрался смелости — хотя бы попробовать провести параллельные эксперименты, чтобы на деле, а не на основании сочинений классиков и «демократических» речей делать выводы, что хорошо, а что скверно.

Я представляю себе некоего комсомольца, одержимого идеей ры-

ночной экономики. Он публикует объявление (мини-программу) в «Комсомольской правде», собирает достаточное число молодых, свободных людей, разделяющих его взгляды, и приходит в ЦК ВЛКСМ. Там составляют смету, еще что-то и вручают ему ключи от пустующей деревни или в будущем специального полигона. На здоровье, строй капитализм или гуманный социализм. Формируй рынок, эксплуатацию и даже безработицу. А мы гаранты твоего эксперимента проследим, чтобы не нарушались законы, права и свободы граждан.

Увы, на съезде я так и не услышал ни одного выступления, которое хотя бы затронуло данную проблему.

Знаю я и то, что силы, ведущие нас к новым монополиям, деградации нашего выстраданного и ныне гибнущего уклада жизни и образа мысли, к рабству если не внешнему, так внутреннему (к новой диктатуре или к колонизации транснациональными монополиями), не заинтересованы в инакомыслии, а стало быть, и в общинных экспериментах в комсомоле.

И последний штрих. Суббота, 14 апреля. Утро. Работают дискуссионные центры съезда. В центр «Комсомол и межнациональные проблемы» пришло человек сто. Главный вопрос как избежать конфликта между делегатами Армении и Азербайджана. Зал всецело поглощен этой проблемой, когда на трибуне возникает худой человек и представляется: Мыльников, первый секретарь Биробиджанского горкома. И далее по хорошо знакомому читателям «Молодой гвардии» сценарию, с теми же, явно заимствованными у «старшего брата» тов. Корсунского Б. Л. приемами: «На протяжении ряда лет... антисемитизм... Я не буду приводить цитаты, но... принять резолюцию центра по этому вопросу... я не призываю вас «закрыть» «Молодую гвардию» сейчас, но надо создать комиссию...» Центр не поддержал эту авантюрную идею. Но что удивило так это теплое, подбадривающее рукопожатие и дружеский тон беседы в перерыве Мыльникова и бывшего заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ А. Зинченко, того самого, чья фамилия нашим читателям знакома по открытому письму редакции «Кому нужна расправа над журналом «Молодая гвардия»?».

Но я не теряю надежду. Надежду, что «античному» комсомолу придет на смену община, основанная на вековых традициях народа.

Виктор ШАПОШНИКОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ПЕРВЫЙ МИНОНОСЕЦ

В 1877 году на заводе Верда в Петербурге построили первый в мире мореходный миноносец «Взрыв». Он был водоизмещением 160 тонн. На нем стояла машина мощностью 800 лошадиных сил. Миноносец обслуживал 21 человек. На вооружении находился один торпедный аппарат.

Общественно-политическая и экономическая ситуация, межнациональные отношения все более выходят из-под контроля органов законной власти. Сепаратистская, националистическая деятельность сил, демонстрирующих демократические принципы лишь на словах, дестабилизирует обстановку в стране, разрушает Советский Союз. Законодатели некоторых союзных республик, поддавшись напору деструктивных сил, в розницу и оптом принимают нормативные акты, противоречащие Конституции СССР законам Союза.

Против любых проявлений национализма, шовинизма и расизма выступает группа народных депутатов СССР «Союз». О ее целях и задачах нашему корреспонденту В. Зенкову рассказывает народный депутат СССР Сергей Гаврилович ШУВАЛОВ.

«СОЮЗ» ПОМОГАЕТ СОЮЗУ

Сергей ШУВАЛОВ,
народный депутат СССР

— Создание групп депутатов — один из признаков демократических принципов работы Верховного Совета СССР. Сегодня уже действует несколько таких групп — межрегиональная, молодежная, группа, объединившая работников сельского хозяйства. И вот теперь «Союз». Депутаты, входящие в нее, намерены содействовать эффективному применению законов в соответствии с принципами правового государства. Мы осуждаем сепаратизм, но признаем необходимость расширения суверенитета союзных республик и автономных образований в условиях радикального обновления федерации, приоритет прав человека, равноправия и свободного развития всех граждан нашей страны на всей ее территории независимо от национальности, языка, вероисповедания, времени проживания в данной местности.

Чем «Союз» отличается от других формирований депутатов? В нем наиболее четко представлены интернациональные позиции. Но мы выступаем за диалог и сотрудничество со всеми депутатскими группами, общественными и религиозными организациями, гражданами, стремящимися к консолидации прогрессивных сил, сохранению территориальной целостности СССР. Мы также за широкое межпарламентское сотрудничество и контакты с соотечественниками за рубежом.

Надо сказать, что в высшем органе власти не все радеют за единый Советский Союз. Это особенно ярко демонстрируют депутаты

республик Прибалтики. Поэтому свою задачу мы видим еще и в том, чтобы привлечь внимание средств массовой информации к объективному освещению событий, которые происходят в результате взрыва национального самосознания. К сожалению, нередко газеты, журналы, радио и телевидение подыгрывают националистическим проявлениям.

Хотя группа «Союз» образована недавно, тем не менее уже удалось много сделать. Несколько депутатов выезжали в Литву. Там они ознакомились с обстановкой, увидели горе, слезы тысяч людей. Многие живут в тревоге. Почему? Люди получают анонимные звонки, предупреждения. Поскольку в республике 8 процентов руководителей предприятий литовцы, на них большое влияние оказывает «Саюдис». В то же время на предприятиях союзного значения работает 80 процентов нелитовскоязычного населения. На них-то и обрушивается давление руководителей. Людей называют оккупантами. Но ведь многие живут в республике десятилетиями. Немало и таких, кто сразу после Великой Отечественной войны приехал сюда восстанавливать разрушенные города, промышленность. «Союз» обеспокоен событиями, происходящими в Литве, и расценивает их как попытку государственного переворота. Мы обратились к Комитету граждан СССР в Литве и Верховному Совету Литовской ССР с телеграммой, в которой сообщили, что намерены представлять и отстаивать интересы многих тысяч людей Литвы в Верховном Совете СССР и в других высших органах власти. Мы просили в этой телеграмме подтвердить наши полномочия в данном вопросе. Такое подтверждение получено.

К нам поступает немало писем. Особенно их поток увеличился после того, как 73 народных депутата Моссовета направили Председателю Верховного Совета Литвы В. Ландсбергису обращение с осуждением позиции Президента СССР. Вот, скажем, письмо работников Вильнюсского НИИ радиоизмерительных приборов, адресованное депутатам Моссовета, редакциям газет «Известия», «Советская Россия», «Советская Литва»: «Знаете ли вы, что основная часть жителей некоренной национальности (русские, белорусы, украинцы и др.) приехала в Литву после Великой Отечественной войны, чтобы восстанавливать города из руин, строить дома, заводы, школы, портовые сооружения Клайпеды, атомную электростанцию в Снечкусе и другие жизненно важные объекты республики? Вся страна готовила и посылала высококлассных специалистов на работу в Литву, и это было время, когда кадры нужны были в каждой союзной республике. К примеру, на наше предприятие, НИИ и завод радиоизмерительных приборов, были направлены инженеры и техники из Москвы, Ленинграда, Киева, Минска и других городов. Они и их дети и сейчас составляют основу инженерно-технического персонала предприятия».

А вот еще письмо от учителей и учащихся 6-й средней школы Вильнюса: «Выражаем протест антиконституционным действиям Верховного Совета Литвы, выразившимся в нарушении Конституции СССР, санкционировании отказа служить в рядах Советских Вооруженных Сил, принятии указов и законов, не гарантирующих социальную защищенность не только русскоязычному населению (обещание безработицы, негарантированное пенсионное обеспечение, лишение права получить высшее образование на родном языке и т. д.)».

Тревожная обстановка остается и в Молдавии. Там встречаются чудовищные случаи. Скажем, люди, говорящие на русском языке, звонят в «Скорую помощь», где диспетчерами работают молдаване,

просят оказать медицинскую помощь, а в ответ слышится: «Мы вас не понимаем».

Разве можно мириться с этим? Разве можно подобное оставлять без последствий? И что любопытно, анализируя события в Литве, авторы писем свидетельствуют о том, что они — не результат недавних выборов в Верховный Совет республики, а складывались задолго до рождения «Саюдиса». Конечно, главной фигурой в нынешнем руководстве Литвы надо считать Председателя Верховного Совета республики, председателя Совета Сейма «Саюдиса» Витаутаса Ландсбергиса.

История сохранила весьма красноречивый документ. Датирован он 25 июня 1941 года. Это «Слово к народу независимого Временного правительства Литвы». В нем, в частности, говорится: «Временное правительство благодарно спасителю европейской культуры рейхсканцлеру Великой Германии Адольфу Гитлеру и его отважной армии, освободившей литовскую территорию». В числе подписавших этот документ и министр коммунального хозяйства «временного правительства» Литвы Витаутас Ландсбергис-Жемкальнис — отец нынешнего Председателя Верховного Совета Литвы. Во время войны Ландсбергис-старший ведал вопросами строительства концлагерей на территории оккупированной фашистами Литвы. А в 1944 году он вместе с сыном Габриэлюсом и дочерью Аленой бежал в Германию, откуда вернулся только в 1959 году. Сын и дочь не возвратились в СССР. Поселившись в Австралии, они стали активно сотрудничать с литовской реакционной эмиграцией.

Мы понимаем, что дети не отвечают за своих отцов, но о позиции сына Ландсбергиса дают более или менее четкие представления его выступления и интервью. Например, говоря о самоопределении, он сказал, что «под угрозой находится демократия. Нам угрожает фашизм», что помощь США Литве на международных форумах недостаточна... сейчас пришло время помочь нам восстанавливать независимость нашего государства. К этому стремлюсь я и «Саюдис».

О многом заставляет задуматься то, что происходит в Литве, как, впрочем, и то, что мы наблюдаем в Закавказье и Молдавии. И очень хорошо, что это понимают народные депутаты СССР, объединившиеся в «Союз».

Наша депутатская группа стала одним из инициаторов создания Народного фронта «Союз». В его работе решено выделить три основные программы.

Первая — «Согласие»: финансирование и организация диалогов общественных сил, общественных и государственных организаций ради поиска и достижения согласия по актуальным проблемам и их отдельным аспектам. Диалогов разнотемных, практически непрерывных, непременно конструктивных.

Вторая — экологическая: финансирование и организация общественных экспертиз, а также конструктивной прессы, ищущей вместе со специалистами и общественностью ответы, технологически обоснованные, на острейший вопрос: что делать, чтобы спасти природу и людей. Третья — «Беженцы»: формирование общесоюзного фонда помощи беженцам из районов межнациональных столкновений.

Не сомневаюсь, что миллионы людей нашей страны, предприятия и ведомства поддержат эти программы.

Адрес группы народных депутатов «Союз»: Москва, пр. Калинина, 27, тел.: 203-60-71.

29 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

МОРСКИЕ БУДНИ

Пожалуй, не многие знают, что Черноморский флот — составная часть ВМФ СССР — основан в 1783 году. Он участвовал в русско-турецкой, крымской и первой мировой войне. В 1905 году на Черном море произошли восстания на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков».

В годы Великой Отечественной войны черноморцы участвовали в обороне Одессы, Севастополя, Северного Кавказа, в Новороссийско-Таманской операции, освобождении Крыма, Николаева, Одессы и других операциях.

Офицеры и матросы, запечатленные на этих снимках,— наследники славы Черноморского флота. Перед ними, как всеми черноморцами, ясная задача — оберегать морские рубежи нашей державы. Для этого у них есть все: и новейшие корабли, и современное оружие.

Но сегодня в нашем Военно-Морском Флоте немало проблем. Ведь он — органичная, неотъемлемая часть всего общества. Многое предстоит сделать, чтобы улучшить условия службы, жизни, труда и быта военных моряков, а также их семей, исключить какое бы то ни было ущемление политических и социальных прав моряков, любые посягательства на защитников Родины.

На снимках: командир ракетного катера капитан 3-го ранга В. Тарлыгин; ракетный катер одно из самых современных военных судов флота; в столовой ракетного катера; на занятиях; командир отделения гидроакустиков матрос А. Головачев; в минуту отдыха; торпедный отсек подводной лодки.

Фото А. СТЕПОВОГО

УКУС «ХИМЕРЫ»

Не припомню случая, чтобы героев газетной статьи, не названных автором, так оперативно «вычислили» работники прокуратуры, после чего ими занялись обком КПСС и Комитет по народному образованию. Нет, они вовсе не рэкетиры и чиновные мздоимцы, не представители торгово-кооперативной мафии, а педагоги обычной ленинградской школы.

По следам одной публикации «Литературной газеты»

Такая реакция следствие статьи Н. Логиновой «Химера», опубликованной 17 января 1990 года в «Литературной газете». В ней очень эмоционально нарисована «удушливая атмосфера в некогда знаменитой школе», где учителя, «приверженцы «Памяти», выясняли у детей, к какой национальности они принадлежат, не стесняясь в выражениях, обижали и оскорбляли учеников, дискредитировали своих «наиболее талантливых коллег». В итоге несколько педагогов со своими учениками были вынуждены уйти из школы. Оставшиеся, судя по статье, никакой симпатии вызвать не могли: недалекий директор, историк бывший сотрудник милиции, вообще, чуть ли не горький пьяница, да к тому же еще участвует в митингах местной «Памяти»... В общем, кошмар, что творится в школе. И вполне естественно, что у многих читателей «Химеры» эти люди и их «педагогические методы» вызвали не только чувства возмущения, гнева, но и брезгливости. Но вот в редакцию «Молодой гвардии» пришло письмо из той самой школы, подписанное 17 педагогами во главе с директором Ф. И. Михайловым, отличником народного образования РСФСР, кандидатом в члены Ленинградского обкома КПСС.

«Мы поставлены в условия, в которых не можем защитить свое собственное достоинство и честь школы и призвать автора «Химеры» к ответственности, так как Н. Логинова изменила наши фамилии и не назвала номер школы,— пишут они в «МГ».— Однако многочисленные комиссии, работавшие в коллективе, как ни старались, не нашли ни одного факта «антисемитизма», в которых нас обвинила газета. В конце концов, мы были вынуждены обратиться в ряд центральных газет и журналов с просьбой прислать корреспондента для объективной оценки ситуации, создавшейся в городе вокруг нашей школы. Но вот что примечательно: когда коллектив обвиняют в «шовинизме и антисемитизме», то компетентные органы и иные журналисты сразу начинают «бить тревогу», а когда надо защитить школу ее преподавателей и учащихся от клеветнических выступлений, то они же считают, что, дескать, не нужно еще раз «раздувать проблему»... Более всего нас угнетает тот факт, что статья в «ЛГ» действительно подействовала как «химера» на сотни ребячьих душ, потрясенных нападками на их педагогов».

И вот я вхожу в двери ленинградской 307-й школы, известной когда-то своими педагогическими новациями, а теперь благодаря прессе ставшей «печально знаменитой». Последний день каникул. Однако у директорского кабинета и в коридорах встречаю несколько групп взрослых людей. Оказалось, что это педагоги, приехавшие за опытом к Михайлову из разных городов и весей. У меня, признаюсь, мелькнула мысль: неужели они «Химеру» не читали? А если читали, то, может, не знают, что речь в ней шла именно об этой школе?

Федор Иванович обаятельный мужчина средних лет, с серебристой шевелюрой встретил меня добродушной, хотя и чуть усталой улыбкой. Директор рассказывал мне о своей школе, педагогическом коллективе, учениках и о системе преподавания.

Считаю, что мы должны воспитывать наших школьников в духе российского патриотизма,— говорит Михайлов.— И честно признаюсь, меня поражает почему иные люди спокойно относятся, когда говорят о возрождении национального самосознания в республиках Прибалтики, Закавказья, но стоит заговорить о России, русском патриотизме, они сразу начинают обвинять в шовинизме и антисемитизме, принадлежности к «Памяти»?

Как вы относитесь к «Химере», опубликованной в «Литературной газете»?

Именно как к химере. Статья и обрисованные в ней ситуации насквозь вымышлены и лживы. У автора даже не хватило смелости назвать мою фамилию и имена педагогов. Н. Логинова, видите ли, «переживает» за дочь учителя Анатолия Парфеновича Сергеева, названного в материале Ефимовым: дескать, дабы не было стыдно за отца,— горько усмехнулся Федор Иванович.— Хотя журналистка во многом сама спровоцировала и раздула так называемый «больной вопрос»...

В каком смысле?

— Не только Логинова, но и некоторые другие ее коллеги навязывают обществу «еврейский вопрос». Вспомните письмо провокатора Норинского, опубликованное в журнале «Знамя». Послушайте досужие разговоры на улицах о «предстоящих погромах». Кому-то выгодно нагнетать атмосферу национальной розни, истерии. И для этого все средства хороши — даже детей запугивают «русскими шовинистами», боевиками из «Памяти». Эти люди идут на любую мерзость, лишь бы подогреть общественное мнение, рассчитанное, увы, не только на испуг обывателя...

Ну а чем был вызван уход из школы группы учителей и учеников?

Понимаете, некоторые учителя сейчас стали зарабатывать авторитет у ребят оплевыванием любых завоеваний нашего народа: дескать, вся история России это история духовного рабства. В жизни нет ничего высокого и святого... К тому же иные из них при детях (!) постоянно пытались обсуждать своих же коллег: дескать, это вам со мной повезло, но большинство преподавателей посредственность и убожество. Мол, вы элита, а ученики Анатолия Парфеновича, например, пусть помои выносят и картошку в грязи копают... Пуще того — даже из своих классов они особо выделяли «наиболее одаренных» (в основном из числа учеников еврейской национальности), и им куда больше уделяли сил и времени, чем остальным детям. Разве это нормально? Лично для меня и большинства коллег все дети равны, независимо от национальности и способностей. Слабоуспевающим, наоборот, надо лучше помогать. Эти же преподаватели посто-

янно выискивали огрехи у своих коллег: кто что сказал, кто на кого не так посмотрел... И самое страшное своими двусмысленными намеками они настраивали детей против других учителей. «А почему И. И. на меня не смотрит, когда говорит о национальной политике?» «Ребята, неужели не понятно, что ваш историк это ярый сталинист?»

Конечно, Анатолий Парфенович фигура неоднозначная, но и не одиозная, как ее выставили в «ЛГ». Уж кем-кем, а горьким пьяницей всегда подтянутого, спортивного Сергеева даже самые злые языки не назовут.

Сергеев первый в городе набрал класс для углубленного изучения российской истории и культуры, первым, задолго до «реабилитации» Соловьева и Карамзина, Флоренского и Карсавина, познакомил с их трудами своих учеников. Вот как отозвалась о работе Анатолия Парфеновича член комиссии по проверке школы № 307, народный учитель СССР Татьяна Ивановна Гончарова кстати, историк по специальности: «Это человек подвижнического склада. Я была бы счастлива, если бы моих внуков учил истории такой педагог, как Сергеев». Здесь есть над чем задуматься, верно? Такого же мнения о коллективе школы придерживается и заведующая Советским районо Зинаида Леонидовна Плотникова:

— В 307-й работают лучшие в городе учителя-новаторы Е. Ильин и В. Ионов, А. Сергеев. Допускаю, что их высокий авторитет вызывал зависть у некоторых коллег, которые хотели дискредитировать не только руководителя школы, но и саму систему преподавания в 307-й, направленную на творческие поиски, совершенствование обучения учащихся в нынешних весьма сложных для школы условиях.

«ЛГ» писала об уходе из 307-й преподавателей со своими классами как о ЧП. Действительно, ситуация неожиданная, но не такая уж нетипичная. Например, в свое время учитель Куликов и туда пришел вместе с учениками, а проработав год, вновь их увел уже в другую школу. Я лично думаю, что это ненормальное явление — ребята должны учиться в одном месте, а не бегать за своим педагогом из школы в школу. Учителя, видимо, не думают об интересах учащихся, им свои амбиции куда дороже.

Комиссия, в состав которой входили работники прокуратуры, партийных органов и народного образования, отвергла обвинения в адрес директора и учителей 307-й в «раздувании антисемитских отношений». Факты, приведенные в статье «Химера», не подтвердились.

История вроде бы завершилась, и на ней можно поставить точку если бы этот случай был единичным. Увы, его скорее можно назвать типичным. Ярлыки «шовиниста», «антисемита» грозят каждому, кто осмеливается говорить о болях и бедах России. И ситуация в Ленинграде — лучшее тому подтверждение.

С каким неприятием восприняли руководители творческих союзов Ленинграда саму идею провести в городе «Российские встречи» с участием известных писателей республики. Как будто речь шла о пропагандистской акции зарубежных сионистов. А когда эти встречи все-таки состоялись, местная, да и центральная пресса всячески дискредитировала их участников и организаторов Комитет защиты Невы, Ладоги, Онеги. Помнится, когда в октябре прошлого года в Ленинград на встречу с единомышленниками прибыла делегация сионистов из США и других стран, пресса деликатно умолчала об этом событии...

Александр НЕВСКИЙ

«ДАЙТЕ СЛОВО «ПАМЯТИ»!

В редакцию журнала «Огонек»
Копия: в редакцию журнала «Молодая гвардия»

Тов. Коротич! Что за паникерская статья напечатана в «Огоньке» (1990, № 10) «Опасность справа»? Неоднократно упоминаемое Вами общество «Память» нигде ни разу не выступало в печати со своей программой. Чем объяснить Ваш крик «караул», а тем более оскорбление словами: «фашисты», «погромщики»? Кто и где громил или грабил? И как понимать обвинение в «неспособности выдержать свободную борьбу с евреями»? В Вашем журнале Вы публикуете все, что угодно, а упомянутая Вами «Память» вообще не известна ни мне, ни моим товарищам. Предоставьте место им в «Огоньке», тогда мы узнаем, что, может, и есть в их идеях здравый смысл. Вот это и будет свободная борьба.

И. КАЗНАЧЕЕВ, И. КОЗЛИТИН, В. БЕЛОНИН, Ю. БАРИЛО, В. ПРАХОВ, г. Ухта Коми АССР

Уважаемая редакция! Высылаю вам материалы новосибирской «Памяти». Надеюсь, что их публикация позволит вашим читателям более объективно судить о деятельности объединения.

И. НИКОЛАЕВ
г. Новосибирск

Подобных писем в редакционной почте немало. Читатели просят предоставить слово лидерам «Памяти», опубликовать ее документы, чтобы самим разобраться, что представляет собой это движение, так переполошившее едва ли не весь мир.

КРАТКАЯ ПРОГРАММА

деятельности историко-патриотического объединения «Память»

Историко-патриотическое объединение «Память» является организационной формой проявления общественной самодеятельности, растущей социальной и духовно-нравственной активности сынов и дочерей русского народа.

Своей целью объединение «Память» считает:

создание в рамках РСФСР недостающих звеньев государственности русского народа, возрождения его национальной культуры и самобытности;

борьбу против русофобии и казарменного интернационализма, отстаивание чувства русского национального достоинства;

— воспитание чувства любви к своему Отечеству и постоянной готовности к его защите;

содействие воспитанию глубокого уважения к Истории русского народа, к его национальному, культурному достоянию и братского отношения к культуре других народов — без национального нет интернационального;

содействие утверждению в жизни общества гуманистических нравственных идеалов и социальной справедливости;

— выработку конструктивных предложений в области культуры, экологии, экономике, политике;

содействие воспитанию, в том числе на собственном примере, отношения к труду как к нравственной категории;

содействие приобщению народных масс русского и других народов к сокровищам отечественной и мировой народной и классической культуры как важнейшее условие воспитания личности гражданина и патриота.

«Память» за культурный диалог и обмен с Западом, но «Память» против распространения в пределах Отечества западной «массовой культуры», против культурологических извращений и умышленной денационализации.

«Память» против разграбления национальных богатств иностранным капиталом.

«Память» полагает что Россия должна иметь свою коммунистическую партию, которая представляла бы интересы России внутри КПСС; свою, Российскую, Академию наук; свои Союз писателей, Союз театральных деятелей, Союз художников, Союз учителей, Союз медицинских работников, Союз кинематографистов и т п. Россия должна иметь собственные каналы Центрального телевидения и радиовещания. «Память» полагает что необходимо мобилизовать все патриотические силы Отечества, чтобы остановить процесс вырождения русского народа. Россия должна наконец-то перестать быть внутренней колонией и должна занять достойное место в Союзе Советских Социалистических Республик.

Принято на расширенном заседании правления ИПО «Память» в качестве основы для выработки развернутой Программы движения. Новосибирск, март апрель 1989 года

Отчет «Памяти» с ноября 1985 года:

вечера: «Слова о полку Игореве», поэтов А. С. Пушкина, Н. Рубцова, маршала Г К. Жукова, академика М. В. Ломоносова, героев Краснодона;

митинги, посвященные годовщинам Бородинского сражения и Куликовской битвы (дважды), с возложением венков «Героям битв за Отечество»; наказам делегатам XIX партконференции; итогам XIX партконференции; солидарности с невооруженным восстанием палестинцев;

дискуссии: «Стратегия народного образования», «Контрпропаганда и культура», «Рок-музыка и борьба идей», «О патриотизме и интернационализме», «Компьютеризация: магистрали и тупики», «Проект гидроэнергетического строительства на Алтае: опыт общественной экспертизы»;

просмотр и обсуждение фильмов «Черный ход», «Пирамида»,

«Деревянное зодчество Сибири», «Клетка для канарейки», «Игры для детей школьного возраста», «Лермонтов»;

— встречи с публицистами Т. Лисициан, Н. Бурляевым (об их кинокартинах), востоковедом Е. Евсеевым (о его научной работе);

— встреча с трудовыми коллективами Новосибирска, диспут с обществом «Мемориал»;

— праздники патриотической песни, дни Советской Армии, учителя, космонавтики, «Золотая осень» и масленица с организацией народных игрищ;

всесоюзные конференции-диспуты со специалистами: «Экология и энергетика», «1000-летие христианства на Руси», «Проблемы сельского хозяйства»;

участие в заседании Совмина РСФСР о судьбе Катунской ГЭС, в международных конференциях по экологии энергетики в Москве и в ФРГ.

«Память» — наследница трезвеннического движения, спасшего только за 1987 год полмиллиона человеческих жизней!

г. Новосибирск

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Сражение при Кагуле 21 июля 1770 года.

По словам Д. Н. Бантыш-Каменского, оно «походит более на баснословное, нежели на действительно историческое, ибо 17 тысяч россиян побили наголову 150 тысяч турков, отразив 100 тысяч татар, угрожавших с тылу».

Акварель Д. Ходовецкого. 1770-е годы.

ФАКТ И КОММЕНТАРИЙ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ДИКТАТ

Друзья !

Избирательный блок "Демократическая Россия" благодарит Вас за поддержку которая обеспечила нашим кандидатам преимущество на выборах 4 марта. Результаты 1 тура: РСФСР, нац.-терр. N 3 (1.) Мукусев В.В. - 35% (2) Королев В.П. - 16%

терр. N 31 (1) Кононов А.Л. - 35% (2) ~~[illegible]~~

Моссовет, округ N255 (1) Кирпичников С.А. - 36% (2) ~~[illegible]~~

18 марта предстоит 2 тур. Единственное, на что сейчас рассчитывают те аппаратчики которые боятся передачи власти народу, - наша неявка в этот день на избирательные участки. ПРОГОЛОСУЕМ ВСЕ ! Райсоветовский (голубой) бюлл. заберите домой.

От Совета блока "Демократическая Россия"

А. Мурашев Г. Попов С. Станкевич Н. Травкин

Эту листовку нам, избирателям национально-территориального округа № 3 и территориального округа № 31 по выборам народных депутатов РСФСР, а также округа № 255 по выборам народного депутата Моссовета, разложили по почтовым ящикам накануне повторного голосования 18 марта этого года. Народные депутаты СССР А. Мурашев, Г Попов, С. Станкевич и Н. Травкин призвали людей «райсоветовский (голубой) бюллетень забрать с собой», то есть, попросту говоря, проигнорировать выборы. А почему? Да потому что, видите ли, кандидат в народные депутаты райсовета не приверженец «Демократической России». Очень демократичный призыв!

Как квалифицировать подобные действия народных избранников?

Р. СМОЛИНА

г. Москва

Что и говорить, так называемые «демократы» на прошедших выборах преподнесли нам прекрасный урок того, как нужно вести борьбу за депутатские мандаты. Чего только не испробовали сторонники «демократического движения»! И все ради чего? Чтобы «потопить» своих конкурентов!

Вот скажем, в Новосибирске в Верховный Совет РСФСР баллотировались В. Гаврилко и В. Жданов. Первый выступает в защиту Катуни, является одним из разработчиков нового варианта энергетического развития страны. Другой — активист антиалкогольного движения в стране. И у того и у другого были листовки с программами и биографиями. Но как их испохабили! На них рисовали знаки фашистской свастики, а самих кандидатов называли не иначе как «фашистами»! С не меньшим остервенением разрисовывались фашистской свастикой и листовки, содержащие предвыборную платформу блока патриотических сил России, которую, в частности, поддерживали В. Гаврилко и В. Жданов.

Как же стал возможен в нашей стране политический бандитизм? Неужели все это можно считать нормальной политической борьбой? Разве это и есть желанная демократия, при которой одна часть распоясавшихся сограждан, самозвано причислив себя к неким богоизбранным носителям истины и провозвестникам грядущего очередного светлого, на этот раз демократического будущего, может безнаказанно, как угодно поносить и оскорблять коренных жителей республики?

Любопытно, в Новосибирске, например, более 40 процентов избирателей не голосовало во втором туре. Из оставшихся относительным, а не абсолютным большинством в депутаты, скажем, по национально-территориальному округу № 57 от всего полуторамиллионного города был избран А. Мананников — издатель и редактор громко именуемого «Пресс-бюллетеня СибИА», органа некоего «независимого Сибирского информационного агентства», человек, являющийся внештатным корреспондентом радиостанции «Свобода»! О чем вещает по «независимой радиостанции, финансируемой конгрессом США», этот самый Мананников? О расчленении России. Об отделении Сибири от Советского Союза. О ликвидации армии... В изданном и распространенном (разумеется, небесплатно!) выпуске «бюллетеня» в ходе предвыборной кампании обильно чернятся и оскорбляются его противники, а коммунисты объединяются с мифическими «фашистами». Пожалуй, ни в одной стране мира невозможно убежденному противнику этой страны так легко попасть в высшие органы власти, как у нас в СССР. А откровенный враг России и ее злобный ненавистник попал. Дожили!

В Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске шла настоящая «листовочная война». Практически были попраны все законы. Тиражи листовок, особенно у кандидатов сторонников «демократов», росли как на дрожжах. В этой «войне» активно действовали и народные депутаты СССР — лидеры Межрегиональной группы, в частности «историк» Ю. Афанасьев, А. Адамович, Б. Ельцин, Е. Евтушенко, Н. Травкин, А. Мурашев, С. Станкевич. Последний, например, баллотировавшийся в Моссовет, в одной из своих листовок писал: «Есть, к сожалению, несколько человек, которые вот уже более года ведут против меня «холодную войну», не брезгуя никакими средствами, вплоть до самой низкопробной клеветы...» Среди «нескольких человек» народный депутат выделил почему-то одну лишь женщину. Именно ее он представил человеком, будто бы пытающимся распространять о нем ложь. А мотив листовки прост: оказывается, эта самая женщина была его соперником по выборам. Листовка написана на бланке народного депутата СССР, отсерокопирована в десятках, если не в тысячах экземпляров. Разве она не охаивает огульно противника? Чем это средство отличается от тех, которые применялись в Новосибирске?

А сколько было распространено листовок, подписанных народными депутатами СССР, в том числе вышеперечисленными, которые содержали призывы голосовать за того или иного кандидата — приверженца блока «демократических сил»! Были листовки и иного содержания. Например, главный редактор еженедельника «Аргументы и факты» В. Старков, призывая избирателей отдать свои голоса за кандидатов «демократического блока», указывал в листовке: «Прочтите это сейчас, а не то сторонники «Памяти» соскребут ногтями...» Ну а когда в числе баллотировавшихся кандидатов не находилось сторонников блока «Демократическая Россия», от народных депутатов спускались ЦУ   ценные указания: за такого-то не голосовать! Предлагался и способ, как это сделать,— унести с избирательных участков соответствующие бюллетени.

Автор письма в редакцию спрашивает: как квалифицировать подобные действия? Мы переадресовываем этот вопрос самим же народным избранникам, в частности А. Мурашеву, Г. Попову, С. Станкевичу, Н. Травкину.

Интересно, удастся ли нам услышать их ответ?

«ТОВАРИЩ»

ЦЕРКОВНЫЙ АВАНГАРДИЗМ

ИЛИ НЕООБНОВЛЕНЧЕСТВО

Сравнение сегодняшних дней со временем нэпа нынче на устах многих публицистов. И общественные силы, действующие сегодня, с их точки зрения, имеют прототипы в том времени. Для одних нэп был вынужденным отступлением, для других — реализацией мечтаний, для большинства же народа — лишь небольшой передышкой меж двумя кровавыми банями. Но были и те, кто не получил даже этой передышки. В первую очередь — это Русская Православная Церковь.

Убивая Россию, враги самый коварный удар постарались нанести ей в сердце. И лишь чудом Божиим оно не перестало биться. Удар был нанесен не только извне, но и изнутри. Была предпринята попытка расколоть Церковь, лишить ее святых своих преданий, оторвать от народа, секуляризировать. При активной поддержке ГПУ часть клириков и мирян были увлечены в так называемое обновленчество.

Но почему, скажут некоторые, Церкви не обновиться, не повернуться лицом к миру, не приблизиться к нему? Но разве нуждаются в переделке вечные истины? Разве может быть что-то новее Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа? Разве лучше повернуться к миру и отвернуться от Бога? Все эти вопросы звучат и ныне. Что есть основа жизни Слово Божие или насыщение чрева? Что созидает семью, нацию, государство — любовь, идеалы, долг или экономические расчеты, колбаса, права человека и свобода выезда?

Церковь Русская избрала Святую Русь. Обновленчество нэп. Церковь осталась верна Богочеловеку — Христу, обновленчество все более покорялось человекобогу антихристу, насилию, диктату. Вслед за этим главным выбором последовали и частности. Обновленцы стали фактически агентами ГПУ Их активно поддерживали, им передавали храмы, отобранные у православных, по их доносам проводили репрессии.

Они же, в свою очередь, стали активно искажать вековые традиции русского православия, реформировать богослужение, вводя в него приемы агитации и пропаганды, созвучные времени, изменять канонические правила, создавать многочисленные «общественные» организации. Свою деятельность они характеризовали как «церковно-революционную».

Один из ведущих обновленцев митрополит А. Введенский, эрудит оратор, интеллигент, любимец «народа московского», то есть в основном студентов, богемы, курсисток,— участвовал в грандиозных по тем временам шоу-диспутах вместе с таким же интеллигентом и эрудитом, ярым русофобом Луначарским.

Однако православные русские люди в массе своей не приняли «реформированной церкви». Остались верны православию иерархи и монахи, старые профессора и крестьяне. Весь народ сплотился вокруг св. Патриарха Тихона, а беззаконный митрополит А. Введенский так и не смог пошатнуть православие москвичей. Обновленческий раскол не удался. Вскоре и сама власть отказалась поддерживать «модернистов». Сердце России — Церковь Православную не удалось ни убить, ни отравить ядом.

В наши дни вновь извергает свой яд вирус обновленчества. По телевизору с воскресной проповедью выступает священник Александр Мень. В проповеди ни слова о Боге и о Церкви! Нам сообщают что на церковные средства организуют научно-исследовательские полеты в статосферу, и это в то время, когда большинство русских храмов лежат в руинах. В храме Большого Вознесения у Никитских ворот в котором венчался А. С. Пушкин, устраивают концертный зал, причем по телевизору какая-то дама, называя себя верующей, поддерживает это, как будто Пушкин венчался на сцене, а не в храме! На одесских днях смеха в ложе театра сидит архимандрит (то есть монах, который отрекся от мира!). Какой-то самозванец проникает (тоже в образе монаха) на конкурс красоты, а его коллега монах — корреспондент Марк Смирнов — рекламирует по телевизору индийских колдунов, адвентистов, выступает на стадионах и в телешоу.

Все это носит характер систематической программы. Цель ее

пристегнуть Церковь к «демократическому движению». Подать церковное возрождение как результат деятельности «демократических сил», как результат их борьбы с административно-командной системой.

Это соображение подтверждается «Обращением» («Книжное обозрение», № 8 за 1990 г.), подписанным ведущими «демократами», культуртрегерами, деятелями искусств. Здесь и М. Захаров, и И. Заславский, и Э. Рязанов, и многие другие. Здесь же и К. Харчев — бывший председатель Совета по делам религий. В «Обращении» народные депутаты призывают «решительно бороться с вмешательством Совета по делам религий, КГБ, исполкомов и других органов государственной власти в кадровые назначения духовенства и другие стороны внутренней жизни религиозных общин».

Церковь, по мнению «демократически настроенной интеллигенции», тоже должна перестроиться. Иными словами, для полной реализации нэпа необходимо обновленчество.

К сожалению, эта идея находит поддержку у некоторых клириков РПЦ. К ним можно отнести и вышеперечисленных участников разнообразных «культурных программ», и подписавших «Обращение» священников А. Борисова и С. Киппермана — бывших диссидентов.

Но этого недостаточно. Для истинного обновления неообновленцам, оказывается, нужно передать храмы, сделать их реальными конкурентами традиционной церковности.

И вот тут-то и противоречие, подумает неискушенный читатель. Ведь обновленцам передавало храмы ГПУ а неообновленцы в союзе с «демократами» как раз и выступают против властей: против Совета по делам религий, КГБ, исполкомов.

Ах, как наивны россияне! Все не так просто. Механизмы протекционизма выявились на примере одного московского храма.

Храм Рождества Богородицы в Путинках (ул. Чехова, 4) пока закрыт Но на него есть претенденты. С одной стороны, это община верующих, законно зарегистрированная Советом по делам религий, с другой — Театр имени Ленинского комсомола.

22 июня 1989 года (не странное ли совпадение!) газета «Московские новости» публикует заметку С. Бычкова «Храм Неопалимой Купины», посвященную судьбе храма Рождества Богородицы в Путинках.

«...Что собирается ваш театр сделать с храмом Рождества Богородицы?» спрашивает корреспондент у А. Абдулова.

Уже сам вопрос шокирует православного. Шокирует он и простого русского человека. Как, разве у храма может быть какой-то иной хозяин, кроме верующего народа, кроме Церкви?!

Может ли Православие смириться с тем, что хозяином храма станет театр, да еще Театр Ленинского комсомола со своим более чем фривольным репертуаром (рок-оперы, эротика и прочее)? Но не напрасно ли тревожимся, ведь сам Абдулов признал, что «храм и театр не всегда совместимы». Правда, признал он это в странном контексте. Ему показался несовместимым аскетизм православного богослужения с обстановкой в давно действующем храме Воскресения Словущего на ул. Неждановой, в котором служит митрополит Питирим. Там, по Абдулову, «все так пышно и помпезно, что порой воспринимается это как театральное действо».

Все это довольно путано. С одной стороны, «храм и театр не всегда совместимы», с другой — «храм на балансе театра». С одной стороны, митрополит Питирим слишком театрален, с другой — как раз это-то и хорошо, он примет участие в «благотворительном концерте».

И этот концерт состоялся. Видеокассету «Задворки-3» может приоб-

рести любой любитель русской старины. Газета «Поиск» (1989, № 10) писала: «Начался вечер с торжественного пролога. Затем — ритуальное благословение». Действительно, «выступает» митрополит Питирим и говорит что-то вроде «весь мир театр, мы живем на сцене», у театра и Церкви единые задачи!!! Потом его еще раз покажут слушающего. Ну а дальше, на фоне храма, в адском дыму беснуются рок-группы, хихикают одесские юмористы, появляются политические звезды (В. Коротич) и голые проститутки (ах, простите,— путáны. Или по-русски блудницы). В конце, на благотворительном аукционе, где «председательствовал» все тот же Абдулов, за 1000 рублей была продана бутылка водки, с библейским изречением на ней...

Звучала, правда, на концерте и духовная музыка. К таковой, в частности, отнесена и рок-опера «Юнона и Авось» (музыка А. Рыбникова, стихи А. Вознесенского). И уже газета «Коммерсант» шокирует читателя заголовком «Православная община имени Ленинского комсомола».

Мы не напрасно перечисляем все это. Потом, в разговоре в исполкоме Свердловского района, промелькнут «реформированная Церковь, культурный центр, интеллигенция...». Теперь все ясно. Храм пытаются превратить в центр неообновленчества.

Однако, начиная рассказывать эту историю, мы сказали, что храм закреплен за законно зарегистрированной общиной, никакого отношения не имеющей к театру. Но у главного режиссера театра М. Захарова, по словам П. Дозорцева, уполномоченного Совета по делам религий в Москве, «длинные ру́ки». Сам Захаров подписывает Обращение, в котором обвиняется совет, КГБ и исполкомы в препятствовании нормальной деятельности церковных общин, а в это время среднее звено (а отнюдь не высшее, против которого выступает М. Захаров) некоторых из этих организаций дает фактический материал для этого Обращения. П. Дозорцев, выдав справку о регистрации общине храма, вдруг признает ее незаконной и выдает другую общине, неизвестно откуда взявшейся, но в составе которой находятся актеры театра, включая секретаря парткома Б. Н. Никифорова, и сотрудники митрополита Питирима. Г Боголюбова, заведующая отделом культуры Свердловского исполкома, присутствует на собрании этой самозваной общины с санкции заместителя председателя исполкома Б. Селезнева, тем самым закрепляя должностной подлог Дозорцева. А во время предвыборной кампании доверенным лицом Боголюбовой выступает о. Иннокентий Просвирник, заместитель митрополита Питирима. Как говорится, рука руку моет...

Секретарь патриарха по Москве о. Матфей Стаднюк назначает законной общине настоятеля о. Макария Железнякова. Но оказывается, что этот человек присутствовал еще в октябре на собрании, организованном общиной театра в помещении Издательского отдела Московской Патриархии, руководит которым митрополит Питирим, и там уже был представлен как настоятель. Впору подумать, что не Патриарх назначает московских настоятелей, а его викарий по Волоколамску митрополит Питирим.

И вот он-то, новоиспеченный настоятель, игнорируя общину, в которую назначен, при участии Дозорцева, Селезнева, Боголюбовой представляет Патриархии общину театра как истинную и законную.

Дело сделано! На стороне театра уполномоченный Совета по делам религий, местная власть и даже некий генерал КГБ (фамилия которого упоминалась Дозорцевым для устрашения членов законной общины, чтобы они не вздумали «качать права»). На его стороне и Патриархия в лице митрополита Питирима.

Против общины обновленцев — какие-то мифические бюрократы:

«Совет по делам религий, КГБ, исполкомы и другие органы государственной власти», какая-то община никому не известных верующих (то ли дело Абдулов, Янковский, М. Захаров и другие — все звезды!) с какими-то устаревшими канонами о вреде рок-музыки, водки, кощунства, русофобии, осквернении русских святынь и т п.

Эта акция не единственная. Уже подобрал себе храм Театр на Таганке, присматривают, видимо, и другие. Может быть, поставить вопрос о передаче всей Церкви в ведение министерства культуры или Союза театральных деятелей?

Эпоха нэпа продолжается. Обновленчество становится на ноги и гордо поднимает голову. Его не смущает что у Церкви есть опыт его узнавания.

Сердце России — Церковь Русская — объемлет любовию весь народ, за него оно страдает, за него болит Так не предадим же ее, как писал Св. Патриарх Ермоген, обращаясь к русскому народу: «Вы забыли обеты православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитывались и возросли, преступили крестное целование и клятву стоять до смерти за дом Пресвятой Богородицы и за Московское государство... Болит моя душа, болезнует сердце... я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, братие и чада, свои души и своих родителей, отшедших и живых... Посмотрите, как Отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются Святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас? Не на своих ли братьев? Не свое ли Отечество разоряете?.. Заклинаю вас именем Бога, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца...»

В. СИЛКИН,
член приходского собрания церкви
Рождества Богородицы

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ПОХОДЫ «ЕРМАКА»

Первый в мире ледокол, способный преодолевать тяжелые льды, был создан в Ньюкасле (Англия) по проекту русского адмирала С. О. Макарова в 1899 году. Адмирал сам принял участие в постройке и в испытаниях корабля. Имя ледоколу «Ермак». Водоизмещение его — 8730 тонн, скорость до 16 узлов. В 1899 и 1901 годах под командованием адмирала Макарова «Ермак» впервые совершил походы к архипелагу Шпицберген, Новой Земле и Земле Франца-Иосифа, подтвердив на практике идею Макарова о возможности плавания во льдах Арктики. «Ермак» мог двигаться непрерывно со скоростью два узла во льдах толщиной до одного метра. Последний рейс в Арктику «Ермак» совершил в 1963 году.

Трагедия, происшедшая в Екатеринбурге в июле 1918 года, перестала быть запретной темой для советской прессы. Однако появившиеся публикации не дают полного ответа на вопрос: кто стоял за кулисами убийства царской семьи? Мало того: шустрые «плюралисты» уже затеяли реабилитацию непосредственного цареубийцы Янкеля Юровского, утверждая, что императора застрелили какие-то «русские рабочие», а Юровский лишь «приписал себе пулю, убившую царя» (см.: «Огонек», 1990, № 2, с. 27).

Прежде всего необходимо указать на следующий факт, о котором вообще никогда не упоминалось в советской исторической литературе. После отречения от престола Николай II перед своим отъездом из района действующей армии обратился к войскам с прощальным приказом. Но он был почему-то скрыт от народа новоявленными властителями России: «Немедленно после издания этого приказа в Ставке была получена телеграмма от военного министра Временного правительства А. И. Гучкова с воспрещением распространять между солдатами этот приказ и печатать его. Таким образом о существовании его не было известно даже некоторым командующим армиями» (см.. Смирнов Б. Н. Последнее слово Государя Императора Николая Александровича русскому народу. Ростов-на-Дону 1919).

ЦАРЕУБИЙЦЫ

О некоторых обстоятельствах гибели царской семьи

Следует отметить, что Гучков, бывший по происхождению «сыном старообрядца и еврейки Лурье» (см.. «Русь», Белград, 1921, № 6, с. 2), являлся активным масоном. В книге Н. Н. Берберовой «Люди и ложи» (русские масоны XX столетия), изданной в Нью-Йорке в 1988 году, сказано, что он «вошел в первые русские ложи до 1914-го». Именно благодаря закулисной деятельности масонов, откровенничал известный сионист С. Дубнов, и «пришла февральская революция 1917 года. Засияли хмурые лица ночных заговорщиков еврейского Петербурга, можно было открыто говорить и действовать» (см.. Браудо А. И. 1864—1924. Очерки и воспоминания, Париж, 1937, с. 48).

Не случайно в первом составе Временного правительства из 11 министров 10 были членами тайного масонского ордена «Великий Восток Народов России»! Как документально установлено исследователями, во главе этого ордена стоял А. Ф. Керенский, который и узурпировал высшую власть в стране. Его мать, вдова Кирбис (урожденная Адлер) вышла второй раз замуж за учителя Ф. И. Керенского. После крещения и усыновления отчимом Арон Кирбис и стал Александром Федоровичем Керенским (см.: «Народно-Государственная Партия. Программа и Устав. Ростов-на-Дону, 1919, с. 43; газета «В Москву!», Ростов-на-Дону, 1919, № 4). Эта информация подтверждается и другими источниками: известный врач-психиатр, в клинике которого в начале 900-х годов Керенский проходил курс лечения, рассказывал, что «он, по конструкции черепа и некоторым другим приз-

накам, вполне точно констатировал семитическое происхождение своего пациента» (см.: Винберг Ф. Крестный путь, ч. 1, изд. 2-е. Мюнхен, 1922, с. 197). Сподвижник Ленина В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях писал: «Любопытно отметить, что А. Ф. Керенский был вспоен и вскормлен масонами, еще когда он был членом Государственной Думы и был специально воспитываем ими на роль политического руководителя во время предстоящего движения за свержение самодержавия...» (см.. За кулисами видимой власти. М., 1984, с. 96).

Очевидно, решение о сокрытии прощального обращения Николая II к русской армии было принято масонской верхушкой, опасавшейся роста «монархических симпатий» у солдат. Вот полный текст последнего приказа бывшего российского императора, так перепугавшего синедрион «вольных каменщиков»:

> **«В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.**
>
> **Кто думает о мире, кто желает его — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайте Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.**
>
> **Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведет Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.**
>
> **8-го марта 1917 г.**
> **Ставка.**
>
> **НИКОЛАЙ».**

Вернемся, однако, к мученической кончине царской семьи.

Почему же злодеяние в подвале дома Н. Н. Ипатьева все-таки произошло? Ответ на этот вопрос дал И. Р Шафаревич: «Николай II был расстрелян именно КАК ЦАРЬ, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории...»

Необходимо отметить, что приговор императорской фамилии был вынесен еще до начала первой мировой войны. Некий Г Фридлендер в изданной в Берлине брошюре «Русская династия Романовых на скамье подсудимых во всемирной истории» писал. «Династия Романовых должна быть уничтожена. Дебет счета этой династии более чем переполнен; более мягкий приговор невозможен». Весной 1914 года в западных губерниях России, входящих в «черту оседлости», тайно распространялись открытки, изображающие талмудического жреца с жертвенным животным — петухом («капорес»), которому была приделана голова Николая II. Под изображением стояла надпись ритуальная формула, произносимая при заклании: «Се халирати, се темурати, се капорати», что в переводе означает: «Да будет это моим выкупом, да будет это моей заменой, да будет это моим жертвоприношением».

Комиссар Яковлев привез царскую семью в Екатеринбург. Картина. Находится в запасниках Свердловского краеведческого музея. Встречают царя: в черной куртке Белобородов, в полупрофиль в шинели Голощекин.

Ритуальный характер убийства императора Николая II подтверждается следующими уликами.

На стене комнаты, где проходил расстрел, было обнаружено написанное (по-немецки) двустишие из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитом за это:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.

Весьма примечательным является «каламбур» с написанием имени Валтасара: Belsatzar (то есть Belsa царь) вместо правильного Belsazer... Кроме того, на этой же стене было помещено кабалистическое изображение из четырех знаков.

Со временем кабалистическую надпись удалось расшифровать. Она гласила: «Здесь поражен в сердце глава церкви, народа и государства. Приказание исполнено» (см.. «Новое время», Белград, 1922, № 423). Имеется и второй вариант расшифровки этой надписи, совпадающий по смыслу с первым: «Здесь по приказанию тайных сил царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы» (см.: «Комсомольская правда», Вильнюс, 1989, № 169).

Об этом же говорил в проповеди на проходившем 17 июля 1989 года в Донском монастыре в Москве молебне по новомученикам и исповедникам всероссийским православный священник отец Вадим: «Страшный грех цареубийства, и иже с ним убиенных, лег на всю страну... Грех этот повлек за собой жертву сталинского ГУЛАГа, брежневских лагерей и «психушек», многочисленные гонения на верующих в России» (см.. «Советская молодежь», 1989, № 141).

В. Маяковский, побывав на месте расстрела Романовых, написал в записной книжке:

> Спросите: руку твою протяни
> Казнить или нет человечьи дни?
> Не встать мне на повороте,
> Я сразу вскину две пятерни:
> Я голосую против!..

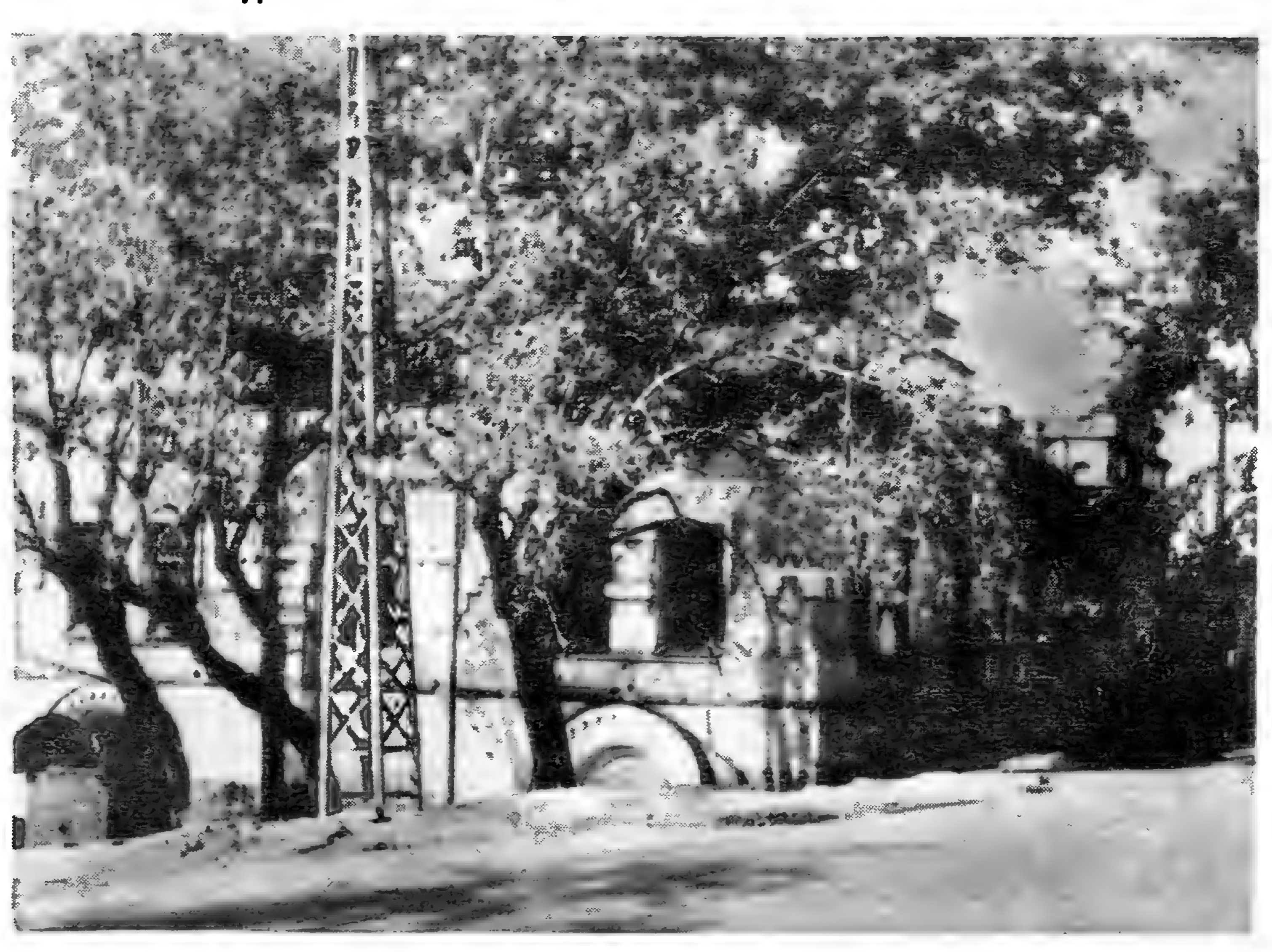
Впрочем, были и другие мнения. Так, Н. И. Бухарин в «Злых заметках» крайне глумливо отзывался о замученных царских детях, «которые в свое время были немного перестреляны, отжили за ненадобностью свой век». Интересно, вспоминал ли он эти свои слова, когда его самого «за ненадобностью» поставили к стенке?..

Кто же несет ответственность за трагедию в подвале ипатьевского дома?

Прежде всего это председатель ВЦИК Ешуа Соломон Мовшевич-Свердлов, который санкционировал убийство екатеринбургских узников.

Здесь же следует упомянуть и члена президиума Уральского совдепа Шаю-Ицкова Исааковича Голощекина, который привез в Екатеринбург специнструкции от Свердлова.

Ипатьевский дом.

К числу главных палачей относится и любимец Троцкого председатель Уралсовдепа Александр Григорьевич Белобородов (он же Янкель Исидорович Вайсбарт) — сын торговца мехами Исидора Вайсбарта.

Уничтожение серной кислотой трупов расстрелянных организовал Пинхус Лазаревич Вайнер, больше известный под псевдонимом Войков. (Кстати, Войков вместе с другим участником «Екатеринбургского действа» Г. И. Сафаровым (Вольдиным) был пассажиром знаменитого «запломбированного» вагона, следовавшего в 1917 году из Швейцарии в Россию через территорию кайзеровской Германии.)

Непосредственным убийцей Николая II и его сына 14-летнего мальчика Алексея являлся комендант ипатьевского дома чекист Янкель Хаимович Юровский, сын сосланного в Сибирь уголовного преступника. Он самолично описал сей «подвиг» в конфиденциальной записке, не предназначенной для всеобщего сведения: «Ник. был убит самим ком-ом наповал» (см.. «Слово», 1989, № 8, с. 66). Об этом же говорят и свидетельские показания: «Алексей еще стонал. Юровский еще раза два или три... выстрелил в Алексея из нагана, и тот стонать перестал». Под руководством Юровского действовали семь «добровольцев-интернационалистов» из 1-го Камышловского полка: Андреас Вергази, Ласло Горват (убил врача Боткина), Виктор Гринфельд, Имре Надь (тот самый Надь, с именем которого связан мятеж в Венгрии в 1956 году), Эмил Фекете, Анзелм Фишер, Изидор Эдельштейн, а также трое охранников из числа местных жителей: Ваганов, Медведев и Никулин.

О моральном облике этих «рыцарей революции» можно судить по многочисленным фактам пьянства, воровства царских вещей, а затем и мародерства. Так, в качестве «гонорара» за участие в убийстве Романовых Медведев получил «носки мужские, одну пару и женскую рубашку». Кроме того, он украл 60 рублей, 3 серебряных кольца и несколько носовых платков...

Правда о трагедии царской семьи тщательно замалчивалась в течение нескольких десятилетий. А в 1977 году власти Свердловска во главе с первым секретарем обкома партии Б. Н. Ельциным приказали снести ипатьевский дом, который и был разрушен, несмотря на укрепленную на нем доску, сообщавшую, что это памятник архитектуры, охраняемый государством.

В настоящее время, когда появились сообщения о находке места захоронения жертв екатеринбургского расстрела, на общественных началах была создана специальная комиссия во главе с иеродиаконом Дионисием (Макаровым). Комиссия добивается официального решения о вскрытии могилы императорской семьи, идентификации останков и захоронении их по христианскому обряду в некрополе Петропавловской крепости в Ленинграде.

Как справедливо заметил писатель В. Карпец, «речь идет о поступке чисто нравственном, подлинном общенародном примирении», что «подвело бы окончательную черту под братоубийственной гражданской войной, очистило бы нашу жизнь от культа ненависти, насаждавшегося в прошлые десятилетия...».

Сергей НАУМОВ,
историк.
г. Магадан.

После долгого молчания вновь зазвучали колокола Софийского собора в Вологде.

«ЖИВЫХ ПРИЗЫВАЮ...»

В 1833 году в «Опытах описания Вологодской губернии» отмечено, что в городе было 52 каменные церкви и 2 деревянные. Славились они своими колоколами, которые в последнее время молчали.

И вот сотрудники областного краеведческого музея решили вновь поднять на звонницу и пробудить уцелевшие колокола. Звонница Вологодского кремля уникальна по самому подбору колоколов. Если судить по строкам, «вышитым», то есть вырезанным, на потемневших стенках, эти колокола были отлиты в XVII веке, когда наше искусство литья обрело славу за пределами Отечества.

Настало время — заговорил Большой, праздничный колокол, в котором весу 462 пуда 23 фунта. Отлит он был мастером Альбертом Бенигом из города Любека в 1687 году. Доставили его в Вологду через Архангельск — по Северной Двине, а там по Сухоне. Триста лет назад впервые зазвучал и колокол «Большая лебедь», отлитый Иваном Моториным.

«Из Земли взяли, на огне грели, опять в землю положили, а как вынули,— стали бить, чтобы мог говорить»,— в этой загадке народ как бы сформулировал характер происхождения колокола (земной и рукотворный) и, конечно, наказывал, чтобы колокол службу сослужил — говорил с человеком, а «не распускал язык» когда заблагорассудится.

На одном из колоколов неизвестный мастер оставил слова, которые как бы выражают смысл и значение колокольного звона: «Живых призываю, мертвых оплакиваю, молнии разбиваю».

Не сразу прижились на Руси колокола. В XI веке колокола были повешены при храме св. Софии в Новгороде. Но в переписных книгах Новгородской земли указано, что даже в половине XVI столетия колокола редко были в употреблении.

Росли сперва деревянные, а после белокаменные церкви над северной землей. И привезенные колокола мало-помалу зазвучали в лад деревянным билам, издавна существовавшим на Руси. Поначалу били в деревянную доску, после — чугунную, и наконец раскачивал язык колокола звонарь. Были и остались у нас иноземные колокола, но иноземных звонарей не водилось.

...В Вологду был приглашен из Ленинграда преподаватель музыкального училища имени Мусоргского В. В. Лоханский. Он стал готовить для древнего города ансамбль колокольной музыки. Но по какому пути пойдет возрождение колокольного звона, сказать трудно. Не раз и в прошлых веках ревнители традиций отмечали, что идея мелодичного звона плохо вяжется с самим характером русского звона. Русские колокола наделены своей музыкой ритмической. Настраивать колокола в мажорных и минорных тонах — это значит отстаивать соединение двух традиций: русской и западноевропейской.

Но как сохранить традиционные звоны, их первоначальное собственное значение? Этот вопрос, наверное, беспокоит и В. В. Лоханского.

С ним я обратилась к создателю акустической лаборатории при Издательском отделе Московского Патриархата Анатолию Иннокентьевичу Шатову.

— У нас не было прежде и сейчас нет школ звонарей. Но мастера колокольного звона были и есть. И они продолжают традиции и ведут глубокую работу по восстановлению нашего русского звона, улучшению его ритмической основы.

В Загорске в Троице-Сергиевой Лавре ведает колокольными звонами отец Михей. Это звонарь чудесный, глубоко знающий историю колокола. В Пскове несколько лет тому назад собралась группа молодых людей, страстно увлеченных, изучающих колокольные звоны. Среди них был неплохой звонарь Николай Летуновский. Он от природы наделен удивительным чутьем, даром «узнавать» колокол и его голосовые способности. Есть еще один мастер колокольных звонов — Владимир Иванович Машков. Он звонарь Новодевичьего монастыря.

В первую очередь именно к этим людям могли бы обратиться работники музеев старинных российских городов, если у них возникнет потребность восстановить на звонницах колокольные звоны.

Конечно, прежде всего надо ратовать за создание центра по учету всех колоколов России — действующих и недействующих. Пока не поздно — создать каталог колоколов, сделать их фотографии внешнего вида со всеми имеющимися на них надписями и украшениями. При этом необходимы исторические сведения, относящиеся конкретно к каждому колоколу.

Я бы призвала осмотреть собрание действующих колоколов и выдать разрешение на эксплуатацию только при отсутствии технических недочетов, которые могли бы повлиять на сохранность колоколов. Надо приложить старание к выявлению сохранившихся колоколов в разрушающихся колокольнях недействующих храмов. И конечно, вести научно-исследовательскую работу по истории колоколов и колокольных звонов в России.

П. РОЖНОВА

На снимке: Р. Сенников.

«ЖИВЫХ ПРИЗЫВАЮ...» (Материал читайте на стр. 158.) На снимке (внизу): И. Лапшин, В. Лоханский, И. Пьянков.

Фото В. ВИНОГРАДОВА

ТОВАРИЩ

Николай ВИРТА

ЧЕРНАЯ НОЧЬ

Роман-хроника

Окончание. Начало на стр. 79

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Прокурор. Подсудимый Вильгельм Шуберт, вы были надзирателем в концлагере Заксенхаузен. Вам доводилось избивать заключенных?

Шуберт. Это входило в число моих прямых обязанностей.

Прокурор. Обливали их на морозе холодной водой до тех пор, пока не замерзнут насмерть?

Шуберт. Так точно, и это приходилось делать.

Прокурор. В марте 1940 года вы приказали одному поляку повеситься. Расскажите, как это было.

Шуберт. Да очень просто, господин прокурор. Выдал ему веревку, гвоздь, молоток и запер в камере, сказав на прощанье, что если он не повесится, я вынужден буду подвергнуть его пыткам.

Прокурор. И он повесился?

Шуберт. Так точно, господин прокурор. И получаса не прошло, как все было кончено.

Прокурор. Сколько в Заксенхаузене было расстреляно русских пленных?

Шуберт. Я располагаю данными только за 1941 год. Тогда расстреляли около тринадцати тысяч русских пленных.

Прокурор. Вы принимали участие в этих казнях?

Шуберт. Лично застрелил шестьсот тридцать шесть русских.

Прокурор. Подсудимый Шуберт, власти вас награждали за это?

Шуберт. Так точно, господин прокурор. Я получил «Железный крест за боевые заслуги». С двумя мечами.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В августе 1934 года Гинденбург умер, оставив такое политическое завещание:

«Германия после моей смерти должна обрести монархическую форму правления... Дом Гогенцоллернов имеет законные притязания, подкрепленные многовековой славной историей, и тем самым гарантирует сохранение мира, счастья и процветания немецкому народу в будущем...»

Прочитав его, фюрер ужаснулся. Ему, верховному вождю, так долго стремившемуся к канцлерскому креслу, опять быть слугой? И кого? Обанкротившегося дома Гогенцоллернов?

Фюрер срочно вызвал Оскара Гинденбурга. Через несколько дней народу объявили, что, умирая, его отец вверил судьбу германского народа Адольфу Гитлеру.

В руках фюрера в одночасье сосредоточилась вся полнота исполнительной и законодательной власти. Он и рейхсканцлер, и президент. Впрочем, скоро слово «президент» исчезнет из многочисленных титулов Гитлера. Просто — верховный главнокомандующий, главный человек в Германии. Объявляет войну, назначает выборы, казнит и милует, ибо, ко всему прочему, он еще и верховный судья. Все титулы и прерогативы выражены тремя словами: «фюрер немецкого народа».

Правда, Гитлер не произвел себя ни в генералы, ни в фельдмаршалы, не надел украшенного золотым шитьем мундира, не принимал отечественных и иностранных орденов.

Уж если играть, так играть до конца: он появлялся перед толпами только в серовато-зеленой униформе.

2

В те времена его часто видели озабоченным. Коммунистическое подполье все чаще давало знать о себе. Начальник гестапо Дильс докладывал фюреру: «Национальный аппарат компартии вышел на широкий фронт подпольной работы. Измена в их кругу — явление редкое».

И Берлин не склонил голову перед нацистами. Когда фюрер трудового фронта Лей и министр пропаганды Геббельс решили, что стоит отпраздновать Первое мая, как символ «сплоченности народа вокруг победоносного фюрера», то молчаливый протест, контрдемонстрации, в которых участвовало около пятнадцати тысяч человек, — вот каким был ответ рабочих Берлина Лею и Геббельсу, заявивший о себе в самом центре столицы!

3

Нацистам еще предстоял процесс Димитрова и еще четверых, обвиненных в поджоге рейхстага...

...Прошло восемь лет. «За общим завтраком в день рождения Гитлера в 1942 году, утверждал на Нюрнбергском процессе генерал Гальдер, бывший начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта, — люди кругом разговаривали относительно здания рейхстага и его художественной ценности. Я слышал собственными ушами, как Геринг вмешался в разговор и крикнул: «Единственный человек, который действительно знает рейхстаг, — это я, потому что я поджег его».

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Новая имперская канцелярия еще не отстроена. Временная резиденция Гитлера в гостинице «Кайзергоф».

Министры, гаулейтеры, предприниматели, католические прелаты — у всех дела к фюреру.

В один из таких дней в апартаментах под номером 135 появился Гиммлер. Над высоким, покатым лбом гладко зачесанные с прилизами темные волосы, тонкие губы, беспокойные глаза, завешенные пенсне. Отлично сшитый мундир со знаками высшего командного состава СС. Гитлер в то время пил чай с приближенными.

Последние спектакли берлинских театров, сплетни из жизни высшего света — вот чем дышал молодой человек, вместе с Гиммлером вошедший в приемную. Знаки отличия его пока довольно скромны — адъютантские аксельбанты... Отутюженные брюки... До блеска начищенные сапоги...

Гиммлер давно уже присматривался к своему адъютанту. Расторопен. Не болтун. Охранял Гитлера в Ландсерге... Да и сам фюрер часто рассказывал, как Раттенхубер заботливо опекал его в поездках по Баварии. Делу нацизма предан — в этом нет никаких сомнений.

Быть ему шефом службы безопасности.

* * *

— Брюкнер, кто там следующий?

Гельмут Брюкнер, нацист из старой мюнхенской гвардии, а ныне — начальник адъютантской службы, положил перед шефом бумагу:

— Здесь полный список, мой фюрер!

— Давайте их всех! — распорядился Гитлер.

Брюкнер открыл дверь.

— Фюрер просит вас!

Взвод молодых людей, чеканя шаг, вошел в апартаменты. Выстроились. Гаркнули:

— Хайль Гитлер!

Тот, к кому было обращено приветствие, пройдясь вдоль шеренги, заглянул в бумагу:

— Эрих Кемпка! — бросил отрывисто.

Парень, стоявший крайним на левом фланге, шагнул вперед. Роста ниже среднего, веснушки залепили мальчишеский нос. Губы свело от волнения. Светло-русые, остриженные под «ежик» волосы не сообщали солидности.

— Вы шофер гаулейтера Тербовена?

— Да, мой фюрер!

— Ваши родители?

— Отец — рурский горняк, мой фюрер.

— Сколько вам лет?

— Пошел двадцать первый.

— Вы знаете, зачем вас вызвали?

— Если вы заметили, мой фюрер, я стою на самом краю левого фланга, как самый маленький. А все равно сообразил, что нас вызвали по серьезному делу. Может быть, за новым назначением. Признаться, глядя на рослых товарищей, я решил, что мой неказистый вид вряд ли устроит кого-нибудь из ваших соратников, мой фюрер.

— Ну, видишь ли, иногда самый маленький становится самым большим, — заметил Гитлер. — Какую машину водите? Знаете ли восьмицилиндровый «мерседес»? Как будете действовать на зигзагообразном повороте при скорости в восемьдесят километров?

Кемпка отвечал, почти не задумываясь.

Остальных фюрер экзаменовал небрежно.

Затем сказал короткую речь об ответственности человека, сидящего за рулем. И ушел, ни с кем не попрощавшись. Наверное, поэтому Кемпка понял: экзамен сдан на «отлично»...

2

С тех пор Кемпка и Раттенхубер были почти неразлучны: Эрих водил машину фюрера, Раттенхубер его охранял.

В ресторанах, где Гитлер бывал, подходы к его столу контролировались людьми из СС и команды сопровождения. Под видом

обыкновенных клиентов в ресторан являлся отряд сыщиков с женами; они занимали все столы. Только после этого Гитлер заходил в ресторан.

Он часто выступал с речами. Дату каждого выступления служба безопасности знала минимум за неделю.

Его путь на собрания всегда проходил под личным досмотром Раттенхубера. Цветы, приготовленные зеваками для фюрера, отнимались. Бросать их в его автомобиль запрещалось.

По всей Германии миллионами тиражировались фотографии фюрера. Чтоб всем было ясно, как он беседует с простонародьем. Каждый пятый в этой толпе был либо охранник, либо агент гестапо. Родители, главным образом члены партии, принаряжали детей к такому случаю; агенты гестапо незаметно подталкивали их к Гитлеру.

Когда он путешествовал в правительственном поезде, все вокруг оцеплялось охраной. На перрон допускались только те, кто был приглашен присутствовать при встрече фюрера. Тридцать девять человек из службы безопасности денно и нощно охраняли его. В самолетах и машинах Гитлера было предусмотрено все, что исключало возможность покушения.

В ближнем своем окружении бескорыстных и действительно преданных ему людей Гитлер найти не мог. Почти каждый из окружавших его думал, что он может не только свергнуть шефа с головокружительной высоты, но и забраться на нее, чтобы твердо держать руль государственного управления.

В отличие от животных они принадлежали к разряду существ мыслящих. И только это отличало гитлеровскую клику от самых диких, кровожадных животных.

В среду 7 марта 1934 года, после встречи с Гитлером, американский посол в Германии Уильям Доддл в своем дневнике отметил: «Гитлеровский режим держится на трех совершенно невежественных и тупых фанатиках, из которых каждый так или иначе замешан в злодеяниях последних восьми-десяти лет. Эта троица представляет различные группы нынешнего большинства в Германии, большинства, конечно, отнюдь не подлинного...»

Гитлер, которому сейчас около сорока пяти, не раз недвусмысленно заявлял, что народ может выжить только путем борьбы, тогда как мирная политика приводит его к гибели. Политика Гитлера была и остается агрессивной. В его сознании прочно укоренилась старая немецкая идея об установлении господства над Европой.

Первый заместитель Гитлера — Йозеф Пауль Геббельс, лет на десять моложе его. Этот маленький человечек не побывал в око-

пах, но успел ожесточиться против всего мира. Не раз уже заявлял, что немецкий народ, объединившись, будет властвовать над миром... С этой целью он подчинил себе прессу, радио, издательства, творческие организации и, создав единую пропагандистскую машину огромных размеров, стремится с ее помощью объединить всех немцев в сплоченную нацистскую фалангу...

Третий член этого триумвирата — Герман Геринг. Ему около сорока, родился в Южной Германии и в 1923 году участвовал в мюнхенском путче... Пока Гитлер находился в тюрьме в Ландсберге, Геринг скрывался от правосудия. Республиканское правительство помиловало Гитлера и Геринга, и они отплатили за это возобновлением разбойничьей пропаганды.

Если Геббельс иногда маскируется социалистической терминологией, Геринг представитель аристократического и прусского германизма в его наиболее чистом виде, и пользуется активной поддержкой со стороны крупных предпринимателей. Он — президент Пруссии и мобилизовал местных милитаристов на поддержку нового режима.

Что и говорить, триумвират поистине уникальный. Современная история, пожалуй, не знает другого такого «союза».

Геринг был едва ли не самым богатым человеком в нацистской Германии. Его концерн вырос в грандиозное предприятие. Геринг объединил в своих руках угольные и рудные разработки, металлургические заводы, заводы вооружения и радиооборудования, энергетические предприятия, пароходные компании, крупные продовольственные магазины и общества по использованию земельных участков.

А кровожадность Геринга? Быть может, только рейхсфюрер СС Гиммлер, сколотивший миллионное состояние на грабеже узников концлагерей и на их каторжном труде, мог соперничать с рейхсмаршалом в самых изуверских преступлениях.

Геббельс, напомним, учился в нескольких университетах, и из каждого его исключали.

2 420 000 марок получил он только на расширение здания министерства и украшение личного своего кабинета. Два миллиона — их заплатили, конечно, рабочие и крестьяне, — Геббельс потратил на ремонт своего замка в Шваненвердере...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Такова была верхушка.

На кого она опиралась?

Самый легкий и самый дрянной способ расправы с противни-

ком — не только представить его законченным мерзавцем, но и саму внешность наделить отвратительными чертами. Но нет, все это никак не относится к Мартину Мучману!

Толстомясая физиономия, оловянные глаза, толстый широкий нос и квадратная челюсть... Какая уж там внешность!

В двадцатых годах, когда Мучман, тогда еще владелец кружевной фабрики в Плауэне, стал нацистом и помогал от своих щедрот Гитлеру, было ему лет около сорока пяти. Рабочие его фабрики представляли в основном еврейскую бедноту. Платил он им гроши.

Взятки, оседавшие в карманах властей, не избавили Мучмана от военной службы. Однако он не задержался на фронте: там ведь тоже деньги были в ходу, и вскоре Мучман возвратился домой.

Фабричное сырье он всегда предпочитал получать контрабандой. В оккупированных районах Франции Мучман скупал за бесценок пряжу, ткани, вывозил их в Германию, чтобы продать там с накидкой в три тысячи процентов. К концу той, первой мировой войны, Мучман стал миллионером, и что ему стоило подкинуть пять-шесть тысяч марок фюреру?

Гитлер, как уже говорилось, не остался перед ним в долгу, и вот уже Мучман — гаулейтер, а потом штатгальтер (имперский наместник) Саксонии.

Свою карьеру он начал, как и положено уголовнику, — с убийств.

Еще в пору первой мировой войны еврейская община Плауэна вступилась за своих земляков — рабочих фабрики Мучмана, объявив фабриканту бойкот. Владельцы дрезденских магазинов отказывались принимать продукцию фабрики до тех пор, пока Мучман не пойдет навстречу требованиям рабочих увеличить заработную плату, создать мало-мальски сносные условия труда. Бойкот продолжался недолго полиция организовала массовые погромы и избиения «зачинщиков». Но этого Мучману показалось мало, и когда он пришел к власти, став «первым чином» в Саксонии, то первым делом приказал расправиться с одним из активистов общины — коммерсантом Брандейзом. Нацисты расстреляли его в окрестностях Лейпцига.

Следующей его жертвой оказался молодой штурмовик, обвинивший Мучмана в разврате. «Белокурая бестия» был совращен, а вскоре коварно покинут развратником, о чем и сообщил в покаянном письме руководству НСДАП. Письмо это стоило ему жизни. Но дело получило огласку, и в Дрезден прикатил сам фюрер. Объяснялся он с Мучманом при закрытых дверях.

Кончилось все самым благоприятным образом: возложив цветы

на могилу убитого, Гитлер произнес краткую энергичную речь, обвинив во всех грехах коммунистов...

Так обстояли личные делишки Мучмана. А вот как складывались дела государственные...

...Некто Майер, отсидев срок за крупные хищения, был обласкан новоявленным «королем Саксонии» — так любил именовать себя Мучман. Его хлопотами ворюгу провозгласили вождем нацистской организации в Дрездене, а заодно — и президентом местной торгово-экономической палаты. Разумеется, вскоре он скандально проворовался и... тут же был переведен в заместители начальника местной полиции.

Премьер-министр Саксонии Киллингер не раз сообщал Гитлеру о преступлениях, чинимых Мучманом. Фюрер наконец по-своему разобрался: Киллингера вышвырнули из саксонского правительства, а людей, которые отказались давать показания против премьер-министра, выгнали с работы.

Адъютант Мучмана, Мосс, непременный участник частенько устраивавшихся в доме гаулейтера оргий, в чем-то однажды проштрафился. Пошли разговоры. Мучман тут же уволил Мосса из адъютантов и назначил его... главным правительственным советником, а по совместительству устроил ему доходное место в автомобильной фирме...

2

Он часто выступал с речами. Он вообще любил широкую аудиторию.

Вот образчики его «красноречия»:

«Нам нужны колонии. Если евреи и плутократы не отдадут их добровольно, мы заставим наших врагов потесниться».

«Враг должен трепетать перед нами. Пытки? Что ж, и они хороши, когда имеешь дело с противниками нацизма».

«Мы не только будем преследовать врага, мы вцепимся ему в глотку! Для нас его муки самое приятное зрелище».

10 ноября 1938 года, в день всегерманского еврейского погрома, Мучман заявил, выступая на митинге нацистов:

«Это только репетиция. Евреи болтают что-то там о своих правах. Мы покажем им эти права!..»

В Лейпциге разрушили все синагоги и разгромили триста еврейских предприятий. Дрезден несколько дней был во власти погромщиков. По приказу Мучмана, погромами руководил полицей-президент Штолберг. Мучман за две тысячи марок «купил» ценности, конфискованные у евреев, заработав на этом десятки тысяч.

Когда Геринг прекратил погромы, сославшись на то, что не стоит «бить драгоценные хрустальные окна еврейских магазинов», и наложил на торговцев контрибуцию в один миллиард марок, а они были позарез нужны военной промышленности, Мучман в своей вотчине стал выколачивать деньги с жестокостью садиста.

В день шестидесятилетия Мучмана все саксонские газеты целые полосы посвятили его подвигам: «Какое мужество проявил наш наместник, добиваясь победы национал-социалистической партии в Саксонии! Ненависть к нему евреев и коммунистов, которых он втоптал в землю, лишь подчеркивает величие его руководства».

Разве такой выдающийся деятель мог быть оставлен без внимания фюрера?

Мучману присваивается звание обергруппенфюрера СА и группенфюрера СС. Ему жалуют Железный крест — сразу первой и второй степени. Его мундир украшен золотым партийным знаком. Этот, с позволения сказать, человек, никогда не бравший в руки книги (по собственному признанию Мучмана), получает звание академика немецкого права.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

«Майн кампф» продавали во всех книжных магазинах Германии. Впрочем, слово «продавали» — не совсем точное. Каждый штурмовик, эсэсовец, каждый нацист был обязан купить книгу фюрера, читать ее, перечитывать и вдалбливать изложенные там истины в головы подрастающего поколения.

Всякий, кто не хотел прослыть противником фюрера и его философии, приобретал «Майн кампф».

Книгу переводили и усиленно распространяли за границей. После второй мировой войны выяснилось, что издатели «Майн кампф» в Америке не успели перевести Гитлеру остаток его гонорара: восемьдесят тысяч долларов.

Он не пускался в биржевые аферы. Фюрер не только получал гонорары за книгу, но и доходы с издательства «Эгер», совладельцем которого был.

В местечке Оберзальцберг (Берхтесгаден), что в центре Баварских Альп, Гитлер присмотрел дом, принадлежавший некой фрау Винтер. Вилла располагалась в живописной долине, теснимой горами Унтерсберг, Хохкальтер и Ватцман. Всего здесь было вдоволь — и суровых скал, и альпийских лугов...

Но главное — собственное поместье с десятком гектаров земли, небольшим садом и цветником. Хозяйством занималась сестра Адольфа, Паула.

И все бы хорошо, да вот как быть с многочисленными гостями? Проблема из государственных. И Гитлер решает ее с размахом. На снос пошли расположившиеся поблизости дома отдыха и детский санаторий, а сам фюрер, не теряя времени, засел за проект, назвав его скромно и непритязательно — «Бергхоф» *.

В сто миллионов марок влетела налогоплательщикам эта 60-комнатная «хижина». Зато и охраняли ее как никакую другую резиденцию главы правительства — по крайней мере, в Европе. Три кольца зенитных батарей составили «ожерелье» Бергхоф. На всех дорогах, ведущих к ней, несла круглосуточную вахту охрана. Проезжающих проверяли через каждые сто метров.

На письменном столе фюрера располагалась хорошо закамуфлированная кнопка: нажми ее — и тотчас все комнаты в Бергхоф (кроме, разумеется, кабинета) заполнятся слезоточивым газом, а в расположенных неподалеку казармах СС раздастся сигнал тревоги.

Прямо из своего кабинета Гитлер с помощью лифта мог в любой момент очутиться не то чтобы в преисподней, но на глубине в тридцать метров точно. Там, в толще скальных пород, располагалось его личное бомбоубежище. Кроме жилых помещений, был здесь и кинозал.

Фюрер обожал заграничный репертуар, жаловал и картины, отображающие, так сказать, внутреннюю тематику. Явное предпочтение отдавал демонстрации собственных выступлений, парадов наци, пышных приемов.

Гиммлер, как правило, приезжал со своей «культурной программой» — фильмами, отснятыми в концлагерях. Мне довелось посмотреть один из них — тот, в котором отображена повседневная жизнь еврейского гетто в Варшаве. По замыслу авторов, картина должна была растолковать немцам, какие безобразия творятся там, какие еврейские буржуи и как несчастна угнетаемая ими беднота. Вот они, толстосумы, кутят напропалую в ресторанах, открытых в гетто с разрешения немецких властей, а неподалеку, на помойке, копошится оборванный нищий люд, вырывая друг у друга объедки. Кто посмелее — нападают на лакомящихся мясом сторожевых псов.

Ресторанные эпизоды — а их в фильме два-три легко изобличают своих постановщиков в самой заурядной, примитивной лжи: какой кабак ни покажут — все те же лица, вина, закуски...

* «Хижина в горах».

Но вот все, что «схвачено» кинокамерой за пределами бездарно разыгранных сцен, — леденящая кровь правда.

...Не люди — призраки бродят по улицам гетто. Не дети — скелеты роются в сточных канавах. И кажется, сама смерть тащит повозки, груженные трупами людей, давно уже потерявших человеческий облик. Неправдоподобно белая кожа, туго натянутая на выступающие ребра. Головы, размозженные прикладами и сапогами. Лица, на которых застыл ужас истязаний...

Возчики, складывающие в сарае ими же доставленный мертвый этот груз, сами едва держатся на ногах. Сейчас сюда придут эсэсовцы — бить их, хлестать свитой в жгуты проволокой. И люди станут падать, чтобы больше никогда не подняться. Один за другим меняются кадры. Вот уже новые возчики заняты тем же делом, чтобы через считанные минуты так же уйти из жизни.

Страшно рассказывать подобные сцены. Да и что говорить, если даже нацисты так и не решились показать этот «фильм» своим соотечественникам...

2

Строился Бергхоф, и в пожарном порядке по всей стране сооружались концлагеря. Через пару лет после прихода нацистов к власти их насчитывался уже не один десяток. К концу войны люди заполнят сотни концлагерей...

«Индустрия» уничтожения людей в те годы совершенствовалась в Германии как никакая иная. Гиммлер отнюдь не хвастался, докладывая фюреру, что его подчиненные «трудятся в поте лица своего». Да, за два неполных года канцлерства Гитлера суды рейха поработали с небывалой нагрузкой. Тысячи антифашистов были приговорены общим счетом к ста двенадцати тысячам лет заключения. Нацисты уничтожили практически весь актив «инакомыслящих».

Однако непрерывно наращивая чудовищное свое «производство», Гиммлер, по его же словам, вскоре «столкнулся с непредвиденными трудностями». Расстрелы и казни через повешение рейхсфюрер посчитал «работой весьма трудоемкой» (так и говорилось в одном из его докладов Гитлеру) и стал искать другие, более совершенные способы уничтожения. Как говорится, был бы спрос... В одночасье нашлись предприниматели, предложившие Гиммлеру строить газовые камеры с такой «полезной площадью», которая давала возможность разом отправить на тот свет до трехсот человек. Это уже было кое-что! Но для таких «мероприятий» неплохо бы еще обзавестись сильнодействующим удушающим газом... И специалисты из «Фарбениндустри» схватились за подброшенный им выгодный контракт...

Что и говорить, немало планов — один смелее другого, роилось в голове рейхсфюрера, и удивительное дело — за осуществление их с великой охотой взялись предприниматели: какие-нибудь вполне благообразные фабриканты детских игрушек, кудесники химии, фармацевты, строители... Люди самых мирных профессий.

Крепнет, ширится гиммлеровское «производство». И вот уж на очереди — еще одна непростая проблема: каждый концлагерь должен стать не только самоокупающимся, но и доходным предприятием. И клерки в эсэсовских мундирах склоняются над расчетами...

Значит, так: стоимость трехразового питания каждого заключенного составляет одну шестую марки. Одежды и обуви — ноль целых одну десятую. Прочие расходы — пять марок. В сумме — около шести. В среднем каждый лагерник живет не больше девяти месяцев. Значит, за это время на него будут истрачены тысяча шестьсот сорок четыре марки.

А теперь посчитаем доходы. Труд заключенного принесет за это время восемь-девять тысяч марок. Но вот настало время отправить его в печь   все вещи покойника перейдут преемнику или будут реализованы иным способом. Пепел его вполне может быть использован в качестве удобрения. Кстати, из многих хозяйств уже поступили заказы.. Но можно продать его и родственникам преступника. Каждая урна с прахом вполне потянет на восемьдесят, а то и сто марок. С еврейских семей можно — и нужно! — драть три шкуры: особая статья дохода.

Вывод: чем больше заключенных, тем прибыльней государству. Особенно если они — евреи...

3

Гитлер не вкушал от зеленого змия. В крайнем случае — пиво, чаще — бодрящий напиток по рецепту личного врача Морреля; рецепт этот держался в строгом секрете.

Курить в Бергхофе было категорически запрещено. Был случай, однажды какой-то высокий гость, забывшись, закурил. Молча подойдя к нему, Гитлер вырвал сигарету изо рта нарушителя и велел ему убираться.

Немало времени фюрер проводил в комнате, сплошь увешанной картами всех континентов. Над камином висела гигантская карта Германии.

Частный радиотелефонный пункт, частный почтамт... Все было предусмотрено в этом доме!

Мощный радиопередатчик связывал Бергхоф не только с рейхсканцелярией — со всеми городами и гарнизонами Германии.

Подражая высшему свету, Гитлер и у себя завел обычай ночных чаепитий. Продолжались они обычно с одиннадцати вечера до самого восхода солнца. В числе прочих гостей здесь бывали актеры, актрисы, музыканты.

В кругу этих людей, где повариха фюрера — Марциалли — считалась столь же почтенной участницей чаепитий, как и заезжий скучающий немецкий князек Раттенхубер, научившийся ничем не вооруженным глазом просматривать насквозь карманы гостей — впрочем, не единожды вывернутые еще по дороге к Бергхофу, — в этом тесном мирке обывателей и обывательской болтовни Гитлер бывал по-настоящему счастлив. Здесь он мог не особенно притворяться, не играть раз навсегда затверженную роль, не произносить речей и вообще забывать до утра о сложностях гнусной политической игры... Сейчас он просто — хлебосольный хозяин, любящий, кстати, послушать Вагнера, сыграть партию-другую в шахматы.

С тех пор, как фюрер обосновался в Оберзальцберге, место это стало модным — в первую очередь среди его приближенных, конечно. Здесь построили дворцы Геринг, шеф имперской печати Дитрих, обзавелся виллой и Геббельс.

Спустя некоторое время к ним присоединился человек, которому суждено было сыграть особую роль в деятельности НСДАП, а следовательно, и всего рейха.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

До прихода Гитлера к власти Мартин Борман работал мало чем примечательным снабженцем штаба мюнхенских штурмовых отрядов.

Приземистый, широкоплечий, с квадратной головой, он чем-то походил на норовистого и злобного жеребца из породы першеронов. Обладая тяжелым и вздорным характером, Борман был сущим наказанием для подчиненных. Среди равных себе Борман превосходно играл роль доброго приятеля, и так же просто добивался исключительного расположения начальства. Первых он брал простецким обхождением вполне компанейского малого, вторых — игрой на их слабостях и неслыханной исполнительностью.

Работал он действительно днем и ночью и именно этим качеством подкупил Гесса, когда тот создавал бюро связи нацистской

партии с правительством. Борман был назначен начальником штаба Гесса. По долгу службы не раз посещал Оберзальцберг. Поначалу помалкивал, лишь присутствуя при докладах Гесса фюреру. Но однажды отважился на дельное замечание, и Гитлер с тех пор из виду его не выпускал.

Дальше пошло как по маслу. Борман отстроил дом неподалеку от Бергхофа.

Обработка фюрера Борманом шла по плану с дальним прицелом. Дежурный адъютант определял, к примеру, кого пригласить на обед к шефу. Как-то Борман напросился в компанию обедающих. Когда все сели, раздался телефонный звонок. Адъютант подошел к аппарату. Звонил Борман. Просил передать, что весьма сожалеет, но работа не позволяет ему отлучиться даже для обеда с фюрером.

Гитлер не удержался, заметил Гессу:

— Надо же, каков работяга этот Борман!..

В конце концов фюрер решил, что, пожалуй, Борману стоит поручить управление разросшимся хозяйством Бергхофа.

С тех пор Борман был всегда рядом с фюрером...

Как-то летом, перед отъездом из Бергхофа, Гитлер решил прогуляться. Сопровождал его Борман.

— Посмотрите, Мартин, сказал фюрер, остановившись у опушки соснового бора, — какой чудесный вид отсюда! Но вот тот старый домишко вконец портит пейзаж, вы не находите? Послушайте, когда старики крестьяне умрут, купите у наследников дом и снесите его.

Вернувшись в Бергхоф через сутки, вечером, Гитлер опять отправился на прогулку. И остановился, пораженный: там, где двадцать четыре часа назад хилый крестьянский двор портил ландшафт, расстилался роскошный луг! Мало того, на лугу паслись коровы. Все было сделано за одну ночь...

Толпы паломников отправлялись в Оберзальцберг в надежде увидеть главу правительства. И фюрер позволял им лицезреть свою особу. Для этой церемонии имелась специальная площадка, открытая со всех сторон. Иной раз Гитлер простаивал здесь часами — нередко под палящим солнцем. И однажды не выдержал, пожаловался Борману:

— Не могу я больше переносить такую жару. Отмените все представления...

В планы Бормана это никак не входило. Зачем упразднять прекрасный ритуал поклонения германскому богу, воплотившемуся в Адольфа Гитлера? И как быть с растущей молвой об исключительной доступности божества? Зачем прекращать вакханалию фанатизма, когда зеваки рядом с фюрером лицезреют его, Бормана?

Сделали проще. Ровно через день на площадке выросло огромное тенистое дерево. Под ним на специальном возвышении — кресло.

2

Но всего этого Борману мало. Невелика заслуга, когда фюрер хвалит его за уменье вести хозяйство. В конце концов, с этим может управиться любой оборотистый человек.

И Борман негласно создал специальную группу — в нее вошли недоучки-филологи, обнищавшие литературные критики, исписавшиеся литераторы, готовые за небольшую мзду выполнять любую работу. От них требовалось одно: тщательно следить за текущим литературным процессом. Каждая вышедшая в свет книга штудировалась, затем на нее составляли краткую — на страницу, не больше — аннотацию. Борман не ленился затвердить ее наизусть. И все затем только, чтобы на чаепитии в Бергхофе, улучив момент, осведомиться у фюрера, не читал ли он это произведение.

Нет, даже и не слыхал о таком.

— О, непременно прочтите! Какие высокие истины, какая глубина философских воззрений! — И Борман старательно отбарабанивал свое «домашнее задание». Фюрера это неизменно приводило в восторг: при такой-то занятости — и быть неизменно в курсе всех литературных новостей! Разумеется, он ставил Бормана в пример тем, чья образованность никаких иллюзий ему не внушала. А среди нацистской верхушки таковых было подавляющее большинство... Так Борман впервые переборщил: расположение шефа обернулось завистливой злобой его подчиненных.

Угождать фюреру — так уж во всем. Гитлер не курит — бросил и Борман. Но, правда, стал чаще наведываться в туалетную, отличавшуюся добротной системой вентиляции, и, сделав несколько жадных затяжек, выходил, не забывая тщательно прополоскать рот сельтерской.

И, конечно же, перешел в стан вегетарианцев. За обедом у фюрера нахваливал вареную репу. Вечером дома орал на жену, швыряя ей в лицо недожаренный бифштекс.

В кругу Гитлера пил только минеральную. Дома регулярно запивал ею шнапс.

Однако репутацию в глазах фюрера создал себе отменную.

3

Чем ближе к Гитлеру, тем больше врагов. Но Борман всякий раз их опережал, причем делал это легко и непринужденно —

благодаря прямо-таки патологической страсти к наушничеству. Гаулейтеры и рейхслейтеры ненавидели Бормана — и боялись его доносов. Даже тесть, рейхслейтер Вальтер Бух, немедленно покидал Оберзальцберг, узнав, что Борман вот-вот должен здесь объявиться.

Походя, не особенно даже стараясь, он убрал старого нацистского служаку Брюкнера, первого адъютанта рейхсканцлера: слишком уж близок стал к Гитлеру. И как убрал! Кронпринцессе, гостившей в Бергхофе, подали слишком горячий чай. Казалось бы, ну что тут особенного? Нет, Борман сотворил из этого целое дело. Чай готовили ординарцы? А они в подчинении Брюкнера. Распустил старик челядь, пора бы ему и на покой... Брюкнера прогнали. Правда, с «почетом» — на пенсию.

Задолго до того, как Герман Геринг вынудил фюрера объявить его своим преемником, Гитлер знал о стремлении Геринга стать нацистом номер один, и шепнул ему об этом Борман.

Геббельс, вряд ли когда и мечтавший об этом (и все же два дня просидел в кресле рейхсканцлера), досаждал фюреру своей ученостью. Кто натравливал фюрера на всезнайку? Разумеется, Борман.

Гиммлер, шеф карательных и охранных отрядов, мог при случае стереть Гитлера в порошок, если бы тот не следил за каждым шагом рейхсфюрера СС глазами собственной агентуры, которой руководил Борман.

С некоторых пор особым доверием Гитлера стал пользоваться Канарис, умевший преподать другим уроки преданности фюреру. И советчиком он был отменным. Но Гитлер высоко ставил и Гейдриха. Правда, его несколько коробила непритязательная внешность шефа СД: тонкие губы, размытые, неправильные черты лица, небольшие, пронзительные глазки. Костляв, вечно сутулится. Голос лающий, грубый. К тому же Гейдрих — циник и хам; словом, полная противоположность шефу абвера. И все-таки фюрер ему благоволил. Но больше всего ему импонировало, что слывшие когда-то едва ли не закадычными друзьями, Канарис и Гейдрих в одночасье превратились в злейших врагов. Славно поработал Борман: фюреру вовсе ни к чему союз двух всемогущих чиновников.

А все получилось просто: Борман пару раз обронил на ушко Канарису цитаты из невежливых отзывов о нем Гейдриха, пытавшегося представить адмирала в весьма неприглядном свете. И главное, перед самим фюрером!

Вскоре Гейдриху доложили: Канарис срочно затребовал из штаба военно-морского флота, где теперешний шеф СД некогда проходил службу, его личное дело. Гейдрих не на шутку встрево-

жился, и было от чего. В деле сохранился протокол заседания военного трибунала: Гейдриха судили за какие-то грязные похождения. Кроме того, Канарис постарался узнать кое-какие факты из биографии родителей Гейдриха. Что оказалось после расследования? Отец Гейдриха, опереточный певец, наполовину еврей... Это похуже, чем приговор трибунала, изгнавший Гейдриха из флота! Все документы оказались в личном сейфе адмирала, и Гейдриху это тоже стало известно. Вражда перешла в ненависть...

Борман и Гейдрих (здесь они заодно, хотя тоже не выносят друг друга) нашептывали Гитлеру о темных историях, в которых Канарис, безусловно, замешан.

Опережая Бормана, Гиммлер и Гейдрих наперегонки доносили фюреру на Геринга, ставя ему в вину непомерную алчность и неразборчивость в средствах обогащения.

Геббельса уличали в распутстве.

Лея — в чудовищном хамстве.

Гесса — в занятиях кабалистикой.

Канариса — в двуличии.

Кейтеля — в тупоумии.

Но все они были нужны Гитлеру. И он осыпал орденами Геринга, прощал все Геббельсу, смеялся над астрологическими опытами Гесса, закрывал глаза на пьянство Бормана, не верил или делал вид, будто не верит в повальное взяточничество, поразившее государственную верхушку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Однажды — было это еще до захвата власти — Гитлеру потребовалась фотография. На малолюдной улице Мюнхена он зашел в ателье, принадлежавшее Генриху Гофману.

Пока Гитлер ждал своей очереди, молодая женщина, по всей вероятности ассистент, выдавала и принимала заказы; держалась она непринужденно, но и с достоинством.

«Гретхен, настоящая Гретхен!» — подумалось Гитлеру.

И впрямь, ассистентка с ее светло-пепельными, красиво уложенными волосами, светлыми, ничего не выражавшими глазками, легким румянцем на прелестном лице, стройная, с крепкими ногами спортсменки, была вылитой сказочной Гретхен.

Гитлер не без робости обратился к ней с каким-то вопросом. Она ответила, и ее низкий грудной голос взволновал Адольфа. Началось ухаживание, которое весьма поощрялось дальновидным фотографом. Гофман ничего не требовал, не лез с советами, не набивался в министры...

Ева Браун — а это была она — жила с матерью и отцом, старшим преподавателем мюнхенской школы художественных ремесел. После того, как она благосклонно приняла ухаживания фюрера, он построил ей виллу в окрестностях города. Опасаясь сплетен, Гитлер встречался со своей подругой тайно и только у себя.

Камердинер фюрера Линге привозил Еву на квартиру Гитлера в закрытой машине. Ужинали. Адольф рассказывал анекдоты. Слушали радио. Потом он читал газеты, она — детективы.

Гитлер был ревнив. Он не позволял Еве показываться в обществе. Никогда не брал с собой в поездки. Редко бывал с ней в театрах. И не вел никаких разговоров о политике. Впрочем, Ева его к этому и не принуждала.

Со временем Гитлер разрешил ей переехать в Бергхоф.

Ева едва терпела сестру Гитлера, постепенно выживая ее из дамской половины дома. Затем случилось то, что обычно бывает при таких обстоятельствах: фрау Паула покинула Бергхоф — ее выдали замуж. Она не слыла красавицей. И миллионного приданого от расчетливого брака не получила. Но кому не лестно породниться с самим фюрером?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Когда-то Гитлер любил говорить:

— Я ведь немногого требую для себя... Хотелось бы просто прилично существовать.

Теперь он — обладатель миллионов.

Когда-то Гитлер мечтал быть вождем хотя бы шести тысяч нацистов.

Теперь он — фюрер правящей партии и целой нации, рейхсканцлер, верховный вождь СС и СА. Он угрожает Франции, его побаивается Англия...

...Нацисты рвали одну статью Версальского договора за другой, и все сходило им с рук.

В Австрии они готовили государственный переворот, и в 1934 году убили австрийского канцлера Дольфуса.

Гитлер оповестил мир о введении всеобщей воинской повинности. Запад сделал вид, будто ничего особенного не произошло.

Председатель Данцигского сената Грейзер, растолковывая ассамблее Лиги Наций законность притязаний его шефа на свободный город Данциг, выйдя на трибуну, орал:

— Я вижу, самое время навести в этом зале порядок... немецкими пулеметами!

Фюреру сошло и это.

Устроив в Мюнхене грандиозный спектакль в честь итальянского дуче, Гитлер произнес зловещие слова:

— Когда содружество двух империй насчитывает сто пятнадцать миллионов человек, решивших бок о бок сражаться против так называемого демократического интернационала, оно непобедимо!

А вот выдержки из ответной речи Муссолини:

— Завтра Европа станет фашистской, и сто пятнадцать миллионов поднимутся в бой, как один!

Так что ж еще нужно этому человеку? Главная, ведущая, всепоглощающая идея его — война.

И он вовсе не рисовался, когда там же, на встрече в Мюнхене, заявил:

— Война — это я!

В 1924 году Гитлер выдал вексель всем, кто потом помог ему стать диктатором:

«Мы должны освободиться от всяких «традиций» и предрассудков, объединить наш народ и двинуться по той дороге, которая освободит нас от нынешней тесноты, даст новые земли... И в первую очередь на Востоке. Россия — вот куда должен быть устремлен наш взор».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Плющились годы под прессом цивилизации: разгоралась война в Испании. Муссолини поставил свою подпись под антикоммунистическим пактом. Ось Токио — Берлин — Рим, казалось, насквозь прошла многострадальную нашу планету.

А в Великобритании и Франции все еще толковали о «нейтралитете».

Гитлер потребовал присоединения к рейху трех миллионов чешских немцев. Муссолини не отставал: «Отныне мы готовы к тому, чтобы мечта об имперском господстве Италии превратилась в реальность!»

Европа тех дней представляла собой чрезвычайно горючий материал. Но пожар еще можно было предотвратить. Да, все могло быть иначе!

Трижды в течение двух весенних месяцев тридцать восьмого

года Советское правительство заявляло, что оно не оставит Чехословакию в беде.

Президент Бенеш заверял нас в самой искренней благодарности «за поддержку в трудный час», а сам в беседе с французским послом сетовал на то, что договор с СССР, «этот пережиток прошлого, увы, не так-то просто выбросить в мусорный ящик».

Тем временем, выполняя директиву «Грюн», Кейтель распорядился подтянуть войска к границе Чехословакии.

Гитлер высказался предельно ясно:

— Самым благоприятным в военном и политическом смысле моментом будет молниеносный удар на почве какого-нибудь конфликта. Потом предъявим ультиматум и таким образом заткнем глотку мировой общественности.

Однако войну в апреле не начал: во-первых, побаивался вмешательства СССР и Франции, во-вторых... Спустя годы Кейтель признался: «Мы ни за что не прибегли бы тогда к военным действиям. У нас просто не было сил, чтобы преодолеть чехословацкие пограничные укрепления».

И верно: чехи вполне могли обрушить на вермахт, располагавший тогда тридцатью пятью пехотными дивизиями, пятью танковыми и четырьмя моторизованными, — всю мощь своих превосходно оснащенных сорока пяти дивизий. Восемь больших крепостей, семьсот тяжелых дзотов, больше восьми тысяч разного рода укреплений вот с чем столкнулся бы Гитлер, решись он тогда на войну...

2

Понимая, что в драку соваться не время, фюрер прибег к своей излюбленной тактике «взрыва изнутри».

Восстали судетские нацисты. Чехи подавили этот мятеж, но партию Гейнлейна не распустили. Гейнлейн потребовал отторжения Судет. Правительство ответило всеобщей мобилизацией. Англичане в ультимативном тоне «посоветовали» Бенешу передать рейху пограничные районы, угрожая в противном случае «невмешательством».

В начале сентября французское правительство запросило правительство СССР, готово ли оно в случае необходимости прийти на помощь Чехословакии; немцы от уговоров и дипломатических демаршей перешли к прямым угрозам.

Безоговорочное «да» сразу же было передано Франции. Более того, СССР предложил немедленный созыв конференции трех

держав; союз их наверняка обеспечил бы прочный мир в Европе.

Гитлер пришел в бешенство. На съезде нацистской партии, состоявшемся в середине сентября в Нюрнберге, он истерически проорал в микрофон, перекрывая рев оголтелых соратников:

— Я не могу больше терпеть, чтобы какие-то там чехи опекали три с половиной миллиона моих немцев!

Частям, стоявшим вдоль чехословацкой границы, был немедленно отдан приказ о полной боевой готовности. Переполох случился в Лондоне. Семидесятилетний премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен попросил показать ему карту Европы.

— Где эта самая Чехословакия?.. Бог мой, что за смешная кишка! И надо же было нашим версальским мудрецам выкроить такое нелепое государство!

Лавры миротворца не давали ему покоя, и впервые в жизни Чемберлен воздушным путем пересек Ла-Манш...

Фюрер нервничал и уже не скрывал тревоги. Неужели русские и французы уломали сэра Невилла, и тот предъявит ультиматум? Тогда он, рейхсканцлер, вынужден будет сдаться. На планах НСДАП — да и самой НСДАП! — можно в таком случае смело поставить крест.

3

Тем временем Канарис не покидал своего кабинета в доме на Доллерштрассе.

«Зачем Чемберлен едет с визитом к этому человеку? — мучительно раздумывал адмирал. — Неужели я ошибся в англичанах? Или они считают, что моя информация и советы — не что иное, как интрига или хуже того заурядный обман?»

Канарис заслал в Лондон агента с крайне важным поручением: убедить английское правительство, что Гитлер не решится на военный захват Чехословакии, что против него зреет заговор генералов. Агент должен был выяснить позицию англичан.

Порученец Канариса вернулся ни с чем: парламент распущен на каникулы, правительство пребывает в полной растерянности... Такое впечатление, что там нет ни одного человека, на которого можно было бы опереться!

А Чемберлен действительно не поверил очередному сообщению Канариса:

— Сам начальник абвера рекомендует нам не потакать Гитлеру? Вздор, ловушка для дураков...

4

Риббентроп и его сотрудники встречали самолет Чемберлена на аэродроме неподалеку от Бергхофа.

Не рискуя соперничать с историками в описании последующих событий, позволю себе восстановить их просто по фотографиям. Все они сделаны Гофманом и, к счастью, не только сохранились, но и попали к нам.

Итак, снимок первый.

Лестница, ведущая ко входу в дом. У нижних ее ступеней Чемберлена встречает фюрер, облаченный в обычную нацистскую униформу. Чемберлен с любопытством присматривается к Гитлеру.

В свою очередь, рейхсканцлер исподлобья изучает гостя. Смокинг. Стоячий крахмальный воротничок. Зонтик... Коротко подстриженные усы.

Еще фотография: почетный караул СС салютует Чемберлену. Каменные физиономии в обрамлении стальных шлемов, каменные подбородки. При виде таких молодцов Чемберлен мог, конечно, и напугаться: «Воевать с ними? Из-за каких-то чехов? Упаси бог!»

После короткого, ничего не значащего разговора фюрер пригласил Чемберлена в гостиную. Здесь они остались вдвоем. Третьим был переводчик.

Первые же слова Чемберлена привели Гитлера в неописуемый восторг... Британцы согласны с его требованиями о передаче рейху Судет? Да просто быть этого не может!

Гитлер (стараясь ничем не выдать себя). Простите, сэр, недавно я перенес грипп, и заложило уши. Я не ослышался?

Чемберлен. Нет, нет, господин Гитлер, я сказал то, что сказал.

Гитлер. Но... Франция и Советы?

Чемберлен. Отсюда я направлюсь в Париж. Думаю, Даладье согласится с нашей точкой зрения. Россия? Что ж, Россия... Боюсь, что с ней будет посложнее, но мы примем меры. Да, мы примем меры.

Гитлер. Прекрасно. Как посмотрит на это Америка?

Чемберлен. Я думаю, американцы займут нейтральную позицию.

Гитлер (холодно) Я не уверен в том, что немецкий народ будет спокойно наблюдать за издевательствами чехов над нашими соотечественниками. Вообще эта уродливая страна была скроена плохим портным, сэр. Я уж не говорю о Судетах. Словаки тоже хотят отделиться от чехов, это их законное право.

Беседа продолжалась три часа. Хозяин и гость вышли из гостиной, вполне довольные друг другом.

Последний снимок: Гитлер прощается с Чемберленом. Самолет берет курс на Париж.

5

Двери гостиной раскрылись: Ева и ее подруги давно уже ждали, когда окончатся переговоры Гитлера с этим смешным англичанином. Все голодны, ужин — на столе.

Гитлер с наслаждением опустился в кресло, устало подвязав под горло салфетку.

— Ну, можете вы себе такое представить, — вдруг рассмеялся он, — этот старик впервые сел в самолет, чтоб только прилететь ко мне!

6

Встретившись с Даладье, сэр Невилл поделился свежими впечатлениями о Гитлере.

— Скромен, отлично владеет собой. Беседовать с ним одно удовольствие.

Оба премьера согласились, что «ампутация» Чехословакии должна быть проведена в кратчайший срок.

В тот же день французский посол сообщил в Париж:

— Чешское руководство нуждается в явном нажиме, чтобы пойти на «вынужденные» уступки.

Последовала очередная нота Франции, и чешское правительство тотчас приняло ультиматум.

Но, едва вернувшись в Лондон, Чемберлен получил из Берлина донесение, фюрер требует немедленной военной оккупации Судет. Скандал!

7

И сэр Чемберлен вновь самолетом направился туда, где уже сам Гитлер назначил встречу: в Бад-Годесберг на Рейне.

Уже в машине проезжая по рейнской трассе, Чемберлен видел, как один за другим, направляясь на юго-восток, шли воинские эшелоны... Зенитные орудия. Танки. Бронетранспортеры. И солдаты, солдаты, солдаты...

Гитлер поселился в Годесберге в гостинице «Дрезден». Хозяин отеля здорово поживился: по приказу фюрера всю обстановку в мгновение ока заменили новой — для гостей.

Рейхсканцлер и на этот раз не встречал самолет Чемберлена; на аэродроме маячил Риббентроп со своей свитой.

Вечером 22 сентября паром перевез Чемберлена и его сотрудников в Годесберг.

Гитлер уже — отнюдь не воплощение той совсем недавней любезности.

— Очень сожалею, — сухо заметил он Чемберлену, — но в вопросе об отделении Судетской области мы непреклонны.

Так и сфотографировал Чемберлена Гофман: унылый, растерянный, он садится в машину...

Гитлер тут же отправил вслед сэру Невиллу наглое требование. Он писал, что Польша, Венгрия и Румыния тоже должны кое-что получить от Чехословакии. Кроме того, он намерен потребовать, чтобы ровно к восьми часам вечера 28 сентября все чехи покинули Судеты.

Отправили послание премьеру Британии, Гитлер заметил:

— Я знаю Чемберлена. Если к шести часам вечера он не пришлет мне ультиматум, значит, мы выиграли.

Вечером лондонский гость снова — и там же — оказался на приеме у фюрера.

— Но ведь это диктат! — в который раз уже повторялся Чемберлен. Чехи даже не успеют упаковаться!

Ну, ладно, — подумав, согласился рейхсканцлер. — Вы будете единственным человеком, которому я сделаю уступку. Даю чехам еще сорок восемь часов на сборы. А потом пусть пеняют на себя.

— О господи! — вырвалось у Чемберлена. — До чего же они мне надоели!

Гитлер едва не рассмеялся. Все-таки допек он британского премьера до такой степени, что тот попросил принести карту Чехословакии!

Водя пальцем по ее контурам, Гитлер объяснил Чемберлену, что именно должны получить от Чехословакии Венгрия, Польша и Румыния. Ну а его требования известны: отторжение Судет и немедленное проведение плебисцита в тех районах, где проживают и немцы, и чехи. Гитлер резкими линиями набрасывал новые границы чужой державы. Чемберлен понимающе кивал.

— Пока остановимся на этом. — Рейхсканцлер, отбросив в сторону карандаш, откровенно любовался своим рисунком.

— Пока? — переспросил Чемберлен.

— Разве я так сказал? Нет, это все, что я требую.

Внизу суетился Гофман. Он фотографировал фюрера и Чемберлена под пальмой. Потом делец размножит снимок в тысячах экземпляров. И каждый будет подписан: «Пальма мира»...

8

Однако на родине Чемберлена обошлось далеко не все так гладко, как бы хотелось двум «миротворцам». Общественное мнение возмутилось уступками Чемберлена. Правительство пробует хоть как-то успокоить соотечественников. Опубликовано коммюнике: «Если, несмотря на все наши усилия, немцы все-таки нападут на Чехословакию, Франция, верная союзническому долгу, придет ей на помощь. Великобритания и Россия выступят на стороне Франции». Днем позже — 27 сентября — было объявлено: флот метрополии приведен в боевую готовность.

Но Гитлер понимал: все это — пустые слова и нарочитые жесты, предназначенные для того лишь, чтобы отвлечь мир от реалий. Он восхитился советом, поданным Америкой заинтересованным странам: «не прекращать усилий для достижения мирного урегулирования чешской проблемы». Фюрер понял демарш Вашингтона как замаскированное согласие с его планами. И теперь выжидал. Наконец Муссолини предложил создать конференцию представителей Британии, Франции, Германии, Италии с участием «наблюдателей» из Чехословакии.

Провести эту конференцию наметили в Мюнхене.

9

Утром 28 сентября поезд Гитлера отошел от Ангальтского вокзала в Берлине. Сутки спустя — остановка в тирольском городе Куфштейн: здесь рейхсканцлер ждал поезда, в котором ехал Муссолини.

Встретившись, они долго пожимали друг другу руки. Гофман снимал их — для истории... Потом Гитлер и Муссолини, уединившись в салон-вагоне, беседовали вплоть до самого Мюнхена. Дуче и фюрер, их свита и охрана разместились в отеле «Принц Карл».

Риббентроп снова приветствовал Чемберлена на аэродроме Обервизенфельд: для британского премьера и его сотрудников отвели отель «Регина». Геринг встречал Даладье.

Чехов никто не встречал. Просто, без помпы, поселили их в «Регине» под присмотр англичан: чтобы не наделали глупостей...

10

...Два дня шли переговоры в зале совещаний, над картами генерального штаба; Чехословакию резали по живому телу. Чемберлен и Даладье увиливали от точных формулировок. Все окон-

чилось в третьем часу ночи. Догорали поленья в камине; Мюнхен давно спал. Спал мир, еще не знавший — войну ли готовит грядущее утро или только отсрочку ее. В этом часу Муссолини обернулся к Гитлеру, стоявшему у него за спиной.

— Хватит ломать здесь комедию! — И, стукнув увесистым кулаком по столу, добавил, обращаясь уже к Даладье и Чемберлену:

— Господа, мой поезд скоро уходит, и я не намерен больше ждать. Вот — текст. Либо мы подпишем его, либо...

Текст подписали. Потом, пригласив чехов, огласили приговор, не подлежащий апелляции: Германия оккупирует Судеты. Гости стали разъезжаться. Уже садясь в машину, фюрер сказал Риббентропу:

— Чемберлен просто на блюдечке поднес нам чехов. Ужасно все-таки, с какими ничтожествами приходится иметь дело!..

Взамен Чехословакия получила бумажку, пышно именуемую «гарантиями».

Выступая в своем парламенте, Чемберлен объявил: «Мир спасен для целого поколения». Консерваторы и лейбористы устроили премьеру неслыханную овацию. Не аплодировал только Черчилль. Зато в кулуарах высказался вполне определенно: «Невилл Чемберлен — дурак!» Ибо сэр Уинстон знал куда больше главы правительства его величества.

В те же дни советский посол во Франции, Суриц, заявил корреспондентам местных газет: «Я узнал о мюнхенской конференции из «Пари суар». С нами не посоветовались даже в отношении редакции коммюнике. С марта месяца мы сделали официальным представителям Англии и Франции не менее шести различных предложений о сотрудничестве. Нам ни разу не дали никакого ответа».

— Я не вернусь больше в Женеву, сказал, прощаясь с членами ассамблеи Лиги Наций, Литвинов. Сегодня Москва ясно отдает себе отчет в том, что нет никакой англо-французской политики, если не считать ту, которая излагается на страницах газет. И Литвинов потряс экземпляром «Матэн», на первой странице которой была помещена статья, озаглавленная:

«Направим же германскую экспансию на Восток!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

«Президент чехословацкого государства доводит до сведения германского правительства, что, в целях достижения окончатель-

ного умиротворения, он, будучи в полном сознании и здравом уме, вручает судьбу чехословацкого народа и всей страны фюреру и германскому рейху».

2

В шесть часов утра 15 марта 1939 года части германской армии пересекли чехословацкую границу, а в шесть тридцать Гитлер и его штаб выехали из Берлина в экстренном поезде. На границе фюрер пересел в машину, в шестнадцать часов был в Праге, сразу же отправился в Градчаны и занял апартаменты в правительственном здании.

Утром он осмотрел город. Вечером остался один.

Он подошел к окну. Ему вспомнился весь проведенный здесь день.

На какой-то улице бросилось в глаза людское скопище вокруг машины, набитой солдатами вермахта. Словно ничего не видя и не слыша, сидели в машине солдаты, а вокруг бушевала толпа. Выкрики, проклятия, плач женщин, перекошенные отчаянием и гневом лица... Цепь чешских полицейских. На их физиономиях полнейшая безучастность к тому, что творится рядом.

Гитлер ухмыльнулся: он же всегда утверждал, что славяне — вековечные враги германской расы, и вот их прорвало, и свою ненависть они изливают в криках, слезах и угрожающе поднятых кулаках.

Он проезжал по многолюдным улицам Праги: офицеры вермахта с надменным видом вышагивали по тротуарам, припорошенным снегом. Никто не заговаривал с ними, никто не оглядывался на них; даже мальчишки делали вид, будто не замечают военных мундиров ненавистных наци! Конечно, чехи видели огромный автомобиль фюрера и его самого, сидевшего рядом с Кемпкой. Ни одного взгляда в его сторону, ни единого зеваки, который бы крикнул: «Да ведь это Гитлер!»

Чехи вели себя так, словно ничего не случилось. В их глазах — мертвенная пустота... Но что творится в их душах?

Гитлер ехал вдоль набережной Влтавы. Мимо проходил орудийный расчет. Стоя в машине, фюрер приветствовал солдат.

Нет, на их лицах не было радости. Равнодушно смотрели они на фюрера. В крайнем случае, любопытство — не больше.

Что они думали, вступая в Прагу? Верили ли, что пришли навсегда?

Внизу спала Прага. Но все ли спали в этом городе свободолюбивых людей? Все громче заявляло о себе Сопротивление в самой Германии, в Австрии. Разве оно невозможно в Чехословакии? Разве не сопротивлялись сотни лет чехи всякой попытке

германизировать страну? Разве не вели отчаянную борьбу с венским правительством? Славяне, черт побери... Вечно бунтующее племя!.. Да, здесь, пожалуй, будет нелегко!

Фюрер отошел от окна: ночной мрак и Прага, где, быть может, в этот час в пивных и кафе сговариваются подпольщики, угнетал его. И не было чувства победы! Долго шагал Гитлер по пустынным покоям. Кого прислать сюда? Кто сможет подавить славянский дух?

И решил: Гейдрих.

3

Вступление Гейдриха в должность наместника Богемии и Моравии «ознаменовалось» расстрелом тысячи пятисот чехов, повинных разве лишь в том, что в отличие от Бенеша, бежавшего в Англию после сдачи страны нацистам, расстрелянные были подлинными патриотами.

4

При всем умении Канариса подбирать дельных, а главное — преданных ему сотрудников в абвере служили и люди Гейдриха. День за днем, скрупулезно — по обрывкам фраз, опрометчиво оставленным на столе бумагам, в мутной воде интриг агенты СД отлавливали компрометирующую адмирала информацию.

Странной показалась Гейдриху та поспешность, с которой Канарис вылетел в Вену — сразу же после захвата Австрии. Вскоре агент донес: адмирал ринулся «чистить» сейфы австрийской разведки. За многие годы негласного с ней сотрудничества там накопилось немало документов, изобличающих двуличие Канариса, действовавшего отнюдь не в интересах рейха.

Чем глубже копал Гейдрих, тем яснее становилась ему игра шефа абвера, особенно когда он узнал, что Канарис пытался установить прочные связи с Лондоном как раз в те дни, когда чехословацкий кризис едва не привел к войне.

А вот и еще новость, похлестче... Под предлогом проверки резидентуры Канарис отправился в Берн, где как раз в те дни проводил свой отпуск его давний приятель и коллега Аллен Даллес. Естественно, им было о чем поговорить... О чем именно, черт побери, можно говорить с шефом разведки державы, пригревшей толпы еврейских беженцев, и кто, собственно, уполномачивал на это Канариса?..

Да, многое уже знал Гейдрих, еще о большем — догадывался. И только покушение на наместника протектората Богемии и Моравии избавило Канариса от крупных неприятностей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

— Если война разразится на Западе, мы прежде всего займемся разгромом Польши. Я дам пропагандистский повод для этого. Только бы в последний момент какая-нибудь свинья не сунулась со своими посредническими услугами. Пора положить конец английской гегемонии! Польша — опаснейший очаг мирового еврейства, и я отдам приказ безжалостно предавать смерти поляков — без различия возраста и пола.

Вот такой речью открыл Гитлер очередное совещание генералитета.

2

В июле 1939 года военная машина фюрера пришла в движение. Праздновали двадцатипятилетие битвы под Танненбергом. Кадровые дивизии, укомплектованные по расчетам военного времени, принимали участие в параде: их было сорок четыре, поддерживаемых с воздуха двумя тысячами самолетов.

1 сентября, ровно в 4.30 утра, внезапно заработала одна из польских радиостанций. «Вчера, — сообщали поляки, загорелась немецкая таможня вблизи нашей границы. Мы утверждаем, что ее подожгли сами немцы, чтобы свалить всю вину на Польшу. Это провокация... Прекращаем передачу немцы, немцы, немцы...»

В 4 часа 15 минут немецкие войска ворвались в Польшу, развернувшись огромной дугой на всем протяжении границы.

3 сентября Франция и Англия, в силу своих союзнических обязательств, объявили войну Германии. Получив ультиматум британского правительства, Гитлер едва не пошел на попятный.

Конечно, французы и англичане могли помочь полякам они располагали всеми необходимыми для этого средствами. Начавшаяся в Польше война вполне могла и не перерасти в мировую. Но пагубная идея — столкнуть Россию с Германией — взяла верх над здравым смыслом.

Через тридцать шесть дней польская армия была уничтожена.

3

23 октября 1939 года фюрер вновь собрал генералитет:

— Конфликт с Западом неизбежен, если только Германия действительно пойдет на захват необходимого жизненного пространства. И мы пойдем на это. Как последний фактор я должен, при всей своей скромности, назвать свою собственную особу. Я убеж-

ден в силе своего ума и в своей решимости. Я поднял немецкий народ на большую высоту... Это достижение я ставлю на карту. Я предприму наступление в ближайшее время и в наиболее подходящий момент...

Ранним утром 9 апреля 1940 года жители столицы Дании были разбужены ревом проносившихся над крышами самолетов. Немцы? Невероятно! Откуда они свалились?..

Данию Гитлер завоевал молниеносно.

В Норвегии у него оказался надежный союзник: Видкуп Квислинг. Глава фашистской норвежской партии, получившей на выборах в 1936 году два процента голосов, вечером 9 апреля 1940 года объявил себя премьер-министром, отменил декрет правительства о мобилизации и приказал норвежцам сотрудничать с немцами.

Народ проклинал Квислинга, оккупантов и самого Гитлера. До конца войны фюрер так и не смог сломить мужество норвежцев.

Утром 10 мая немцы перешли границу нейтральной Голландии, хотя Гитлер клялся, что он не будет покушаться на эту страну. Он завоевал ее в четыре дня.

Наступила очередь Бельгии. С ней фюрер разделался в течение восемнадцати дней. Там тоже нашелся свой «Квислинг» — король Леопольд.

Франция была разгромлена в течение сорока пяти дней. И там у фюрера оказались свои люди — маршал Петен и Лаваль...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

К июню 1941 года почти вся Европа оказалась в руках нацистов — немецких и своих, доморощенных. То был неслыханный взлет ефрейтора времен кайзера Вильгельма. Империя Гогенцоллернов казалась жалкой по сравнению с тем, что было завоевано силой, взято хитростью, подчинено обманом, подавлено шантажом, достигнуто вероломством.

Кайзеровские генералы подписали капитуляцию Германии в вагоне, стоявшем в Компьенском лесу. В том же вагоне и в том же лесу Гитлер принял капитуляцию Франции.

«Германия будет настоящей Германией, только когда она станет Европой. Нам нужны Европа и ее колонии!» Эта идея была запечатлена еще на страницах «Майн кампф».

Роммель в Африке отвоевывал старые немецкие колонии, а заодно прихватывал и чужие. Недалеко то время — так мнилось

Гитлеру — когда границы Германской империи протянутся до Урала. Чехи, поляки, да и вообще все славяне будут изгнаны в Сибирь. Германия и Австрия, ну, пожалуй, еще и Чехия, станут эпицентром новой сверхдержавы. Вокруг — кольцом вассальные государства: федерация Восточной Европы Польша, Прибалтика, Украина, Поволжье, Грузия, Балканские государства, Венгрия. У народов этих стран не будет своих армий, политики, правительств и экономики. На западе федерация Голландии, Фландрии и Северной Франции. Наконец, федерация северных стран: Дания, Швеция, Норвегия и зависимая от рейха Финляндия.

Турция и Иран, разумеется, пойдут в фарватере политики фюрера.

Затем немцы проникнут в Индию, совершив то, что не удалось Александру Македонскому, покорят Азию, изолируют и поставят в конце концов на колени Америку.

Так строил в своих планах тысячелетнюю нацистскую империю человек, всего семнадцать лет назад бывший заштатным агентом капитана Рема.

2

Освободившись от военных забот, рейхсканцлер решил навестить памятные места, где он провел солдатские годы.

— Вот дорога, по которой я, бывало, мчался на мотоцикле в свой батальон. А здесь, кажется, был окоп, где однажды пришлось отсиживаться под бомбардировкой. Заглянем-ка, Кемпка, вон в тот дом я не раз там ночевал. Гляньте канава, куда я прыгнул при обстреле позиций газовыми снарядами...

Гофман щелкал аппаратом.

3

Немецкий обыватель выл от восторга...

«Одна из основных задач немецкой политики на длительный срок — остановить всеми средствами плодовитость славян...» Полтора миллионов чехов, миллион поляков, сотни тысяч датчан, норвежцев, югославов, греков трудились на заводах и шахтах Германии.

Гиммлер был, по сути, поставщиком миллионов концлагерских рук.

4

С л е д о в а т е л ь. Господин Шницлер, известно ли вам, что отравляющие вещества применялись в концлагерях с целью массового умерщвления людей?

Шницлер (один из директоров «Фарбениндустри»). Да, все директора «Фарбениндустри» были об этом осведомлены.

Бюргер отлично знал, что творится в застенках гестапо, но помалкивал.

5

К войне с Советским Союзом Гитлер готовился как ни к какой предыдущей.

21 июля 1940 года Гитлер потребовал от главнокомандующих вооруженных сил, чтобы они «занялись русской проблемой». Вскоре мысль о походе против Советского Союза прозвучала конкретней: 31 июля 1940 года Гитлер заявил о своей решимости будущей весной начать победоносную кампанию против Советского Союза.

Немедленно была начата разработка планов крупного наступления против Советского Союза в следующем году... Пришлось в конце концов отступиться от операции «Зеелёве».

18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву верховного главнокомандования вооруженных сил № 21 («Барбаросса»), в которой теперь уже в письменной форме был сформулирован приказ о подготовке кампании против Советского Союза и определялись ее стратегические цели. Всю подготовку предстояло завершить к 15 мая 1941 года.

Перестройка сухопутных сил, связанная с увеличением их до 180 дивизий, была начата немедленно.

Были созданы новые образцы проводной и беспроводной связи на большие расстояния; сформированы крупные моторизованные объединения. Для управления ими в бою предназначались штабы танковых групп. Эти группы, подобно клиньям, должны были взламывать оборону противника и, опережая армии, устремляться к главным объектам операций. В отличие от штабов армий на них не возлагались задачи по захвату и удержанию определенных территорий.

Традиционное российское бездорожье не составляло секрета для германского командования, и пехотные дивизии «доукомплектовали» тысячами крестьянских подвод.

Немцы учли и особенности русской железнодорожной колеи — ее предстояло еще перешить на европейский манер...

Противовоздушную оборону войск усилили зенитные артиллерийские дивизионы резерва главного командования.

6

Стратегическое развертывание сил осуществлялось на огромных пространствах от Черного моря до Ледовитого океана. Важ-

ная роль в кампании отводилась Румынии и Финляндии, где развертывались фланговые группировки, а также Венгрии, территорию которой предполагалось использовать для переброски войск.

В конце ноября 1940 года Румыния присоединилась к пакту трех держав.

Венгрия предоставила свою территорию для пропуска немецких войск, направлявшихся в Румынию, и также присоединилась к пакту, затем приняла участие в операции против Югославии. «В дар» от венгерского правительства немцы получили подвижной корпус, состоявший из двух моторизованных и одной кавалерийской бригад.

Италия отправила на Восток три моторизованных дивизии, которые были переброшены через Румынию на южный участок фронта.

Генерал Франко в первые же дни войны предоставил фюреру добровольческую дивизию — в благодарность за военную помощь в гражданской войне. Дивизия эта целиком была оснащена немцами. В войсках СС появились части, укомплектованные добровольцами из Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии и Финляндии.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Кабинет Гитлера в новой имперской канцелярии. На стенах — гобелены, картины знаменитых художников прошлых веков, панно, дорогие ковры, бронза. Паркет сверкает лакировкой.

Неподалеку от поражающего своими размерами письменного стола застыл фельдмаршал Кейтель. Именно застыл — у него выправка кадрового кайзеровского офицера. Волнение выдает лишь подрагивающая над плотно сжатыми губами щеточка седых усов. Бок о бок с ним, как в едином строю — фельдмаршал Рунштедт. Долговязый фон Бек о чем-то перешептывается с Германом Герингом. Облаченный в белоснежный мундир, рейхсмаршал стоит, как на палубе во время качки — набычился, широко расставив ноги. Сложив руки на животе, позирует фюрер — живое воплощение аскетизма. На походном мундире — ни золотого шитья, ни погон, ни орденов только Железный крест. Рядом о чем-то задумался фон Браухич. Чуть поодаль, отдельной группой — улыбающийся фон Лееб, важно надувшийся Лист, как обычно, чем-то недовольный фон Клюге, Витцлебен в фельдмаршальском мундире. Через несколько лет мундир этот снимут с него вместе с головой... А сейчас из-за плеча Витцлебена преданно вперился в хозяйский затылок любимец фюрера, генерал Рейхенау.

На мгновение в кабинете воцаряется благостная тишина: камера Гофмана вот-вот запечатлеет их, так сказать, истории на память.

Но вот Гитлер приглашает всех в зал совещаний. В фойе к ним присоединяются еще несколько генералов, еще не удостоившихся чести побывать в кабинете у фюрера, но уже имеющих полное право почтительно внимать его рассуждениям у оперативной карты. Уже входя в зал совещаний, Гитлер услышал прошелестевший за спиной чей-то голос:

— Да, но ведь у нас с ними — пакт о ненападении!

Прошу учесть, господа, роняет он, не оборачиваясь, — договоры соблюдаются, лишь пока они выгодны... Мы строим тысячелетний рейх. На пути к этой цели стоят Советы. Так о каком еще пакте может идти речь?

Это было сказано всего три месяца спустя после его подписания.

2

Стены зала увешаны оперативными картами.

Гитлер. Господа! Фельдмаршал фон Браухич сейчас доложит вам план молниеносной кампании против Советов. Но прежде позвольте напомнить: внешнеполитическая ситуация, как никогда, благоприятствует Германии. Европа с нами, англичане — не в счет. Они полагают, господа, будто Советы — единственная сила, которая еще может противостоять нам. Другими словами, судьба Британии зависит от того, быть или не быть большевистской России. Победа над СССР будет означать и окончательный крах Альбиона.

Голоса. Гениально! Зиг хайль!

Гитлер (нахмурившись — он не любил, когда прерывали течение его мысли). Вывод: Россия должна быть ликвидирована молниеносным ударом, и еще в этом году.

Кейтель. Мой фюрер, разрешите быть откровенным до конца. Позволю себе с вами не согласиться...

В зале воцаряется испуганное недоумение. Кто-то шепчет: «Это неслыханно!»

Гитлер (сурово). Ну? Я жду...

Кейтель. Мне кажется, начинать кампанию против России не следует...

Голоса (возмущенно). Что-что? Да как он смеет!..

Кейтель (переждав, пока шум утихнет). ...В этом году не следует. Дивизии еще только начали формироваться. Кроме того, сеть наших железных и шоссейных дорог еще недостаточно раз-

ветвлена для оперативной перевозки огромных масс войск и снаряжения.

Гитлер долго мерил шагами комнату. Так трудно отказаться от излюбленной мысли! Он остановился перед картой мира. Вот она, огромная, загадочная страна, окрашенная на карте красным цветом. Через нее лежат дороги в Закавказье, к Персидскому заливу, в Ирак, Сирию и дальше к Ирану. А там... там можно будет помериться силами с американцами. Лишь это огромное, красное пространство мешает планам тысячелетнего рейха!

Гитлер (медленно пройдясь вдоль строя оперативных карт). Что ж... Согласен. Но из этого лишь следует, что мы уничтожим Россию не позднее лета будущего года. Кампанию необходимо завершить еще до наступления холодов.

Господа, речь идет только о борьбе на полное уничтожение славян: иначе лет через тридцать снова возникнет коммунистическая опасность. Вот чем эта война будет столь резко отличаться от нашей кампании на Западе. Гибель России — залог будущего процветания Европы.

Громовой хор. Зиг хайль! Хайль Гитлер!

Гиммлер (осторожно). Но все-таки кто-то ведь должен остаться на тех землях, чтобы пахать, трудиться на заводах и рудниках... Только им надо внушить как следует, что божественная заповедь заключается в строгом повиновении хозяину, в старательности и послушании... (Помолчав.) Умение читать я полагаю излишним.

Розенберг. Мой фюрер, на днях я представлю вам широкую программу мероприятий по всем этим вопросам.

Гитлер (подводя итоги). Конечно, кто-то должен работать на рейх. Но главная наша миссия — обеспечить процветание германского населения. Если уж я посылаю цвет нашей нации в пекло войны, то, без сомнения, имею право уничтожать миллионы людей низшей расы. После России настанет черед Британии. Потом — Средний Восток, и в союзе с Японией национал-социализм завершит свою великую миссию, поставив на колени весь мир. Я приказываю немедленно начать разработку боевых операций.

3

Тем временем экономисты подсчитывали ресурсы. Наконец фюреру было доложено:

«В оккупированных странах Европы захвачено на девять миллиардов фунтов стерлингов военного и другого имущества. Из тех же стран вывезли сто тридцать пять тысяч тонн меди — это полугодовая потребность в ней немецких военных предприятий.

Из Польши поступает уголь, свинец; хром — из Югославии. Италия вывозит в рейх серный колчедан, цинк, свинец...»

Заводы восьми стран Европы работали на вермахт. В армии рейха — около пяти миллионов солдат и офицеров.

В конце января сорок первого года поступила директива о сосредоточении войск вдоль советских границ. К тому времени дивизии были уже полностью отмобилизованы и вооружены первоклассной техникой. Воинские эшелоны двинулись к пока только воображаемой линии фронта — от Баренцева до Черного моря.

4

На Украине начала формироваться «пятая колонна». Бандера и Мельник уже располагали своим батальоном «Нахтигаль»; впрочем, командование им в конце концов перешло к немцам, не слишком доверявшим главарям националистов. Специальной диверсионной группе «Тамара» приказано сосредоточиться в Грузии. Подразделения полка особого назначения «Бранденбург-800», солдат и офицеров которого обрядили в советское военное обмундирование, должны были, продвигаясь впереди наступавших войск, захватывать мосты, выводить из строя предприятия...

Тысячи агентов абвера засылались на территорию России с единственным заданием во что бы то ни стало добыть неоспоримые доказательства готовящегося нападения на Германию. Те, кому удалось вернуться, доносили: нет решительно никаких признаков подготовки Советов к войне. Да, они укрепляют пограничную линию, но узлы обороны — обороны, но отнюдь не агрессии! — оборудованы лишь в двух-трех районах. Войсковые соединения не укомплектованы, поблизости от границ нет ни одного танка, в авиации не заметно никаких приготовлений...

В начале мая посол Германии в СССР Шуленбург прибыл в Берлин для доклада.

— Советы полны решимости любыми мирными средствами предотвратить военный конфликт... — начал было он, но Гитлер не дал ему сказать ни слова больше.

— В таком случае, я не желаю видеть вас, господин Шуленбург!

5

Прежде чем бросить армии на Восток, Гитлер позаботился о флангах. Великий мастер интриг Франц фон Папен, отправившись послом в Турцию, сразу же повел там переговоры о дружественном союзе. В случае удачного их исхода Турция и Румыния образовывали южный фланг наступления. На северном фланге стояла Финляндия.

Вот если бы еще заключить мир с Англией, втянуть и ее в крестовый поход против большевиков!..

...Десятого мая сорок первого года, вернувшись в Бергхоф из Монискирхе, что южнее Вены — оттуда он наблюдал за операциями в Греции и Югославии, — фюрер тотчас отправился спать.

Вопреки приказу, камердинер Линге разбудил хозяина дома рано утром и доложил, что в приемной адъютант Гесса — оберфюрер Пинч.

— У Пинча срочное письмо от его шефа, мой фюрер, — робко объяснил Линге. — Только потому я и посмел...

— От Гесса? — Гитлер прямо в пижаме стремительно вышел в приемную и, вырвав из рук Пинча письмо, уединился в гостиной.

Минут через пять он вызвал Линге.

— Где этот мерзавец? Пинча ко мне! Немедленно!

Адъютанта тут же ввели в гостиную.

— Содержание письма вам, конечно, известно? ничего доброго тон Гитлера не предвещал.

— Да, мой фюрер...

— Линге, немедленно Хегля ко мне!

Начальник полицейской охраны опешил, услышав приказ упрятать Пинча в одиночную камеру — Хегль дружил с оберфюрером. И, оставшись с ним с глазу на глаз, полюбопытствовал, в чем, собственно, дело.

Вконец расстроенный таким поворотом событий, Пинч простодушно поведал историю злополучного письма.

...Недавно Гесс сообщил ему о своем намерении лететь в Англию, чтобы окончательно договориться с тамошними властями о прекращении военных действий. В успехе своей миссии шеф Пинча был твердо уверен: накануне его посланец, профессор Альбрехт Гаусфер, встречался в Женеве с уполномоченными британского правительства. А чего стоила давняя переписка Гесса с герцогом Виндзорским! Англичане заявили о готовности начать переговоры с Гитлером, если будет расторгнут пакт о ненападении с Советским Союзом.

...Уединившись в своем кабинете, Гитлер тем временем томился в мрачном ожидании вестей от Гесса.

6

Извещенное герцогом Виндзорским правительство Англии приказало зенитчикам пропустить ведомый Гессом «Мессершмитт-110», уже взявший курс на Дунгавел — Кастл — имение лорда Гамильтона в Северной Англии.

Там все было готово к приему важного деятеля нацистской

партии. Для эскорта самолета фашистского партийного главаря выделили два истребителя. Но они не встретили Гесса: из-за нехватки бензина незадачливый визитер приземлился близ шотландского местечка Иглшэм, в четырнадцати километрах от цели.

Местные крестьяне оказались куда невежливей правителей Англии: схватив летчика, назвавшегося Альфредом Горном, они без обиняков доставили его в полицию. Гесса заперли в Марихиллской казарме, и уже вскоре замшелые ее стены стали очевидцами небывалого стечения высокопоставленной публики. Лорд Гамильтон приехал первым, выразив Гессу свое соболезнование.

— Безумно неприятная история! — сокрушался он. — И угораздило же этих фермеров оказаться как раз там, где вы изволили приземлиться! По всей округе разнесли эту новость... Газетчики, разумеется, поднимут теперь скандал.

— Скверно, угрюмо согласился Гесс, очень скверно...

— М-да, вряд ли теперь все обойдется...

Скандал действительно начался: пресса изрядно пошумела о столь нежданном визите.

Впрочем, это не помешало газетному королю Бивербруку наведаться в гости к Гессу.

Но самым частым его посетителем был Айвон Киркпатрик, впоследствии шеф Би-би-си: его особенно интересовало, когда именно Гитлер нападет на Россию.

Не кажется ли вам, — брал очередное интервью Киркпатрик, — что Гитлер уже в ближайшее время прибегнет к военным действиям на Востоке?

Гесс отделывался общими фразами, больше стараясь покрасочней расписать блага, которыми обернется для Англии заключение мира с Германией. Фюрер гарантирует целостность Британской империи... Правда, в обмен на колонии и свободу действий в Европе.

— А Советский Союз? — не отступался Киркпатрик.

— Он должен быть включен в сферу влияния Германии. — Гесс тщательно подбирал выражения. — Поверьте, фюрер хочет лишь полного взаимопонимания между Германией и Великобританией. Скажите «да», и я немедленно вылечу в Берлин. В конечном счете, разве Англия так уж заинтересована в могуществе Советов? Разве не манит вас перспектива похода против большевизма, угрожающего мировой цивилизации?

Англичане, испытавшие на себе ужасы бомбежек, стихийными демонстрациями дали понять правительству, что они не намерены мириться с нацизмом и будут драться с ним до конца.

Не желая портить отношений с потенциальными избирателями,

лейбористы поспешили отвергнуть всякую возможность унизительных переговоров с Гитлером.

— Трусы и лицемеры! — презрительно фыркнул фюрер, узнав о провале миссии Гесса. — Как всегда, последнее сражение надеются выиграть чужими солдатами.

Однако надо было как-то выходить из щекотливого положения: дело шло о престиже. И гестапо, выколотив из Пинча признание в том, что Гесс умалишенный, отправило бывшего адъютанта в штрафной батальон «Дирливангер»...

Друзьям Гесса видней, рассудили в Англии и не мудрствуя лукаво отправили его в сумасшедший дом. Теперь болтовня его была не опасней детского лепета... Там «пациент номер два» и пробыл до конца второй мировой войны.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

К нам попала лишь часть дневника Йозефа Геббельса. Но она-то и особенно интересна сейчас: ведь записи начинаются перед самой войной, а последняя датирована 8 июля 1941 года...

«16 июня (понедельник).

...После обеда фюрер вызывает меня к себе. Я должен пройти к нему, минуя заднюю дверь: Вильгельмштрассе находится под постоянным наблюдением журналистов, а осторожность сейчас, как никогда, уместна. Фюрер сегодня, как никогда, откровенен: наступление на Россию начнется буквально на днях. Кампания в Греции прошла не совсем удачно, поэтому с настоящим делом пришлось повременить. Хорошо, что погода стоит скверная, и урожай на Украине еще не созрел. Значит, он вполне еще может достаться Германии.

То, что предстоит нам, ни одна армия в мире никогда еще не предпринимала. Первое же утро беспримерного наступления германских войск ознаменуется мощным артобстрелом из 10 тысяч орудий, которые в свое время были намечены для разгрома линии Мажино, но там они так и не понадобились. Русские сосредоточились наконец как раз на линии границы. На лучшее нам трудно было рассчитывать: если бы они эшелонировались в глубь своей территории, никто из наших не поручился бы за успех молниеносного прорыва, который осуществится одновременно на разных участках фронта. Фюрер рассчитывает закончить кампанию месяца за три-четыре. Я полагаю, мы уложимся в меньший срок. Большевизм развалится, как карточный домик. Против России сосредоточено столько резервов, что всякая неудача исклю-

чена. Русская армия будет уничтожена полностью, что вполне отвечает интересам и наших союзников: Япония никогда не ввяжется в войну с США, если СССР сумеет устоять в схватке с нами. И вот еще почему необходимо разделаться с ней как можно скорее: дело в том, что Россия вынуждает нас держать наготове 150 дивизий, а германской военной промышленности необходимы большие людские ресурсы, чтобы мы могли до конца выполнить свою программу производства оружия, подводных лодок и самолетов, и тогда США уже не смогли нам противостоять. У нас есть и сырье, и машины для работы в три смены, но не хватает рабочих. Когда Россия будет повержена, многие солдаты вернутся к станкам. Лишь после этого можно начать массированное наступление на Англию с воздуха. Впрочем, когда большевизм падет, у Англии будет выбита последняя шпага на континенте. Но это потом... Главное, большевистская зараза должна быть выметена из Европы. Против этого Черчилль и Рузвельт едва ли станут возражать.

Италия и Япония днями будут уведомлены о нашем намерении предъявить России определенные ультимативные требования. О всем размахе намеченной операции дуче еще полностью не информирован. Антонеску знает немногим больше. Румыния и Финляндия выступают вместе с нами.

Итак, вперед! Манят богатые поля Украины. Наши полководцы подготовили все наилучшим образом. Аппарат пропаганды продолжает вовсю распространять слухи о прочном мире с Москвой, о том, что Сталин намерен посетить Берлин, а вторжение в Англию предстоит в ближайшее время.

Последние образцы кинохроники особенно понравились фюреру. Он считает их едва ли не лучшим средством сплочения германского народа...»

«17 июня (вторник).

О наших отношениях с Россией ходит великое множество слухов: от заключения прочного мира до уже начавшейся войны, что вполне нас устраивает. Слухи — хлеб наш насущный. Я запретил Лею трепаться по радио о новых социальных программах, которые мы осуществим после войны: когда она начнется, разговор должен вестись только о боевых действиях — это мобилизует массы.

А пока вместо безответственной болтовни о социальных прожектах я рекомендовал органам информации провести оживленную дискуссию о том, какой быть новой радиопрограмме. Румыны ведут себя крайне безответственно. Газеты пишут о предстоящей кампании, требуют присоединения аннексированных обла-

стей. Я выразил энергичный протест. Румынский посол получил от Риббентропа хорошую нахлобучку.

Между тем поток слухов продолжает нарастать. Уже повсюду говорят о всеобщей мобилизации в России, отчего позиции Анкары сильно поколебались. Лично я в это не верю, но даже если турки не выступят на нашей стороне, они никогда не пойдут и на союз с русскими, а большего нам пока и не надо.

Продолжаю работу над новой книгой. Я назову ее «Беспримерная эпоха». Заглавие ясно выражает идею и звучит вполне оригинально.

...Вечером долго читал. Время, отделяющее нас от рокового для истории часа, тянется так медленно!»

«18 июня (среда).

Мир так напичкан нашими слухами, что мне уже самому порой нелегко отличить правду от вымысла. Мы поставляем информацию на любой вкус, широко используя громадную шкалу человеческого бытия — от мира до войны. Новейший трюк: нами намечено провести мирную конференцию с участием России, но далеко не все западные средства информации клюнули на эту приманку. Кое-кто уже начинает догадываться, где собака зарыта...

...На совещании у фюрера были отмечены объективность и высокое качество нашей пропаганды.

И все-таки замалчивать главное становится все труднее.

...Опять работал до поздней ночи. Скорей бы уж все начиналось! Тогда — как гора с плеч...»

«21 июня (суббота).

День прошел на редкость напряженно. Только что дочитал подробный отчет об организации большевистской пропаганды. Она сильно отличается от английской: дело в том, что информационную погоду в России делают евреи.

В Финляндии — поголовная мобилизация. Заново переписанное, обращение фюрера отправлено во все воинские подразделения.

Вечером прослушивал на радио фанфары. Кажется, нашел то, что нужно.

Наступление начнется под утро, в 3 часа 30 минут. Еще не совсем ясно, будет ли воззвание фюрера к германскому народу зачитано с первым залпом орудий, или оно прозвучит в 7 утра.

В первый же день войны мы предупредим соотечественников по радио о возможных диверсиях советских парашютистов — это еще больше мобилизует нацию на борьбу с врагом.

Русский вопрос по-прежнему оставляет в тени все остальные темы международной жизни, однако западная общественность по-

ка плохо представляет себе, до какой степени все уже предрешено.

Но скоро, уже очень скоро мы все расставим по своим местам.

Оскорбительная декларация Рузвельта в наш адрес потонула в общем шуме радиоголосов. Американец выбрал явно неудачный момент для своего выступления.

Итак, в три тридцать. Протяженность фронта — три тысячи километров. Это будет самый грандиозный поход в истории человечества! Настроение фюрера поднимается с каждым движением стрелки часов. Вечером мы гуляли в его саду.

Накануне Деканозов снова заявил в Берлине протест по поводу нарушений советской границы нашими солдатами.

Воззвание фюрера к германскому народу будет зачитано в 5 часов 30 минут утра, и весь мир наконец узнает правду, от которой враг содрогнется.

Вновь и вновь мы прослушивали запись фанфар. Наконец, остановились на предложенном мною мотиве из «Хорста Весселя». Фюрер остался очень доволен.

Вообще каждый из нас, готовивших это событие, сделал все от него зависящее, чтобы приблизить час покорения России, разгрома большевизма. Теперь все решает военная удача.

В половине третьего ночи мы попрощались   фюреру нужно еще пару часов соснуть.

Я направился в министерство, чтобы поделиться с сотрудниками последними новостями. Они были потрясены моим сообщением, хотя наверняка о многом давно уже догадывались.

И тут же закипела работа: нужно срочно мобилизовать все незадействованные еще резервы радио, прессы, кинохроники.

Я изучаю последние телеграммы: все — чушь, все уже устарело. Но я их опровергать не стану — за меня это сделают наши пушки.

Вновь изучил условия радиотрансляции на Россию. Здесь многое еще предстоит сделать.

За окном, на Вильгельмплатц, пустынно и тихо. Спит Берлин, спит империя. У меня еще есть полчаса и, не зная уже, на что их употребить, расхаживаю по кабинету. Слышно дыхание самой истории.

Близится час рождения нового рейха.

Но вот мощно, величественно звучат первые фанфары. Я зачитываю у микрофона воззвание фюрера   оно звучит по всем германским радиостанциям. Так вместе с вождем мы шагнули в историю и пройдем с ним весь путь до конца».

2

Фанфары торжественно пропели зарю, залившую Восток кровью. Как никогда близка к осуществлению мечта, ставшая целью жизни... Но отчего тогда так угрюм рейхсканцлер?

Мутно и зыбко все за границами рейха. Не сдается Англия. Бомбардировки Лондона, когда над городом, сея смерть, одна за другой зависают армады боевых самолетов, не сломили британцев. Крепнет, мужает французское Сопротивление. Партизанская война в Югославии обрела уже нешуточный размах. Япония заключила с Россией пакт о ненападении. Турки, похоже, воевать не собираются. Капризничает вечно чем-то недовольный Муссолини. В Румынии неспокойно: короля Кароя пришлось срочно сместить, но и при Михае народные волнения не затихают. Антонеску расправляется с недовольными... А кто будет воевать на Востоке?

Надеясь на понимание, Гитлер встретился с каудильо — и был откровенно разочарован: Франко явно осторожничал.

А тут еще первое покушение: кто-то бросил бомбу в автомобиль. По счастью, фюрер на сей раз отделался легкими царапинами. Что дальше? Новые аресты, пытки, казни. И наверняка уже новые заговоры...

Не веселили и вести из США. Рузвельта в третий раз избрали президентом, а на чьей стороне его политические симпатии, и стало быть, мощь заокеанской державы, Гитлеру хорошо известно.

И ведь сам же не раз говорил: «Управлять — значит предвидеть...» Но к чему теперь все эти слова, когда час пробил, и об отступлении не может быть и речи. Лишь стремительный разгром Советов обеспечит рейху положение истинного хозяина в Европе, где очаги сопротивления будут задушены в одночасье. Вот тогда и за океаном оппозиция заговорит с президентом на другом — понятном и близком ему, Гитлеру, языке. И среди конгрессменов найдутся люди, готовые насадить «новый порядок» по всему Американскому континенту. Вот с кем можно будет сесть за стол переговоров...

...В шестом часу Гитлер лег спать. В половине девятого вновь уже был на ногах. Позавтракав, перед зеркалом тщательно отрепетировал речь. Еще через полчаса, облаченный в свою обычную униформу, он уже выступал перед нацистским рейхстагом.

Конец первой книги

Публикацию подготовила
Тамара ВИРТА

Анатолий **КОВАЛЕВ**

ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

* * *

«Жизнь прожить — не поле перейти»...
Ну а если это поле боя
И обратно нет уже пути
Ни для труса и ни для героя?

Ты меня, пословица, прости,
Но я знаю истину простую:
Поле боя потрудней пройти,
Чем прожить иную жизнь пустую...

С ПОСОХОМ

Он медведем в вагон
Не ломился,
Ноги вытер
У рыжих дверей.
И спокойно вошел,
Поклонился,
Добрым взглядом
Окинул людей.
Как на посох,
На сук опираясь,
С проржавевшим насквозь
Рюкзаком,
Он в проходе стоял,
Улыбаясь,
Словно каждый
Ему был знаком.
Теснота уже так

Не сжимала.
И не злила людей
Духота,
И вагон до краев
Заполняла
Человеческая
Доброта.

ЛИМИТЧИЦА

Подбивали подружки:
Уедем... Уедем,
Ведь в Москве
Лучше рая
Любой уголок.

И от мамы ушла,
Как от бабки и деда
В старой сказке народной
Ушел колобок.

Но когда наливаются
Алые гроздья
И в окно общежития
Смотрит луна,
Понимает сама,
Что вернуться
Не поздно,
Что в деревне сегодня
Нужнее она.

Что в Москве как-нибудь
Без нее обойдутся
И найдется кому
В ней и петь, и плясать.
А в деревне частушки
Почти не поются,
Да и некому стало
Их там распевать.

...За окном общежития —
Звездное поле,
Млечный Путь остывает

Рассветной тропой.
Ей не спится опять,
И обидно до боли,
Что по жизни идет
Не своей бороздой.

* * *

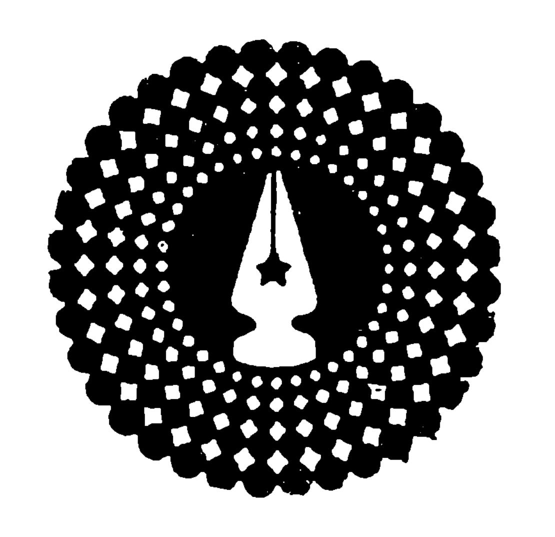
Луна росла над синими холмами,
Над рощею, мерцавшей вдалеке,
И растворялся желтый лунный камень
Прохладною полоской по реке.

К земле остывшей прижимались травы,
Сбивались зябко звезды в полукруг,
И соловья охрипшие октавы
Речное эхо повторяло вслух.

* * *

Я сам с собой ночами спорю
И сам винюсь перед собой;
Клянусь себе, советам вторя,
Что изменю характер свой.
И стану вежливо-спокоен,
Как роль в кино начну играть.
Чтоб ни обид и ни пробоин
В чужой душе не оставлять.
Где голос надо бы повысить —
Придам я ласковость ему,
Где правду высказать —
По-лисьи,
Как хвост, я совесть подожму.
Она, как рана ножевая,
Потом во мне начнет болеть.
Зато, врагов не наживая,
Вид буду праведный иметь.
И вновь в сомненья погружаюсь,
Как в глубь речную — с головой.
Я сам с собой
Всю ночь сражаюсь
За право
Быть самим собой.

Москва

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ПЕРЕСТРОЙКА: ЛЮДИ ДЕЛА

Александр МЕДУЩЕНКО

ШТОРМ ИДЕТ СЛЕВА

Газета «Правда» 14 февраля 1988 года опубликовала материалы о том, как корабли ВМС США крейсер «Йорктаун» и эскадренный миноносец «Кэрон» нарушили нашу морскую границу в районе Севастополя. Многие читатели до сих пор интересуются подробностями этого инцидента, высказывают опасения, не повторится ли подобное снова.

Автор этих строк побывал на месте событий, на сторожевом корабле «Беззаветный», побеседовал с непосредственными участниками конфликта, встретился с капитаном первого ранга Николаем Петровичем Михеевым — тогда капитаном второго ранга, старшим в районе событий, который и руководил всей операцией по выдворению пришельцев из наших вод.

Ниже подробный рассказ о самом инциденте, о его результатах и обнадеживающих последствиях.

Командир большого противолодочного корабля «Азов» капитан второго ранга Николай Петрович Михеев шел в штаб флота и недоумевал: почему его вызвали

так срочно, в двадцать два часа, не с корабля, а из квартиры? Если новое назначение, могли бы сообщить и завтра — не горит. Значит, что-то другое.

Его принял начальник штаба флота вице-адмирал Валентин Егорович Селиванов. Усадив Михеева на диван, Селиванов несколько раз прошелся по кабинету, исподволь как бы оглядывая офицера со всех сторон. Наконец сказал:

— Не буду томить, Николай Петрович. Мы обладаем сведениями, что к нам в Черное море идут американцы, двое: крейсер и эсминец, старые знакомые...

— Разве это для нас невидаль, товарищ адмирал? Возможно, в Констанцу или еще куда с визитом.

— Не думаю. Западная пресса уже успела сообщить не только то, что американцы запросили у турок «добро» на проход проливов, но и высказала догадки. Гости, возможно, попытаются войти в наши территориальные воды. Полагаю, у них на уме: спровоцировать конфликт перед подписанием важного договора о ракетах средней и меньшей дальности.

После этих слов вице-адмирал предложил Михееву отправиться на сторожевом корабле старшим в район ожидаемого происшествия.

— Мы знаем вашу решительность, потому и выбор пал на вас, — сказал он. — Но... учтите: вам в случае конфликта придется иметь дело не столько с видимым противником, сколько с теми, кто у него за спиной. Дать отпор, если сунутся в наши воды, но и не дать повода для кривотолков.

— Когда прикажете выходить, товарищ адмирал? — поднялся с места Михеев.

— Считайте, что приказание вы уже получили. Навстречу непрошеным пойдет СКР «Беззаветный» и малый СКР-6. Пусть гости не думают, что мы тут все переполошились — много чести.

Через сорок минут Михеев взошел на сторожевой корабль «Беззаветный». Нового флагмана встретил заметно встревоженный командир корабля капитан второго ранга Владимир Иванович Богдашин. До этого между ними было, что называется, только шапочное знакомство, но Михеев знал, что Богдашин толковый командир. Умеет ладить и с офицерами и с матросами. Душа по части художественной самодеятельности. Сам поет, пляшет, играет на нескольких инструментах. Как раз это и сближает его с экипажем. Правда, иногда, поговаривали, бывает жестковат, но только по делу. И главное, не теряется в сложных, неожиданных ситуациях.

— Что за настроение, Владимир Иванович? — поинтересовался Михеев, приняв доклад Богдашина.

— Мое настроение зависит от боеготовности корабля, — хмуро ответил Богдашин. — Мы же только-только вернулись со Средиземного моря. У меня треть офицеров и мичманов на сходе. Послал за ними по домам. Жены обрадуются...

— Они жены военных моряков, — серьезно заметил Михеев. — А то, что именно вам поручена операция, гордиться должны. Связь с СКР-6 есть?

— Отвечает, — утвердительно кивнул Богдашин.

— Давайте команду: «Корабль к бою и походу изготовить».

— Уже дана, товарищ флагман.

— Теперь, Владимир Иванович, заранее договоримся о власти

на корабле, поскольку делить ее в экстремальных условиях, как сами понимаете, некогда. Итак, на мне стратегия. На вас тактика. Не исключено и даже очень предположительно, что тактические моменты вдруг приобретут важность стратегических и даже политических. Вот тогда я временно вступаю в командование кораблем, а через минуту-другую опять отдаю вожжи тебе, Владимир Иванович. Эти колебания от тактики до политики мы должны чувствовать и понимать без слов. Ответственность за все, в том числе и за судьбу корабля, — на мне.

— Постараемся отличить тактику от политики, — заверил Богдашин.

На главный командный пункт заглянул дежурный по кораблю белолицый, рыжеватый командир БЧ-7 капитан-лейтенант Александр Николаевич Подложнов и доложил, что все офицеры, мичманы, а также рассыльные вернулись на корабль.

— Так быстро? — удивился Михеев.

— Пришлось прибегнуть к экстренным мерам, — объяснил Богдашин. — Позвонил в таксопарк, вызвал несколько машин за свой счет, на них посадил рассыльных.

— Остроумно, — похвалил Михеев. — Ну а должок мы вам отдадим, в складчину.

После того как «Беззаветный» и пристроившийся к нему СКР-6 вышли на внешний рейд, в эфире раздался позывной «Пловца»:

— Как у вас? — спросил начальник оперативного отдела дивизии.

— Нормально, — ответил в микрофон Михеев. — Каждый знает, куда и зачем идем.

— На Босфоре туман. Дичь не провороньте.

Неприятное сообщение. Там, в проливе среди множества судов, выходящих в Черное море, распознать американцев можно только визуально. Попробуй это сделать за двенадцать миль от берега. Ведь входить в территориальные воды Турции без специального запроса нельзя. Надо что-то придумать. И думать не одному. «Запрограммировать» компетентных в этом деле, чтоб использовали оставшееся время вовсю.

— Командира БЧ-7 ко мне, — приказал Михеев.

Появился дежурный по кораблю капитан-лейтенант Подложнов.

— Александр Николаевич, — обратился к нему Михеев, — вот вам задачка. Как засечь американские корабли на выходе из пролива. Ваш ответ понадобится на подступах к Босфору. Думайте.

Михеев отпустил Подложнова и обратился к Богдашину:

— Передайте командиру СКР-6, на время операции называем его просто «Шестым» — для краткости. А сейчас поиграем с огнем. Вводные: пожар в районе второго кубрика, у порохового погреба, в румпельном отделении. Давать команды поочередно, через пятнадцать минут. Действуйте, Владимир Иванович, а я пойду посмотрю.

Богдашин понял Михеева. Даже если американцы сунутся в наши воды, до применения оружия вряд ли дойдет дело. А вот потеснить супостата корпусом корабля очень даже возможно. При столкновении же пожар — самый неприятный и самый вероятный результат Везде кабели. Достаточно одной вмятины, чтобы на корабле что-то оборвалось, «закоротило».

Михеев, став в центре условного пожара, наблюдал, как моряки подтягивали шланги, подсоединяли наконечники, подносили оран-

живые пенные огнетушители. Все вроде бы правильно, по инструкции, но слишком уж медленно, вяло. Не борьба, а ленивое заигрывание с огнем, которого на самом деле нет. Места занимают чаще не там, где надо, а там, где удобно.

Михеев дал отбой учебно-пожарной тревоги, собрал всех свободных от вахт на юте.

— Товарищи моряки, вы знаете, куда и на что мы идем. Потому серьезно спрашиваю, что вы намерены делать, гореть-тонуть или отстаивать рубежи Родины? Если — первое, скажите честно, и я сейчас же дам радиограмму, что вы не готовы к выполнению задачи. Вас заменят другим кораблем... — Михеев жестко прошелся взглядом по опущенным глазам моряков. — Короче, сейчас будет снова объявлена учебно-пожарная тревога. Ваш ответ — в ваших действиях.

Вторая репетиция пожарных прошла значительно живее. Люди встряхнулись: поняли, что нынче не до шуток.

На переходе к Босфору Михеев успел провести несколько таких тренировок. Проверил действие экипажа и в борьбе с водой, рвущейся через условную пробоину.

Наступило хмурое туманное утро. До Босфора, до границы территориальных вод в его районе оставалось немного. «Беззаветный» и СКР-6 легли в дрейф. Наступила пора вернуться к вопросу, как обнаружить американцев вовремя, не упустить их незамеченными в Черном море.

Михеев снова пригласил к себе командира БЧ-7 капитан-лейтенанта Подложнова.

— Придумали что-нибудь?

— Есть прикидки, товарищ флагман. Через пятнадцать минут по правому борту нас обгоняет болгарский сухогруз. Через полчаса по левому пройдет наш танкер, а еще через десять минут — два траулера...

— Мысль ясна. Уже договорились?

— С болгарином — да. Увидит американцев, отстучит морзянкой три девятки...

— Разговор с болгарином зашифровали?

— Шифр слабенький, товарищ флагман.

— Потому для надежности с нашими советскими судами договариваться будем не по эфиру. Подойдем поближе и... через мегафон: увидите американцев, открытым текстом говорите друг другу какую-либо несуразицу. Ну вроде: «Шторм идет слева».

«Шторм идет слева!» Этот важный для Михеева сигнал, который безобидно и естественно прозвучал в разговоре двух советских капитанов, был принят радистами капитан-лейтенанта Подложнова во второй половине дня. Над морем было еще светло, вернее, серо от не рассеивающегося вторые сутки тумана. Будто американцы вместе с правом на проход проливов заказали для себя и эту естественную завесу.

Приняв сигнал, электронщики боевой части-7 уже через несколько минут вычислили, где в данный момент находятся американские корабли — в Мраморном море, на подходе к Босфору. Зная минимальную и максимальную скорость, разрешенную при проходе пролива, нетрудно было определить и время, когда они появятся в Черном море.

Теперь час-полтора напряженного ожидания. Туман еще больше сгустился. Всевидящие в любую погоду радиометристы доклады-

вали о каждой выходящей из пролива цели. Каждый понимал, события надвигаются, как говорится, по часовой стрелке. Войдя в пролив, американцы уже не могли ни вернуться, ни приостановиться — слишком узко и «многолюдно».

— Особое внимание на парные цели, — еще раз напомнил наблюдателям командир Богдашин.

Наконец последовал доклад радиометриста:

— Две цели в паре вышли из пролива! Резко свернули вправо, идут у турецкого берега.

— Они? — полувопросом проговорил Богдашин.

— Постоим еще немного, — спокойно ответил Михеев. — Мы схитрили при их дальнем обнаружении, а они в ответ могут выпустить впереди себя какую-нибудь безобидную пару турецких барж. Ведь знают же, что визуально их не схватишь, а на экране локатора что крупная баржа, что эсминец — все та же светлая точечка.

Прошло пять, десять, пятнадцать минут. Из Босфора появлялись только одиночные суда. А та парочка, прижимаясь к берегу, уходила все дальше на восток, пытаясь скрыться за дальним мысом.

— Идем за ними, — приказал Михеев и прильнул к лобовому иллюминатору. Туман вроде бы стал рассеиваться, но цели пока были видны только радиометристам.

— Владимир Иванович, — обратился он к Богдашину, — задача простая: выйти на линию, чтобы эти двое оказались у нас на траверзе справа. Они в пяти милях от берега. Значит, будут в семи — от нас. Попробуем опознать их визуально. Хотя и так, чует моя душа, они это — американцы.

— Цели одиннадцатая и двенадцатая свернули на север, — послышался в динамике голос Подложнова. — Разойдутся с нами левым бортом.

— Вот так, Владимир Иванович, — ладонями всплеснул Михеев. — Кочегарь вовсю.

— Самый полный! — скомандовал Богдашин.

«Нарушители», уходя все дальше от берега, постепенно сближались с «Беззаветным», пока не вошли в зону визуальной видимости. Да, это были американский крейсер «Йорктаун» и эсминец «Кэрон».

— На правах хозяев «здороваемся» первыми, — приказал Михеев.

Сигнальщики «Беззаветного» послали световое приветствие. Ответили и американцы. Михеев настроил рацию на международный канал и сообщил гостям, что намерен сопровождать их по Черному морю. Те выразили согласие... молчанием.

— Приемники у них не работают, что ли, — удивился Михеев. — Сигнальщик, просемафорьте им: «Буду плавать с вами. Прошу отвечать на сигналы и предупреждать меня о маневрах».

Ответ, к удивлению, последовал немедленно:

«Мне все равно. Как хотите».

С палубы крейсера поднялся вертолет и стал кругами облетать советские корабли. К тому времени американцы вышли в нейтральные воды, и такое по международным правилам разрешалось.

— Одного не пойму, что ему надо? — глядя вверх, на мерцающий огонек вертолета, проговорил Богдашин. — Съемки? Но что можно заснять в темноте? Только наши бортовые огни.

— Проверяют нашу нервную систему, — подсказал Михеев. — Это они любят. Невропатологи...

Покружив минут десять, вертолет выровнялся и, взяв курс на север, а точнее, в район Севастополя, стал удаляться.

— Спасибо, — вдогонку ему проговорил Михеев.

— За то, что не очень долго докучал? — поинтересовался Богдашин.

— Нет, за услугу, — усмехнулся Николай Петрович. — Он же указал нам вероятное намерение наших подопечных. Решил разведать, что впереди. Уверен, именно этим курсом пойдут и корабли.

Михеев не ошибся. Американские корабли действительно взяли курс на север. Это, видимо, было тоже маленькой психологической атакой.

«Беззаветный» неотрывно шел сзади и слева крейсера, СКР-6 также держался неподалеку от эсминца.

Вдруг резкий поворот влево. Крейсер остановился, не дав никакого предупредительного сигнала.

— Забыл, — едко прокомментировал Михеев. — Тоже знакомо. Американцы помнят о сигналах только тогда, когда мешают им. Владимир Иванович, обойди его как можно неуклюжее: покажи неопытность командира и слабую маневренность корабля.

— Вы полагаете, они не знают наших технических возможностей? — не без иронии заметил Богдашин.

— А мы не станем подтверждать их сведения. Психологический момент. Пусть привыкают к тому, что мы слабы в маневрах, да и с ходом у нас... Я посоветовал бы вам работать одной машиной. Другая пусть отдыхает. Свежий табун лошадиных сил нам еще пригодится.

В двадцать четыре, а точнее, в ноль часов «Йорктаун» и «Кэрон» легли в дрейф. Наши «сторожевики» обошли их по кругу и тоже прикорнули неподалеку.

Михеев приказал Богдашину разбудить его немедленно, как только ситуация мало-мальски изменится, ушел в каюту, снял и повесил на крючок теплую куртку-«канадку», ослабил ремень брюк, снял ботинки и, с понятным вздохом взглянув на манящую белизной простыней койку, все же не раздеваясь, прилег на диван. Лишь подушку взял с койки и подложил под голову.

На следующее утро американцы, видимо, пожелали испытать скорость советских кораблей — развили максимальный ход, часто меняли курсы, не предупреждая об этом. Явное нарушение международных правил.

Михеев передал по радио официальный протест, добавив от себя, что при таких неожиданных зигзагах «Йорктауна» «Беззаветный» запросто может врезаться в его борт форштевнем (носом). Последнее было не лишним. Не надо быть многоопытным моряком, чтобы знать, что форштевень даже легкого корабля вещь довольно прочная и серьезная.

Подействовало. Пришельцы стали поднимать нужные флаг-сигналы: «Поворот влево (вправо)», «Застопорил ход. Прошу соблюдать осторожность», «Пускаю вертолет» и другие.

Несколько насторожило предупреждение: «Веду артиллерийскую стрельбу».

— Уж не по нас ли? — шутливо спросил Богдашин.

— Тогда это уже сверхвежливость, — рассмеялся Михеев.

Наши держались от сопровождаемых на солидной дистанции. Это было выгодно. Во-первых, старались, хотя бы до поры до времени, скрыть свои скоростные и маневренные возможности. Во-вторых, не стоило изматывать моряков преждевременными нагрузками.

Американцы выставили в море щит и, отойдя от него миль на пять, начали артиллерийскую стрельбу. Такое тоже разрешалось правилами. Воды-то нейтральные.

Михеев приказал приблизиться к щиту на предельно близкое расстояние. Хотелось увидеть собственными глазами, как гости умеют стрелять.

Погода к тому времени улыбнулась. Штиль, хорошая видимость. Да еще «Беззаветный» подошел к щиту со стороны солнца. Все как на ладони.

Американцы накрыли щит первыми же снарядами. Да и потом стреляли очень точно.

— Умеют, — проговорил Богдашин.

— Умеют, — подтвердил Михеев. — Меня другое настораживает. Гуляем по морю, развлекаемся, меняем курсы, и тем не менее сейчас мы в семидесяти милях от Севастополя...

На следующий день американцы взяли курс в район Севастополя.

Михеев со своими «сторожевиками» еще ночью занял позицию между границей наших территориальных вод и «Йорктауном», который все время шел впереди своего соотечественника. Дистанция быстро сокращалась. Вот когда от «Беззаветного» и СКР-6 понадобились максимальная скорость и маневренность. Они все время держались впереди американцев, четко реагировали на их маневры, стараясь все время находиться у них по курсу. Но воды пока нейтральные. Мешать чужому движению не полагается. Оставалось одно — выдерживать их скорость.

Михеев взял микрофон, переключился на международный канал, строго предупредил пришельцев:

— Ваш нынешний курс ведет в советские территориальные воды. Предлагаю новый курс...

Михеев требовал повернуть вправо и выйти на курс, параллельный нашей водной границе. И тут американец открыл свои карты.

— Я пользуюсь правом мирного прохода по чужой территории.

— В этом районе проход запрещен, — предупредил Михеев и получил ответ:

— Вас понял. Ничего не нарушаю. Курс менять не буду.

На связь вышел «Пловец», а затем и «Звезда». Михеев доложил обстановку и приказал «Шестому» взять под опеку американский эсминец, а сам вместе с Богдашиным вплотную занялся крейсером. Уже когда «Йорктаун» был в шести кабельтовых от границы, «Беззаветный» застопорил ход и стал бортом по отношению к его курсу. Дорога в наши воды вроде бы перекрыта. Но в таком положении крейсеру достаточно было легко повернуть вправо, чтобы обойти «Беззаветный» со стороны кормы, что он и сделал незамедлительно.

— Обе вперед, полный! Вправо на борт! — скомандовал Михеев.

Маневренный «Беззаветный» быстро развернулся и стал мешать крейсеру уже по касательной.

— Если войдете в наши воды, я буду действовать решительно,

вплоть до навала, — предупредил Николай Петрович американца.

В ответ слегка насмешливое:

— Олл райт!

По великодержавной логике американцев было бы настоящим безумием наваливаться (сталкиваться бортом) на крейсер, который в три раза крупнее «Беззаветного». Соответственно и масса, и прочность борта. Стукнешься и сам треснешь по всем швам, только пузыри от тебя пойдут. Кто на такое решится?

Тем временем «Йорктаун» и «Кэрон» вошли в наши территориальные воды.

Николай Петрович доложил обстановку «Звезде» и получил «добро» на операцию «вытеснение».

— Учебная тревога! — громче обычного скомандовал Михеев.— Сближение по правому борту. Экипажу надеть спасательные жилеты...

Его слова дублировались по корабельной трансляции немедленно. Пока моряки занимали свои посты, командир Богдашин по трансляции, уже не опасаясь, что его могут услышать на крейсере, объяснил экипажу цель тревоги, предполагаемые действия корабля и возможные последствия.

И все же. Все же... Ни один моряк не надел спасательный жилет. Коллективное невыполнение приказа...

Секретарь комсомольской организации «Беззаветного» лейтенант Вадим Маслов позднее объяснит:

— Моряки прежде всего верили в опыт флагмана и командира. Были настроены в случае столкновения и вызванных им повреждений и пожаров не прыгать трусливо за борт, а до конца бороться за живучесть корабля. Согласитесь, что в спасательных жилетах действия по борьбе с огнем и водой были бы сильно затруднены. Это «неповиновение» родственно упрямости летчика, которому в аварийной ситуации приказано бросить самолет, но он не делает этого, остается за штурвалом и «в конце концов» спасает машину, сажает ее на бетонку. Исключительный случай, когда невыполнение приказа не карается, а награждается. Мы готовы были даже пойти на смерть, но в компании с супостатом.

...И «Беззаветный» приступил к операции «вытеснение». Все проходило на скорости более двадцати узлов (около сорока километров в час). Сначала «сторожевик» прошел в десяти метрах от высокого борта «Йорктауна». Вторым заходом он угрожающе сблизился до одного метра. Хорошо было видно, что делалось на верхней палубе и надстройках крейсера. Там толпились любопытные. Одеты кто во что: в пальто, в куртки, в безрукавки. Один чудак даже в одеяло завернулся. Для того чтобы такую разноцветную толпу признать воинским подразделением, нужна незаурядная фантазия. Что это? Великодержавная расслабленность: «Нам даже собственная уставная форма необязательна. Каждый ходит, в чем желает. Никто не смеет нас осудить, ибо мы диктуем флотские моды». А может, там и в самом деле были не только члены экипажа? Тогда кто они?

Когда «Беззаветный» прошел всего в метре от крейсера, американский командир усмехнулся, поднял вверх большой палец и что-то проговорил. Из-за шума двигателей и встречного ветра не разобрать слов. Но этот жест, эта снисходительная улыбка, граничащая с утонченным оскорблением, вызвала ответную реакцию советских моряков, и в первую очередь горячего Михеева.

— Навал, Владимир Иванович, — решительно проговорил он. — Отходим на несколько десятков метров и резко сближаемся — до упора... Место столкновения — передняя часть крейсера, чтоб сразу отвернул свое рыло от наших берегов. Приспустить правый якорь, пусть болтается. При столкновении он тоже кое-что нарисует на обшивке крейсера... Вот так, Владимир Иванович, «яшками» воюем, хотя оружие имеем.

Пока Богдашин давал по кораблю необходимые команды, Михеев передал такое же приказание «Шестому», затем сообщил «Звезде» и «Пловцу» о своем решении. Запрета не последовало, лишь пожелание: «Постарайтесь уцелеть».

«Беззаветный», четко реагируя на скоростные маневры «Йорктауна» (все-таки двадцать узлов...), плавно, но решительно приближался к нему. Пять метров между бортами, три, один, полметра... Но и это не насторожило самонадеянных пришельцев. На их лицах одно любопытство.

Шарах! Гулкий затяжной удар в борт крейсера в районе его бака. «Беззаветный» отбросило боком на сорок метров с креном до двадцати градусов. Испугаться было чего, но никто не успел испугаться. Тут же хлестнула новая команда:

— Стоп машины! Осмотреться по отсекам!

Иным показалось, что она раздалась в момент столкновения, а может, и за миг до него. Во всяком случае, очень своевременно. Не только людям нужно было перевести дух. Ведь после столкновения наступает момент, когда корабль становится неуправляемым. Его тоже надо остановить, успокоить, а уж потом осмотреться по отсекам, нет ли где электрозамыкания, пожара, не рассекло ли борт, не хлынула ли вода в пробоину.

Вот как комментируют момент столкновения наши моряки-участники.

Старший матрос Олег Морозов, машинист-турбинист. Туляк. Призван на флот после первого курса Тульского политехнического института, факультет тяжелого машиностроения. Служит, можно сказать, по специальности.

— Услышал, как над моей головой на верхней палубе завращались торпедные аппараты. Но тревога-то учебная. После оказалось, аппараты отвернули не для боя. В случае пожара надо было экстренно сбросить торпеды в море. Ведь это бочка с порохом...

Резко увеличили скорость, стали выжимать из двигателей все возможное и невозможное. Моряки были настроены по-боевому. Даже шутили. Вдруг — резкий толчок, грохот и — команда: «Стоп машины!» Я рванул оба рычага на отметку «стоп».

Потом пришлось выполнять очень сложные маневры двигателями. Один из них — резкий переход с «полного вперед» на «полный назад». Такая сверхнагрузка, по моим сведениям, дается один раз — только при заводских ходовых испытаниях.

Страха и даже робости не ощущал. Только возбужденность и внутренняя мобилизованность.

Старший матрос Виктор Коваль, сигнальщик. Родом из города Новоазовска Донецкой области. Гражданская профессия — механизатор широкого профиля.

— ОНИ лезли напролом. В их головах не укладывалось, что мы на своей «яичной скорлупе» решимся на навал. И еще важный момент: мы сыграли учебную тревогу. Они — боевую. Ведь близко, все слышно, и мы знаем их сигналы.

Когда приблизились на метр, я мог в упор рассматривать их насмешливые лица, надменные взгляды. Вызывала недоумение их «гражданская» одежда. Ведь корабль-то военный. Почти у каждого фотоаппарат или кинокамера, нацеленная на наш корабль.

Что мне запомнилось в момент удара? Настоящий камнепад фото- и кинокамер, улетевших за борт. И еще, как быстро изменилось выражение лиц! Вместо надменных насмешек — испуг, а у иных — ужас.

От столкновения «Беззаветный», как мяч от стены, отлетел на сорок метров от крейсера. Последовала команда: «Стоп машины! Осмотреться по отсекам».

Через несколько минут БИП (боевой информационный пост) собрал доклады из всех постов, кубриков и отсеков. Последовал общий доклад на главный командный пункт корабля: «Все помещения корабля осмотрены. Воды и возгораний не обнаружено. Механизмы и электропроводка в норме. Убитых, упавших за борт, раненых и травмированных нет».

После столкновения крейсер круто повернул вправо. Его корма угрожающе приближалась к середине двигавшегося по инерции «Беззаветного» — самому уязвимому месту. От такого удара наш СКР наверняка переломился бы надвое. К тому же, именно здесь находятся торпедные аппараты. Вот почему их развернули к борту. За секунду до нового столкновения можно было сбросить все торпеды в море — освободиться от смертоносного груза.

Николаю Петровичу Михееву достаточно было беглого взгляда, чтобы понять: новое столкновение — это конец. И оно неизбежно.

Понимал это и командир «Йорктауна», взял еще круче вправо, чтоб удар оказался посильнее.

— Принимаю командование кораблем! — крикнул Михеев. — Вправо на борт! Левая — вперед, полный! Правая — назад, малый!

Со стороны это виделось безумием: не уходить или хотя бы попытаться уйти от удара, а ринуться навстречу, да еще с крутым поворотом.

На самом деле расчет оказался единственно верным. «Беззаветный» со свойственной только ему маневренностью успел развернуться за несколько секунд и вместо очень уязвимого шкафута (середины корабля) подставить под удар массивный стальной и острый форштевень.

У крейсера еще было время приостановить свой поворот и уйти от удара, но... У американцев произошло следующее. Командир «Йорктауна» по причине той же безнаказанности и беспечности, видимо, слишком долго любовался отлетевшим от его борта «Беззаветным» с верхней надстройки, из толпы зевак. А когда увидел маневр советского корабля («ожившего из мертвых»), кинулся на свое командирское место. На этот «кросс» ушло десять-пятнадцать секунд. Командир «потерял обстановку» и... Снова: шарах! Броневой несокрушимый форштевень «Беззаветного», проломив у кормы борт, рассек часть верхней палубы, добрался до противокорабельной ракетной установки «Гарпун», смял ее в груду металла и немедленно отработал задний ход.

Слово Николаю Петровичу Михееву:

— У них после второго, а может, и первого столкновения, видимо, начался пожар внутри корабля. Во всяком случае, матро-

сы спешно потащили вниз пожарные шланги с верхней палубы. Любопытная деталь. Из надстройки на ют (задняя часть корабля) со шлангами выскочила группа моряков, человек десять. Двое из них негры. Так вот, восьмеро белых спрятались за стальную башню и оттуда «руководили» двумя черными, которые потянули шланг и наконечник вниз, внутрь отсека. Чем это кончилось, не видел.

Когда отошли от крейсера на пятьдесят метров, Михеев снова по международному каналу предупредил: «Если немедленно не уйдете из наших вод, повторю навал».

Но американцы не сдавались. Они поняли, что «Беззаветный» не такая уж беззащитная посудина и командует им отчаянный офицер. На этом и решили его подловить.

Когда «Беззаветный» опять стал заходить слева, грозя новым столкновением, «Йорктаун» заметно сбросил ход, как бы облегчая задачу Михееву.

Тактика крейсера насторожила Николая Петровича.

И тут следует сказать, что СКР-6 тоже сделал навал на эсминец «Кэрон». При этом и сам получил пробоину выше ватерлинии. Пока его экипаж «осматривался по отсекам», «Кэрон», скорее всего по команде с крейсера, развив максимальную скорость, стал догонять «Йорктаун» слева. «Беззаветный» оказался между ними. В этом и заключалась хитрость: сжать его с обеих бортов. Сравнительно легкий корпус «Беззаветного» этого бы не выдержал, хрустнул бы, как орех, между молотом и наковальней.

Поняв замысел противника, Михеев успокоился, но командование кораблем вновь взял на себя. Он продолжал действовать так, что у противников не оставалось сомнения в его намерениях повторить навал на крейсер.

Крейсер и эсминец разделяло уже не более пятидесяти метров. Между ними шел «Беззаветный». Еще полминуты, от силы минута, и он должен был попасть в клещи, а затем и на дно морское.

Когда эта опасность стала очевидна всем, не выдержал вахтенный офицер.

— Товарищ флагман, товарищ командир. На корабле не только мы втроем. Прошу...

— Так держать! — оборвал его Михеев.

Лишь когда эсминец приблизился на десять метров, Михеев скомандовал:

— Обе — назад, полный!

Вот когда турбинисту Олегу Морозову пришлось выполнить сложный маневр, который, по его мнению, еще никто не выполнял на «Беззаветном» со времен его заводских ходовых испытаний.

Корабль резко сел на корму, вскинул форштевень, как остановленный на бешеном скаку рысак, и... между «Йорктауном» и «Кэроном» осталась лишь узкая полоска воды. Вот когда им пришлось по-настоящему оценить и маневренность советского корабля, и мастерство его командира. Впрочем, в данный момент американским офицерам некогда было оценивать боевые качества Михеева. Оба приложили немало усилий, чтобы не столкнуться, но избежать пусть и легкого столкновения им не удалось.

— Вот так-то, — сказал, глядя на это, Михеев. — Всего нескольких секунд не хватило, чтобы заставить вас «поцеловаться»

покрепче. — И передал командование Богдашину. Через несколько секунд он приказал: — Заходим на эсминец, погреем и мы его.

Увидев новый маневр «Беззаветного», американцы разозлились не на шутку, стали угрожать оружием.

На верхней палубе крейсера появился вертолет, стал прокручивать винты.

Михеев тут же доложил об этом «Звезде». Ответ последовал открытым текстом:

— Если вертолет взлетит, стреляйте. Высылаем подкрепление.

Американцы наверняка услышали. Вертолет еще несколько минут потрепыхался на палубе и затих. Его затащили в ангар. «Йорктаун» и «Кэрон» же резко повернули на юг и вскоре вышли из наших территориальных вод.

«Беззаветный» и СКР-6 по-прежнему шли за ними. Наши моряки видели, как пришельцы вскоре приостановились и стали осматриваться. Если эсминец получил, видимо, незначительные повреждения, то крейсер дня два пытался зализать свои раны. С утра до вечера и даже ночью на нем посверкивали вольтовы дуги электросварки, стрекотали пневматические молоты, грохотали кувалды.

Через два дня американцы скрылись в узкой горловине Босфора. По сведениям оперативной и в общем достаточно объективной турецкой прессы, «Йорктаун» и «Кэрон» зашли в один из турецких портов и стали там на ремонт. В Севастополе же скоро был обнародован ПРИКАЗ МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР: «За смелые, инициативные действия по пресечению нарушения кораблями сил США территориальных вод СССР объявить благодарность и наградить ценными подарками капитана 2-го ранга Михеева Н. П., командира сторожевого корабля «Беззаветный» капитана 2-го ранга Богдашина В. И., командира сторожевого корабля СКР-6 капитан-лейтенанта Петрова А. А.». А вскоре министры обороны СССР и США договорились: впредь подобных инцидентов не допускать.

Поживем — увидим.

●

Юрий КАТАСОНОВ

АРХИТЕКТОРЫ КАРТОННЫХ СТЕН

Все большее втягивание армии в кровопролитные межнациональные конфликты в стране и откровенные призывы леворадикальных экстремистов пойти «на штурм Кремля», с одной стороны, и крушение военно-политической системы в Восточной Европе, близкая перспектива появления единой Германии — члена НАТО — с другой, делают задачу борьбы за Армию особенно острой и неотложной.

ПОД ПРИКРЫТИЕМ «НОВОГО МЫШЛЕНИЯ»

Армия уже давно является объектом атак со стороны тех сил, которые стремятся разрушить нашу государственность и превратить великую державу — СССР — в конгломерат зависимых от Запада территорий, раздираемых межнациональными и удельными распрями. Единая наднациональная, кровно связанная с народом, славная боевыми традициями и все еще по-современному мощная Советская Армия остается в конечном счете последней преградой на пути осуществления этих замыслов.

Идеологами кампании против Армии вы-

ступает политически весьма активная, спаянная корыстными интересами группа деятелей западной ориентации — наших доморощенных компрадоров, — захвативших ключевые позиции в международно-политической науке, официальных «общественных» организациях, ведающих международными делами, большинстве средств массовой информации. Эти деятели тесно смыкаются — а в ряде случаев прямо-таки срослись — с рядом политических руководителей и высшими функционерами в партийных и государственных органах, через которых и оказывается пагубное влияние на военную политику, на положение и деятельность Армии.

Параллельно та же группа через средства массовой информации и иными способами ведет обработку общественного мнения в духе формирования негативного представления о Советской Армии, возбуждения неуважения и враждебности к ней и ее представителям, а также психологическую обработку самих военнослужащих, которым прививается комплекс социальной неполноценности, сознание ненужности и неправедности выполняемого ими дела. Все это ведет к падению авторитета армии в народе, снижению престижности военной службы, деморализации солдат и офицеров, к снижению боеспособности Вооруженных Сил.

Это же вызывает большое удовлетворение в политических кругах США и других стран НАТО, которые всегда рассматривали советскую военную мощь как главный ограничитель для «свободы» своих действий, то есть произвола на международной арене, гаранта безопасности СССР и его союзников.

В качестве «идейной» базы для наступления на Армию используется прежде всего произвольная трактовка нового политического мышления. Оно преподносится как уже реально наступившая эра всеобщего равноправного международного сотрудничества и отказа всех основных государств мира от ставки на военную силу. Это способствует росту в обществе настроений благодушия и эйфории в отношении внешней безопасности, безразличия к вопросам обороны, нигилизма к Армии и всему военному.

Людям внушается мысль, что в результате ослабления международной напряженности и улучшения отношений СССР с США и другими странами Запада армия становится не очень-то нужной, а с точки зрения внутренних проблем и вредной: как угроза для развития демократии и как тяжелое экономическое бремя. Более того, на Армию, прямо или в завуалированной форме, пытаются свалить вину за прошлые и недавние политические ошибки (участие СССР в афганской войне, в событиях в Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г., в Тбилиси в апреле 1989 г. и даже в военной конфронтации и гонке вооружений с США и НАТО).

Крупнейший удар по Армии наносится тем, что внешняя политика СССР после апреля 1985 года стала строиться на совершенно иных основах, чем раньше и чем те, на которых ее строят большинство государств мира и сегодня: не на укреплении собственных военно-политических позиций, а на последовательном одностороннем отказе от них. Эта политика стала во многом проводиться таким образом, как будто новое мышление уже реально принято и другими странами, в том числе нашими многолетними противниками. Поскольку это не так, то возникла опасная ситуация, когда советские внешнеполитические решения стали основываться порой не столько на учете реальностей, особенно неприятных для нас, сколько на «идеальной» концепции, практическое осуществле-

ние которой по меньшей мере проблематично, то есть на утопии. Эта ситуация имеет явное сходство с той, которая возникла после Октября 1917 года, когда советская политика многие годы базировалась на утопической идее мировой революции. Пагубные последствия этого для страны и народа хорошо известны.

Многие важные внешнеполитические акции СССР последних лет связаны с односторонним сокращением его военной деятельности. Среди них мораторий на ядерные испытания, сокращение Вооруженных Сил и вооружений, военного бюджета и производства военной техники, сокращение советских войск на территории стран — членов Организации Варшавского Договора (ОВД) и вывод с их территории ядерных боезарядов, принятие оборонительной военной доктрины, предусматривающей сокращение численности, функций и боевой подготовки Вооруженных Сил.

Ряд мер по сокращению военной деятельности СССР осуществляет на основе межгосударственных договоров и соглашений. Однако это такие договоры, заключение которых еще недавно было немыслимо для нас, так как они не отвечают требованиям соблюдения равенства, одинаковой безопасности и баланса интересов. Таковым является Договор по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД), по которому СССР должен уничтожить в два с лишним раза больше ракет и в 3,5 раза боеголовок, чем США, в результате чего соотношение военных сил в Европе серьезно изменится в пользу США и НАТО.

Переговоры о сокращении Вооруженных Сил и вооружений, в которых СССР участвует сегодня, чреваты появлением новых неравноправных для нас договоров, дальнейшим изменением военного баланса не в нашу пользу и снижением уровня нашей обороноспособности. Стремясь к достижению соглашений любой ценой, СССР подчиняется диктату другой стороны и отказывается от своих принципиальнейших позиций.

Так, одной из краеугольных основ нашего подхода к переговорам с США о сокращении стратегических наступательных вооружений всегда было положение о том, что такое сокращение должно осуществляться в неразрывной связи с сокращением (позже — с замедлением) работ по американской программе «звездных войн» — СОИ («стратегической оборонной инициативы»). Почему? Да потому что СОИ, преподносимая Вашингтоном как «оборонительная система», — это важнейший компонент американского арсенала «первого удара», предназначенного «обезоружить» и «обезглавить» нашу страну и ее Вооруженные Силы путем выведения из строя стратегических сил ответного удара, центров государственного и военного управления. При сокращении стратегических наступательных сил, но сохранении СОИ относительное значение и потенциальная эффективность последней, естественно, резко возросла бы и стратегическое равновесие было бы нарушено в пользу США. Сегодня советская сторона отказалась от требования такой увязки и фактически капитулировала перед Вашингтоном. При этом мотивы такого отказа и его последствия для безопасности нашей страны советскому народу не разъяснены, словно это его не касается.

Переговоры, которые СССР вместе со странами ОВД ведет с США и их союзниками по НАТО, о сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе с самого начала базируются на неравноправном принципе: их объектом является лишь часть эле-

ментов военного баланса, прежде всего те из них, где позиции Советского Союза сильны, поэтому другая сторона заинтересована в их сокращении. Это в первую очередь советские сухопутные войска. По некоторым же видам военной мощи, где США имеют явное преимущество, они категорически отказываются вступать в переговоры, так как хотят сохранить свое превосходство. Это касается прежде всего военно-морских сил. Но, как справедливо заметил обозреватель В. Овчинников, «чем активнее осуществляется сокращение на суше, тем опаснее становится дестабилизирующая роль боевых средств морского базирования» («Правда», 25.12.89). Поэтому, делает он вывод, «бессмысленно говорить о переходе к оборонительной доктрине, игнорируя возможности военно-морских сил». Но мы тем не менее, игнорируя здравый смысл, перешли все-таки к этой доктрине!

США отказываются вести переговоры и о сокращении тактического ядерного оружия, так как планируют путем его модернизации компенсировать ракетно-ядерный потенциал, ликвидируемый в соответствии с Договором по РСМД, то есть тем самым обойти этот договор.

Так обстоит дело с применением нового политического мышления в области сокращения вооружений, где оно фактически вылилось в наше одностороннее разоружение. Долгосрочные последствия этих действий непредсказуемы, но явно опасны. Уже сегодня видно, что их жертвой стали оборона страны и Армия как ее воплощение.

Согласно же официальным трактовкам (а других оценок внешнеполитической деятельности правительства на страницах нашей печати фактически нет) все вышеупомянутые и подобные им меры имеют однозначно положительное значение — они якобы существенно уменьшают военную угрозу для СССР. Путем распространения такой версии и недопущения появления альтернативных оценок формируется общественное мнение, что укрепление безопасности страны связано не с усилением, а с сокращением военной мощи, что армия и военное производство становятся все менее нужными, поэтому их следует и дальше сокращать, получая к тому же от этого пользу в виде конверсии.

НЕ ПОВТОРИТЬ 41-й ГОД

Так в обществе утверждается самая опасная политическая иллюзия наших дней, которая может обернуться для страны большими бедами, возможно, новым 41-м годом, но уже ядерно-космической эпохи, то есть по своим последствиям несоизмеримым с прошлым. Или же полной политической капитуляцией, утратой национальной независимости. Такие выводы вытекают из следующих суровых реальностей. Во-первых, благосклонность официальных кругов Запада, проявляемая к нашей стране в связи с перестройкой, пока ограничивается преимущественно риторикой, одобрением тех процессов, которые устраивают их, но далеко не всегда радуют нас (развитие экономики и политических институтов по западным капиталистическим моделям, односторонние или неравные с Западом сокращения наших Вооруженных Сил и вооружений и т. п.). Возможные же практические меры в области экономического и научно-технического сотрудничества с СССР Запад ставит

в жесткую зависимость от дальнейших экономических и политических изменений в СССР в нужном им направлении.

Во-вторых, сами страны Запада отнюдь не собираются руководствоваться в политике принципами нового мышления, идей приоритета общечеловеческих ценностей, а действуют в соответствии со своими национальными и классовыми интересами, достижение которых обеспечивается всеми средствами, в том числе и военной силой (интервенция США в Панаме, агрессия в 1986 г. против Ливии и др.).

В-третьих, они используют наши трудности для усиления своего превосходства над СССР во всех сферах, и особенно в военной, продолжают неснижающимися темпами развивать и наращивать свой военно-технический потенциал с целью создать непреодолимый отрыв от СССР и низвести его до положения второразрядной державы. Уже сейчас США, заявляя на словах о симпатиях к СССР, на деле нередко позволяют себе не считаться с Советским Союзом, осуществлять действия, затрагивающие его интересы и достоинство, не встречая с его стороны должной реакции (недружественные заявления официальных лиц, вмешательство конгресса во внутренние дела СССР, игнорирование соглашений, подписанных с Советским Союзом, нарушения морских и воздушных границ СССР американскими военными кораблями и самолетами, о которых даже не сообщается в советской печати, и т. п.).

В-четвертых, в США и НАТО по-прежнему официально считают Советский Союз своим главным противником. Вся их деятельность по созданию новых систем оружия, развертыванию и подготовке вооруженных сил, стратегическому и оперативному планированию ориентирована на ведение войны против СССР. Краеугольной основой их стратегии остается возможность применения ядерного оружия первыми. Эта установка постоянно подкрепляется созданием все новых видов оружия, назначение которых — повысить способность такого применения при исключении возможности ответного удара.

Возникают вопросы: может ли изменившаяся риторика, слова западных деятелей (да и они нередко звучат в прежнем, недружелюбном нам духе) перевесить реальные военные дела, на которые затрачиваются сотни миллиардов и триллионы долларов и которые однозначно направлены против нашей страны? И можем ли мы быть уверены в том, что в какой-то момент, когда наше поведение не очень понравится Вашингтону, нам тоже не устроят «Панаму», только соответствующую масштабам нашей страны и степени неприязни к ней мировых «блюстителей демократии»? Ведь там, например, уже сегодня кое-кому не по вкусу процессы, связанные с началом российского и русского возрождения. Так, в письме молодым людям в России первоиерарх русской православной церкви за границей Митрополит Виталий предупреждает: «Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона и Гитлера» («Литературная Россия», № 52, 29.12.89).

Это приводит и к такому вопросу: а действительно ли одностороннее разоружение и «игра в поддавки» на переговорах о сокращении вооруженных сил и вооружений — это лучший способ обеспечения безопасности страны в том реальном мире, в котором мы живем, а не в мире политических иллюзий? От убеди-

тельности ответа на этот вопрос зависит понимание того, нужна ли нам сильная Армия и не пора ли перестать третировать ее и начать укреплять.

Ответ на эти вопросы вправе дать только народ. Однако он до сих пор был отстранен от решения вопросов, касающихся обороны и безопасности страны, судеб Армии и разоружения. И лишен правды об этих делах.

Проводимое в последние годы фактически одностороннее разоружение страны осуществляется без широкого обсуждения и какого-либо учета мнения народа, хотя эта проблема заслуживает общенародного референдума (даже в Швейцарии вопрос о том, сохранять или нет армию, решался референдумом, и решен положительно!). У нас же решения о сокращении Вооруженных Сил и вооружений принимаются келейно и скрытно, в том числе без участия выборных органов государственной власти. О сути конкретных проблем и ходе подготовки решений по ним граждан страны не информируют а принятые решения объявляют уже в готовом виде. При этом народ своей страны о них узнает зачастую уже после того, как с ними познакомятся и фактически их апробируют руководители других государств. Эти решения, как правило, уже изначально адресуются в первую очередь политическим кругам других стран, а не советским людям. В их содержании и обосновании подчеркивается прежде всего снижение боевых возможностей Советских Вооруженных Сил и то, как благоприятно это повлияет на военно-политическое положение других стран, но не показывается, как такое сокращение скажется на обороноспособности и безопасности нашей страны.

Так, важнейшее из таких решений — об одностороннем сокращении Советских Вооруженных Сил на 500 тысяч человек, 10 тысяч танков, 8,5 тысячи артиллерийских систем и 800 самолетов — было объявлено в декабре 1988 года Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым на сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке. Советский народ узнал о нем после того, как оно стало известно во всех столицах мира.

Представителям иностранных государств, а не советским людям, впервые было сообщено также о сокращении военного бюджета СССР на 14,2 процента и производства военной техники и вооружений в стране на 19,5 процента. Не советовались с гражданами своей страны и о решениях о сокращении Советских Вооруженных Сил на территории стран — членов ОВД, о выводе с их территории ядерных боезарядов и т. п.

Не будут ли эти и другие подобные решения, ослабляющие оборону нашей страны и разрушающие Армию, через какое-то время признаны такими же — а скорей всего более пагубными — ошибками, какими сегодня признаются ввод наших войск в Афганистан или просчеты Сталина накануне 1941 года? Оснований полагать, что случится именно так, более чем достаточно, хотя бы потому, что явные изъяны этих решений видны уже сегодня.

Келейно и узковедомственно решаются и вопросы сокращения вооружений на основе межгосударственных отношений. До народа и Верховного Совета СССР, ратифицирующего такие договоры, доводятся уже конечные безальтернативные варианты — подписанные документы. В Верховном Совете и его органах эти документы обсуждаются чисто формально, причем в качестве «независимых» экспертов и якобы «выразителей мнений» заинтересованной обще-

ственности в этих обсуждениях принимает участие узкий круг лиц, многие годы монопольно навязывающих политическому руководству свои сомнительные оценки и рекомендации по жизненно важным для страны вопросам.

Советский народ должен знать: почему договор по РСМД был заключен на столь неравноправных условиях (уже к 1 ноября 1989 г. Советскому Союзу пришлось ликвидировать 1444 ракеты, в то время как США — только 385)? Как это реально повлияло на безопасность нашей страны? Что вытекает из действий США, направленных на обход Договора по РСМД, какие в связи с этим предпринимаются ответные меры? Наконец, кто конкретно является творцом этого Договора и несет за него персональную ответственность?

Ответы на эти вопросы тем более необходимы для страны, что вырисовывается перспектива получить новые неравноправные договоры о сокращении вооружений и вооруженных сил, а кое-кто готовит новое прямое кровопускание Армии — очередное одностороннее ее сокращение.

АРБАТОВ, ДЕТИ АРБАТОВА И ТЕ, КТО С НИМИ

Главным идеологом одностороннего разоружения сегодня является директор Института США и Канады АН СССР Г. Арбатов — ставленник Брежнева, многолетний «советник Кремля», как его именуют на Западе. Выступая на втором Съезде народных депутатов СССР, Г. Арбатов изображал американских политиков миролюбцами и миротворцами (а они в эти дни готовили вторжение в Панаму), а наших военных — поборниками гонки вооружений, то есть валил все с больной головы на здоровую, и на этом основании потребовал дальнейшего одностороннего сокращения советского военного бюджета, Вооруженных Сил и вооружений. И даже попытался доказать, что СССР якобы тратит на военные цели больше, чем США. Другие депутаты тут же дали отповедь безответственной демагогии Арбатова, уличив его в подтасовке цифр и фактов. Так, депутат А. Овчинников напомнил, что советский военный бюджет составляет 71 миллиард рублей, в то время как американский — 305,5 миллиарда долларов. Не нужно быть академиком, чтобы понять разницу между этими цифрами, тем более сегодня каждый знает: это доллар обменивается на 6 рублей, а не наоборот.

Однако ни то, что его уличили во лжи, ни вооруженное вторжение США в Панаму не переубедили «принципиального» академика, который с неослабевающей энергией продолжает кампанию за одностороннее сокращение нашей армии с помощью благосклонных к нему (но не к его оппонентам) телевидения, журнала «Огонек», других подобных же средств.

Что за этим стоит? Может быть, ученому американисту стало известно из неведомого другим депутатам источника (например, от бывшего заместителя директора ЦРУ А. Кокса, с которым Арбатов на паритетных началах возглавляет «совместное предприятие» — советско-американский исследовательский проект по проблемам стабильности) о том, что Пентагон встал на «тропу мира»? Нет, он лучше многих знает, что это не так. Ведь уже в середине 80-х годов Арбатов авторитетно сообщил, что Пентагон получил задание разработать «планы для нанесения пораже-

ния Советскому Союзу на любом уровне вооруженного конфликта от повстанческих операций до ядерной войны».

Недавно официально объявлено, что и в 1991 году военный бюджет США вновь возрастет и в нем сохранятся все основные военные программы. При этом расходы на программу СОИ возрастут сразу на 30 процентов! А как справедливо предупреждал нас досточтимый академик Арбатов, «с развертыванием работ по СОИ ядерная угроза не исчезнет, а усилится» («Правда», 1.07.85). Кроме того, пять лет назад он сообщил примечательный прогноз: «На следующие восемь или больше лет США даже и не планируют всерьез вести переговоры, рассматривают их скорее как пропагандистский прием, как инструмент... всеобщего надувательства... Но неужели там думают, что и Советский Союз будет участвовать в этих недостойных и опасных играх?» (там же). В подтверждение того, что этого никогда не будет, Арбатов сослался на одно из заявлений М. С. Горбачева. Тем не менее с тех пор мы как раз и вступили в эти опасные и унижающие наше национальное достоинство «игры». А «советник Кремля», который еще недавно гневно обличал надувательство, стал главным идеологом и лоббистом этого надувательства.

На Съезде народных депутатов СССР Арбатов выразил с трибуны «благородное негодование» по поводу высказанного в его адрес мнения о том, что он регулярно выступает с безответственными заявлениями, и даже пригрозил привлечь народного депутата СССР Л. И. Матюхина к суду «за клевету», если тот не представит доказательств таких заявлений. Таких доказательств — масса! Что может быть более убедительным подтверждением безответственности Арбатова, чем его откровенно флюгерные заявления по жизненно важным проблемам безопасности?

Эта черта Арбатова уже не раз публично отмечалась. Так, кандидат юридических наук Н. П. Колдаева подчеркивает, что сокращение нашей армии, судя по освещению его на страницах нашей печати и на телевидении, проводится на недостаточном профессиональном уровне. Это проявляется в том, что в этой области, особенно на переговорах с США, слишком широко представлены взгляды Г. Арбатова, который решает эти важные вопросы не будучи компетентным в них. Главное для него, как пишет Колдаева, «попасть в струю», ради чего он постоянно «перестраивается на марше», приспосабливаясь к конъюнктуре, в зависимости от которой может «с равным успехом обосновать как необходимость сокращения вооружений, так и их наращивание» («Коммунист Вооруженных Сил», 1989, № 13, с. 4).

В том же духе действуют духовные и кровные «дети Арбатова»: его заместитель Кокошин, бывшие замы Журкин (ныне директор Института Европы АН СССР) и Богданов (после 1-й заместитель председателя Советского комитета защиты мира), бывший ученый секретарь Института США и Канады И. Е. Малашенко (ныне сотрудник Международного отдела ЦК КПСС), сын академика, заведующий отделом Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А. Арбатов и другие. (Нелишне отметить, что Арбатов-младший сделал стремительную научную карьеру сподвижников Арбатова под крылом директоров ИМЭМО А. Н. Яковлева (в 1983—1985 гг.) и Е. М. Примакова в 1985—1989 гг.) Член ЦК КПСС, член Президиума АН СССР, Г. Арбатов содействовал им обоим в получение этого поста, ака-

демических званий и других продвижений. Ныне же член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Яковлев и кандидат в члены Политбюро Примаков, в свою очередь, помогают удерживаться «на плаву» Г. Арбатову — проводнику политики застоя, как о нем сказано на XIX Всесоюзной партконференции. Кое-кто из сподвижников Арбатова договорился до того, что рекомендует сократить наши стратегические силы в одностороннем порядке аж на 95 процентов! И это предложение с серьезным видом обсуждается в нескольких номерах «Московских новостей», в основном сотрудниками, нынешними и бывшими, все того же Института США и Канады.

Состав участников таких «дискуссий» и их преобладающее единодушие не случайны. Как уже отмечалось в нашей печати, исследование Соединенных Штатов Америки у нас в стране характеризуется «монополией одного взгляда» («Известия», № 196, 24.7.89), выразителем которого является Институт США и Канады, а также ряд других московских учреждений, занимающихся внешней политикой. Этот взгляд и пропагандируется в средствах массовой информации. «Вспомним телемосты, «9-ю студию», ряд других международных программ, — пишет в «Известиях» ленинградский инженер А. Г. Алексеева, — одни и те же лица: Арбатов, Загладин, Примаков, Журкин, Брутенец, Шишлин и др. При этом ведущие от имени, видимо, зрителей изображают заинтересованность, а участники демонстрируют важность, снисходительность и значимость» («Известия», № 245, 2. 9. 89). О том, какими способами насаждается эта монополия, дает представление то, что Арбатов более 20 лет назад был поставлен во главе академического института, призванного заниматься советско-американскими отношениями, не за научные заслуги, а как сотрудник брежневского партаппарата. «Голым королем» науки он остается и поныне, не создав за два десятилетия ни единого самостоятельного научного труда ни по США, ни по Канаде, ни по советско-американским отношениям, включая их военно-политические аспекты, в чем легко убедиться, ознакомившись с любым библиотечным каталогом. Зато он стал обладателем более 30 должностей, постов и званий * — причем не только научных, — с помощью которых и осуществляется «монополия одного взгляда».

Для расширения сферы действия монополии используется также насаждение «своих людей» в научных, общественных, государственных и партийных организациях.

Так, из семи институтов (помимо ИСКАН), входящих в Отделение проблем мировой экономики и международных отношений АН СССР, четыре возглавляются бывшими сотрудниками ИСКАН.

* Вот далеко не полный их перечень.

В Институте США и Канады (ИСКАН):

— директор института;

— председатель ученого совета института;

— председатель специализированного совета по присуждению ученых степеней при ИСКАН;

— главный редактор научно-информационного бюллетеня «Соединенные Штаты Америки»;

— член редакционной коллегии журнала «США   экономика, политика, идеология»;

— председатель кадровой комиссии;

— член партийного бюро;

— член редакционных коллегий и авторских коллективов в работах института по проблемам внешней политики, управления, сельского хозяйства и прочим.

Руководители еще одного издавна связаны с Арбатовым личными узами, так как их дети работают в ИСКАН. Там же многие годы получали зарплату как сотрудники-совместители три нынешних заместителя министра иностранных дел, а у четырех заместителей министра там работают или работали родственники. У Арбатова работают также дети руководящих деятелей ряда ведущих издательств и средств массовой информации, ему обязаны получением ученых степеней для себя и своих родственников ответственные работники ЦК КПСС, МИДа, других организаций.

В Академии наук СССР:

— академик по отделению экономики (будучи юристом по образованию, кандидатом юридических наук и доктором исторических наук);

— член Отделения проблем мировой экономики и международных отношений (вместе с А. Н. Яковлевым, Е. М. Примаковым и другими. Последний до 1989 г. был академиком-секретарем отделения, сейчас эту должность исполняет В. В. Журкин, директор Института Европы, бывший заместитель Арбатова, соавтор и рецензент Яковлева);

— член бюро этого отделения;

— член президиума АН СССР.

— председатель Научного совета по экономическим, политическим и идеологическим проблемам США;

— председатель Комиссии по связям в области общественных наук с Американским советом познавательных обществ;

— член Научного совета по исследованию проблем мира и разоружения;

— член редакционной коллегии серии «Международный мир и разоружение»;

— член редакционной коллегии журнала «Общественные науки и современность»;

— соруководитель советско-американского исследовательского проекта по вопросам стабильного сосуществования (сопредседатель с американской стороны — бывший зам. директора ЦРУ А. Кокс);

— член редакционных коллегий и авторских коллективов межинститутских и межведомственных изданий.

В ЦК КПСС:

член ЦК КПСС;

— член комиссии по вопросам международной политики (председатель — член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев).

В Советах народных депутатов:

в 1974—1989 гг. был членом Верховного Совета СССР от Азербайджана;

— с 1989 г. — народный депутат СССР от Академии наук СССР (избран со второй попытки; в первой — от Советского комитета защиты мира забаллотирован);

— член Комитета по международным делам Верховного Совета СССР (вместе с А. Н. Яковлевым, В. И. Гольданским, Ф. М. Бурлацким, Г А. Боровиком, В. М. Фаяиным и другими;

— член комиссии по политической оценке советско-германского договора 1939 г. (председатель — А. Н. Яковлев);

член парламентской группы СССР.

В общественных организациях и движениях:

— председатель Ассоциации содействия ООН в СССР;

вице-президент общества «СССР США»;

— член президиума Советского комитета защиты мира (председатель Г А. Боровик, его первый зам. — бывший зам. Арбатова Р. Г. Богданов);

— член Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы (председатель Р. З. Сагдеев хорош председатель, который, женившись на американке, живет в США; заместители председателя зам. Арбатова А. А. Кокошкин и В. И. Гольданский);

— член Советского Пагоушского комитета (председатель — В. И. Гольданский, военный эксперт сотрудник ИСКАН М. А. Мильштейн);

член «Комиссии Пальме» (научный советник комиссии — сотрудник ИСКАН М. А. Мильштейн);

— участник Дартмутского движения (не уверен, что удалось привести полный перечень должностей, постов и званий. — Ю. К.)

Люди Арбатова держат под жестким контролем деятельность в области разоружения в общественных и научных организациях. Причем все это — тот же узкий круг лиц.

Так, председателями комиссии по разоружению Советского комитета защиты мира последовательно были замы Арбатова Журкин и Богданов, заместителями председателя — сотрудники ИСКАН Мильштейн и Семейко. Л. А. Семейко является также ответственным секретарем комиссии по разоружению при президиуме АН СССР. Мильштейн же в мае 1989 года возглавлял делегацию на советско-американской конференции «Новое мышление для США и СССР». Зам. Арбатова Кокошкин стал председателем группы общественности по наблюдению за сокращением Советских Вооруженных Сил, а его заместителем — зав. отделом ИСКАН С. М. Рогов.

Даже на заседании рабочей группы Верховного Совета СССР по подготовке к ратификации Договора по РСМД (а оно транслировалось по телевидению) в качестве представителей «различных» групп общественности выступали сразу три заместителя Арбатова. Это ли не вопиющая монополия одного взгляда? Не она ли причина органических изъянов и этого договора, и других наших подходов и решений, ведущих к одностороннему разоружению?

А где же иные точки зрения на военно-политические аспекты советско-американских отношений? Лишь в последнее время их стали изредка — и весьма сдержанно — высказывать на страницах печати кадровые военные. Что касается научных и иных гражданских учреждений, занимающихся советско-американскими отношениями, — а практически все они находятся в сфере влияния «монополии одного взгляда», — то там инакомыслие не допускается и жестко пресекается. Пример в этом отношении показывает тот же Арбатов. Уже в период перестройки он не только изгнал из института ряд специалистов в области военной политики США, осмелившихся высказать и отстаивать оценки, не совпадающие с директорскими, но и ряд лет преследует их за пределами своего института. Подавляет он не устраивающие его взгляды на проблемы политики США, появляющиеся и в других местах. Так, Арбатов в течение нескольких лет препятствовал защите и утверждению докторской диссертации декана исторического факультета Горьковского университета О. А. Колобова «Механизм формирования политики США по отношению к Израилю и арабским странам в 1947—1985 годах», не гнушаясь представлять его идеологом общества «Память».

Так что дело не просто в некомпетентности и не только в конъюнктурщине Арбатова и его сподвижников — речь идет о вполне определенной линии. Сегодня они впервые открыто делают то, чем они фактически занимаются уже многие годы: выступают проводниками интересов Запада в нашей стране, рекламируя его ценности и политику, подрывая нашу военную доктрину и обороноспособность. На это указывал и американский советолог Дж. Хаф. Он отмечал, что хотя такие ученые и деятели советского движения за мир, как Арбатов, «должны отрабатывать свой хлеб, поддерживая советскую внешнюю политику» («Los Angeles Times», 1986), они делают полезное для Запада дело. Хаф считает, что за то, что Арбатов разрушал советскую военную доктрину и идеологию и сдерживал рост военного потенциала СССР, он достоин Нобелевской премии мира. Пока Арбатов этой премии не

получил — находятся еще более значимые претенденты. Но его старания в этом направлении все нарастают.

ЦРУ В СОАВТОРЫ

Наступление на армию, как уже сказано, ведется и путем подрыва военной доктрины. Арбатов и его единомышленники утверждают, что в современных условиях война и военная сила якобы перестали быть средством политики. Именно под влиянием этих «теоретиков» указанное положение стало одной из основ советской военной доктрины, принятой в 1987 году. Она обезоруживает народ и армию психологически и служит основанием для отказа от проведения надлежащих военных мер по обеспечению безопасности страны и замене их односторонним разоружением. И это в то время, когда наши противники, и прежде всего США (а они — противники хотя бы потому, что считают таковыми нас), исходят из противоположных взглядов: что война и военная сила являются и будут неопределенное время (подразумевается — всегда) оставаться важнейшим инструментом внешней политики. На этом основывается их военная доктрина, поэтому они и действуют соответственно: неуклонно наращивают военную мощь с целью достижения превосходства над противниками, прежде всего над СССР; угрожают превосходящей военной силой другим странам; когда считают необходимым — применяют ее; сохраняют постоянную готовность к войне против нашей страны.

Иначе говоря, наша военная доктрина (а значит, и военная политика) базируется на опасной страусиной позиции: декларированное нами стремление к миру, основанному на отказе от военной силы, мы пытаемся выдать за то, что такой мир якобы уже существует. Руководство же США и НАТО не только не спешит, но и вообще не собирается даже декларативно признать необходимость и возможность создания мира без военной силы, не говоря уже о соответствующем изменении своих военных доктрин и политики. В результате мы обрекаем себя на военную неподготовленность перед лицом готового к войне, обладающего превосходящей силой противника.

Весьма сомнительным и рискованным является принятие в нынешней советской военной доктрине принципа разумной достаточности для обороны. В соответствии с ним Армия не только сокращается, но приспосабливается и готовится только, или преимущественно, к оборонительным боевым действиям. А это в военном отношении равносильно тому, что обрекать себя на поражение.

Когда наша страна и ОВД принимают и реализуют его в одностороннем порядке, как это делается сегодня, то это путь к изменению военного баланса в пользу США и НАТО, снижению нашей обороноспособности и безопасности, причем все это делается нашими собственными руками. Принятие же оборонительной военной доктрины другой стороной не предвидится. Военные доктрины США и НАТО по-прежнему предусматривают применение всех видов боевых действий, в том числе наступательных. В то время как Советский Союз уже давно отказался от применения ядерного оружия первым, США и НАТО считают такое применение возможным.

Характерно, что все новшества, узаконенные в военной доктрине 1987 года, впервые были выдвинуты представителями монопольной

группы гражданских «военных теоретиков», интенсивно пропагандировались ими, а затем закулисным образом, втайне от народа и его выборных органов власти были навязаны политическому и военному руководству страны.

В свою очередь, Арбатов и его группа заимствовали эти идеи у американцев, а возможно, они были подсунуты американцами умышленно.

Так, еще на рубеже 60—70-х годов администрация президента Никсона попыталась использовать принцип «достаточности» в военном планировании, однако применительно только к строительству стратегических сил. Но и здесь от него вскоре отказались ввиду выявившейся его непригодности.

В реанимированном виде идея «достаточности» вновь всплыла в ходе осуществления упомянутого выше советско-американского исследовательского проекта по проблемам стабильности, учрежденного в 1985 году. В его рекомендациях, в частности, сказано, что «США и СССР следует принять концепцию «разумной достаточности» в своем военном планировании. В соответствии с этой концепцией им следует сократить свои вооруженные силы до гораздо более низких уровней при сохранении стабильного баланса на каждом уровне» («Требования к обеспечению стабильного сосуществования в советско-американских отношениях», с. 23). Сегодня эта рекомендация принята лишь нами, и наша военная доктрина представляет собой, как это ни парадоксально, воплощение арбатовско-американской рекомендации. Причем среди американских авторов последней, помимо упомянутого выше А. Кокса, также бывший директор ЦРУ У. Колби, бывший заместитель министра ВВС Т. Хупс, бывший заместитель госсекретаря Дж. Болл и другие, а среди советских, помимо Арбатова, В. В. Журкин, Ф. М. Бурлацкий, В. М. Фалин и другие. Такие вот гримасы перестройки и нового мышления.

В предвыборной платформе блока общественно-патриотических движений России было сказано, что «на фоне выполнения США всех намеченных военных программ наивно выглядят рассуждения политиков и публицистов о разумной достаточности обороны». В основном сказано верно. Но напрашивается поправка: не «наивно», а «зловеще».

НАРОД И АРМИЯ ЕДИНЫ

Еще одно направление наступления на армию, которое ведется особенно широко, — это нападки на систему комплектования Вооруженных Сил на основе всеобщей воинской обязанности, предложения о замене ее наемной системой, а также призывы к замене наднационального принципа комплектования национально-территориальным, то есть к созданию воинских формирований, дислоцированных и несущих службу в пределах своих союзных республик. Некомпетентность и вредность таких предложений очевидны. Наша страна — великая сухопутная держава, и поэтому значительные по численности сухопутные войска ей нужны не меньше, чем крупные военно-морские силы Соединенным Штатам Америки. Как тонко заметил писатель К. Раш, «только самоубийца и недалекий человек может говорить в стране, у которой протяженность границ — полтора экватора, о наемной армии» («Россия», № 3, январь 1990 г.). Однако следует уточнить, что так же

могут говорить и люди, не желающие добра своей стране. Разве наемная армия способна выдержать то, что пришлось вынести нашей Народной Армии в Великой Отечественной войне? А кто вновь защитит Отечество в лихую годину, если его сыны в мирное время перестанут проходить военную службу, учиться ратному труду, особенно при нынешнем уровне военной техники? Что касается создания национальных формирований, то если бы мы пошли по этому пути, то в Закавказье сейчас скорей всего полыхала бы крупномасштабная межнациональная война, а возможно, и не только там.

Но самый подлый прием избиения армии — это попытки представить ее солдат, офицеров и генералов убийцами, оккупантами, жандармами своего народа, душителями свободы и демократии. Тут и стремление дискредитировать воинов-«афганцев» (чего, например, стоит распространение грязной лжи о расстреле нашими вертолетчиками наших же солдат, которым угрожало пленение), и враждебная кампания против воинов, проходящих службу в республиках Прибалтики, и клевета против солдат и офицеров, выполняющих задачи по стабилизации обстановки в Закавказье. При этом политическое руководство, чьи решения выполняет Армия, фактически потворствует тому, что за его ошибки козлом отпущения делают армию. Не на высоте оказался и Съезд народных депутатов СССР, который при рассмотрении событий в Тбилиси в апреле 1989 года встал на путь закрытого суда над Армией. Он оставил народ в неведении и смятении по поводу того, чьи же приказы выполняет Армия, а в самой Армии породил «синдром Тбилиси» — чувство неуверенности в своих действиях, в результате чего солдаты и офицеры зачастую не решались защитить от резгула террористов даже себя, платя за это кровью и жизнями.

Использование Армии для ликвидации межнациональных пожаров, пролитая в связи с этим кровь — самое острое проявление кризиса нашего общества, перечеркивающее все благие декларации о перестройке. Особенно пагубным является то, что применение Армии для устранения локальных региональных конфликтов одновременно подрывает фундамент нашего многонационального государства — добрые отношения русского народа с другими народами. Ведь в горячие точки направляются в основном русские и русскоязычные солдаты и офицеры. Для русских же это оборачивается большой бедой: при гашении межнациональных пожаров проливается кровь русских парней, а теперь появились и тысячи русских беженцев, в первую очередь семей военнослужащих.

Да, в Армии сегодня немало больных мест и проблем. Большинство из них — это проблемы, которыми больно все наше общество или которые корнями уходят в него. И все же мы в большом долгу перед Армией, представители которой выполняют самую ответственную, физически тяжелую и психологически уникальную задачу: обеспечивать безопасность страны, будучи готовыми ради этого в любой момент пойти на риск утраты здоровья и самой жизни.

Сегодня наш священный долг прийти на помощь Армии, защитить ее. А она надежно защитит нас, защитит Отечество.

●

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УЧИТ ЛИ ИСТОРИЯ?

Из писем в редакцию

КОГДА МОЛЧАТ ИСТОРИКИ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ЖУРНАЛУ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

Как лектор общества «Знание» я постоянно обращаюсь к различным общественно-политическим и специальным изданиям в поисках ответов на вопросы, то и дело возникающие во время выступлений в самой различной аудитории.

В последнее время заметно возрос интерес к истории России. В вопросах часто слышится тревога за исторические судьбы нашего государства, нашей революции. Надо признать, что в исторической науке преобладали стереотипы, четкое разделение на белое и черное: Россия — тюрьма народов, если царь — значит, тиран, а то и просто коронованный разбойник, если премьер-министр или министр, то верный сатрап царя, и вдруг... откровение: идея создания Лиги Наций принадлежит Александру III; все то положительное, что происходит сейчас у нас в сельском хозяйстве, — это всего лишь первые шаги в приближении к столыпинской реформе. Оказывается, не было никаких «столыпинских галстуков», никаких «столыпинских вагонов» для «обреченных», а были специальные вагоны для крестьян-переселен-

цев. Даже с высокой трибуны I Съезда народных депутатов прозвучало несколько теплых слов в адрес Столыпина. Но если все это соответствует истине, то правомерно поставить вопрос: кому было выгодно физическое устранение Столыпина? Кто убийца: маньяк или орудие тщательно законспирированных сил, кровно заинтересованных в ослаблении России? Не хотелось бы апеллировать к нашим писателям — ни к К. Паустовскому, у которого в «Повести о жизни» описаны подробности убийства Столыпина, ни к В. Пикулю, к его роману «У последней черты» («Нечистая сила»). На этот вопрос и другие должны дать ответ наши ученые-историки, дать историческую оценку, с тем чтобы эта оценка нашла свое отражение на страницах учебных пособий по истории России.

Я надеялся, что первейшим помощником в деле освещения и строгого научного анализа многих темных пятен истории мог бы стать журнал АН СССР «Вопросы истории» (гл. редактор А. Искендеров). Мог бы, если б публикации на его страницах в последнее время не вызывали серьезную озабоченность.

Известно, что в 1982 году в нашей стране проходили торжества по случаю 1500-летия Киева. Оказывается, ошибся академик Б. Рыбаков и ошиблись армянские и византийские летописцы, а прав научный сотрудник Мюнстерского университета Э. Мюле из ФРГ который в статье «К вопросу о начале Киева» (1989, № 4) относит образование Киева к VIII—X векам. Конечно, иностранцу лучше знать, «откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля».

В первых четырех номерах журнала за прошлый год была опубликована работа К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», в основу которой положен анализ антирусских памфлетов, приписываемых англичанам. Журнал затронул тонкую и взрывоопасную тему: «Маркс и Россия», к которой нужно подходить с особой осторожностью. При освещении исторических событий и основоположник научного коммунизма, допуская ряд неточностей, к России относился предвзято и этого не скрывал: «Я всегда ругал Россию, а русские революционеры носят меня на руках».

Чем могут обернуться ошибочные взгляды классиков марксизма на историю России для нас, если их принять за догму, мы знаем из недавнего прошлого советско-китайских отношений (см.: Тихвинский С. Л. Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982).

Да и как можно согласиться с тем, что Русское государство создали норманны? «Первые Рюриковичи, — читаем мы, — ничем не отличались от норманнов в остальных странах Европы... славянские племена удалось подчинить не только с помощью меча, но и путем взаимного соглашения».

Труды академика Б. Рыбакова и польского историка Х. Ловмяньского («Русь и норманны». М., Прогресс, 1985), не отрицая присутствия на территории восточных славян норманнов, убедительно доказывают, что государство создали сами славяне и подданными этого государства становились конунги (князья) со своими дружинами, приглашенные на военную и дипломатическую службу. Красноречиво об этом говорят тексты договоров Руси с Византией от 911 до 944 года.

Московские князья у Маркса, начиная с Ивана Калиты и кончая государем всея Руси Иваном III, коварные, хитрые и трусливые тираны, образ которых никак не согласуется с их деятельностью. Лишены исторической достоверности утверждения Маркса, что Иван III, заразив собственным рабским страхом свое войско, побудил его к всеобщему беспорядочному бегству. Московия тогда с тревогой ожидала своей неминуемой гибели, как вдруг до нее дошел слух, что Золотая Орда вынуждена отступить вследствие нападения на ее столицу крымского хана. Летописи и русские историки говорят о другом:

«6—8 октября 1480 г. Ахмет подошел к реке Угре. Началось сражение, которое продолжалось несколько дней. Встретив достойный отпор со стороны русских, татары так и не смогли переправиться через реку, 11 ноября татары отступили. Поход Ахмета на Москву закончился полным провалом».

Иван III вошел в русскую историю как талантливый дипломат, величайший стратег, как создатель могучего государства, чем и привел в «изумление Европу».

Анализируя антирусские памфлеты, Маркс приходит к выводу, что «во времена Петра I началось преобладание России в Европе». Перенос столицы из Москвы в Петербург он расценивает как вызов для европейцев, как стимул к дальнейшим завоеваниям для русских. Выходит, Петр I не окно прорубил в Европу, а вторгся в Европу, а отсюда — «неодолимое влияние России заставало Европу врасплох в различные эпохи, оно пугало народы Запада, ему покорялись как року или оказывали судорожное сопротивление». И тот же Маркс уже позже писал совсем иначе: «Петр завладел лишь тем, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны». В соответствии с условиями Ништадтского договора Россия возвратила Швеции Финляндию, кроме небольшой части, и обязалась выплатить Швеции полтора миллиона рублей в виде вознаграждения за уступление земли. Нелишним будет напомнить, что балтийским побережьем владели новгородцы еще с XI века.

В 7-м номере Е. Анисимов в статье «Петр I: рождение империи» бьет уже тревогу о преобладании России в Азии. И снова захватчик Петр: завоевание южного побережья Каспия, строительство крепостей и проекты депортации (?) мусульман и заселения прикаспийских провинций православными, подготовка к походу на... Индию (?), ибо, как утверждает автор, «нет подлинной империи без богатств Индии... при Петре были заложены основания имперской России XVIII—XIX вв., начали формироваться имперские стереотипы».

Очень актуально, если перенестись в наше время в Азербайджан. Проекты депортации мусульман... Это ни больше ни меньше полет фантазии, домыслы Е. Анисимова, если не так, тогда что же помешало ему указать источник, документ? Что касается планов завоевания Индии, а вместе с этим и установления мирового господства (о последнем, правда, автор лишь намекает), то такого рода обвинения следовало бы переадресовать Наполеону и Гитлеру.

Кажется, мало пролилось невинной крови в Закавказье, нужны еще горячие точки, иначе как понять появление в 11-м номере

статьи М. Аннанепесова «Присоединение Туркменистана к России: правда истории?». Автор отказывается от своей же идеи добровольного вхождения Туркменистана в состав России. Все понятно, раз перестройка, значит, должно быть и новое историческое мышление, и если раньше в брошюре, изданной в эпоху застоя, он убеждал, что население Туркменистана «в массе своей не оказало сопротивления присоединению к России», то теперь, оказывается, такое справедливо только в отношении туркмен Средней Амударьи, а Хива же оказала сопротивление, а отсюда и карательные экспедиции, сбор контрибуции и страшные картины уничтожения безоружных беженцев (?). Один из источников — записки американского корреспондента Мак-Гахана, участника хивинской кампании. Надо отдать должное автору: он не скрывает, что «натравил царские войска на своих не очень послушных подданных туркмен... хивинский хан Сеид Мухаммед Рахим», — и на том спасибо. А как оценил захват Средней Азии Россией другой иностранец, маркиз Керзон (впоследствии вице-король Индии, министр иностранных дел Великобритании, лорд), побывавший вскоре в новых русских владениях: «То не крестовый поход девятнадцатого века с его нравственными методами. Это варварская Азия (Россия) после некоторого пребывания в Европе возвращается по собственным следам к своим родственникам» (Нестеров Ф. Связь времен, М., Молодая гвардия, 1987.) Нетрудно догадаться, что главный нравственный метод — это геноцид, «вытеснение тюркского «элемента» из плодородных оазисов в пески пустынь, замена его русскими переселенцами», чего не заметил маркиз и отказался принять Россию в семью европейских народов. В связи с этим хотелось бы сослаться на публикацию в «Литературной газете» № 27 за 1989 год М. Симашко «Куда ведет Великий шелковый путь». Приведу один небольшой отрывок: «С первого же дня практика русского прихода в Среднюю Азию дала ясно понять всем ее народам и социальным группам, что Россия не будет без ума вмешиваться в их внутреннюю жизнь, верования, исторически сложившиеся обычаи, а в политическом смысле станет гарантом мира и стабильности. Это очень важно было здесь, где межфеодальных, межродовых, межклановых, аламанских войн насчитывалось до двухсот и более в году». Не сомневаюсь в том, что М. Аннанепесову известна правда истории.

Особую честь журнал оказал Троцкому, опубликовав полностью его полемическую книгу «Сталинская школа фальсификаций» (№ 7 10, 12 за 1989 г. и № 1 за 1990 г.). Пожалуй, больше самой книги представляет интерес предисловие к ней, написанное профессором истории из Ленинграда В. Старцевым: «Критическая фаза борьбы, сотрясавшей партию до конца 20-х годов, пришлась на начало 1923 года... В. И. Ленин, диктуя свои последние письма и статьи, призвал себе в союзники Л. Д. Троцкого, стараясь привлечь к этому союзу и Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева. Целью данного политического союза было смещение И. В. Сталина с поста Генерального секретаря ЦК РКП(б). Нечего и говорить, что если бы эта цель была достигнута, вся наша последующая история пошла бы по-другому». Ну как тут не согласиться с профессором, если всего лишь учесть «заслуги» Троцкого в «красном терроре» на Дону в 1919 году, когда за два-три месяца без суда и следствия были уничтожены сотни тысяч лучших сынов и доче-

рей русского народа, разумеется, история пошла бы по-другому, только вот русские, возможно, сами бы стали достоянием истории, а в лучшем случае их бы занесли в Красную книгу.

Возникает вопрос: **была ли необходимость в публикации работ с откровенно антирусской направленностью в тот момент, когда межнациональные отношения в нашей стране заметно обострились? Для чего это делается?** Не секрет, что в отдельных республиках раздаются открытые призывы к выходу из СССР, выбрасываются лозунги антирусского содержания, во многих неурядицах стремятся обвинить Москву, свалить на нее ответственность за собственные ошибки. Какой убедительный «марксистский» аргумент дал журнал тем, кто при каждом удобном случае кричит о неизменной в течение многих веков колонизаторской политике России, о том, что коварная роль «московитов»-поработителей не изменилась со времен первых московских царей и стала более изощренной и жестокой.

Естественно было бы ожидать, что журнал, издающийся в Москве, особое внимание уделит истории межнациональных отношений в России и СССР, сделает это тактично и мудро и, выделив прежде всего истоки нашего единства, нашего братства, подчеркнет то, что все-таки объединило самые различные народы вокруг Москвы.

Верилось, что журнал, опираясь на взвешенный исторический анализ многоликого прошлого, укажет возможные пути выхода из кризисной ситуации, поможет консолидации советского общества. Убежден, журнал мог бы внести ощутимый вклад в укрепление дружбы между народами. Писать надо больше о том, что объединяет народы, а не разъединяет. Ведь очень мало известно о русско-литовских связях в историческом прошлом, далеко не все знают, что на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде есть и скульптурная группа великих литовских князей Гедиминаса, Ольгерда и Витовта, что примерно треть русских князей — литовского происхождения, а литовские князья Острожские, Чарторыйские, Вишневецкие и другие — русского происхождения, что на Куликовом поле вместе с русскими князьями и ратниками героически сражались Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, а во время нашествия хана Тохтамыша на Русь в 1382 году оборону Москвы возглавил Остей, внук Ольгерда, и почему Псков иногда называют «Довмонтовым городом». Для многих прозвучит откровением, что государственным языком Великого княжества Литовского в XIV-XV веках был русский язык, и до конца XVII века он оставался официальным языком государственных и судебных органов.

В статуте Великого княжества Литовского 1588 года записано: «Писар земский мает по руску литерами и словы рускими, все листы, выписы и позвы писати, а не иншим езыком и словы» (Л а п п о И., Литовский Статут 1588 г., т. II, текст, Каунас, 1938).

А так ли много мы знаем об отношениях России и Украины в прошлом?

«Революционные» историки печально известной эпохи тридцатых годов расценивали решение Переяславской Рады о воссоединении Украины с Россией не иначе как выбор Богданом Хмельницким меньшего зла из трех зол (Польша, Крымское ханство, Россия). Такая оценка кощунственная и антиисторическая по своей сути. Умалчивался, и, видимо, сознательно, многозначитель-

ный факт: после воссоединения Украины с Россией Богдан Хмельницкий, подкрепленный московскими полками, освободил не только всю Украину, но и Галицкую Русь, и опять направились в Москву послы из Валахии, Молдовы, из подвластных Турции греческих и славянских земель, из далекой Грузии: все просили русского царя принять их в свое подданство, «чтоб совокупилось все христианство воедино».

А значительно позже, в 1678 году, после войны с крымским ханом и Турцией, когда Западная Украина вновь оказалась под пятой захватчиков, большая часть ее населения переселилась на русские земли. Так возникла Слободская Украина (территория современной Харьковской, Донецкой, Ворошиловградской, части Сумской, Белгородской, Курской и Воронежской областей). И всегда народы, жившие по соседству с русскими, в трудное для себя время устремляли свои взоры к России, и исторических примеров тому немало.

В борьбе с внешними врагами и русский народ не был одинок: в ополчение Минина и Пожарского входили татары, марийцы и другие народы Поволжья и Приуралья; в 1812 году в русскую армию как отдельные формирования входили татарская, башкирская и калмыцкая конницы. Так не пора ли восстановить историческую справедливость и прекратить порочить доброе имя державы?

Не довольно ли сенсационных и исторических спекуляций? Недопустимо гласностью оправдывать профанацию науки, призванной именно сейчас сыграть свою действительно историческую роль в деле созидательного преобразования нашего общества. Разумеется, плюрализм мнений в исторической науке тоже допустим, но при условии ответственного подхода к историческим документам.

Хотелось бы надеяться на серьезный, честный и взвешенный разговор о прошлом, но пока историки молчат...

Владимир ХОРИН,
Москва

«НЕМЕЦКАЯ» КАРТА РАСЧЛЕНИТЕЛЕЙ РОССИИ

Осенью прошлого года я впервые прочла ваш журнал № 10. Затем прочитала всю подписку за 1989 год. Наконец-то я нашла публикации, которые во время разгула охаивания и оплевывания всего и вся действуют отрезвляюще. Спасибо вам. Вы вселяете надежду, что Россия жива и есть люди, которых волнует судьба страны и народа. Поэтому я со своей болью и тревогой обращаюсь к вам.

Речь идет о восстановлении республики немцев Поволжья. Коренное население районов Саратовской области (Красноармейский, Советский, Марксовский, Ровенский), куда перевозят селами немцев, живет в состоянии страха, неопределенности и незащищенности. Свое нежелание жить в немецкой республике они нигде высказать не могут. В районных городах проходят митинги, люди требуют прессу, телевидение, три раза (во время II и III сессий Верховного Совета) делегации с лозунгами «Не хотим второго Карабаха», «Не вбивайте клин в сердце России», «Не хо-

тим быть людьми второго сорта» и т. д. стояли на Красной площади. Но никому до них дела нет... В пору гласности глас народа никого не интересует. Обращались в передачу «Взгляд», там спросили, русские они или немцы, когда узнали, что русские, не стали разговаривать.

По телевидению показывают передачи только о страданиях безвинной нации (у которой сильные покровители в ФРГ). Многие из немцев равнодушны к созданию автономии. Но в сегодняшней обстановке достаточно немногого, чтобы посеять раздор и вражду. Дети в школах делятся на русских и немцев...

Лидеры комитета «Возрождение» пекутся о восстановлении исторической справедливости. О какой? О той, что 600 лет назад эти земли были освобождены русскими от татаро-монгольского ига? Или о той, что русские и украинские села, которых было больше, чем немецких, в 1918 году или в 1924-м оказались в немецкой автономии? О той, что 200 лет назад их предков приняла Россия? Или они ехали сюда как колонисты?

Пишут о страданиях немцев, которых выселяли семьями, с отцами! А в наши семьи в это время шли повестки на фронт, а потом похоронки... Оставались наши женщины вдовами с кучей ребятишек, которых нечем было кормить. Не одно поколение выросло на лебеде и желудях. А потом, разве хотя бы некоторые немцы не ждали Гитлера? Люди говорят, что готовился взрыв железнодорожного моста через Волгу, после выселения в погребах были найдены склады оружия.

ФРГ предлагает 20 миллиардов в компенсацию страданий, которые советские немцы перенесли по их вине (из передачи по телевизору). А кто нам вернет (компенсирует) 20 миллионов отцов, сыновей, братьев? Кто вернет еще 20 миллионов угнанных в Германию, сожженных в топках, умерших от голода? И после такого мы должны жить на Волге в немецкой автономии, создание которой проводится за нашей спиной?

Среди местного коренного населения живут и беженцы из Белоруссии, Брянска, Смоленска. Спросить бы их — за сколько часов их выселили под пулями? Люди за полвека здесь обустроились, выросло не одно поколение. Построили дома, заводы, развели сады. Да где наше правительство? Да хоть кого-нибудь волнует судьба пока какого-то полумиллиона человек? Кто допускает ситуацию, которая в любую минуту может обернуться Ферганой или Литвой?

Я мать двоих детей, у меня двое племянников от брата русского и матери-немки. Меня тревожит их судьба. Обращаюсь к вам: ПОМОГИТЕ! Найдите пути, чтобы передать эту информацию правительству — Горбачеву, нашим писателям.

Народ не против немцев как нации (они приезжают сюда с 60-х годов), а против насильственного их сюда переселения, создания для этого благоприятных условий в ущерб интересам местного населения, против выпячивания одной нации в многонациональном регионе. Народ против автономии. У немцев нет исторических прав. Это будет не автономия, а колония ФРГ, в которой нам не будет места и мы будем людьми второго сорта.

Помогите!..

ГАРКУША Нина Петровна,
инженер, 41 год,
Саратовская обл., г. Энгельс

КОГДА ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИМЕТ МЕРЫ ПРОТИВ ГРАБЕЖА СВОЕГО НАРОДА!

Главным, вокруг чего сегодня кипят страсти, является вопрос о допущении в наши общественные отношения частной собственности на средства производства и землю. Одни с пеной у рта одобряют, считают это крупным прорывом, не договаривая, правда, куда; другие категорически против возвращения к тому, от чего ушли семьдесят два года назад. Их страшит, и не без основания, это возвращение назад. Я принадлежу к этим последним.

Возможно, я не типичный советский человек, но признаюсь откровенно, нет у меня никакого желания обзаводиться частной собственностью. Наша действительность убеждает в том, что в стране появилось много людей, исповедующих частнособственническую идеологию, несмотря на то, что школа, комсомол, партия воспитывали народ в духе коллективизма, товарищеской взаимопомощи и взаимовыручки. С детства мы отучали своих сыновей и дочерей от слова «мое», приучали к слову «наше». Призывали делиться с товарищами, далекими и ближними, последним куском хлеба. Я до сих пор уверен, что правильно делали. И вдруг все это надо отринуть, забыть и приучать себя к мысли, что мне ни до кого нет дела, что главное — это чтобы хорошо было мне, на других наплевать. В мое сознание это не укладывается. Думаю, что не укладывается и в сознание многих советских людей, особенно коммунистов, не запятнавших себя рвачеством, вымогательством, честно трудившихся на тех участках, которые им доверялись.

Я не верю, что частная собственность нас спасет, поможет выбраться из этой трясины, в которую завели нас неумные партийные и государственные деятели с помощью ученых-конъюнктурщиков, которые и сейчас на плаву, и сейчас дают «умные» советы.

Меня, как и многих других людей, очень беспокоит, в чьи руки попадут земля и орудия производства, которые Советы будут продавать. Я рассуждаю так. У подавляющего большинства рабочих и крестьян нет таких накоплений, которые позволят приобрести их. Им нужно накопить капитал. За год-два этой цели не достигнешь, как бы самоотверженно ни трудился. А вот те, у кого уже имеются весьма приличные суммы в загашниках, немедленно пустят их в оборот и приберут к рукам, что принесет наибольшую выгоду. Таких людей у нас немало. В печати появлялись цифры о количестве советских миллионеров. Не знаю, насколько достоверны они, а вот что внушительны — это факт. Миллионерами стали дельцы теневой экономики, накопившие за годы застоя — для кого застойные, а для кого кипучие — солидные капиталы, спекулянты, которые вольготно чувствовали себя во все времена и не теряются сейчас, откровенные грабители, махровые взяточники и прочие людишки без стыда и совести. По некоторым данным, доходы мафиозного предпринимательства достигли 150 миллиардов рублей. А если учесть, что теневая экономика действует примерно 20 лет, то ее накопления за этот период составят умопомрачительную цифру. И неудивительно, что

Статья напечатана в «Политическом собеседнике» (Минск), № 3, за 1990 год под названием «Не резать по живому».

многие дальновидные политики и экономисты опасаются, что именно эти бесчестные дельцы и станут владельцами земли, ее богатств, предприятий, орудий производства, будут вершить суд и право, а рабочие и крестьяне попадут им в кабалу.

Не потому ли и идет такая бешеная агитация на страницах газет, журналов, по радио и телевидению за индивидуальные, фермерские хозяйства? Они могут стать той щелью, в которую хлынет неправедно нажитый капитал. И уж будьте уверены, он сумеет расширить эту щель до нужных ему размеров. Хватка у современных бизнесменов удивительная.

Еженедельник «Щит и меч» — приложение к журналу МВД СССР «Советская милиция» — в первом номере опубликовал статью подполковника милиции В. Панченко «Автомат в патоке» — о деятельности одного кооператора, обозначенного по известным причинам буквой К. О чем речь в статье? Изложим некоторые моменты. При задержании К. в его машине было обнаружено на 40 тысяч рублей золотых ювелирных изделий с бриллиантами. Когда его спросили, откуда такое богатство, он ответил: «Я кооператор, денег у меня много, зарабатываю в месяц 60 тысяч рублей — это моя зарплата. Куда мне девать их? Сейчас деньги ничто. Вот я и купил золотые изделия». Не правда ли, приличная зарплата у советского кооператора? Пожалуй, повыше, чем у зарубежных. И какие трудовые усилия столь щедро оплачиваются? И что за кооператив, который может так по-купечески оплачивать труд заместителя всего-навсего председателя кооператива? Кооператоры, оказывается, выпекали популярные торты «Птичье молоко», но доход от тортов был скромным. Пришлось заняться побочным промыслом. К. прибрал к рукам разорившиеся кооперативы, оплачивал их счета. По их документам предприимчивые дельцы занимались хищением неучтенной продукции и реализовывали ее по спекулятивным ценам. При обыске у них было обнаружено огромное количество шоколада (найдите его в наших магазинах), оливкового масла (строго лимитировано, выдается только диабетикам), сахара (продается по талонам), лимонной кислоты, кофе, черной икры, всевозможных заграничных напитков, импортные вещи, наборы косметики, видеоаппаратура, кассеты, компьютеры, валюта, сертификаты, золото, ювелирные изделия, запасные части к «Жигулям» и «мерседесу», три пары наручников, форма военнослужащего и... нарезной обрез, револьвер, боевая граната. В «дипломате», спрятанном на антресолях у знакомой К., обнаружили 250 тысяч долларов, кроме 100 тысяч ранее найденных на телевизоре в его собственной квартире, и 450 тысяч рублей. В чемодане, который хранился у той же знакомой, находились драгоценности на сумму свыше 200 тысяч рублей, золотые монеты царской чеканки на сумму 180 тысяч рублей. Всего этот проворный делец уворовал у государства 8 миллионов рублей. Милиция пока вернула государству только два. Остальные не найдены.

Такие вот «деловые» люди у нас имеются. И немало. Вот так усердно они «трудятся» на себя. У них одна цель — нажива. Любыми способами. Ради нее они не пощадят даже родную мать.

«До некоторых пор мы были наивными, — замечает автор статьи, — считали, что можно украсть 10, 100 тысяч, а миллион — нет. Оказывается, можно. Можно украсть у нас и миллион, и де-

сять миллионов». А нас пытаются уверить, что у нас нет миллионеров.

Дело читателей судить, нужны ли нам такие бизнесмены и такие законы, которые легализуют их деятельность, дают простор для их жульнических махинаций, и такой строй, при котором они будут чувствовать себя как рыба в воде и сумеют сделать нас всех своими батраками.

Мы сетуем на то, что в магазинах нет того, нет другого, виним в этом бюрократов, не подозревая, кто создает дефицит, у кого есть все, что душе угодно, как будто он живет при коммунизме. Да где там бюрократу сравняться с некоторыми кооператорами! Вот так бы трудились они на благо народа, как трудятся на себя, цены бы им не было.

Николай Ляликов в статье «Осведомитель» («Совершенно секретно», № 2) открыл секрет, почему вдруг исчезли зубные щетки. Оказывается, потому, что они целиком из синтетики. Находчивые и предприимчивые кооператоры скупили их, переплавили и превратили в клипсы... Щетка стоит 30 копеек, а клипсы — 3 рубля. Тысяча процентов прибыли. А что человеку нечем почистить зубы, ерунда. Можно и с нечищеными жить.

Такова психология нашего отнюдь не цивилизованного кооператора. Кстати, она появилась и окрепла не в период перестройки. Многие годы мы старались не замечать хватательных инстинктов некоторой части людей, которые прибирали к рукам что плохо лежало. А плохо лежало у нас многое. Эти инстинкты приобрели особую силу, когда воцарился Леонид Ильич. Сам хватал и другим давал. Тянули у государства все, что можно, и все, кто обладал такими способностями. И все было мало и мало, хотелось хапать все больше. Государство, мол, не оскудеет. Оскудело. Дошло до ручки, а хапугам, прошлым и нынешним, до этого и дела нет. Да это и понятно. Не о стране их заботы, о собственном брюхе. Народу — крохи, себе — жирный кусок. Такой всегда была, такой и останется психология собственника. Индивидуалист не станет вдруг коллективистом.

Мы много лет воспитывали людей в духе коллективизма, товарищеской взаимовыручки. Требовали ставить общественные интересы выше личных. Благотворность этого воспитания в полной мере проявилась в годы Великой Отечественной войны. Сам погибай, а товарища выручай — было законом для командиров и бойцов Красной Армии. Крепкое воинское братство помогло нам одолеть жестокого, коварного и сильного врага. Это хорошо понимали империалистические идеологи. Много лет они трудились в поте лица своего, чтобы вытравить из наших молодых людей дух патриотизма и интернационализма, дух Матросовых и Чайкиных, насадить дух стяжательства и зависти, им удалось многого добиться. Появилось немало иждивенцев, нахлебников, которые, ничего не делая, только и знают, что требуют от государства, от народа. Только и слышишь: дай, дай, дай. Как будто у государства неисчерпаемые кладовые — таскай оттуда и вручай жаждущим благ. Из этих вечных «просителей» и рекрутировались нынешние мафиози, рэкетиры и прочие любители легкой жизни. Теперь они уже, правда, не просят, а грабят, добывают блага разбоем, воровством, насилием. Им нужно найти укорот, а не поощрять их преступную деятельность созданием кооперативов типа «Птичье молоко».

Тем удивительнее, что у рвущихся к частной собственности так много защитников и вдохновителей среди некоторых депутатов СССР. 29 ноября минувшего года в «Литературной газете» опубликован весьма любопытный диалог между народным депутатом СССР, доктором юридических наук Александром Яковлевым и редактором отдела морали и права газеты Игорем Гамаюновым. Прочитавшие его, должно быть, заметили, как ловко они выдают черное за белое, ставят все с ног на голову. С какой злой язвительностью говорят они о тех, кто возмущается разгулом спекулянтов, лжекооператоров, обирающих трудящихся. Они именуют таких людей рыцарями ненависти, обвиняют их в создании «образа врага», подобно «врагам народа» 30-х годов. С яростью нападают они и на государство, которое иначе как государством-монополистом не именуют. Оно, дескать, виновато в том, что кооператоры заламывают баснословные цены. У них, видите ли, бедняжек, нет иного выхода — государство-монополист обделяет их сырьем. И те идут, страшно сказать, на черный рынок покупать по высоким ценам. А если на черном рынке не повезет давать взятки проклятым чиновникам, «набивающим карманы», и выходить из тяжелого положения. Бедные кооператоры! Пожалейте их, товарищи! А заодно пожалейте и их высоких защитников. И спросите, пожалуйста, у них, откуда на черном рынке необходимое нашим бедным кооператорам сырье? Кто его туда поставляет? Неужели колхозы и совхозы, которые развалили сельское хозяйство и которое эти самые защитники кооператоров хотят во что бы то ни стало разогнать? А может, все-таки и на черном рынке орудуют собратья кооператоров? Неплохо бы спросить у авторов «Манифейского мифа» и о том, как ухитряются в наши дни матерые чиновники брать взятки у бедных и несчастных кооператоров? Неужели не боятся ни милиции, ни КГБ, ни следователей, ни судей? Столько взяточников посадили за последние годы, а они не унимаются. Смелые, черти! А может, все-таки орудуют на рынке вездесущие рэкетиры? Развелось ведь их видимо-невидимо под уютной сенью кооператоров, точнее, лжекооператоров, бывших подпольных бизнесменов.

Мне, да, надеюсь, и другим читателям хотелось бы выяснить, во имя чего совершается такое яростное наступление на противников частной собственности и такая мощная защита спекулянтов, хапуг, людей, живущих чужим трудом, потрошащих чужие карманы? Неужели умные люди не понимают, что не в частной собственности наше спасение, а в самоотверженном труде по подъему той экономики, которая есть, которая действует, перестраивается, хотя и медленно? В том-то и дело, что понимают. Но у них есть заветная цель. К ней они и стремятся и не скрывают этого.

Как легко некоторые советские люди, даже коммунисты, готовы повернуть к тому, от чего избавились семьдесят два года назад, без боя уступить завоеванное их дедами и отцами. Как будто не было миллионных жертв, как будто не переносили ушедшее и уходящее поколения неимоверных трудностей в первые послереволюционные годы, когда на своих усталых от войн плечах поднимали разоренное народное хозяйство, как будто не было кровопролитной битвы с самым свирепым из всех врагов, как будто не было голодных и трудных лет второго восстановительного периода.

Уму непостижимо, сколько пришлось пережить и перенести тем людям, которых сегодня иначе как сталинистами, консерваторами, а то и реакционерами и не называют те, кто не восстанавливал и не строил, не проливал не только крови, но и пота, однако готов беспощадно и безоглядно разрушить с таким трудом созданное. Почему?

А. ДРОЗД,
Минск

ПРОВОКАЦИЯ

Именно это слово — провокация — первым пришло на ум, когда я прочитал сообщение о том, что к участию в конкурсе на соискание Ленинской премии 1990 года допущен фильм «Комиссар». Ничего нелепее нельзя придумать. Вот уж поистине — нонсенс! В самом деле, как иначе расценить выдвижение на высшую награду страны не только слабого, но и клеветнического опуса, направленного на усиление розни, разжигание расовых неприязней?!

Почему фильм был выдвинут на Ленинскую премию? В чем тут причина? Быть может, так хотят скомпенсировать трудную судьбу «Комиссара»? Ведь он пролежал в хранилище около двух десятилетий, и только осенью 1988 года зритель смог его увидеть. Для того чтобы получить объективный ответ, вернемся к ноябрьским дням 1988 года, когда в разгар перестройки на экранах страны один за другим появлялись «арестованные» в годы застоя картины. Они также были упрятаны на полках, тоже ждали «звездного» часа. Однако о них мы что-то не наслышаны. Зато все рупоры гласности, вся мощь рекламы были отданы одной «несчастной» ленте, направлены на один фильм, а именно — на «Комиссара». Московские площади, улицы, тупики, рекламные щиты и тумбы были густо облеплены буклетами: «20 лет под запретом! Выдающийся фильм!! Картина участница международных фестивалей в Вашингтоне, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Сиднее, Мельбурне, Лондоне, городах Канады, Аргентины, Израиля, Маврикии, Габона. Удостоена высших призов в Западном Берлине, Франции. Демонстрировался в конгрессе США, на Северном полюсе, в Арктике, в Антарктиде...»

От себя добавлю, что весной фильм находился на реставрации, а осенью вдруг объявили: международный лауреат! Таким образом, в истории мирового кинематографа зафиксирован беспрецедентный случай, достойный книги Гиннесса. До такого не мог додуматься даже Остап Бендер — большой мастер обыгрывать людскую глупость.

Во всей этой пляске, устроенной вокруг фильма, особо прозвучал голос Евгения Евтушенко: «Одно из сильнейших произведений советского киноискусства о гражданской войне». Пресса на все лады превозносила, расписывала «Комиссара», но никто ни словом не обмолвился о том, почему же «сильнейшее произведение о гражданской войне» было репрессировано, на долгие годы упрятано в «тюрьму»? В этом умалчивании проглядывает некое лукавство: дескать, к чему разжевывать, разъяснять? Дураку понятно!

Посмотрев «Комиссара», обыватель смекает, что фильм-то оказывается, про еврейскую семью. Потому, видать, и запретили. Другого криминала нет. Отсюда вывод: арест на картину наложили антисемиты. А коль скоро это сделали начальники кинематографа с благословения высокого Руководства, значит, в стране процветает махровый, прямо-таки патологический антисемитизм, проводимый на уровне государственной политики. Именно здесь лежит разгадка феноменального взлета «Комиссара». Проще говоря, «Комиссар» необычайно выгоден «антисемитам», то есть людям, спекулирующим на антисемитизме, паразитирующим на нем.

Толчком к гонениям на «Комиссара» послужило заявление автора данных строк. В то время, закончив институт кинематографии (ВГИК), я был направлен ассистентом режиссера на съемки этого фильма. Не скрою, поначалу я был увлечен, работа спорилась. Режиссер ко мне прислушивался, считался с моим мнением. Достаточно сказать, что именно по моему настоянию был расторгнут договор с дочерью всесильного «свадебного генерала» в искусстве Аркадия Райкина — Екатериной Райкиной и на ее место, на роль Марии, опять же по моей рекомендации, пригласили киноактрису Раису Недашковскую.

Зная о том, что А. Аскольдов не имеет высшего кинематографического образования (он окончил краткосрочные курсы), я помогал ему. Затем нам пришлось расстаться. Причиной разрыва послужила интерпретация фильма, на которой упорно настаивал Аскольдов, а именно: евреи, дескать, любят все человечество, стараются для него, творят добро, не щадят жизни ради других, а вместо благодарности получают в ответ черную ненависть. Эта мысль четко прослеживается в нехитрой сюжетной схеме: спасая беременную комиссаршу, еврей-жестянщик Ефим рискует головой, ставит под удар свою семью; потом в тяжелую ситуацию попадает уже Ефим — со родичами, и русская женщина-комиссарша не ударяет палец о палец, чтобы вызволить из беды еврейскую семью.

Фильм в открытую проповедует догму сионистов, клеветнически утверждающих, что весь мир ненавидит евреев только за то, что они — евреи, что все народы и нации якобы спят и видят, как бы им ловчее извести евреев. Ради этого режиссер пошел на прямое искажение истории, впихнув в гражданскую войну эпизод из времен второй мировой войны (прогон евреев).

Хочу отметить: заявление я написал с единственной целью, чтобы убрали мою фамилию из авторских титров фильма. Мне не хотелось «красоваться» в просионистской ленте. Однако фильм был закрыт, положен на полку, и при этом не было сказано об истинной причине запрета. Тем самым вокруг «Комиссара» был создан ореол жертвенности. Умалчивая правду, стесняясь произнести вслух то, о чем следовало сказать в полный голос, запретители, по сути, способствовали утверждению главной мысли «Комиссара», помогли раздуванию слухов о разгуле в стране антисемитизма, что как нельзя лучше было на руку сионистам.

В то время, когда гроссманы и аскольдовы пытаются уверить нас в том, что евреи ежечасно, ежедневно, из года в год, систематически подвергаются дискриминации, утверждают, что в России процветает махровый антисемитизм, в центре России, в ее сердце проводится тщательно замаскированный, планомерный ге-

ноцид против... русского народа. Я не оговорился: то, что происходит сегодня на Руси, имеет одно обозначение, одну направленность, одно определение: геноцид! То есть истребление людей по национальному признаку. Нынче в Российском Нечерноземье стоят заколоченными около миллиона изб. Нечерноземье вымирает. Над страной вплотную нависает угроза голода. Словно тревожный набат, прозвучало на втором Съезде народных депутатов СССР: «Русский народ обманут. Россия оскорблена и унижена. Мы физически уничтожили миллионы русских, украинских, белорусских крестьян, разорили их семейные гнезда, а теперь боимся честно сказать об этом. Зато вовсю оправдываем репрессированных палачей... Уничтожая крестьянство, мы разрушили государственные устои вообще».

Точно в издевку главные площади и улицы многих городов, станции метро, даже огромный промышленный центр на Урале до сей поры носят имя безграмотного нижегородского ремесленника, палача и убийцы, руки которого по локоть в крови, — Свердлова. Этот факт сам по себе оскорбителен, чудовищен, о нем бы кричать на всю Ивановскую, бить во все колокола, проводить митинги, демонстрации. Но нет, ничего такого не услышишь. Странное молчание. Зато на всех перекрестках только и раздается — антисемитизм! Будто у России нет иных проблем, как только преследовать евреев за то, что они — евреи. Полноте!

С добротой, свойственной русским людям, их великодушием, национальной покладистостью, желанием разобраться по законам справедливости, чураясь даже намека на шовинизм, известная советская поэтесса и критик Т Глушкова, талантливая представительница русского народа, протестуя против того, чтобы разгоревшуюся на пленуме писателей РСФСР дискуссию сводили к спорам между русскими и евреями, резонно заметила: «Это не споры национальные, идеологические... Это спор между сионизмом, худшей формой всемирного фашизма, и человечеством».

Возможно, кому-то интересно знать, что сталось с автором этих строк после того, как он порвал с «Комиссаром»? Сообщаю: я был изгнан из кинематографа. Передо мной захлопнулись все двери. В то же время эти же самые двери широко распахивались перед «творцами», не имеющими кинематографического образования, главной заслугой которых является то, что они «антисемиты», то есть промышляющие на антисемитизме. Так, например, некий Ю. Гусман, окончивший медицинский институт и аспирантуру, продолжительное время работавший врачом, вдруг стал кинорежиссером, снял несколько кондовых фильмов, сейчас работает директором Московского Дома кино, выращивает цветы в туалетах, о чем считает нужным оповестить весь Союз через центральную прессу. Евгений Евтушенко тоже запросто вхож в кино. После претенциозного «Детского сада» снимает фильм «Похороны Сталина». Аскольдов мечтает снять картину «Возвращение в Иерусалим».

Не потому ли низок уровень нынешнего кинематографа, аннексированного сионистами, которому нечего было показать даже на последнем Московском международном фестивале и который пытается выйти из прорыва с помощью низкопробной, в том числе порнопродукции? Не оттого ли вылез на поверхность «Комиссар»?! Все, что связано с этим фильмом, его сионистской направленностью, так называемыми «международными призами», выдви-

жением на Ленинскую премию, свидетельствует о наглых действиях сионистов, направленных на усиление национальной розни, что наказывается лишением свободы до десяти лет (ст. 74 УК РСФСР). Идейное кредо «Комиссара» подпадает именно под эту статью.

Зададимся вопросом: существует ли в нашей стране антисемитизм? Ответ однозначен: да! Более того, антисемитизм усиливается, нарастает, принимая подчас грубые формы. Однако отметим при этом, что сам по себе антисемитизм не рождается, не возникает из ничего. Антисемитизм является естественной реакцией на сионизм, выступает как способ защиты от него. То и другое — две стороны одной медали, одно без другого не существует. Одно обусловливает другое. Без антисемитизма не смогут «антисемиты» выжить, не удастся им снимать сливки. Сионисты это прекрасно понимают. Поэтому они постоянно разжигают расистские настроения, не гнушаются антисемитскими провокациями, одной из которых и является «Комиссар».

Владимир ДРОБЫШЕВ

МЫ — ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

* * *

С целью создания равных условий для граждан всех национальностей, проживающих в республике или в другом национальном объединении, и во избежание закабаления граждан коренной национальности гражданами других национальностей необходимо принять Закон о том, что:

Количество частных собственников на средства производства (капиталистов), а также количество их капиталов, в том числе и ценных бумаг (акций, облигаций и др.), по каждой национальности, входящей в территориально-национальное объединение, не должно превышать долю частных собственников на средства производства (капиталистов) и их капиталов в процентном отношении от численности населения коренной национальности.

Это должно быть отнесено к кооперативам и другим объединениям.

Скрытие национальности, а также использование подставных лиц расценивать как уголовное преступление.

Это положение следует внести в Основной Закон Конституции СССР.

Л. ДЕНИСОВ и др. (всего 10 подписей)
Минск

* * *

Написать это письмо в редакцию «Молодой гвардии» нас заставила возмутительная выходка так называемой «свободной» прессы, именующей себя самозванно сибИА (Сибирское информа-

ционное агентство), выпускающей вульгарный пресс-бюллетень.

Авторская команда этого, с позволения сказать, печатного органа, возглавляемая не имеющим постоянного места работы неким Мананниковым А. П., корреспондентом радиостанции «Свобода» (к нашему сожалению, вследствие пассивности избирателей ставшим народным депутатом РСФСР по Новосибирскому национально-территориальному округу № 57), зашла слишком далеко в своей агрессивной свободе. На первом листе пресс-бюллетеня на фоне названий известных и почитаемых в стране изданий «Молодая гвардия», «Наш современник» эти молодчики умудрились изобразить свастику. Нет нужды говорить, что этот демарш в канун праздника 45-летия тяжелой победы особенно возмутителен.

Обращаясь к вам с письмом, мы хотим, чтобы вы знали: самозванцы, пытающиеся представлять Сибирь, вывернулись на поверхность в сложный политический момент нашей жизни и ничего общего с подлинным мнением сибиряков об этих изданиях не имеют.

Мы хотим, чтобы вы знали: известные всей стране русские писатели В. Астафьев, В. Белов, Ю. Бондарев, В. Распутин, А. Иванов, П. Проскурин поддерживаются нами.

Мы хотим, чтобы на страницах ваших изданий изобличались фашиствующие молодчики, обрядившиеся в одежды демократов, сорящие своими низкопробными творениями в умах и душах советских людей.

Мы против тоталитарности, против всяких извращений демократии, подрывающих многовековую дружбу народов России.

Мы за возрождение России — России содружества наций.

В. СОРОКИН, С. ГУРОВ, Г. ПОТЕМКИН
и др. (всего 35 подписей)
Новосибирск

* * *

Зашел я в московский Данилов монастырь и удивился, глядя на то, как десятки работников Совета по туризму СССР рассказывали туристам о жизни монахов Русской Православной Церкви.

Где и когда на Руси было видано, чтобы в монастырь самочинно заходили мирские, да еще к тому же неверующие пропагандисты, и проповедовали свои экуменические взгляды под предлогом знакомства с историей?

Очевидно, те, кто на сегодняшний день обладает русскими святынями, пытаются использовать их в экуменических целях и создать у народа иллюзию о якобы нормальных отношениях между Церковью и Государством.

Такие же «туристические лекции» я заметил в Троице-Сергиевой Лавре и, подойдя к монахам, поинтересовался, для чего, по их мнению, Совет по туризму СССР использует монастырь в Загорске?

Монахи показали мне «Журнал Московской Патриархии», один из последних номеров, и свежую газету «Московский церковный вестник», где помещены фотографии так называемых совместных молений сотрудников Московской Патриархии с католиками, монофизитами, лютеранами, протестантами, баптистами.

Из разговоров монахов я понял, что Учение Церкви категорически запрещает молиться православным с еретиками, а участники экуменизма пытаются объединить все веры в одну под начальством синагоги иудейской, поэтому они идут на нарушение завета Святых Отцов, и когда их прямо спрашивают, почему они идут против Церкви, они дерзко отвечают, что сейчас в Иерусалиме работает богословская группа епископа Каширского Феофана, в которую входят сотрудники Московской Патриархии: Белевцев, Пушкарь, Лотушко.

Эта группа ведет переговоры с профессором израильской синагоги славистом Абба о том, как лучше откорректировать соединение русских православных христиан с синагогой Израиля.

Замечу, что католиков отлучили от Церкви в 1054 году, лютеране, протестанты и баптисты не признают иконы, следовательно, по Учению Церкви, их следует считать еретиками.

Монофизиты отлучены от Церкви в 451 году, спрашивается, что же им всем нужно в православных русских монастырях?

Монахи объясняют, что они подрывают Православие на Руси, вон уже все семинарии и Духовные Академии превращены в иудейскую фабрику, на базе которой в стране создан институт экуменического духовенства, специально для нужд Израиля, США, Европы.

Эти созданные по указке сверху экуменические священники охотно признают католиков, лютеран, монофизитов и протестантов христианами, а синаногу — церковью.

Вполне понятно, что за такие услуги Израилю, США и Европе некоторые высокопоставленные политики нашей страны имеют финансовые, экономические, политические и дипломатические дивиденды.

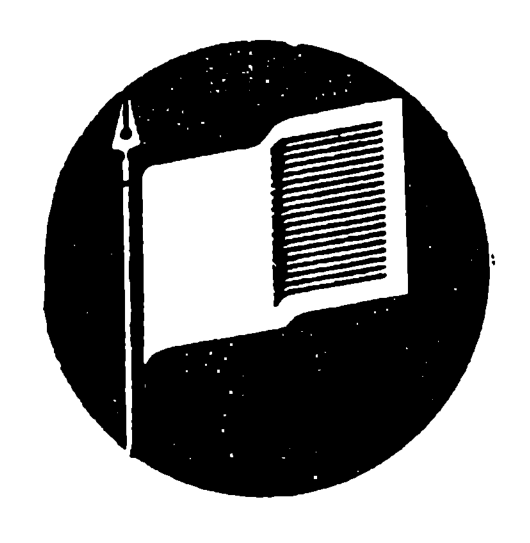
Однако как себя чувствуют простые русские верующие, которых у нас в стране 60 миллионов человек, как чувствуют себя те иерархи, священники и монахи, которые не могут пойти «ради мира на земле» против Учения Церкви и сохраняют верность Православию?

Потом, что это за странная «борьба за мир, дружбу и прогресс», в которой возвышается синагога и римский папа, а *Православие* уничтожается?!

Понятно, что спешным образом идет строительство иудаистского Государства Израиль, где кнессетом официально в ранг государственной политики возведена религия Талмуд Торы, понятно, что у нас в стране нашлось много желающих подзаработать на слезах и страданиях православных, получая мзду от Запада, политико-экуменический курс Израиля обеспечен твердой валютой, и если сегодня у нас торгуют землей под захоронение отходов АЭС ФРГ, о чем писал журнал «Сельская молодежь» в 1989 году, торгуют девочками на Пионерских прудах в Москве для фотосъемок в обнаженном виде в Америке, торгуют пантами оленя марала, кровью русских доноров, о чем писала «Медицинская газета», то торговля православными монастырями с экуменическими монахами специально для Израиля не может не вызвать интереса общественности нашей страны.

Да хранит Господь Москву и Россию.

Георгий ФЕДОТОВ,
инок Псково-Печерского монастыря

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Станислав **ЗОЛОТЦЕВ**

ИСПЫТАНИЕ РОССИИ

КОГДА ОТКРЫВАЮТСЯ ШЛЮЗЫ

В древности было сказано: нет ничего сильнее идеи, для которой пришел ее час. Идея, которой зажжены и движимы многие наши соотечественники, — возрождение России как государства, возрождение ее культуры, — эта идея подошла к такому часу, который поистине можно назвать роковым. Если ее осуществление будет задержано или отложено на неопределенный срок вскоре нечего уже нам будет возрождать, нечего возделывать. Вспомним, что понятие «культура» относится не только к книжности и искусству. По-латыни культура — в о з д е л ы в а н и е. Не только земли, но всего, что есть жизнь. Постоянный, день за днем, год за годом движущийся труд созидания — гóрода, селà, сàда, своего дома, взращивание детей, прокладывание дороги... Но время идущее, которое должно стать временем созидания, возрождения, сохранения и сбережения м и р а (во всех смыслах этого русского слова — и земли, и ее спокойствия и процветания), мира крупнейшего славянского народа и его страны, в которой живут и трудятся многие братские нации и народности, —

это время, к несчастью, может обернуться — и уже оборачивается — временем разрушения, распада и отрицания вековых национальных ценностей и устоев, окончательным их забвением. Такой час видим мы сегодня на часах истории нашего государства.

В начале этих нелегких своих размышлений выскажу самое, пожалуй, болевое мое ощущение. Сколько в прежние годы мы бранили так называемое «разорванное общественное сознание», хвалясь своей монолитностью, столько нынче — в буквальном смысле сегодня — оно стало самим воздухом нашей жизни. Небывалое расслоение, кричащая поляризация сил и группировок. Конечно, все это естественно, и никакой печали здесь не было бы, размежевания после искусственного и насильственного «единения» не избежать, но... Кому доводилось видеть, как после долгого перерыва раскрываются шлюзы, тот знает: сначала в створ вылетают потоки, отнюдь не чистой воды, а всяческий сор и мусор, вплоть до дохлых кошек. Так и сейчас, как никогда прежде, проявился нулевой уровень литературно-общественной нравственности нашей, морали общекультурной. Даже внешней порядочностью, парламентаризмом полемики не пахнет. Дубина, утыканная гвоздями, навешивание ярлыков, поливание оппонента грязью остаются главными орудиями в спорах. У всех на устах слово «плюрализм» (говорят, неискушенный люд произносит его так — «плюй в реализм»), а на деле властвует всюду прежняя железная установка — «кто не с нами — тот против нас». Например, если ты не с «Апрелем», то ты противник перестройки, сталинист и т. д. И наоборот...

Так во всем, куда ни кинь взор. Попадает человек, скажем Н., в иной круг вполне приличных людей, где случайно обмолвится, что «Дети Арбата» — это все-таки не «Война и мир», — и его разве что живьем не съедят. Бежит он из этого круга и попадает в компанию, где ненароком заметит, что Илья Глазунов не принадлежит к числу его любимых живописцев — и снова смазывай пятки. В третьем же вполне интеллигентном доме зайдет беседа о музыке, и тот же Н. скажет, что Гаврилин нравится ему несколько больше, чем Шнитке, — и на него посмотрят как на питекантропа. Доброжелатели его увещевают: «Будь как все, выбери определенную позицию, платформу». Но ведь выбрать *свою* позицию — значит уже не быть «как все»...

Может, я и ошибаюсь, но у меня складывается такое впечатление при чтении нашей периодики (любых «флангов»), что собственно до искусства, до художественности, эстетики — почти никому не стало дела. Слово, его вес, объем, цвет, звук, вкус, оттенки — все это перестало быть предметом разговора в работах даже тех критиков, что прежде слыли аналитичными и тонкими исследователями. Даже когда в статьях и рецензиях речь идет о подлинных художниках — не о поверхностно-«разоблачительской» публицистике в стихах и в прозе, нет, когда рассматриваются вещи, где стилистика, колорит и своеобразие почерка создают неповторимую «вселенную» слова, — даже в таких случаях разговор ведется чаще всего в исключительно социально-политическом ключе, с соответствующей, клишированной, терминологией. «Происходит политизация сознания», — скажут мне, а я отвечу: до настоящей политизации еще далеко, идет небывалое наступление того, что было всем нам столь ненавистно прежде,

наступление вульгарного социологизма, только в одежках «прорабов духа»... Самобытность искусства, самородность слова — похерены, они — что мяч в том футбольном поединке, где команды соперников уже не играют, а лупят друг друга: мяч же заброшен куда-то за трибуны...

А ведь время и люди ждут от нас иного. Стоит вспомнить, что писал Блок на пороге великих потрясений, в 1915 году: «...Теперь, когда твердыни косности и партийности начинают шататься под неустанным напором сил и событий, имеющих всемирный смысл, — приходится уделять внимание явлениям, не только стоящим под знаком «правости» и «левости» (вот откуда и мои кавычки. — С. З.); на очереди — явления более сложные, соединения, трудно разложимые, люди, личная судьба которых связана не с одними «славными постами», но и с «подземным ходом гад» и «прозябаньем дольней лозы». Не пророчески ли для наших дней звучат эти строки? Далее Блок говорит: «Белинский, служака исправный, торопливо клеймил своим штемпелем все, что являлось на свет божий». Может, резковато по отношению к «неистовому Виссариону» сказано, но надо признать — нынешние его последователи «справа» и «слева» наперегонки спешат наложить тот или иной штемпель «политизированного сознания» на современную литературу, на культуру в целом.

И мой бедный Н. начинает понимать: дело вовсе не в особенностях палитры И. Глазунова, не в богатстве языка Астафьева, не в особенности полифонии Гаврилина, не в разнице меж пластикой В. Клыкова и скульптурными принципами, скажем, В. Сидура, а в том, что каждое из этих имен есть своего рода «фирменный знак» того или иного течения, той или иной группировки. И не позицию ему советуют выбрать, а стаю. А он не хочет быть в стае. «Ты за «Память» или за «Мемориал»?» — спрашивают его. «Идите вы все к лешему, я за истинную русскую словесность, за настоящую культуру России, черт вас дери!..»

Предвижу упреки: тоскуешь, мол, по застойным временам, когда вольно было рассуждать о художественности, не касаясь реальных больных проблем бытия. Но вот я включаю «голос из-за бугра» и слышу интервью, которое дает мой бывший однокурсник по филфаку Ленинградского университета поэт Виктор Кривулин, не печатавшийся в былые годы (разве что за рубежом), во многом мой антипод по социально-эстетическим воззрениям, но человек глубоко искренний. И вот гонимый в прежние годы ленинградец, рассуждая об альманахе «Стрелец», целиком отданном нашему «андерграунду» и «авангарду», искренне признается (привожу его слова по записи из эфира). «При гласности мы потеряли аудиторию... Публицистика отсасывает все читательское внимание... Сегодня, когда у нас печатаются Ходасевич, Гумилев и другие, мы поняли, что наш прежний язык устарел, он уже не годится для выражения нынешней жизни». Так что же, выходит, что и отверженные застоем по застойным годам тоскуют? Отчасти их можно понять: в безгласности было легче казаться экстраординарным явлением. Но дело все же в ином — сегодня действительно всем не годятся прежние формы мышления, изменились с возвращением к нам прежде запретных страниц золотого фонда словесности и критерии, и ориентиры, и меры высоты творчества, культуры, философии, а мы застопорились на «политизации сознания»...

Теперь о другом, хотя, пожалуй, о том же. Думаю, все земные

грехи простятся тем, кто добился публикации у нас «Архипелага ГУЛАГ». Перечитываю его и вижу, что сегодня эта вещь воспринимается иначе, чем годы назад, в «самиздатовской» рукописи. Уверен, что все, вместе взятые, произведения «из стола», отечественного или зарубежного, опубликованные в последние годы, не сравнятся с «ГУЛАГом» по силе воздействия на мировосприятие читательских масс. Многим станет ясно не только то, почему были против Солженицына люди из «высшего эшелона» власти — это-то естественно, — но и то, почему он оказался враждебен иным нашим «прогрессистам». Ибо мыслящий человек, прочитав «Архипелаг», не сможет воспринимать нашу новую историю не только по каноническим учебникам, но и по той «программе истории», которую предлагают, скажем, пьесы Шатрова. Не по духу этот подвиг Солженицына тем, кто «зациклился» лишь на терроре тридцатых, считая сталинизм явлением самостоятельным, не коренящимся в самых начальных деяниях новой системы. Конечно, многим будет страшно прочитать в нашей прессе вот такое откровение: «Впрочем, Ленин с Троцким — чем же лучше? (Сталина. — **С. З.**) Начинали — они». Для многих раздумья над книгой станут прощанием едва ли не с самым главным мифом их бытия — с мифом о «гуманном Ленине», о «человечной природе» системы, утвердившейся после Октября. Но это жестокое прощание рано или поздно должно было произойти: вера в миф и подлинная вера суть вещи разные...

В том беда нашей перестройки, что она началась с лозунгов и ими же продолжается. Общим местом стало утверждение, что у руководства страны не было ни четыре года назад, нет и сейчас целостной и всеобъемлющей экономической программы. Но едва ли не печальней то, что нет у него и программы идейно-нравственной, нет плана той громадной работы, которая должна быть свершена, чтобы вернуть людям, народу, нации чувство высокого исторического достоинства, вернуть высшее достояние — сокровищницу духа, в которой главное место занимает Слово, Книга...

А теперь, пожалуй, о самом горьком. Вспоминается лето, прожитое в деревне на родной Псковщине. Рядом, рукой подать — Эстония, Латвия, с юных лет знакомые и любимые. Жаркие августовские события в них, бурная их жизнь последнего времени вообще... Знаю их землю и бытие ее «изнутри», в разное время дружен был и остаюсь со многими латышами и эстонцами, самых разных профессий, от крестьян до поэтов, жил в их домах, немало страшного слышал об их трагедиях былых десятилетий.

Многому я сочувствую и сострадаю в нынешних помыслах и делах прибалтов. И — пусть со мной не согласятся мои московские друзья — я точно знаю: не экстремисты были в людской цепи, рукопожатьями соединившей столицы трех республик. В ней был народ. Хотя, конечно, экстремистов хватает. Вплоть до тех, кто откровенно вздыхает по фашистским временам. Но народ не экстремисты. И не могу я одобрить тех своих соотечественников, которые с яростью скандируют у райкомовских дверей лозунги о нежелании знать эстонский или латышский языки.

Пусть прибалты действительно станут хозяевами своей земли (как и все другие народы страны). Захочет большинство из них — пусть даже выходят из Союза, я так считаю, — не уверен только, что из этого что-то доброе получится.

Пусть все идет своим путем. Но — почему путем возрастания

неприязни, а то и ненависти к моему народу, который — не будем залезать в давнее прошлое — все последние 70 лет был донором для всей страны, таким щедрым донором, что сам сегодня предельно обескровлен. И почему стремление к самостоятельности должно противоречить элементарной справедливости. Взять бытовую сторону — в Тарту и в Резекне сегодня приезжий россиянин не сможет и полбуханки хлеба купить, «только для коренных жителей», прибалты же в Пскове и повсюду беспрепятственно покупают любой дефицит.

Если б это касалось только быта: но границы возводятся уже и на ниве культуры. Вот мой личный опыт: после ряда лет тесного сотрудничества (писал об их прозе и стихах, переводил, даже годовой премией был отмечен) получаю уведомление из таллиннской редакции — теперь мы печатаем произведения только тех русских, что живут у нас в республике. К слову сказать, подобное «самосознание» не только в Прибалтике проснулось: киргизское издательство заказало мне книгу о поэзии республики, а через год без тени смущения уведомило о том же: мы, мол, будем печатать только местных авторов. Это уже что-то за пределами разумного...

Но не менее печально и то, что некоторые наши литераторы с сугубо славянскими именами и фамилиями начинают подыгрывать этой антирусской музыке, «клеймить штемпелем» своих же соотечественников. Вот читаю строки Владимира Корнилова об уходе наших войск из Афганистана; попытка перифраза старого военного гимна: «Гром победы, раздавайся! Не оправдывайся, росс, А с позором расставайся, Что давно к тебе прирос»...

Боже ты мой, думается мне, да когда же мы, россияне, и впрямь перестанем не только позволять другим в лицо себе плевать, но и сами себя оплевывать! При всем сострадании к былым терниям судьбы одаренного поэта мне хочется ему сказать: ведаете ли Вы, что говорите?! Неужели и вправду Вы считаете, что понятие «позор» срослось с понятием «русский народ»? Я вот лично не считаю, что народ США покрыл себя позором из-за того, что его сыновья воевали на вьетнамской земле, расположенной намного дальше от их родины, чем Кандагар от Кушки. И можно ли вообще винить н а р о д в его несчастиях? И потом, если уж говорить о конкретной точке истории: разве только юные россы сражались под Гератом и Кабулом? Нет, там были и прибалты, и молдаване, и среднеазиаты, — что ж, выходит, и к их народам «прирос позор»?

Лично моя точка зрения однозначна: олигархией, которая правила нашей страной, было принято преступное решение, которое привело к трагедии, к великой крови. Правительство — было виновно, Политбюро — было виновно, Верховный Совет — тоже. Народ — нет.

Как и во всех других ситуациях... Этим же летом смотрел телетрансляцию из Ленинграда: запомнилось выступление на общегородском активе одного заводчанина. Он сказал: не было в народе застоя. Был застой в Политбюро, в правительстве, в правящем бюрократическом слое. А народ — народ не стоял, он работал.

Стопроцентно прав, по-моему, тот ленинградец... Люди работали, как могли, хотя сверху отбивали им «привычку к труду благородную», и не без успеха. А вот сегодня заметно: есть и в рабо-

те народа усталость, апатия, словом — застой наметился, ибо нет у людей никакой уверенности в завтрашнем дне. Но и это не их позор, а позор властей предержащих. Бюрократия — вненациональна...

Словом, очень сложные чувства владели мной, когда я увидел живую людскую цепь, народную реку прибалтов, одетых в свои национальные костюмы, поющих свои древние песни, взявшихся за руки от Таллинна до Риги и от Риги до Вильнюса. Тревога, сострадание, горечь и — в самую первую голову — зависть! Да, именно зависть. Они — латыши, эстонцы, литовцы — смогли взяться за руки. А мы, народ, давший миру Пушкина и Толстого, Достоевского и Есенина? Мы, потомки новгородского веча, уральских рудознатцев и сибирских землепроходцев? Ведь если бы мы взялись за руки — пусть символически, — то наша народная цепь протянулась бы не только от Питера до Владивостока, но и — от скрижалей, начертанных глаголицей на плитах в фундаменте киевской Софии, от строк любви, начертанных на северной бересте тысячу лет назад — до пронзающей сердца горечи и обжигающей любви в творениях нынешних народных заступников и подвижников, чьи имена уже знает весь мир. Но мы, россияне, еще не сомкнули наши руки и души в единую цепь.

ЮРЬЕВ ДЕНЬ — ИЛИ ВРЕМЯ СОЗИДАНИЯ?

С самого начала должен заметить: не о главном, не о том, что тревожит меня более всего, пойдет речь. Но все же о том существенном, что стало одним из ключевых вопросов нашей жизни.

Не столь давно встретился со старым добрым знакомым. Сверстник, человек с «технократической» жилкой, но унаследовавший и каким-то чудом сохранивший в себе черты «земской» интеллигентности, обостренной совестливости, он набил себе немало шишек и синяков. Один из тех немногих людей, что в 70-е годы пытались проламывать бетонные стены бюрократической косности. Помнится, в те времена я спросил его, зачем он вступил в партию (сам себя тогда вопрошал об этом же), — ответ был прямым: «Чтоб сподручней было с дураками драться!» Сподручней не получилось: в тех же 70-х заработал и инфаркт, и «строгача». В эйфорию от новых веяний не впал, но еще года два назад, как говорится, жил на подъеме. А вот его нынешнее откровение: «Знаешь, каждый день борюсь с одним и тем же искушением. Хочу положить в конверт партбилет и послать его Горбачеву, и письмо приложить, объяснить, что не могу я больше отвечать за весь этот кошмар, который творится с благословения партии. Сам понимаю, это не выход, и Распутин ваш прав — стыдно с корабля в бурю бежать, но ведь что на капитанском мостике творится? Сил нет...»

И еще одна встреча — с приятелем-поэтом из союзной республики. Не буду называть его: в нынешней ситуации это для него было бы небезопасно. Скажу другое — человек европейской культуры, он по-настоящему народен, и о возрождении национального самосознания он бил в колокол еще тогда, когда почти все его земляки-литераторы молчали. Ныне он — не только в рукодстве своего СП, но и один из ведущих активистов республиканского Народного фронта. И мало кто из моих знакомых в

прежние годы столь яростно костерил все, что связано с аббревиатурой КПСС, как он. Тем более был я потрясен, когда, разговорившись, он «понес по кочкам» именно свой Народный фронт!.. Причины: та же массовая «партийность», только под другими лозунгами и флагами, сплошные политико-идеологические жесты, новая аппаратная «элита», обрастающая всякой накипью, любителями громких фраз, и — что всего печальней, как и прежде — до истинного возрождения массы как нации, этноса, до сохранения ценностей народной культуры и языка — дело не доходит, полное равнодушие. «Пытаюсь создать гуманитарный центр с журналом, чтоб молодежь впитывала фольклор, эпос, чтоб ожила духовная почва, на которой наш народ и литература выросли, — так на это у фронта денег нет. На митинги, оркестры, плакаты, на всякие другие декорации — есть, а на то, что не дает немедленного эффекта, на глубокое дело — нет! Чем же мы лучше прежних официозов?!» И уж совсем я потерял дар речи, когда у моего коллеги вырвалось: «Наверное, придется в ЦК пойти, там решать...»

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — сие старинное присловье вспоминается мне в своем неироническом, буквальном смысле, когда я размышляю над этими двумя и многими им подобными встречами и разговорами. Не хочу демонстрировать свое всепонимание или особую широту взглядов, но все-таки мне кажется, что каждый из двух моих добрых знакомых прав по-своему. Идет непрерывный и длительный «Юрьев день» — сколько людей на глазах поменяли свои позиции и платформы, сняли маски или надели новые, встали под иные флаги, и лишь немногие показали свое истинное лицо. Иначе и быть не могло, но есть в этой закономерности какая-то ужасающая уродливость.

По-своему правы, сдавая свои партбилеты, те, для кого имя — и время — Сталина остаются святыми: они вступали в другую партию, не в ту, что сегодня отреклась от сталинизма. Равно как и те, кто ужасается от сознания того, что они находятся в партии, ответственной за все — все без исключения — кошмары террора, преступления против народа и человечности, трагедии, беды пережитых страной семи последних десятилетий. Ведь, как бы ни обновлялись ее ряды и установки руководства, она все та же, ведущая свой отсчет от Первого съезда... И где гарантия у рядовых и не очень рядовых ее членов, что им в грядущем не придется вновь «изгибаться вместе с линией»?

И как не понять мне моего сверстника, о котором сказано в начале заметок: если читатели ждут моего личного мнения, то вот оно — я с ним во многом согласен. Ибо только слепому не видно: слова руководства партии по-прежнему очень далеко расходятся с делами. «Направляющая и руководящая сила» выражается лишь в том, что аппарат его высших и средних эшелонов не желает расставаться со своей властью (читай — с положением, с верховным социальным статусом), но не делает ничего для того, чтобы употребить эту власть хотя бы на стабилизацию обстановки, хотя бы на приостановление хаоса, кризиса и развала в экономике, в обеспечении людей самым необходимым, в межнациональных отношениях. Каждый день гремит новый гром, а из уст первых лиц в партии и государстве исходят лишь самые общие и очень часто пронизанные прежним догматизмом фразы, утверждающие преимущества социализма, его «колоссальные ре-

сурсы» и т. д. Самое конкретное — обещания разобраться и наказать виновных. А воз... нет, не там, он уже в болоте.

(Заметили ли вы, что в последние годы слава великого русского баснописца переживает свой новый взлет: пресловутый «воз» — в любом номере любой газеты, прочно утвердился термин «васькизм», а об иных заседаниях Верховного Совета телезрители отзываются так — мало того, что это лебедь, рак и щука, но они еще хотят втроем сыграть квартет. О, пророческая миссия русской поэзии!..)

На что же и на кого же надеяться в том явлении, которое зовется партией? Ведь, с 1985 года начиная, ни в одном из документов ЦК и Политбюро, ни в одном из выступлений их членов, ни в речах, интервью и докладах представителей так называемого «мозгового центра» не было предложено никакой реальной программы экономического, политического и культурного возрождения страны. Опять-таки — лишь самые общие фразы и лозунги о необходимости перестройки. Скажут: есть же Программа партии — но, уверен, положа руку на сердце, никто не признается, что помнит из нее хоть что-либо конкретное. Про «коммунизм через 20 лет», слава богу, все забыли. «Каждой семье по квартире к 2000 году» — нет, это не из Программы, но из прожектов того же уровня... Надежда на сильную руководящую личность с талантом консолидатора? — но взять хотя бы нас, писателей, — как мы можем верить и доверять высшим руководителям партии, ответственным за культуру и идеологию, если ни один из них ни разу за все годы перестройки не встретился с нами (с широкой писательской аудиторией, на собраниях или хотя бы на пленумах правлений СП, а не с десятком «избранных»), несмотря на многие наши обращения. Что это? — да та же боязнь и неумение говорить с людьми, что и раньше, причем на всех уровнях, от Секретаря ЦК до райкомовского секретаря по идеологии...

Слов нет, справедливо и заслуженно многие люди (не только партийцы) связывали и до сих пор еще связывают свои добрые надежды с именем нынешнего Генерального секретаря, ставшего и Президентом. Но будем откровенны: его популярность в массах за последнее время несколько снизилась — и не без причин. Критикующие М. С. Горбачева (открыто и в зарубежных интервью) называют среди этих причин и некоторую непоследовательность в проведении собственных решений, и половинчатость принимаемых мер, и многое другое. Доля истины в подобных упреках, видимо, есть, но поверьте мне, вовсе не из боязни (кто нынче кого боится?) и не из чувства «субординации» я не хочу метать стрелы в Генсека. Ибо при всех недюжинных интеллектуальных силах Михаила Сергеевича нельзя сейчас ожидать от него большего, чем то, что он сделал и делает. Ибо он — первый, но не «среди равных». Вокруг него — аппарат, высший партийный слой, в котором есть и талантливые, и горящие людские натуры, но в массе своей эти товарищи — даже при желании, при искренних намерениях — не способны сдвинуть гору. Не способны выработать ни новую концепцию деятельности партии, ее места в жизни страны, ни тем более панорамную теоретико-философскую, социально-экономическую и культурную программу развития и обновления общества. И это тож не вина, а беда многих из них: нужен иной уровень мышления и мировосприятия, а

его попросту и быть не может. Одному же человеку такая задача тем более не под силу, даже если он генсек.

Так можно ли не понять искренних и честных людей, которым стало трудно или даже невозможно быть членами политической организации, до сих пор считающей себя главным носителем власти в стране, но не имеющей реальной программы действий, направленных на то хотя бы, чтобы люди жили по-людски, без лишений и горя... Не говорю уже о том, что в последние годы «знаменем перестройки» и именем Горбачева клянутся многие из тех «деятелей» экономики и культуры, для которых еще лет семь назад понятие «советское» было исчадием ада, — равно как и многие из тех, кому жилось на Руси вольготно и весело во времена «застольные», да и в более ранние. Купавшиеся в фаворе, в славе, венчанные лаврами премий, они не вылезали из загранпоездок (попутно клеймя в своих произведениях хищников империализма и загнивающий Запад), а ныне стали «прорабами перестройки». Такие приметы «Юрьева дня» тоже не идут на пользу правящей партии.

Ну, ладно, могут сказать читатели-коллеги, автор этих заметок, кажется, решил вопрос, поставленный им перед самим собой, отверг или, по крайней мере, поставил под сомнение необходимость существования партии, основанной российскими марксистами в качестве нынешней ведущей политической силы государства. А что же за альтернативу он предлагает?

А вот с альтернативой, должен признаться, дела обстоят, на мой взгляд, очень неважно. Это еще «мягко говоря». И приведенный выше разговор с поэтом из союзной республики — лишь одно из великого множества подтверждений тому. Народные, рабочие и другие фронты, комитеты, фонды, объединения — несть числа им, образовавшимся за последние годы, формальным и неформальным, пользующимся поддержкой «верхов» или подвергающимся милицейскому остракизму. При всем их разнообразии или даже враждебности друг другу у них есть некоторые общие черты. Прежде всего заявления и декларации большинства из них содержат о т р и ц а н и е тех или иных прежних порядков, систем и стандартов, отрицание чаще всего справедливое, но и только: критический заряд не дополняется зарядом позитива, энергией предложения. «Разрушим до основанья» — это звучит почти всюду, а вот какой «новый мир» строить и как его строить — этого конкретно почти никто не предлагает. Митинговость и лозунговость деятельности большинства подобных групп уже стали притчей во языцех. Общие громкие фразы и утверждения с демагогическим отливом удивительно роднят выступления их лидеров с речами высших партийных функционеров... Нет стремления к созиданию.

И все же у некоторых из новых движений есть действительно продуманные, аргументированные, разумные и добрые программы обновления. Особенно это относится к движениям, созданным на основе культурно-исторического возрождения, восстановления и сохранения ценностей языка, литературы, зодчества, природных богатств, а также к тем, что были рождены волей людей, изнемогших от социальной несправедливости на производстве, на шахтах и заводах — стачкомы, например, или ОФТ (А. Салуцкий нашел очень точную формулу: «фабрика», противостоящая «улице» — то есть созидательное действие, противостоящее шумной,

но бездеятельной митинговой стихии). Однако и это не альтернатива. Хотя бы потому, что даже самые конструктивные программы и предложения таких организаций являются каждая сама по себе лишь частью той общей генеральной идеи развития государства, идеи, которой у нас нет, но которая должна быть рождена. Их целевые установки имеют, я сказал бы, «секторное» значение: одни манифесты носят региональный характер, другие — профессиональный, в третьих делается упор на экологию, в четвертых — на сохранение самобытности нации; все это прекрасно, однако показывает, что ни одно из новорожденных движений не может стать силой, объединяющей под своей эгидой большую или хотя бы наиболее значимую часть населения, состоящего из самых разнообразных слоев. Ни одна из их программ не является целостной доктриной грядущей жизнедеятельности народа, его общественно-исторического пути. А без этого ни одна из организаций не может стать партией, пусть не единственной, но хотя бы одной из ведущих сил общества. Так — в масштабе всей страны, в России, в других больших республиках (может быть, Прибалтика в какой-то мере исключение в силу малочисленности населения, но и тут нет уверенности) Строго говоря, лишь самые одиозные из «неформалов» претендуют на такую роль, именуя себя «партиями», но ведь сколько ни кричи «халва», во рту сладко не будет...

И, наконец, то, что столь тревожит моего приятеля-поэта: действительно, буквально на глазах происходит стремительная бюрократизация многих новых движений, фондов, комитетов и т. д., как «левых», так и «правых», как рожденных с добрыми идеями, так и созданных на явно экстремистской основе. «Неформалы» в кратчайший срок становятся лютыми «формалами», обретают все свойства аппаратного лидерства и столоначальничества, заплывают жирком элитарности и самодовольства, как тут обойтись без лозунгов типа «мы самые-самые», «лучшие умы и таланты — лишь у нас», «нигде, кроме, как в «Апреле». И забвению предаются первоначальные добрые цели и намерения — если они были, забывается главное — благо людское, дело народа (вспомним, на латыни это и есть «республика»...).

Печально — но неудивительно. Причины коренятся в том же, в чем и догматическая «неколебимость» многих высших партийных руководителей. Да что говорить?! — уже не только по «голосам», но и в нашей прессе начинают звучать упреки рядовых священников и прихожан в адрес церковных иерархов, жалобы на «застойность» в умах и деяниях отцов нашего православия. Поистине все мы одним миром мазаны, только «мир» в данном случае — не «миро» а именно мир, общество, его атмосфера. Словно некий невидимый «анти-Мидас» растворен в этой атмосфере: едва прорастает что-то доброе, тут же превращается в... антипод золота... И нельзя тут особенно винить людей, действующие лица в новом акте драмы — почти все те же, что и в прежнем, переменить свою натуру, привыкшую к стереотипам, человеку трудно, порой и невозможно. Как было сказано в «Пугачеве» Есениным: «Человек в этом мире не бревенчатый дом, не всегда перестроишь наново». Ох, если бы власти предержащие почаще читали хороших поэтов!.. Даже избу собираясь перестраивать или ставить наново, разумный крестьянин имел в уме ее проект,

знал, в три окна будет дом или в пять. Что уж говорить о перестройке дома для всей страны...

Предвижу вопрос: а разве Советы, «большие» и «малые», от Верховного всей страны до сельских, разве корпус народных депутатов, их Съезд — разве они не могут стать направляющей и руководящей силой народа и общества? Ну, во-первых, все мы видим, с каким «скрипом», с какими муками идет (верней, совсем пока не идет) процесс передачи власти Советам. И при всем оптимизме трудно ожидать, что они обретут реальную власть при жизни нынешнего зрелого поколения. Но главное: о какой власти идет речь? Об административной, государственно-законодательной, экономической, хозяйственной? — да, тут у Советов должна быть вся ее полнота. Но противоестественным было бы представить, что Советы даже в идеальном грядущем их варианте могут стать идеологическим институтом, органом, определяющим и консолидирующим общественно-социальную, духовно-нравственную жизнь государства. Речь не о «вопросах культуры». Нет, о той силе, которая в своей деятельности смогла бы воплощать не временные политические, экономические или культурные ориентиры и установки, но принципы и законы, естественно созданные за века духовной энергией народа, стать аккумулятором этой энергии, магнитным стержнем в интеллекте нации, определяющим общее направление ее исторического пути. Никакому Верховному Совету, Съезду и даже лучшим, умнейшим и совестливейшим народным депутатам, вместе взятым, и ныне и в будущем, такая задача не только не под силу — она не в том русле, которое предназначено для их работы.

...Возвращаюсь на круги своя. Отрицательный опыт — тоже опыт. Нельзя отвергать начисто главные формы существования общественно-политической системы, которая была реальной силой на протяжении многих десятилетий, отбрасывать все начисто ее идеологические и прочие институты. Так не делает ни один разумный народ, ни одна страна. А там, где подобное происходило, ничего путного, во-первых, не получалось, а во-вторых, рано или поздно режим осознавал необходимость возврата хоть к каким-то основным из прежних, устоявшихся форм. Опять-таки вспомним поэта: «Привычка свыше нам дана». Да, привычное — пусть оно не замена счастью, но все же гарант нормального развития жизнедеятельности общества и отдельного человека. Взять колхозы: уродливой и страшной была история их создания, но они существуют уже более полувека, и не потому так плохо обстоят дела с арендой и иными формами, что этому мешают чинуши, а прежде всего потому, что сельским людям уже почти невозможно помыслить своего труда в иных рамках, кроме как в колхозных. И если завтра чья-то лихая голова прикажет распустить все колхозы, то послезавтра уже и по талонам ничего не купим... Нужно, просто необходимо использовать то устойчивое, давно сложившееся, привычное, что есть в опыте общества, как бы ни был тяжек этот опыт. Разумеется, наполняя прежние формы новым содержанием — тогда они в грядущем сами собой естественно изменятся. А содержание это действительно должно вырастать из особенностей натуры народа, соответствовать его характеру, специфике исторического бытия. Ведь та же идея коллективного сельского труда была заложена в общине, в «мире». И ведь не потому же мы решили возвратить власть Советам, что некогда

существовал такой лозунг: «совет», «дума», «круг» — как ни назови — эти формы коллективного руководства были созданы нашими предками. И, что там ни говори, при всем нашем недовольстве прошедшими выборами и «броуновским движением» на заседаниях нового парламента, нельзя не признать: дело сдвинулось, перед нами возник целый ряд людей с державным мышлением, прежде нам неведомых, выросших именно в массе народной...

Так, по моему убеждению, обстоит дело и с существованием партии коммунистов. Я говорю о возможности, даже необходимости *создания* такой партии в России. Именно создания, а не механического «перехода» в нее тех граждан России, у кого есть партбилеты. Партии, которая стала бы ведущей — или одной из ведущих — идеологической и духовной силой в России, основав свою доктрину на всем многовековом опыте страны с этим именем. Сконцентрировав в своей философии и в конкретных программах главные интеллектуальные ценности, присущие именно этой стране и ее народу. Только тогда она станет своей, действительно *Российской* партией.

Ведь тот политико-экономический гигантский эксперимент, что был начат в 1917-м, «провалился» (выражение Ленина незадолго до его смерти) прежде всего потому, что в большинстве своем лидеры партии, называвшейся Российской коммунистической, не только не знали России, русского народа, его неписаных законов и обычаев, укладов его труда и быта, его истории и культуры, но и не хотели знать. Не говоря уже о том сложнейшем комплексе этнических, языковых и религиозных особенностей и взаимоотношений, который сложился на российской многонациональной земле. (Не знаю, кому как, а мне неприятно видеть в одной из ленинских директивных записок слово «инородец» по отношению к Дзержинскому, пусть тот и за дело был обруган...) Все это для людей, пришедших к власти, было лишь «материалом для строительства», и учитывать специфику этого материала они не хотели, да и не могли. Не случайно же ведь Плеханов и Засулич не обнародовали письмо Маркса, в котором говорилось о совершенно особом пути развития революционного движения в России, пути, предопределенном самобытностью ее сельской экономики и жизни народа. В этом незнании, непонимании и неприятии России — исток любой из последовавших трагедий, будь то уничтожение крестьян, будь то разрушение святынь.

Возрождение России как государства, а не только как «самой большой республики», стало сегодня, думается, высшей идеей для многих людей. Пусть их и не большинство среди жителей страны Аввакума, Петра, Пушкина, Блока, Толстого и Достоевского, и не большинство среди тех россиян, что сегодня зовутся членами КПСС — они жаждут служения этой идее, и они должны быть сплочены. Сплочены духовно, а не повязаны «партийной дисциплиной». Какие рамки, какие формы и даже какое название будут у этой организации — вопрос не самый важный. Важно другое: не «директивы» должны исходить от нее, а энергия веры и разума, зерна тех идей и идеалов, что рождены духом народа.

О ВОЛЕ ИЛИ О «СВОБОДАХ»?

Я не случайно написал это слово — воля. Именно воля, а не свобода... Воля — больше, чем свобода, по крайней мере для тех,

кто мыслит и чувствует на русском языке. Древнейший наш «жгучий глагол», как мало какой другой, характеризующий миросознание нашего народа. В нем воедино слились и земля, почва, поле (не только как пахота, но и как ширь и даль, в которые может вырываться стесненный дух: не зря же с «полем», как с «долей», «недолей» и «болью», это слово чаще всего и рифмуется), и космизм, чувство необъятной вечности времени и пространства, что лишь на громадах российских просторов можно ощущать в полной мере, и — самое ярое, целостное и неодолимое проявление личностных желаний отдельного человека и людского множества. Воля...

Слова наши, сколь бы мы ни были ими недовольны, выражают нашу реальность. А потому меня нисколько не удивляет, что в бьющихся друг о друга штормовых волнах журнальной и газетной публицистики последних лет, в речах, докладах и интервью — всюду слышится лишь слово «свобода». Прекрасное само по себе, оно по-дурному вписалось в громово-пошлую мешанину лексики нынешних споров и дискуссий, в тот язык, который, по выражению Ивана Бунина из его «Окаянных дней», состоит «сплошь из высокопарнейших выражений вперемешку с самой площадной бранью по адресу грязных остатков издыхающей тирании». Иные времена, но страна-то одна и та же... И может быть, прежде всего в том состояла трагедия России (о ней, о той, что стала ныне всего лишь «самой большой республикой», веду речь) в нашем веке, что тоталитаризм, лишь в отдельные эпохи проявлявшийся в недрах ее государственности, был доведен до абсолюта новым режимом, новой системой власти и пришел в абсолютнейшее же противоречие именно с волей народа, с многовековой сутью его духовного и земного бытия. И — подавил ее.

Потому-то и звучит всюду слово «свобода», а не «воля», что первое из них гораздо уже второго, оно относится прежде всего к социально-политической сфере жизни, к «верхнему» слою сознания, менее касается личностных духовных основ, неразрывно связанных с основами народной натуры, самобытности национального характера, столетиями складывающихся. А в нынешнем газетно-журнальном и радиотелевизионном «контексте» это слово и вовсе обретает чаще всего вульгарно-социологизированное звучание. То самое, которое всем в зубах навязло — и все-таки пока неодолимо. Силен еще в нас «городовой».... Дай Бог, если все, как говорится, пойдет путем именно воли народной, путем исполнения естественных, самой природой и разумом продиктованных желаний трудового людского множества...

Повторюсь: слова отражают действительность. Покуда речь в различных концепциях обновления идет лишь о свободе, верней даже о «свободах», а не о претворении в жизнь простых и извечных помыслов и стремлений людей к делу — все то, что мы зовем перестройкой, будет демонстрировать свою ограниченность и узость в сравнении с тем, чего жаждут массы людские. Перестройка останется поистине лишь «революцией сверху», то есть при всех положительных сторонах — новой насаждаемой схемой, относящейся лишь к политическому слою государственности.

А жизнь — как существование отдельного человека, так и бытие народное — выше, шире и глубже любых схем. И люди — будем откровенны — в большинстве своем (а меньшинство — большую

часть своего времени) заняты отнюдь не проблемами общественно-политического развития. Люди, как всегда, хотят есть и пить, причем желательно хорошую и недорогую пищу и чистую, неотравленную воду. Люди хотят работать и получать за труд законную плату, а не бумажки, на которые ничего не купишь. Они — уже из поколения в поколение передается это — устали от абстракций и обещаний. (Вот совпадение: пишу, а во включенном транзисторе радиожурналист Я. Смирнов зачитывает письмо пожилой радиослушательницы: «Сколько себя помню, столько лет и слышу — потерпите, затяните пояса, впереди светлое будущее, улучшение; да сил и времени больше нет терпеть...») Люди хотят любить друг друга, рожать и воспитывать детей. Здесь и вступает в свои права духовная сила: желание украсить любовь и ее физическую реальность, зачатие и деторождение не навязываемой ныне вместо соцреализма порнографией, а музыкой, песнями, стихами, украсить дом либо узорочьем резьбы, либо картинами и цветами, землю — садом. И нет предела и края этой жажде красоты в самых простых сердцах, жажде возвышения, рождающейся из самого насущного... Вот — воля людская.

И как же могуча и все еще непобедима машина, подавляющая ее!.. И множество маховиков этой машины по-прежнему исправно работает в предлагаемых и уже претворяемых в жизнь схемах перестройки. «Городовой» тоталитаризма — сталинский, брежневский ли — подспудно властвует, а то и открыто проступает в тех людях, что уже успели возвести самих себя в ранг «прорабов духа», «борцов за обновление». И в тех державных мужах политики и экономики, кого величают в прессе «архитекторами перестройки». Что удивительного: ведь они вышли все — да-да, конечно, — из народа, но прежде всего — «из шинели», только не гоголевской, а все того же «городового», который то «справа», то «слева» убеждает их в неколебимой законности их притязаний на истину в высшей инстанции, на административное право руководить страной, ничуть не принимая в расчет волю масс.

Вот одно из характерных высказываний, принадлежащее высокоруководящему экономисту П. Буничу, из его журнального интервью: «Звучит кощунственно, но сегодня чем хуже — тем лучше. Тем смелее и быстрее пойдем мы на радикальные реформы» («Огонек», 1989, № 47).

Чем хуже — тем лучше. Завидная откровенность экономиста-радикала! Пусть умирают голодной смертью сотни тысяч стариков и старух, живущих на нищенскую (даже с обещанными надбавками) пенсию, пусть зарастают грязью дети, не знающие мыла, пусть умирают младенцы в заразных роддомах, пусть вконец разваливается село, пусть даже хлеб исчезнет с прилавков; тогда изнемогший и разъяренный народ выйдет на улицы, «возьмет за грудки» власть предержащих — а мы примем «радикальные реформы» и осуществим их... Нет, не срабатывает ссылка маститого экономиста на условность наречия «кощунственно»; его логика кощунственна без кавычек. Вспомнил ли он, излагая свою «концепцию», слова Пушкина из «Капитанской дочки» — об ужасе русского бунта? Боюсь, что нет... В воспоминаниях о Твардовском сказано: когда он хотел кого-то укорить в невежестве, то восклицал: «Да он и «Капитанскую дочку» не читал!» Не мешало бы прочитать или по крайней мере освежить ее в памяти и некоторым из наших «архитекторов перестройки».

Некоторые из них остаются «все в той же позиции», что лет 15—20 назад, когда в руках у них еще не было государственных ключей, но кое-какая власть уже имелась. И употребляли они эту власть отнюдь не по-доброму. Особенно когда речь шла о сохранении многовековых ценностей культуры народа, его собственного способа жить на свете, его обычаев, языка, святынь. Вот яркий образец отрицания тех произведений литературы, которые стремились возродить в читателях национально-патриотическую гордость, воспитать в новых поколениях уважение к прошлому Отечества, к жизнетворному бытию русского крестьянства, словом, тех творений, чьи авторы были некогда зачислены в «деревенщики». Их оппонент в своей работе истолковывал, однако, эти произведения как «...воинствующую апологетику крестьянской патриархальности в противовес городской культуре — всеобщей, по словам одного из сторонников этой точки зрения, «индустриальной пляске».

Эта статья была опубликована семнадцать лет назад. Но сегодня-то мы видим, что в выражении «индустриальная пляска» нет никакого эмоционального пережима: Чернобыль, убитые деревни, отравленные реки говорят сами за себя...

Сегодня ясно и иное — жемчужины нашего древнего зодчества и живописи остаются самой ценной почвой для воспитания высоких художественно-эстетических устоев. В них запечатлелась душа народа, его история. И православие, при всех отрицательных моментах его развития, сыграло в этой истории все-таки роль нравственно-очищающей, возвышающей и вдохновляющей на труд и ратные подвиги силы. Потому сегодня и обращаемся мы вновь к этой силе, к мудрости библейского слова, к морали, в чьей основе — нравственная чистота человека. Но что же писал автор упомянутой выше статьи на тех же страницах? «Во многих стихах мы встречаемся с воспеванием церквей и икон, а это уже вопрос далеко не поэтический». Как видим, поэтам, восхищенным величием храмов и святых ликов, инкриминируются вещи вполне определенные.

Напомним: статья напечатана в 1972 году. Самый разгар кампании против «неперспективных деревень», приведшей к обескровливанию и оскудению сельской России. Не будет преувеличением сказать, что это было завершающее звено в той цепи, которая началась «раскрестьяниванием», «расказачиванием», продолжалась кровавыми проявлениями поспешной коллективизации — словом, была планомерным уничтожением подлинного хозяина и радетеля земли. Автор статьи и здесь не отстал от веяний «курса», он пишет: «Ушел в прошлое самый многочисленный социальный слой, порождавший мелкобуржуазное сознание, мелкобуржуазную идеологию». То, что этот класс, кормивший и страну, и зарубежные края, породил сознание Ломоносова, Кольцова, Есенина (называю лишь первые пришедшие на память имена из множества талантов), выдвинул из своей среды немалый и славный ряд деятелей науки, творцов отечественной промышленности, не говоря уже о профессиональных революционерах, — не в счет. Не менее суров автор этой статьи и к тем современным литераторам, кто в пору ее опубликования дерзнул молвить доброе слово о творцах культуры и философии, принадлежавших к высшему классу прошлой России; у первых, по его словам, «...дело дохо-

дило, по сути, до идеализации и восхваления таких реакционных деятелей, как В. Розанов и К. Леонтьев».

В наши дни, когда широкие читательские круги получили возможность оценить светоносность мысли и глубину гуманистических идеалов, содержащихся в творениях двух провидцев, имена которых названы в упомянутой статье, равно как и книги многих художников слова, ввергнутых некогда в забвение на Родине, становится очевидной несостоятельность этих суждений. Равно как и обвинения автором славянофилов прошлого века в том, что главная черта их идеологии — ее «дворянский, помещичий характер».

Вот еще несколько сугубо политических обвинений, выдвинутых в той же статье. Речь идет уже об историко-художественном произведении писателя-современника, оно названо «веховским» и «кадетским»; заключает же свою мысль автор таким приговором: «Советским литераторам... разумеется, чуждо и противно поведение новоявленного веховца». Однако, судя по тому, что «Август Четырнадцатого» А. И. Солженицына появился в нашей печати, наши литераторы придерживаются диаметрально противоположного мнения, пусть и не все...

Но к чему, может спросить меня читатель, к чему сегодня поминать «старые грехи», мало кто семнадцать лет назад не совершал их в той или иной мере, ведь автор цитированной статьи, должно быть, сам уже далек от прежних позиций. В том-то и дело, в том и беда, отвечу я, что он и сегодня остается на них, не отходя ни на пядь. Пора дать конкретные обозначения: статья «Против антиисторизма», напечатанная в «Литгазете», была написана одним из ведущих сотрудников высокого, хотя и не высшего, звена тогдашнего идеологического руководства страны. В прошлом году ее автор, занимающий уже один из самых ключевых государственных постов, на встрече с активом Черемушкинского района столицы так ответил на вопрос о своем нынешнем отношении к той статье:

«...Я не отказываюсь ни от одного слова, которое я тогда написал. Развитие сегодняшних событий еще раз подтверждает, что в 1972 году я был прав». (Информбюллетень «Слово Науки», изд-во «Наука», 17 февраля 1989 г.)

Не удивляйся, читатель, но с этим суждением члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева я спорить не могу.

Все дело в том, что по-своему Александр Николаевич совершенно прав. Можно сказать иначе: прав во многом. И прежде всего в том, что многие процессы, происходящие сегодня в жизни страны, особенно в духовной ее сфере, действительно развиваются согласно положениям и установкам его давней критико-теоретической работы, согласно с ее общей направленностью, с идейным настроем. Например, об этом свидетельствует и позиция тех органов печати, руководители которых были заменены тогда, когда А. Н. Яковлев как секретарь ЦК КПСС отвечал за идеологическую работу.

Не буду касаться в деталях положения с крестьянством, которое — уже не «старое, патриархальное», а новое, колхозное, — не только не возродилось за последние четыре года, но и становится близким к исчезновению, особенно в Нечерноземье: за меня тут сказали слово сами аграрники с трибуны Съезда народных депутатов и Верховного Совета. А вот общий негативизм, прене-

брежение к воле народной, к достоянию национальной духовности, нигилистическое отношение к культурно-этническому своеобразию и историческому наследию россиян, — все то, что махровым цветом расцвело в годы правления «генерального жизнелюба», — сегодня, как ни странно, усиливается, особенно в средствах массовой информации, в печати, обретая поистине тоталитарный характер. И в сравнении с этим тоталитаризмом усилия немалого ряда тружеников литературы и искусства, стремящихся к возрождению своей родной Земли, ее языка, системы образования, культуры в целом, к восстановлению храмов и сохранению природных богатств России, остаются если не гласом вопиющего в пустыне, то, по крайней мере, очень негромким голосом, стократно заглушаемым и рок-грохотом, и громовой волной порнографии на экранах и на сцене, и кликушеством «радикалов» («заложим золотой запас», «если не будет концессий, если не будем сдавать земли в аренду западным агрофирмам — вымрем!»), и несчетными административно-бюрократическими «заглушками»...

Осмелюсь утверждать: создается лишь видимость перемен к лучшему, своего рода информационные декорации, за которыми вовсю идут и подавление национальной самобытности россиян, и просто теперь уже «свободное» оплевывание ее, в котором очень горазды иные «прорабы перестройки». Так, передача ряда церквей и монастырей верующим, благотворительные сборы и пожертвования на реставрацию памятников старины — тончайший и слабый лучик в тяжком сумраке беспамятства, под покровом которого по-прежнему рушатся и дряхлеют шедевры зодчества. Не страшна ли и такая «примета обновления»: в храмы (как в моем родном Пскове) вселяются ретивые кооператоры и устраивают под куполами дискотеки, видеотеки и шашлычные. И при таком положении русской провинции кое-кто (как, например, Евг. Евтушенко в одном из своих выступлений) ее называет «Вандеей»!

Сколь помнится, Троцкий «со товарищи» так уже называл наши сельские края — и принимал «радикальные» меры. Если уж есть сходство у нашей глубинки с французской провинцией, то лишь в одном: она из последних сил старается сохранить остатки своей воли, сопротивляясь экономическому и прочему дуроломству, идущему сверху. «А нас они спросили?» — такое можно ныне услышать едва ли не в любом селе, людям которого вновь обещают то или иное чудо как результат очередных «новшеств». «Они», к несчастью, вряд ли осведомлены о мнении тех, кого хотят облагодетельствовать...

По словам А. Н. Яковлева, сказанным в интервью ЦТ 3 декабря 1989 года, все идет к лучшему, есть, правда, немало трудностей, но — цитирую по записи — «перестройка расплачивается за чужие грехи». Но за чьи же, позволительно спросить, не за грехи ли тех, кто в период стагнации формировал общественно-политическую атмосферу страны и ее экономику? Да простит меня Александр Николаевич за прямоту (сам же он сказал 24 ноября этого года в «Правде»: «...не надо убивать гонцов, приносящих дурные вести»), но мне кажется, есть в подобных успокоительно-утешительных выступлениях мотив авторитарности, отсутствие критического взгляда на собственную реальность — не у него одного, но и у многих руководителей перестройки. А те, что зовут себя ее «прорабами», изъясняются более раскованно, мечут

гневные стрелы в инакомыслящих, в трудовой люд. И вот уже Н. Шмелев со сцены ЦДЛ клеит бастующим шахтерам самые черные ярлыки. Как будто он живет так же плохо, как и ненавистные ему шахтеры.

А далее следует то, что писателям хорошо знакомо. С той же сцены летят плевки в лицо и творцам российской словесности, и всему русскому народу — под ширмой борьбы против антисемитизма и «защиты демократии». Звучат обвинения весьма дурно пахнущего толка в адрес тех, кто склонен более к созиданию, а не к «обличительству», «русский фашизм» лишь одно из таких обвинений. И вот уже руководство «Апреля» принимает резолюцию, требующую выхода всей Московской писательской организации из СП России. Сей кощунственный призыв очень органично смыкается со звучащим в этом году предложением некоторых «народных избранников» перевести столицу России в другой город. Куда дальше идти в сей бесовщине? Есть куда, подсказывает «Огонек» вкупе с «Неделей», печатая на своих страницах такое беспардонное вранье под названием «репортажи с пленума правления СП РСФСР», что рядовой неискушенный читатель может содрогнуться от ужаса и будет прав: таким сборищем тупых ретроградов и махровых антисемитов предстают в этом вранье ведущие писатели Федерации — а меж тем это был едва ли не первый на моей памяти форум, где российская (не только русская, но и других народов) глубинка заговорила действительно во весь голос. Конечно же, российскому писательскому еженедельнику не под силу даже при своем повысившемся тираже доказать массовому читателю, что тот проглотил помоечную струю клеветы. Тем более что соответствующие препарированные отклики на эти «репортажи» уже прозвучали в эфире и на ЦТ... Если это — гласность, то в ней звучит, перекрывая все иные звуки, лишь один глас — зычный окрик того самого «городового», бдительно стоящего на страже тоталитарной машины.

Нет, на дворе некая полугласность, четвертьгласность, но не гласность подлинная. Это состояние общественной атмосферы уже получило весьма точное название — «либеральный террор». А если вспомнить нарастающие требования «свободолюбов» и «популистов» о необходимости «жестких мер», «твердой руки», «радикальных реформ», то становится холодновато от перспективы таких «свобод». Последние что угодно, только не воля масс народных. Эта ситуация заставляет меня вспомнить разящие строки английского «золотого пера» публицистики Г К. Честертона, написанные более семидесяти лет назад о периодике туманного Альбиона: «Это не «народная пресса». Она не является органом общественного мнения. Она представляет собой плод заговора ограниченного числа миллионеров (достаточно похожих друг на друга), договорившихся о том, что может и чего не может знать наша великая страна о себе самой, своих друзьях и врагах...»

Словно сегодня сказано — по отношению не только к печати, но ко всем средствам массовой информации, — только в другой великой стране. Поставьте вместо слова «миллионеры» более близкий нашей действительности термин, например: «коррумпированный слой бюрократии», «правящая аппаратная — вкупе с торговой и прочей — олигархия», и получите зримое определение нашей гласности. Впрочем, судя по многим материалам газет и радио, телевизионным передачам, и наши новоявленные

миллионеры становятся не только героями, но и теневыми «держателями акций» в системе информации.

И глубинка — то есть глубинная, сердцевинная Россия (в отличие, скажем, от Прибалтики, где в последнее время страницы «Радуги», «Даугавы», «Родника» нередко взрываются антирусской паранойей) — эта глубинка по-прежнему безгласна. Люди, чьи души, да и плоть уже на пределе отчаяния от кризиса и анархии во всем, от реального призрака голода, не имеют возможности выразить свое мнение. Местная печать — сужу по ряду областных газет, которые регулярно читаю, — за редкими исключениями остается на уровне «охранительства», разве что былые ошибки да нынешнее руководство не выше районного осмеливается поругивать. Воля глубинки может и должна говорить устами своих Пименов и Боянов, местных писателей, но и они, как правило, безгласны. Они живут на ничтожно скудном издательском пайке, чаще всего имея возможность издать одну книгу лет в 7—10. Не говоря уже о том, что при таком положении никакой новый Николай Рубцов не сможет проявиться, российские «соловьи» не могут напечатать хотя бы краткую заметку о том, что болит у земляков, — негде...

На встрече со слушателями ВКШ один из руководителей партии, о котором я говорил выше, сказал: «Писатель не должен ходить с протянутой рукой». Обе свои протянутые руки поднимаю, поддерживая это суждение! Но разве Александру Николаевичу не известно, кто среди главных творцов сегодняшней модели перестройки категорически возражает против восстановления сети местных издательств и журналов, ликвидированных в шестидесятые годы? Впрочем, риторический вопрос...

Пока в каждой области положение с издательствами, журналами, альманахами, газетами хоть отчасти не вернется на ставший одиозным «уровень 1913 года», ни о каком главном выражении настроений и тревог, чаяний и надежд людского множества, прежде всего и составляющего понятие «народ», говорить будет невозможно. Краткий экскурс в архивы и хранилища библиотек России показывает, что в начале века не только губернские города, но и многие крупные уездные обладали самыми разнообразными видами изданий — от сугубо светских художественных до религиозных. Читая их сегодня, убеждаешься: на их страницах, при всех возможных рогатках тогдашней цензуры, запечатлевалось время, отражался устами местной интеллигенции глас народный, с них начинали свой путь многие блистательные творцы прозы и стиха — такие, например, как Бунин. Да и над понятием «писатель районного масштаба» не стоит улыбаться иронически: такой писатель своим землякам бывает нужен едва ли не более столичных звезд словесности, ярких, но далеких от них. Без развитого и широкого слоя таких литераторов у литературы не будет почвы для высоких и глобальных взлетов.

Но вспомним — мы, московские писатели, — вспомним, каких титанических и отчаянных трудов стоило даже нам, столичным людям, создание нашего издательства. Вот где бы сказать свое твердое слово народным депутатам с высокой трибуны — но его что-то не слышно... А слышно нередко совсем иное, причем из уст нашей литературной «элиты». Александр Кушнер, например, сколько я знаю, чуткий поэт и умный человек,

но до какой же нелепости он договорился минувшим летом на страницах «ЛГ»! Оказывается, он с надеждой ждет, «что и поэтов станет меньше: ну сто, ну двести, но не тысячи же, как сегодня». Это на всю Россию-то сто поэтов? Что за чушь, простите меня, Александр Семенович! Да хотя бы в обыкновенном пересчете на «душу населения» это будет многократно меньше, чем в Голландии, где поэзия сегодня не в расцвете. А «душа населения» — именно душа. Душа и воля России — не измеримы никаким «общим аршином», и многие тысячи пишущих стихи ей будет не много... И где же это, вдобавок спрошу, видел петербуржец «тысячи» поэтов, живущих исключительно на гонорары от стихов, как он утверждает? Я и в Москве-то знаю таких десятка полтора-два, в Северной Пальмире он сам, да еще несколько человек, а уж о провинции и говорить нечего — там их практически нет. Во время минувшей войны почему-то каждой «дивизионке» был придан свой поэт: стало быть, была потребность. Сегодня же — что там «районки» и областные — столичные газеты «не пущают» на свои страницы ни стихи, ни прозу. Зато рекламы, «коммерции» — целые полосы. Синтетика вместо хлеба духовного.

Ну вот, скажут мне, начал с проблем высокой политики и общественной нравственности, а завершил рассуждениями о «районках». Но все это глубоко взаимосвязано. Ведь когда будет много журналов, то вполне реализует себя и воля народная. И крошка хлеб. Но когда на столе нет ничего жди потрясений.

ЧАС МУЖЕСТВА — ИЛИ ЖАТВА БЕЗНРАВСТВЕННОСТИ?

Время беспутное и сумасшедшее... Делаются такие вещи, что кружится голова, особенно, когда видишь, как законные власти сами стараются себя подорвать и подкапываются под собственный фундамент. Разномыслие и несогласие во всей силе. Соединяются только проповедники разрушения. Где только дело касается создания и устройства, так раздор, нерешительность, опрометчивость...

Я прошу прощения у просвещенных читателей за незлонамеренную мистификацию: предыдущий абзац до́лжно было поставить в кавычки. Его строки принадлежат не моему перу, а Н. В. Гоголя, и написаны они были сто сорок лет назад. Думаю, особых комментариев к ним не требуется: слова классика, как говорится, «один к одному» выражают ощущения любого сколь-либо трезвомыслящего человека наших дней, живущего в нашей стране.

Воистину, не время идет, а летит лавина ежедневных и даже ежечасных потрясений, головокружительных и громовых новостей, камнепад драматических парадоксов и трагических событий. Такое время, что сейчас, когда я пишу эти строки, мне кажется, что, если они будут опубликованы всего лишь через неделю, устареет в них уже очень многое. Подобного не было на моей памяти. Если бы еще месяц назад я увидел бы хоть один номер любой сегодняшней газеты — глазам бы своим не поверил. Уже как седая древность вспоминаются, например, разрушение Берлинской стены или телекадры, живописавшие

единодушный восторг на декабрьском съезде румынских коммунистов. Что декабрь? В начале января сам записал в своем дневнике: «С литовцами обошлось без крови, но что будет с Азербайджаном, — ведь, как зима кончится, так все «оживет», и прибалтийская стилистика вряд ли пригодится Михаилу Сергеевичу в разговоре с ними». Но едва зима подошла к середине, как вступила в действие и закавказская «стилистика» национально-политического диалога: погромы, кровь, резня — с одной стороны, объявление чрезвычайного положения — с другой... И уж совсем чуть ли не мезозойской эрой кажутся сейчас прошлогодние дни Первого съезда, неописуемое бурление на нем и вокруг него; с горькой улыбкой смотрю на страницы прессы тех дней — одни мужи высоких государственных рангов предвещают начало подъема и всяческих успехов обновления через полгода, другие обещают катастрофу для всех и вся в стране через те же полгода. И что же? Нет ни того, ни другого, хотя многие из печальных прогнозов близки к воплощению в явь...

Словом, как никогда быстро устаревают сегодня в буквальном смысле вчерашние пророчества, директивы, установки, высказывания, принадлежащие вроде бы самым неглупым и знающим людям, и политикам, и экономистам, и журналистам, само время доказывает их пустоту и беспочвенность. Зато обнажается подлинно пророческая суть многих страниц русской словесности, что были некогда обращены, казалось, лишь к часу своего создания. Мне чуть ли не каждый день вспоминаются, например, вот эти строки, сказанные в 1942 году Анной Ахматовой: «Мы знаем, что ныне лежит на весах И что совершается ныне. Час мужества пробил на наших часах, И мужество нас не покинет».

Час мужества... Но как же мало проявлений его, мужества, видим мы во всех слоях нашего общества, прежде всего — в верхнем его эшелоне, в тех людях, от решений и поступков которых зависит, казалось бы, положение в стране, атмосфера, путь и направление ее жизни. Ведь высшее мужество в том и состоит, чтобы смотреть в глаза реальности, правде, говорить и действовать сообразно с правдой, как бы горька и страшна она ни была, пусть даже она бичует тебя самого, твои вчерашние дела и решения: лишь признав былую свою неправоту, будешь прав завтра. Пока же чаще всего мы видим антипод мужества, проявляющийся разнообразно и подчас под самыми благонамеренными предлогами и масками, будь то «вера в разум и здравый смысл масс», будь то надежда на успех скороспелых «радикальных» экономических прожектов. В любом случае это — нежелание вовремя признавать всю полноту картины, отсюда и вечное запаздывание в решительных шагах: они нужны были вчера, а сегодня уже не действуют. Страусиное зарывание головы в песок еще никого не спасало от опасности, а именно этот жест стал, похоже, самым популярным у людей, ответственных за державные дела. У антиподов мужества много ликов, но суть одна, и корень ее можно назвать одним словом — безнравственность.

Слов нет, много доброго и прекрасного всколыхнули в людях последние несколько лет, многие прежде дремавшие или задав-

ленные силы пробудились и вызваны к действию в самых созидательных пластах населения. Но, по моему убеждению, никогда еще и безнравственность не проступала в нашей общественной жизни столь явно, столь мощно и неприкрыто, хотя и гримируясь под прогресс и добродетель разного толка. Ибо розовая кисея полуправды безнравственней, чем бетонная стена лжи: мерзость последней очевидна почти всем, кроме крайних глупцов, тогда как первая способна обмануть даже умных людей своим поверхностным правдоподобием. А слова людей, облеченных властью или наделенных влиянием — государственного ли, партийного ли, местного ли уровня и масштаба, — по-прежнему (а часто и более, чем прежде) расходятся с делами, с действительностью. Это расхождение, вырастающее до размеров пропасти, стало главной приметой всепроникающей безнравственности. Производные от нее бесчисленны, имя им легион, и я обозначу лишь самые, на мой взгляд, характерные из них не затем, чтобы добавить отрицательной информации, она общеизвестна: говорю о том, что лично для меня наиболее определяет это понятие сегодня.

Безнравственно человеку жить так, словно он забыл, что он говорил и делал еще вчера. Когда целый ряд нынешних «архитекторов» перестройки и ее «прорабов» (В. Коротич создал еще одно самоназвание — «цепные собаки перестройки») делают вид, что это не они еще лет пять-шесть назад создавали атмосферу враждебности в нашем обществе по отношению к капиталистическим странам, усердно рисовали в своих статьях, книгах, очерках и поэмах «звериный лик империализма». Вот предсказание одного из ведущих наших политологов, сделанное им в книге «От Трумэна до Рейгана», вышедшей в 1984 году: «Американскому империализму пока удается подталкивать мир время от времени к опасной черте. Правящие силы США и дальше будут искать конфликтов, нагнетать напряженность, разжигать враждебность».

Сегодня, какое ни возьми выступление автора этой книги, члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева по внешнеполитическим вопросам, становится очевидным: поворот во взглядах произошел на 180 градусов. А ведь, скажем, события в Панаме (пусть ее лидер даже погряз во множестве тяжких грехов) в общем-то показывают, что «голубями» власть имущие в США отнюдь не стали, и один из наших нынешних высших руководителей, ответственных за внешнюю политику, не так уж и не прав был в своем прежнем предсказании, — что же теперь о нем забывает? Да, кстати, что-то не «обличают» заокеанскую агрессию, не клеймят американскую администрацию в стихотворных и публицистических филиппиках ни Евг. Евтушенко, ни В. Коротич, ни Р. Рождественский, — а как лихо это делали они прежде, под властью «генерального бровеносца», за что и были им любимы. Раз уж речь коснулась поэзии, то попутно замечу: безнравственно для известнейшего поэта, бия себя в грудь, всюду заявлять о себе как о борце с культом чуть ли не с пеленок, если первая его книга была насквозь пронизана песнопениями в честь «лучшего друга», товарища Сталина, не спящего по ночам в Кремле... Впрочем, этому литератору, певцу Братских ГЭС и других «великих строек», загубивших нашу землю, один Бог судья.

Возвращаясь от «прорабов» к «архитекторам», должен поделиться еще одним своим нерадостным удивлением, недавно возникшим. Как уже говорилось выше, в статье «Против антиисторизма», написанной А. Н. Яковлевым в 1972 году, есть строки, в которых автор одобряет жестокости коллективизации: «Справного мужика» надо было порушить». Известно и недавнее утверждение автора этой статьи о том, что он остается верен своим былым взглядам. Что ж, не только ленинградская преподавательница химии имеет право не поступаться своими принципами. Но в еще одном своем интервью («Московские новости», 1990, № 1) высокий руководитель называет коллективизацию осуществлением сталинской, «в сущности, троцкистской, основанной на ненависти к крестьянину» линии. Возникает вопрос: что же, выходит, в 1972 году идеологический работник ЦК исповедовал сталинско-троцкистские взгляды? Это во-первых, а во-вторых, каковы же его истинные сегодняшние принципы? Нельзя же всерьез поверить в то, что немолодой человек, держащий в руках бразды государственного правления, может одновременно следовать двум совершенно разным линиям. Нравственна ли такая двойственная позиция одного из руководителей партии и перестройки?

Глядя на нашу действительность, трудно уйти от мысли, что подобная двойственность, зыбкость и неопределенность взглядов и позиций, свойственная выступлениям многих наших руководителей, самым печальным образом отражается прежде всего на этике и морали общества, на деятельности органов его власти, на работе средств массовой информации, разрушительно воздействует на духовное состояние масс, подрывает в них последние остатки надежд на обновление жизни. Безнравственно, когда руководитель МВД, прекрасно знающий, что в Осетии льется кровь и ежечасно гибнут люди, с трибуны Съезда народных депутатов успокаивает парламентариев: дескать, ничего страшного не происходит, все стабилизируется. И печать, и ТВ, и радио тоже как бы «запрограммированы» на полуправду как в отношении внутренней жизни общества, так и во внешнеполитических обзорах. В Тбилиси у памятника Ленину горят костры из партбилетов, а журналисты как в рот воды набрали, радиослушатели узнавали об этом, как в «доброе старое время», лишь из передач зарубежных станций. «Передаем новости из стран социализма» — звучит в эфире, и передают новости... из страны, где взят курс на капиталистическое развитие, затем из страны, в которой у власти нет коммунистов, а потом и вовсе из страны, где компартию поставили вне закона (хоть и ненадолго). Что это? Неумение называть вещи своими именами? Боязнь, нежелание?

Особенно горестно было наблюдать за работой наших средств массовой информации во время бурных румынских событий. Вначале — невнятные комментарии, потом — взрыв эйфории, «тиран низвергнут», потом снова растерянность в оценках, когда пришло сообщение о скором и отнюдь не конституционном суде над диктатором. Слов нет, он и его августейшая супруга заслуживали самой страшной казни и всех мук ада, дальнейшее сохранение их жизни впрямь могло бы обернуться еще большей народной кровью, но все-таки любому, кто знает нашу историю, эта казнь

не могла не напомнить о кровавой расправе 1918 года в Екатеринбурге... По лицам комментаторов, по натянутому тону корреспонденций видно: не решаются люди сказать того, что чувствуют. Уж не знаю, какие указания «сверху» получают они теперь, но, судя по внешней линии поведения руководства, ничего определенного услышать не могут. Да иначе и быть не может: разве еще в начале декабря не шли в адрес Чаушеску телеграммы нашего руководства страны и партии с выражением «самых теплых чувств»? Разве не пожимали наши лидеры руки ныне свергнутым восточноевропейским диктаторам еще осенью и даже не обнимались с ними? Так что же должны думать о нравственности нашей внешней политики рядовые телезрители и читатели?

И что должны они думать, читая интервью нашего министра иностранных дел «Аргументам и фактам» (1990, № 2), где на вопрос о том, как он относится к лозунгам типа «Долой коммунизм!» в Румынии, он отвечает: «У нас к любой диктатуре одинаковое отношение. Любая диктатура, будь то коммунистическая или буржуазная, неприемлема для нас в принципиальном плане». И все, и никаких эмоций, как и положено дипломату высшего ранга. Но не странен ли такой ответ (вернее, такой уход от ответа) в устах члена Политбюро партии коммунистов; и как же, хотелось бы знать, отнесется он к подобным же лозунгам в нашей стране?

Безнравственно, например, форуму народных избранников обсуждать вопросы, имеющие, мягко говоря, второстепенное значение, затрагивающие интересы очень немногих скажем, о выездах за рубеж, и при этом откладывать на потом законы о земле, о свободе совести и о печати. Не потому ли такая пассивность масс наблюдается в новой избирательной кампании, что избранные в прошлом году не правят страной, не выводят ее из кризиса, а лишь, так сказать, комментируют решения и предложения других правящих органов...

Час мужества... А сверху донизу действительность полна примерами его антиподов, боязни, нежелания или неумения смотреть в глаза правде и действовать сообразно ей. «Нравственность в природе вещей» — эпиграф к одной из глав «Евгения Онегина». Природа же тех явлений, о которых шла речь выше, страдает острым дефицитом нравственности, а то и представляет собой вакуум ее. Так и — на уровне государственных решений, и просто в личном поведении людей, вокруг которых создан ореол радетелей за перестройку. Нравственно ли, когда народный депутат, известный прозаик, занимающий и пост писательского главы в своей республике, и пост главного редактора центрального журнала, на словах ратуя за возрождение родного языка, за обучение детей на нем, сам пишет на русском и — посылает свою дочь учиться в Лондон. Или — когда ученый муж (заваливший несколько космических проектов), связав себя узами брака с видной государственной деятельницей США и объявив, что лишь три месяца в году будет жить на родине, все же не отказывается от статуса народного избранника. Нравственны ли и те из наших московских коллег по перу, что сегодня выступают как ярые «борцы против антисемитизма», обвиняют в пропаганде последнего газеты «Московский литера-

тор», «Литературная Россия», журналы «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва», на страницах которых имели место, вероятно, спорные публикации, но не было ни одного оскорбительного слова в адрес еврейского народа?

Все это может показаться частностями, но ведь из них и складывается общая картина жизни и общественной атмосферы. Но, конечно, дело не в отдельных штрихах этой картины.

А в том дело, в том главная беда явления, именуемого словом «перестройка», что его инициаторы в 1985 году не имели целостной объемной и всепроникающей программы своей стратегии, не имели прочной идейно-нравственной платформы обновления — и за пять лет не смогли выработать ее. А ведь любые решения и планы экономического, политического и культурного развития плодотворны лишь тогда, когда они являются производными от такой программы. Кто-то улыбнется, но я утверждаю: и годовой бюджет страны есть одно из проявлений общей доктрины нравственного созидания государства. Созидания, опирающегося на весь исторический опыт народа, на его морально-этические ценности и особенности. В ином случае любые директивы и установки руководства будут лишены нравственного смысла, опоры на правду, на реальность, будут отражать лишь временность, конъюнктуру, и в итоге — попадать «в молоко», запаздывать. Что и происходит с нашей перестройкой. Ведь суть ее корня — строительство, созидание. Пока же мы видим лишь демонтаж, «разрушенье до основанья» — а зачем? Вместо того чтобы стать состоянием созидания, перестройка пока представляет из себя всего лишь состояние *разбалансированного застоя*.

Предложу такую метафору... Застой: стоит поезд на рельсах, недвижим уже давно, аж рельсы ржавеют. Ясно престарелому машинисту и его команде: дальше двигаться нельзя, нет ни насыпи, ни шпал, ни рельсов. Но берется за дело новая бригада — и состав двинулся. Однако куда? Не по рельсам покатился он, а по бездорожью, по буграм и под уклон... Что лучше из этих двух состояний? — вопрос дискуссионный, но каково пассажирам, да и самой бригаде при таком движении — это нам всем ясно сегодня.

В какой-то мере (слава Богу, далеко не во всех чертах) повторяется ситуация 1917 года и последующих революционных лет. Не то плохо, что к власти приходят люди без особого опыта управления: то печально, когда они берутся за штурвал, не имея лоций. Не имея и не создавая попутно нравственно-идейной программы возрождения. Стало привычным защитное клише: партия начала перестройку. Нет уж, назовем «кошку кошкой», не партия (хотя идеи обновления отвечали желаниям большой части ее членов), а вполне конкретная группа людей, среди которых и вначале, и сейчас главную роль играет М. С. Горбачев. И какие бы разногласия с ним ни возникали, несомненно, тот первый шаг, разрыв с прошлым злом требовал от него немалого мужества и должен поминаться лишь добром (не будь того шага, не выражать бы мне сейчас свое мнение по державным проблемам в печати). Но коль партия является правящей, то и перестройку она должна была начать прежде всего с самой себя, с обновления внутрипартийной атмосферы и всех звеньев

своей работы и структуры, очистить свои ряды сверху донизу от всей накипи и нечисти, — пусть даже численность партии сократилась бы до минимума, — это было бы лучше, чем то, что сейчас происходит, когда, с одной стороны, ее ряды покидают многие мыслящие и сильные люди, которым невмочь быть в одной партии с подлецами и хапугами высших рангов, а с другой — когда ее по-прежнему переполняют люди, своими ежедневными делами разрушающие саму идею обновления и возрождения.

Такого шага, такой реорганизации, которая нужна была еще в 1985 году, не произошло и поныне. В последних выступлениях Генерального секретаря содержатся обещания самой серьезной и всеобъемлющей реконструкции партии, и, видимо, вскоре проект этой реконструкции будет обнародован. Но — время! Время идет с такой сумасшедшей скоростью, что самые завзятые оптимисты осознают: уже вскоре любые кардинальные перемены могут оказаться лишь припарками в известной ситуации за гранью небытия... Пока что единственной «приметой» перемен в партийной действительности стало самое весомое повышение должностных окладов аппарату. Мера, что и говорить, тоже трудно увязываемая с нравственностью, особенно если вспомнить, какие дебаты шли на Съездах народных депутатов относительно мизерного повышения пенсий людям, живущим в нищете...

Хаос (не в античном понимании, но именно хаос), в который погружается государство, развал самой структуры государства — следствие прежде всего такой политики, которая не учитывает глубинные, историко-социальные и национальные интересы народов страны, нравственную сущность каждого из них.

И прежде всего — народа России...

ИСПЫТАНИЕ НАЦИИ

Народ России... Его воля, его трудолюбие, честь, достоинство и достояние, его насущные желания и помыслы, сама государственность его — все это вновь и вновь повергается в забвение, ставится под сомнение, а то и подвергается отрицанию и осмеянию — причем не только отдельными руководящими личностями, а в целом той системой взглядов, воззрений и настроений, той общественной атмосферой, что стали характерны для высшего слоя людей, ответственных за судьбы страны в последние пять лет... Я начал свои заметки с цитат из классиков; не хочу перегружать эти страницы ссылками на произведения отечественной словесности, но без некоторых все же не обойтись. Приведу слова поэта, которого уж точно никто при всем желании не сможет причислить ни к «русофилам», ни к «почвенникам»:

Прозванье дала себе каждая нация
В согласии с главной чертой:
Англия — доброй, прекрасною —
Франция,
А Русь называлась
Святой...

Эти строки были написаны Евг. Винокуровым в 50-е годы... Что-то непопулярны в наши дни стали такие добрые, полные благоговения слова о русской земле у многих литераторов, деятелей культуры вообще, в прежние времена клявшихся в любви к ней. Происходит нечто совершенно противоположное. Само понятие «русский патриотизм» стало в устах сегодняшних наших «прогрессистов» и средств массовой информации, которыми они владеют, синонимом в лучшем случае отсталости мышления, а в худшем — чаще всего — синонимом различных бранных определений. Тогда как во всем, что называется, цивилизованном мире национальная гордость возведена в ранг высшей, государственной добродетели, она же — источник культурных ценностей новых дней. «Я итальянец, чистый итальянец!» — поет на всех эстрадах мира столь популярный у нас Тото Кутуньо; хотел бы я сегодня услышать советского певца, который на наших или зарубежных подмостках с таким же упоением пел бы о своей принадлежности к крупнейшему славянскому народу... В материалах некоторых органов печати (в том числе и тех, что принадлежат руководству партии) охаивается даже само упоминание о любви к России, о гордости за ее святыни; то же часто происходит и на телеэкране. Стоило, к примеру, автору этих заметок на общем собрании московских писателей сказать, что Москва должна вернуть себе статус прежде всего стольного города земли россиян, а затем уже оставаться административным центром СССР, как тут же из зала полетели в его адрес выкрики, среди которых полное благородного гнева словцо «шовинист!» было еще самым безобидным, — кому не знакомы черные ярлыки, обычно следующие за этим определением.

Вот в телешоу для полуночников сотрудник «ЛГ» и народный депутат Ю. Щекочихин, вращая зрачками от ужаса, предвещает чуть ли не волну еврейских погромов, которые вскоре должны произойти, и на что же он опирается в подтверждение своих слов? На «черносотенный» митинг, который, по его словам, 27 января провела у Останкинского телецентра «Память». А на следующий день становится известным, причем это подтверждает и «Правда»: у подножия башни прошел предвыборный митинг, к которому «Память» не имела никакого отношения (не говоря уже о том, что такого «общества» или даже «движения» сейчас вообще нет, а есть множество разных группировок под этим именем). И был он проведен по почину клуба избирателей «Россия», в который входит целый ряд общественных движений, выступивших в центральной печати со своей предвыборной программой. «За возрождение России» — таков ее основной лозунг, под ним и прошел митинг. Что же до того, что в том же сообщении «Правды» было выражено несогласие с некоторыми критическими призывами и выступлениями на митинге, то назовите мне такой митинг или форум, со всеми речами которого наша главная партийная газета соглашалась бы целиком и полностью... Но, судя по всему, сами по себе слова «возрождение России» вызывают у Ю. Щекочихина такой приступ неприязни, что он сразу вспоминает и о погромах, и о прочих гипотетических ужастях, забывает только об одном: о правде, которой он должен следовать и которую он должен говорить хотя бы как журналист. Спрашивается, неужели тесное журналистское обще-

ние с миром мафиози, о котором он так часто пишет, так подействовало на «народного избранника», что он, перенимая приемы своих «подопечных», так легко преподносит миллионам телезрителей явную ложь. Это, кстати, к вопросу о нравственности...

Нет, по всей нашей общественной атмосфере последнего времени чувствуется: целому ряду влиятельных и сильных мира сего в нашем Отечестве (как явных, так и «теневых») очень необходимо нагнетание всяческих страхов, причем нагнетание, впрямую связываемое с опасностью, якобы происходящей именно от России и от русских. В принципе, конечно, нетрудно уловить и проанализировать другую связь — меж кампанией этого нагнетания и меж некоторыми внешнеполитическими решениями администрации Буша по эмиграции из нашей страны, резко сократившими въезд в США. Но это не входит в мою задачу. Как бы и кто бы ни порочил это понятие — «возрождение России», оно действительно остается не лозунгом, а делом жизни и чести для любого, кому страна Пушкина и Достоевского остается единственно родной. Кто по-прежнему зовет ее святой. Кто жаждет, чтобы она вновь не просто звалась, но стала бы Великой Россией.

...Здесь я должен сделать небольшое отступление с некоторым уклоном в историю и филологию. Насколько помнится, статья Ленина «О национальной гордости великороссов», написанная еще до революции, была едва ли не последней страницей отечественной марксистской доктрины, где без иронии употребляется слово «великоросс». И хотя слова «Великая Русь» звучат еще ежедневно в шесть утра по радио, однако у меня есть ощущение, что наш «дядя Степа» уже и сам не рад сегодня, что написал когда-то текст гимна, тысячекратно охаиваемого ныне со всех сторон.

Любой, кто в печати или где угодно всерьез употребит эти слова в былом, реальном и первозданном смысле, тут же будет удостоен все тех же титулов: «великодержавный шовинист» и так далее, вплоть до обвинения в принадлежности к «Памяти»... Но не кажется ли странным: небольшое, хотя и сверхразвитое экономически островное государство мы зовем так, как оно требует себя называть (и справедливо), Великой Британией, а не менее коренное, исторически признанное название земли россиян не то чтобы позабыли, не то чтобы стыдимся, тем не менее как-то не принято стало в последние семьдесят лет употреблять... Да что имя страны?! Имена городов, которые законно издревле носили звание Великих, наша пресса давно уже употребляет без этого титула, как будто и не было никогда Великого Новгорода, Ростова Великого, Великого Устюга...

И не странно ли: в истории русского народа и его страны немало событий, которые мы зовем Великими, а саму эту страну великой назвать стесняемся. Так не потому ли это происходит, что мы не можем в полной мере сказать всей правды о сути того явления, которое зовем Великим Октябрем, ни о причинах, по которым наша родная земля перестала быть Великой Россией — не на словах, а на деле... А ведь, скажем, в той западной стране, что назвала себя «прекрасной», револю-

ция 1789 года уже множество раз детально рассмотрена и столько же раз пересмотрена, французы знают всю жестокую правду о ней — и тем не менее, празднуя в прошлом году ее двухсотлетие, с гордостью по-прежнему именовали ее Великой французской революцией. То же должно быть сделано нами, нашей исторической наукой и литературой по отношению к событиям, произошедшим в октябре 1917 года. В этом проявится наш подлинный патриотизм, наша — без кавычек — национальная гордость великороссов, наше мужество, историческая нравственность.

...Конечно, любая правда горька, и немалое мужество необходимо человеку, чтобы вникнуть в нее. Больно и порой даже смертельно прощаться с мифами, которые тебя осеняли с колыбели... Не могу обойтись тут и еще без одного краткого отступления. В последние месяцы я слышал в свой адрес немало упреков от разных людей, коллег по перу; они возмущались тем, что на страницах «Московского литератора» я сказал: многим из нас предстоит проститься с мифом о «гуманном» Ленине. Общий тон моих оппонентов примерно таков: на кого замахнулся? Он для нас свят! Да, Сталин — преступник, но Ленин к террору никакого отношения не имел... И так далее. Я говорю одному из возмущенных: читали ли вы такие-то и такие-то документы, подписанные вождем Октября, жесточайшие и бессмысленные приказы об уничтожении десятков тысяч людей, повинных лишь в том, что они не хотели отдавать плоды своих трудов в руки узаконенных «экспроприаторов»? Нет, не читали. Так почитайте! Ведь не надо лазить в архивы, эти сведения публикуются в открытой печати, от «Нашего современника» до «Огонька». Нет, все как «зациклились» на 37-м годе, не желая видеть его истоков.

«И не хочу знать, не хочу читать! Я хочу верить в Ленина!» — этот ответ одного пожилого человека мне показался самым естественным. Признаем: человек имеет право жить с привычным мифом, ибо расставание с ним бывает смертельным (в буквальном смысле), ведь миф — в е р а. А как же без нее... Что ж, пусть так, но возникает вопрос: почему же тогда отказывают в праве на сохранение в своих сердцах другого мифа множеству людей пусть даже это миф с еще более кровавой подоплекой, — сталинского. Можно ли говорить даже о рудиментах совести у главного редактора «Огонька», на обложке которого был помещен издевательский фотомонтаж: старик с колодкой фронтовых наград на груди, в руках книга Сталина, и выше — броская надпись, «Сталин с ними!»? Нет уж, друзья-«прогрессисты», давайте условимся: можно отвергать миф, но нельзя издеваться над любой людской верой. Последнее тем более мерзко, что делается, как правило (как и в былые времена), людьми, у которых нет ничего святого за душой.

Но не лучше ли тем из нас, кто помоложе и кто не утратил способности трезво и диалектически мыслить, всерьез разобраться во временах минувших, выяснить без предубеждений и боязни, «кто есть кто» в нашей дооктябрьской и послеоктябрьской истории? Значение октябрьских событий семнадцатого, оказавших громадное влияние на мировые судьбы, от этого не уменьшится и реальная личность основателя российской партии ком-

мунистов предстанет тоже еще более зримой, во всем своем трагическом масштабе правоты и неправоты. Великим мы можем звать лишь то, что нами познано как великое. Но разве можем мы сказать, что Россия, а не СССР — именно страна русского народа — не доказала и не утвердила свое величие в веках; нет, семь десятилетий — слишком малый для истории срок, чтобы лишить эту страну тысячелетнего ее величия начисто, пусть даже и разрушена ее государственность действительно «до основанья». Это величие живет хотя бы в тяге многих и многих ее сыновей к возрождению своей родной страны.

Но с каким же мощным сопротивлением встречается эта тяга! Взять хотя бы стремление восстановить институты российской государственности, причем даже такие, которые неотъемлемы от существующего строя. Осенью прошлого года в тех же заметках на страницах печати я высказал мнение о том, что создание пресловутого «Бюро ЦК по РСФСР» будет означать пощечину стране россиян. И что же? Вскоре эта пощечина была нанесена! Этот совершенно никчемный орган был создан. Но создание его расценили именно как оскорбление россиянам их же избранники. Вот одно из высказываний, прозвучавших на трибуне Второго съезда, оно принадлежит человеку, вроде бы далекому от литературы и истории, одному из административных руководителей среднего звена: «Я — русский и не хочу, чтобы нас считали врагами другие народы... Вместе с тем Россия, называясь республикой, за всю свою историю не имела полной суверенности. И ошибки союзных органов — порой умышленно или по недомыслию — связывают с ошибками только русских. Но ведь допускали их, кроме русских, грузины Джугашвили и Берия, латыш Мехлис (здесь выступающий ошибся в национальной принадлежности палача. — **С. З.**), армянин Микоян, еврей Каганович и другие... Давайте уж по-братски разделим свои ошибки поровну на всех. Поэтому я за суверенную, равноправную Россию, с ее полнокровными центральными органами, а не с Российским бюро ЦК КПСС. Михаил Сергеевич, ну когда у вас дойдут руки до России?» («Известия», 23 декабря 1989 г.).

Этот полный боли за оскорбленное достоинство своего народа вопрос прозвучал не из уст, скажем, В. Белова или В. Распутина (хотя и они говорили о том же на обоих съездах), нет, его выразил типичный «аппаратчик», председатель крайисполкома, — не от должности совесть зависит! На этот вопрос местного руководителя, обращенный к высшему руководителю страны и партии, ответа не прозвучало. До России нет дела... Горем было, страшной бедой для армянского народа землетрясение, не говоря уже о других несчастиях этой республики, и тут же «всем миром» мы пришли ей на помощь, и главный вклад в эту помощь внесла Россия. Но вот в прошлом году жуткое бедствие обрушилось на Приморье, на Приамурье, тысячи людей остались без крова, жертв тоже было немало, и нигде в стране не началось никакой кампании помощи пострадавшим людям. А кто считал, сколько русских сел и поселков обречено на вымирание от последствий чернобыльской катастрофы — где государственная помощь им? Ее нет вообще. Это ли не пример государственной безнравственности! ...А меж тем турки-месхетинцы после резни в Фергане пожелали переселиться не в иные южные края, они направились

на тверскую и смоленскую земли: знали — там их никто не обидит. Вот вам и русский шовинизм... А сегодня, когда из Закавказья многие тысячи беженцев разных национальностей были перевезены в Подмосковье, у некоторых ответственных товарищей, выступающих по телевидению, хватает совести на упреки в адрес России: дескать, почему ее руководство не бьет в набат, не принимает решительную программу действий по оказанию помощи беженцам. Своеобразная логика! Действия союзного руководства довели юг страны до кровавых междоусобиц, а расплачиваться за это должны опять-таки россияне. Что ж, и расплатятся, не впервой, велико их сострадание, велико и долготерпение...

Велико, да только безмерно ли? Раз уж было названо выше имя крупнейшего писателя из Вологды, то здесь к месту будет напомнить об одной странице из его лучшей повести. Символом терпеливости и умения переносить самые жестокие перипетии бытия стал солженицынский Иван Денисович, и действительно, этот герой выражает многие черты трудовых россиян, спасавшие их в самые лихие годы. Но вспомним о его кровном брате, — хоть разные у них отчества, да отечество-то одно, — о беловском Иване Африкановиче. Вспомним ту страницу «Привычного дела», где этот мужик, доведенный до отчаяния идиотизмом чиновников, решается покинуть колхоз: в правлении ему отказывают, и тогда он, тишайший, хватается за кочергу — и страшен, жуток становится в своей ярости... Нет, никого не хочу я пугать, хочу лишь спросить: долго ли можно доводить до отчаяния таких людей, живущих в десятках тысяч весей и градов, людей, которых так и не отучили от хмельного зелья, но лишили возможности даже чай пить. Нравственно ли продолжать экономические «эксперименты» над ними? Нравственно ли показывать им телевизионную «светскую хронику», где высокопоставленные дамы, украшенные драгметаллами, делают пожертвования в различные фонды (из заработков своих супругов?)? Неужели никого и ничему не учат уроки истории, причем самой недавней — хотя бы катаклизмы в тех же восточноевропейских странах?..

Нельзя бесконечно испытывать долготерпение россиян. Всех богов надо молить, чтобы этого не случилось, но боюсь, что тот шторм гнева, которым взорвался румынский народ (и который пока что не привел ни к порядку, ни к подлинной демократии), может оказаться бурей в стакане воды в сравнении со взмахами всероссийской «кочерги»... А разве можно будет не ждать таких взмахов, коль «радикалисты» от экономики войдут в полную силу и претворят в дело свои концепции облагодетельствования народа: распродажу его земли, сдачу ее в аренду западным агрофирмам и так далее — то есть то, что является экономическим геноцидом по отношению к россиянам (подчеркиваю, речь идет не только о русских, но и о судьбе всех народов крупнейшей республики). Ведь последние выступления в печати руководителя союзного правительства убеждают в том, что он остается приверженцем дальнейшего строительства Тюменского нефтегазохимического комплекса, главная цель которого — получение валюты, а результатом его деятельности станет полная гибель северных земель и народов, населяющих их; остается он и приверженцем дальнейшего строительства сети объектов ядерной энергетики. «Николай Иванович! — хочется сказать мне уважаемому

премьеру. — Употребите хотя бы часть своей власти на то, чтобы свести к минимуму потери энергии в тяжелой промышленности — не надо будет никаких АЭС, и вы избавите народ от чувства страха перед новыми чернобылями...»

И неужели все эти действия и планы тоже входят в концепцию перестройки, соответствуют «линии партии»? Поневоле мы возвращаемся к вопросу о том, кто, какие силы и организации являются реально правящими или могут стать такими в союзном государстве. И в России.

...Быть может, я в чем-то наивен, но, честное слово, никак не могу понять, почему столько шума, споров и дебатов творилось вокруг 6-й статьи Конституции. Я мог бы их понять, если бы Коммунистическая партия действительно была правящей силой — именно партия, то есть хотя бы основная часть ее активных и мыслящих «боевых единиц», коих, смею считать, в ней не так уж мало. Если бы сотни тысяч рядовых членов партии могли впрямую влиять на работу партийного аппарата, участвовать в формировании решений ЦК и Политбюро. Но ведь этого нет и в помине! Какое там участие или даже обсуждение, — мы лишены даже возможности знать о том, что происходит на Пленумах ЦК, о чем там конкретно речь идет. Гласность? — нет, опять-таки ее антипод, безгласие. Так откуда же людям знать, в чем состоит эта самая «линия»!

На основании чего они могут делать свои выводы о том, куда их ведет руководящая сила общества: на документах, публикуемых в прессе? Но там лишь самые общие и чаще всего абстрактные положения, страдающие расплывчатостью и неопределенностью.

Естественно, что в такой ситуации люди прежде всего вынуждены обращать свои взоры к выступлениям М. С. Горбачева как к высшей инстанции. Но — я тут говорю лично о своем восприятии — порой трудно бывает уловить конкретную точку зрения нашего руководителя на те или иные важные проблемы. Скажем, на XIX партконференции он достаточно резко отвергал идею многопартийности в нашей стране, на недавних же встречах в Литве уже признавал ее возможность, на последнем Пленуме ЦК КПСС признал ее законность, но без особой аргументации. Не раз я перечитывал его недавнюю работу «Социалистическая идея и революционная перестройка» — и тоже не мог определить по ней, в чем же состоит суть и платформа обновления. Мое внимание, например, привлекли вот эти слова:

«Социализм, к которому мы движемся в ходе перестройки, это общество, опирающееся на эффективную экономику, на высшие достижения науки и техники, культуры, на гуманизированные общественные структуры, осуществившие демократизацию всех сторон общественной жизни и создавшие условия для активной творческой жизни и деятельности людей».

Я сказал бы, что это чеканная формулировка — однако согласно ей целый ряд развитых стран Запада (да и Востока) может объявить себя социалистическими. В чем состоит главная особенность общества в нашей стране, остается неясным.

К тому же от государственного деятеля, ставшего и руководителем Бюро ЦК по РСФСР, хотелось бы все-таки услышать и о том, каким он видит будущий социальный лик России: ведь очевидно, что обновление в ней не может идти теми же путями, что

в Эстонии или в Грузии. Но вопрос краевого руководителя, прозвучавший на Втором съезде, по-прежнему остается без ответа...

А меж тем и за рубежом в оценках наших событий нет «монолитного единства». Как говорится, большой разброс мнений... Вот почему-то сразу в целом ряде западных средств массовой информации прозвучала знаменитая фраза Бисмарка: «Если хотите построить социализм, выберите страну, которую не жалко». И тут же она была подхвачена «Огоньком»... Но более меня заставил задуматься следующий факт: почти в каждой западной радиопередаче, посвященной положению в СССР, в том или ином контексте муссируется эмоциональное восклицание В. Распутина, прозвучавшее с трибуны Первого съезда народных депутатов: не пора ли и России подумать о своем выходе из союзного государства? Лично мне (да, уверен, и самому автору этих слов) очевидна фантастичность такого предположения, но ведь она идет от отчаяния, тоже не «мифами», а жестокой реальностью рожденного. Но почему так яро «вцепились» в это восклицание зарубежные политологи и комментаторы? Вопрос, думается, риторический. Ибо любому, кто сколь-либо реально знает историю и современность России, ясно: даже сегодня, когда народ ее поруган, обескровлен, недра истощены, даже сегодня она остается решающим фактором бытия всего союзного государства и, более того, страной, влияющей на развитие судеб всего мира. Страной, способной к своему возрождению.

И в заключение, коль речь зашла о мнениях Запада, приведу недавно опубликованные в нашей печати слова французского писателя и публициста Жана д'Ормессона: «У России есть одна особенность, которая, уверен, позволит все же выдержать очевидную неопределенность переходного момента, — это ее нерастраченная способность к своему духовному возрождению. Россия и духовность — эти понятия для меня единое целое».

...Если б наши отечественные «государственные революционеры» смогли хоть немного приблизиться к такому пониманию единства этих двух понятий: Россия и духовность!.. Сегодня наша надежда — лишь на это единство. Больше нам — признаемся честно — надеяться не на что и не на кого.

Пора всем понять, что нынче лежит на весах истории. А лежит на них сегодня в с ё: судьба России и, значит, всего мира.

АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда эти заметки придут к читателям, в стране произойдет уже немало общественно-политических событий, которые, несомненно, окажут влияние на ее будущность. Состоится съезд Компартии всей страны, на котором, вероятней всего, обозначится и закрепится размежевание ее разнонаправленных сил, проявившееся за последнее время. Соберутся на свой съезд коммунисты России, хотелось бы верить, что они создадут подлинную партию возрождения россиян и их страны, а не еще одну аппаратно-бюрократическую организацию. Пройдут и другие форумы различных общественных образований и групп, фронтов и организаций...

И все же возьму на себя смелость сказать, что не от этих событий изменится (может измениться в ту или иную иную сторону) жизнь России и состояние всего объединения республик. Не они определят ее грядущее, оно зависит не от того, что будет

сказано и решено во Дворце съездов, в Кремлевском дворце и в зданиях на Старой площади... Нет, не разочарование бурной политической жизнью последних месяцев движет сейчас моим пером, ибо не было лично у меня и очарования, и эйфории. Просто надо смотреть на вещи реально.

А реальность прежде всего такова, что вот в эти самые дни разгоревшейся весны, когда я завершаю свои заметки, на полях российского Черноземья уже начинается пахота, и на северных землях тоже готовятся к севу. «Трактора выходят в поле» — сколько раз эта фраза-клише, ставшая «железным» заголовком тысяч фанфарных и лживых очерков и других литературных поделок, вызывала насмешки и иронические улыбки. Но тем не менее жизнь остается жизнью, земля — землей, и трактора выходят в поле — ибо иное невозможно, иначе остановится жизнь, не будет главного — хлеба. И ни при чем тут фальшивая бравурность «соцреализма» — труженики земли не отвечают за эту фальшь, им-то чаще всего вообще нет дела до всяческих словес, ибо они прежде всего заняты своим делом — созиданием. И что бы ни творилось «наверху», какие бы законы и решения ни принимались в державных сферах, сеятель не может не выйти в поле весной и не может он в урочный час не выйти на жатву. Это — извечно, ибо не бумагами и словами определяется, а самой его жизнью, его душой и совестью. Точно так же не могут не встать у станков заводчане, не уйти в забой горняки. И люди, чьим призванием является сотворение искусства, дело культуры, тоже не могут не выйти на сцену, не встать у мольберта, не склониться над чистым листом бумаги. Вот подлинная воля народная, и жизнь страны будет определяться, как и во все времена, этой волей.

И если крестьяне, рабочие, шахтеры, люди творчества будут доведены политикой «экономических новаторов», требующих во имя осуществления их «рыночных» идей вновь и вновь «потуже затягивать пояса» (куда туже?!), до полной безнадежности и отчаяния, до полного неверия в действия власти, какими бы лозунгами «свободы» и «демократии» она ни руководствовалась, — если это отчаяние и неверие нарушат их волю к труду и созиданию — тогда будет бессмысленным существование как «левых», так и «правых» политических деятелей, тогда потеряют смысл любые, самые высокие государственные посты и титулы, любые съезды и форумы. Людям, ответственным за государственные решения, сегодня стоит руководствоваться тем же правилом, что и врачам: «Не навреди!» Не навредить, помочь осуществлению естественной воли трудовой России, которая остается поистине путеводной звездой не только для всей многонациональной страны, но и для мира.

Нет, не все поэты оказываются провидцами: не будет мира «без России и Латвий», не нужен такой мир. Всем без исключения надо понять, однако, что без возрождения России не будет и подлинного возрождения других стран, волею истории оказавшихся в соседстве и государственно-политическом союзе. России же всегда напоминали о ее обязанностях, права же свои она должна теперь взять.

Да свершится оно, возрождение России!

Апрель, 1990.

Марк АПРЕЛИЙ

1 АПРЕЛЯ В «ПРЕЛИ»

Все-таки надо повышать культуру смеха в многотиражном издании — «Огоньке». Чтобы, как в цивилизованных странах, сразу говорили: «Спасибо Вам, что нам так весело!» А то какой конфуз произошел, и не где-нибудь, а во всемирно известной писательской организации — в «Прели» — после выхода в свет «Огонька» № 14. Наши читатели прислали в редакцию магнитную ленту с записью переполоха, который там случился. Правда, качество записи — неважное, так как председатель группы быстрого реагирования при этой организации по фамилии Расстрел несколько раз в эмоциональном порыве ударял по магнитофону автоматом. Кроме того, некоторые члены «Прели» не хотели выражать свои мысли на квасном и сермяжном русском языке, а изъяснялись исключительно русскоязычно, так что пришлось их переводить.

А чего, собственно, «прелые», то есть члены «Прели», всполошились? Смотрят, а в «Огоньке» как бы два журнала. Один — с желтой обложкой, называется «Огарок», другой — с красной, именуемый «Огоньком». Один — без ордена Ленина, другой — с оным. Какой из них — настоящий? «Неужели однофамилец духовника русской императрицы Александры Федоровны, вынужденно отошедший от крупных форм», узурпировал президентский совет? — раздались взволнованные голоса. — Ведь предупреждала же радиостанция «Свобода»?»

— Фашистский переворот! — вскричал однофамилец государственного герба Серпер-и-Молотер, торопливо листая журнал. — «Огонек» работает под «Молодую гвардию»: здесь журнал в журнале, и авторы все молодогвардейские — В. Сидоров, М. Алексеев, А. Проханов, С. Викулов, Н. Шундик, О. Михайлов, П. Проскурин. Не вижу только фамилии А. Иванова. Не назначил ли его уже «вынужденно отошедший от крупных форм» редактором «Огонька»?

Волнение достигло предела. «Измена! Измена!» — прошелестело по рядам. Все взоры обратились к Расстрелу.

— Всегда предупреждали вовремя, какой курс вести, — принялся оправдываться тот и грохнул по магнитофону автоматом. (Пропуск в записи.) Далее следует:

— Гигантич, наверное, уже драпанул Туда, где-нибудь в Париже подписал выгодный договор на продолжение своих мемуаров «Маска ненависти», а Ядушенка покаянные стихи пишет...

Послышались предложения всем укрыться в ближайшем посольстве Республики Клятвии. Но они не получили поддержки большинства.

— Мы люди маленькие, — стал успокаивать кто-то. — Давайте

побыстрее примем резолюцию, в которой одобрим деятельность «вынужденно отошедшего от крупных форм». Сделаем вид, что «Прели» никогда не существовало, и мы всегда оставались лояльными членами Союза писателей...

— Но заявление «Прели» было опубликовано в «Московском литераторе», у Дорошенко! — напомнил Прислужин. — Этот обязательно выдаст.

Когда были произнесены эти слова, в помещение вошли несколько человек, среди которых выделялись Гигантич, Ядушенка и Татьяна Гроссман. Ее пышная прическа сияла как золотые сапоги у героини из рассказа «Сомнамбула в тумане». На мгновение «прелые» мужчины, ослепленные ее красотой, забыли об актуальных политических событиях.

Из оцепенения всех вывел Гигантич.

— У-у-у, эта газетенка-а-а! — простонал он и разорвал несколько своевременно подставленных ему Прислужиным экземпляров «Московского литератора».

— Предок Дорошенко, — вставила историческую справку Татьяна Гроссман, — устраивал погромы. Тогда московский царь перевел его поближе к Москве, как Шелеста. Но представьте себе: не успокоился тот Дорошенко, подсунул одному из наших — Пушкинду — свою родственницу, которая довела Пушкинда до дуэли со своим же масоном!

Татьяне Гроссман, хотя она и пишет по-мужски, не чуждо женское тщеславие: любит она все же похвалиться классическим образованием!

— Постойте! — как ужаленный возопил Расстрел (все-таки «быстрое реагирование»!) и обратился к Гигантичу и Ядушенке: — Почему вы не Там? Разве вы не боитесь «вынужденно отошедшего от крупных форм»? Почему вы нас не предупредили вовремя о государственном перевороте?

Здесь опять последовал удар автоматом по магнитофону. Далее запись неразборчива: какие-то крики, шум, наконец, отчетливо слышны хруст раздавленных очков, вздохи облегчения и радостный смех. Кажется, Серпер-и-Молотер говорит:

— Давайте примем решение, чтобы Прислужин предупреждал заранее всех «прелых» по телефону, что «Огонек» шутит. А то в один прекрасный день из-за шуток Гигантича вся «Прель» может убежать за рубеж. Еще давайте подстрахуемся и примем в «Прель» тех писателей, которых назвала Татьяна Гроссман: Пушкинда, Мойше Лермана, Яновского, Яковлева-Эпштейна, Лейбу Гроссмана.

— А кто они такие? — живо спросил поэт Нахлебников. — Я своих прав первого поэта «Огонька» никому не уступлю! Эх, гужи-завяжи!

Слышно, как он трется шеей о хомут. А может, укоротиченные гужи свербят?

— А я звания главного поэта России не уступлю! — возмутился Ядушенка. — И звания первого публициста не отдам этому Яковлеву-Эпштейну! А мой фильм по решению некоторых выдающихся знатоков кино вставлен в десятку лучших вместо плохонькой мелодрамы Доровженко «Земля»! А как прозаик я запросто зашибу Лейбу Гроссмана! А мои... порнодографии?

Опять в записи грохот. Видимо, Расстрел не сдержался еще раз. Затем отчетливо его крик:

— Это все эта заварила! Никакая она не Гроссман, а Танька Толстая! У меня есть сведения, что она — член «Памяти»! И все ее клиенты — члены «Памяти»! Пушкинд — это на самом деле — Пушкин. Помните, он упоминает в «Скупом рыцаре» слово из трех букв, которое исчезло из «Толкового словаря» В. Даля в 1978 году? Вот как он пишет: «Проклятый жид, почтенный Соломон». «Жидовская душа, собака, змий»! Такие выражения не позволяет себе даже Василий Васильевич Митриев! А Яновский! Еще женщину он называет «еврейкой», а как мужчину или ребенка, то обязательно: «жид», «жиденок». А какой антисемитизм слышится в его словах: «Пословица давно уж говорит, что жид самого себя украдет, когда только захочет украсть». А шовинизм приобрел у него ярко выраженную форму призыва к национал-коммунистической диктатуре: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

А член «Памяти» Герцен, назвавший себя Яковлевым-Эпштейном, обвел вокруг пальца самого Ротшильда. Тот, понимаете, спас его имущество от Николая I, а он потом так пренебрежительно написал о своем благодетеле в «Былом и думах». Только член «Памяти» мог так отнестись к Марксу и называть его учеников «марксидами»! В общем, я предлагаю разобраться с Танькой Толстой немедленно! Я сам приведу приговор в исполнение!

— Я настаиваю, что Татьяна — Гроссман, а не Толстая! — вступился за женщину Ядушенка. — Вы смотрели программу «Взгляд» в канун 8 Марта? Как она тонко разоблачила своего пресловутого дедушку А. Н. Толстого — автора верноподданнического рассказа «Русский характер»! Да, продолжила, родная, традиции Павлика Морозова — почти моего земляка!

— Павлик Морозов — это на самом деле Пол Маккартни! — вклинилась польщенная Татьяна Гроссман.

— Да ничего она не разоблачила! — настаивал на своем Расстрел.

— Вот вы и шутку «Огонька» не поняли, — наставительно заметил сам Гигантич. — Вам надо повышать свой уровень, чтобы с полуслова, даже с полузнака понимать то, что нужно. Неужели вы не видите по рассказу «Русский характер», что и А. Н. Толстой — член «Памяти»? Вспомните конец: «Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или малом, и поднимется в нем великая сила...» Стоп. Вот здесь и вопрос: зачем поднимается в нем великая сила? Конечно же, для погромов! Итак, Татьяна Гроссман — не внучка А. Н. Толстого, а женщина Арбата!

— Какой глубокий анализ! — ворвался в эфир восторженный голос Прислужина. — Я предлагаю, чтобы эти, как их, Пушкинды или Пушкины, Яновские или Гоголи, Яковлевы-Эпштейны или Герцены, или как их еще там, чтобы они не претендовали на звание первых поэтов или первых публицистов, первых кинорежиссеров или первых фотографов, создать в «Прели» аттестационную комиссию, в состав которой включить Расстрела, Серпера-и-Молотера и меня — Прислужина в качестве председателя. Уж я прислужусь! Всем этим Пушкиным, Гоголям и так далее мы создадим репутацию Шариковых, черносотенцев, ничтожеств, мелких, завистливых людишек! Тогда они не посмеют спорить с Ядушенкой, а если кто-то все-таки осмелится, его заплюет наша группа поддержки. Что-что, это мы, «прелые», умеем делать!

Опять в записи страшный грохот. Явно опять Расстрел не сдержался. На этот раз от восторга. Затем слышен чей-то громкий клич: «Да здравствует «Прель» — цвет нации...» На этом запись, которую мне удалось расшифровать, обрывается.

Вместе с магнитной лентой читатели прислали и составленные ими вопросики, которыми, на их взгляд, следует дополнить крестословицу в «Огоньке».

В этой крестословице, высмеяв известнейших в стране и за рубежом русских писателей и общественных деятелей, заодно очередное ведро помоев плеснули на великие идеи патриотизма, гражданственности, самоотверженного исполнения воинского долга. Ну да «Огарок»... простите, «Огонек» без этого не может.

В «Огоньке» объявились такие «остряки-самоучки», что просто дух захватывает от восторга!

Да вот, судите сами. В № 14 за 1990 год они нарисовали что-то вроде кроссворда на литературно-общественную тематику, а вопросы-загадки к нему были следующего типа (берем для примера три вопроса):

«Русский советский прозаик, в последнее время вынужденно отошедший от крупных форм и прославившийся в эпистолярном жанре (часто — в соавторстве), однофамилец знаменитого «вещего старца» — духовника русской императрицы Александры Федоровны?»

Отгадали? Ну, конечно — один из лучших современных прозаиков Валентин Распутин. Для недогадливых эта фамилия публикуется тут же, на 34-й странице «Огарка»... простите, «Огонька», вверх ногами.

Или вот еще вопросики:

«Наиболее ошельмованный «прорабами перестройки» русский советский писатель, душеприказчик русского народа, один раз выигравший и один раз проигравший Сталинградскую битву?»

«Русский советский поэт, Герой Социалистического Труда, орденоносец, лауреат Ленинской премии, секретарь правления СП СССР, председатель Всероссийского общества книголюбов и т. д., автор поэтической дилогии о суде и дали Памяти?»

Здесь, как говорится, и ежу ясно, что это Юрий Бондарев и Егор Исаев.

Ну и так далее, все в таком же огарочном... еще раз простите — огоньковском духе.

Народная пословица, пишут нам читатели, говорит: «Дурак сватается — умному дорогу кажет». Вспомнили мы об этом и подумали: а что, если и нам попробовать так же? Правда, занятие — не из приятных, а если выразиться более прямо — заниматься таким «остроумием» противно. Но почему-то пришла на ум еще одна народная поговорка: «С волками жить — по-волчьи выть...» И мы решили кроссворда не рисовать, а некоторые вопросы-загадки на разработанную «Огарком»... простите, «Огоньком» тему предложить. Итак — вот такие наши вопросики-загадочки:

«1. Литератор, торопливо, в одном нижнем белье, бежавший из Киева после Чернобыльской трагедии, ловко устроившийся в столице главным редактором журнала «Огонек» (с тех пор народ и стал именовать «Огонек» «Огарком»), напечатавший публицистическую книгу об Америке под названием «Лицо ненависти», а после получивший из рук американцев премию лучшего журна-

листа года, тоже, надо полагать, с ненавистью, ну и, разумеется, лучший друг журнала «Молодая гвардия»?

2. Полубард, полупоэт, полупрозаик — словом, всюду полустаночник. Но народы нашей страны будут вечно помнить и благодарить его не за литературные деяния, а за сочиненный им глубокомысленный афоризм: «Патриотизм — чувство биологическое, оно есть и у кошки»?

3. В прошлом — уроженец и житель сибирской станции Зима, а ныне сочинитель русофобских стишков про «пресловутое большинство», высовывающееся из «навозной кучи», недавно в Тель-Авиве примерявший израильскую офицерскую форму и красовавшийся в ней перед палестинцами, имеющий родного брата по фамилии Гангнус?

4. Недавно почивший в Бозе академик, при жизни — яростный радетель за счастье человечества, по коей причине и принимал, видимо, участие в создании водородной бомбы, народный депутат СССР и одновременно почетный гражданин Израиля, единственный из депутатов, всегда демонстративно сидевший при исполнении Государственного Гимна СССР?

5. «Историк», не имеющий ни одного научного исторического труда, но тем не менее доктор наук, ректор вуза исторического направления, внук Каменева, внучатый племянник Троцкого, по коей причине яростно требующий полной реабилитации Иудушки?

Ответы на наши вопросики-загадки:

1. Коротич В. 2. Окуджава Б. 3. Евтушенко Е. 4. Сахаров А. 5. Афанасьев Ю.».

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 21.05.90. Подп. в печ. 25.06.90. А02384.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 20,0.
Тираж 725 000 экз. Заказ 2092. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Июль в народе называют макушкой лета. Щедро раскрывает он свои кладовые. В этом месяце продолжается сбор многих лекарственных растений, из них особо ценных: цветов липы, травы зверобоя, горицвета, золототысячника, крапивы, пастушьей сумки, листа подорожника и др.

Недаром в народе говорят: «Все, что летом родится,— зимой пригодится». В июле следует начинать сбор ягод малины, цветов пижмы, листа трифоли, травы багульника, продолжается сбор грибов. Чаще начинает появляться царь грибов — белый гриб. Растет он в старых, несомкнутых березняках, в хвойных, лиственных и смешанных лесах.

Желаем успехов в сборе лекарственных трав и грибов и в сдаче их на пункты потребительской кооперации.

Управление закупок продуктов
растениеводства и лектехсырья
Центросоюза

80 коп. Индекс 70544

В 1991 ГОДУ ЖУРНАЛ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ:

Николай Вирта. **«ЧЕРНАЯ НОЧЬ».** Книга вторая. Роман-хроника о возникновении и гибели гитлеровского рейха. Первая книга опубликована в № 6, 7 «МГ» за 1990 год.

Владимир Чивилихин. **«БИОГРАФИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ».** Воспоминания писателя о времени, о людях, с которыми свела его судьба на литературном и жизненном пути.

Дмитрий Мищенко. **«ЛИХОЛЕТЬЕ ОЙКУМЕНЫ»** — исторический роман о борьбе славян в конце VI века за независимость против могущественной Византии и о вторжении в славянские земли обров. (Перевод с украинского.)

Олесь Бровко, Юрий Тараскин. **«ОДИННАДЦАТЬ»** — остросюжетная повесть о борьбе чекистов в период Великой Отечественной войны с фашистскими бандформированиями ОУН, УПА на только что освобожденной территории Ровенщины.

Арнольдо Таулер Лопес. **«ЧАСОВЫЕ РАССВЕТА»** — политический детектив о попытке ЦРУ провести операцию по уничтожению лидеров кубинской революции.

Лев Филимонов. **«ДОРОГА НА ЭВЕРЕСТ»** — документальная повесть о совместной китайско-советской экспедиции по разведке путей покорения высочайшей вершины мира и о жизни на Тибете на переломном моменте его истории.

Ванцетти Чукреев. **«ДЕНЬ И ЧАС».** Роман-хроника. В романе на строго документальной основе анализируется период в жизни Советского государства 1940—1941 годов вплоть до 22 июня, показаны реальные усилия Сталина и руководства страны по подготовке к отражению фашистского нашествия.

Свои новые работы обещали журналу: **Юрий Бондарев, Михаил Алексеев, Петр Проскурин, Иван Стаднюк, Валентин Пикуль, Николай Кузьмин, Юрий Сергеев, Сергей Михеенков;** поэзия будет представлена творчеством **В. Цыбина, И. Савельева, В. Фирсова, Е. Юшина, И. Тюленева, И. Ляпина, В. Сорокина, В. Солоухина;** нам готовят литературно-критические и публицистические статьи **М. Лобанов, В. Бушин, Н. Федь, Э. Володин, С. Королев, В. Якушев, И. Дьяков, А. Василенко, В. Литов, Г. Назаров, В. Васильев, В. Зарубин.**

Журнал планирует продолжить публикацию рассказов русских писателей и талантливых произведений современной литературной молодежи.

Напоминаем, что в розничную продажу «МГ» практически не поступает. Подписка принимается без ограничений. Наш индекс: 70544.